В.В.Пчеловод

Последний гамбит

Мистико-философский политический детектив

(Вторая редакция)

Санкт-Петербург

2002 г.

Страница, зарезервированная для выходных типографских данных

© Публикуемые материалы являются достоянием Русской культуры, по какой причине никто не обладает в отношении них персональными авторскими правами. В случае *присвоения себе в установленном законом порядке* авторских прав юридическим или физическим лицом, совершивший это столкнется с воздаянием за воровство, выражающемся в неприятной “мистике”, выходящей за пределы юриспруденции. Тем не менее, каждый желающий имеет полное право, исходя из свойственного ему понимания *общественной пользы*, копировать и тиражировать, *в том числе с коммерческими целями*, настоящие материалы в полном объеме или фрагментарно всеми доступными ему средствами. Использующий настоящие материалы в своей деятельности, при фрагментарном их цитировании, либо же при ссылках на них, принимает на себя персональную ответственность, и в случае порождения им смыслового контекста, извращающего смысл *настоящих материалов, как целостности*, он имеет шансы столкнуться с “мистическим”, внеюридическим воздаянием.

© Виктор Владимирович Пчеловод

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакторы — читателю**.....5**

Часть I. Холмс и Ватсон**.....7**

Утро. Суббота. 22 сентября 2001 года. Лондон.....7

Часть II. Расследование Ватсона**.....28**

Вечер. 22 сентября. Русские «пикники».....28

23 — 24 сентября. «Матрица».....39

25 — 30 сентября. Книги Холмса.....43

Вечер. 4 октября. Отель «Уолдорф» и «рейс 1812».....47

Часть III. Расследование Холмса**.....59**

22 — 27 сентября. Швейцария — Лихтенштейн (Цюрих — Вадуц — Женева) 59

27 сентября — 4 октября. Испания. Мадрид — Эль-Эскориал.....75

5 — 7 октября. Египет. Каир.....94

8 — 12 октября. Индия. Бомбей — Путтапарти.....109

Часть IV. Снова Холмс и Ватсон**.....136**

Утро. Суббота. 13 октября. Лондон.....136

О принципах тандемной деятельности.....138

Редакторы — читателю

1991 год был временем, когда большинство проявляло интерес к текущей борьбе разных политических сил в обществе и в КПСС за придание реформам той или иной направленности. Поэтому та часть общества, которая считала себя небезучастной к дальнейшим судьбам Родины, регулярно смотрела телевизор, покупала и выписывала множество газет, в которых одни агитировали за одно, другие — за прямо противоположное. Во множестве публикаций авторов, почувствовавших свою неподконтрольность ЦК и КГБ, встречались и глубокие размышления, но хватало и всякого вздора, проистекавшего из начавшейся коммерциализации прессы, издатели которой стремились поднять тиражи — и доходы — путём привлечения внимания ко всякой вычурности и разнородной «экзотике». Таково было то время.

Вечером, в пятницу 28 июня 1991 года, по завершении рабочей недели группа товарищей ехала на дачу, дабы отдохнуть на природе и вне городской суеты обменяться мнениями о происходящих событиях и их направленности. Заодно вместе со всяким чисто дачным скарбом прихватили с собой и не прочитанные за неделю газеты. Среди них оказался ленинградский еженедельник «Час пик» от 24 июня 1991 года № 25 (70). В нём внимание привлекла страница, заполненная картинками «Исторического пикника им. Артемиды».

Проскользнула мысль: «Что бы это значило: неужто больше нечем газетные полосы заполнить?» Но дел, которые в те времена представлялись более важными, было полно, и от вопроса «что бы это значило?» — отмахнулись: «Потом разберёмся…»

Потом настало 13 августа, и кто-то принёс выпуск всё того же еженедельника «Час пик» от 5 августа № 31 (76), в котором целый разворот был заполнен картинками и текстами под общим заголовком «Оборонный пикник». Опять встал вопрос: «Если «пикники» в «ЧП» входят в систему, то, что это за «система», и что она в них выражает?» Потом, 19 августа 1991 года «грянул путч», и о «ЧП» с его «пикниками» на некоторое время забыли. О них напомнил, уже после беловежского сговора, журнал «Молодая гвардия», поместивший картинки «Исторического пикника» в номере 1-2 за 1992 г., но с комментариями под общим заголовком: «Масоны о путче знали всё заранее».

После этого о «пикниках» и тому подобных казалось бы бессмысленных (бессмысленных, если рассматривать прямой смысл, а не символически-иносказательный) публикациях уже помнили всегда. И обменивались мнениями о них с разными людьми: как в России, так и за её рубежами. Причем вопрос «что бы это значило?» в отношении подобных явлений в СМИ собеседники часто поднимали сами по своей инициативе.

Тем временем появился третий «Пост исторический пикник», и снова — в еженедельнике «Час пик» от 17 августа 1992 года № 33 (130), словно нарочно накануне годовщины путча.

Разговоры на тему «странных» рисунков и текстов продолжались. И, в конце концов, Виктор Владимирович Пчеловод (это у него такая фамилия, а по профессии он кровельщик — проще говоря, ставит «крыши» и правит «крыши», которые съехали или изначально были поставлены неправильно) в свободное от основной работы время, устав от нескончаемого устного обсуждения одних и тех же картинок и казалось бы бессмысленных текстов, решил материалы общей устной дискуссии изложить письменно. Что у него получилось — судить читателю.

Редакторы к оригинальному тексту Виктора Владимировича, выражающему итоги коллективных наблюдений, размышлений и творчества, добавили пояснения в сносках некоторых обстоятельств и терминов.

16 декабря 2001 года.

Вторая редакция отличается от первой, изданной в конце декабря 2001 г., исправлением замеченных опечаток и ошибок; внесением в текст освещения вопросов об обратимости векторов целей и векторов ошибки управления в разных

концепциях управления и о соответствующем переходе отрицательных обратных связей в положительные и наоборот, которые остались в умолчаниях в первой редакции. Добавлены новые сноски.

1 июня 2002 года.

Часть I. Холмс и Ватсон.

Утро. Суббота. 22 сентября 2001 года. Лондон

В то сырое сентябрьское утро мой добрый приятель и сосед-квартирант Шерлок Ромеро Холмс был особенно неразговорчив. Мы едва перекинулись парой фраз во время завтрака, накрытого госпожой Гудзон с её обычной чопорной пунктуальностью ровно в 8.45. За последние несколько лет мы оба привыкли завтракать поздно — загруженность работой частенько заставляла нас засиживаться далеко за полночь, а отвратительный лондонский климат и загазованность городских улиц начала третьего тысячелетия никак не располагали к ранним моционам и *пикникам*. Боюсь показаться брюзгливым, но за последнее столетие Лондон, как, впрочем, и почти все остальные столицы мира, резко изменился к худшему.

После завтрака, вот уже добрых полчаса Холмс молчаливо изучал целую кипу газет, попыхивая своей любимой трубкой из вишневого дерева. Я же быстро пролистал утренний выпуск «Дэйли телеграф», поверхностно скользя глазами по привычно броским, сразу отбивающим охоту к чтению заголовкам, и лишь на несколько мгновений задержался в секции головоломок, кроссвордов и шахматных задач. Чтение газет давно уже стало для меня занятием совершенно пустым и докучливым, не более, чем традиционным утренним *ритуалом*, только по недоразумению унаследованным нами от наших идеалистических предков, когда-то наивно поверивших в его исключительную полезность. Тем удивительнее было сосредоточенное внимание, с которым Холмс изучал лежавшие перед ним газеты. Наконец, он откинулся на спинку кресла и, пуская из трубки кольца голубоватого дыма, погрузился в то состояние отрешенной задумчивости и полузабытья, которое всегда сопутствовало у него неимоверной, почти сократовской, концентрации мысли. Мне очень не хотелось прерывать его, но в конце концов любопытство взяло верх и я не сдержался.

— Нашли что-нибудь интересное в сегодняшней прессе, дорогой Холмс?

— Все зависит от читателя, дружище Ватсон, — загадочно ответил он, искоса посмотрев на меня, и тут же снова погрузился в раздумья.

Признаться, мне не терпелось узнать мнение Холмса об одном, всем хорошо известном событии, но я не решался спросить его о нём напрямую. Я был уверен, что его выдающийся аналитический ум не мог пройти мимо загадки, вот уже вторую неделю будоражившей внимание всех обитателей нашей планеты. Но мне так же хорошо было известно, что Холмс не любил распространяться на темы, выходящие за пределы его компетенции, или рассказывать о еще не раскрытых им преступлениях.

— Мы почти не виделись в последний месяц, а тем временем произошло немало любопытного в мире, — снова осторожно попытался я завязать беседу, — к тому же сегодня — суббота и у меня нет дел в редакции.

— Ах, Ватсон, как же вы любите ходить вокруг да около! Спрашивайте уж напрямую, — точно угадав мои мысли, несколько раздраженно ответил Холмс.

Начало было довольно обескураживающим, но и отступать было уже явно поздно.

— Вы, как всегда, угадали, Шерлок, меня интересует, что вы думаете о последних террористических актах в Соединенных Штатах. Это ли не преступление века! Тысячи жертв, неслыханные разрушения, потрясающая наглость и согласованность действий преступников на глазах

у всего мира и, одновременно — полная растерянность правительства, отсутствие сколько-нибудь ясного следа, могущего привести к поимке и наказанию виновных. Уверен, что господам из ФБР это дело окажется не по зубам! Оно словно создано для вас, дорогой Холмс. Кто еще, кроме вас, способен распутать этот загадочный конспиративный клубок! — попытался я польстить моему другу и, таким образом, расположить его к беседе. Его ответ, однако, совершенно потряс меня.

— Вы ошибаетесь, Ватсон, — раскрытие этого преступления по плечу любому школьнику или *подмастерью*, мне в нём расследовать нечего. Господа же из ФБР, не сомневаюсь, прекрасно информированы об авторах этого злодеяния.

— Но позвольте, Холмс, почему же тогда они не арестуют преступников?

— Будьте спокойны, они обязательно это сделают… и почти наверняка арестованные не будут иметь никакого отношения к событиям 11-го сентября.

Мое недоуменное молчание тягостно повисло в почти абсолютной тишине скромно обставленной антиквариатом гостиной. Было слышно лишь глухое тиканье миллеровских настенных часов, показывавших уже *девять минут одиннадцатого*. Холмс счел нужным объясниться.

— Надеюсь, Ватсон, вы не принимаете всерьез версию о причастности мусульман к этому акту агрессии?

— Признаюсь, я не знаю, что и думать. Все газеты и каналы телевидения только и трезвонят об Осаме бен Ладене и руководимых им террористах. Антиарабская истерия раздувается изо всех сил. С другой стороны, многие еще отлично помнят, как в 1995 году, после взрыва здания ФБР в Оклахоме, несмотря на аналогичную истерическую реакцию американских средств массовой информации, выяснилась полная непричастность «лиц арабской национальности» к этой трагедии. К тому же, хорошо известно, что, начиная с 1979-го года, и вплоть до самого последнего времени, само ЦРУ «выращивало» талибов и бен Ладена, которых по-моему, кто-то использовал в данных событиях втемную. Так что я затрудняюсь построить сколько-нибудь стройную версию событий.

— Что ж, поздравляю вас, дружище. Самостоятельность мышления, осмотрительность и способность не делать скоропалительных выводов на основе зыбких предположений и информации из непроверенных источников — отменные качества хорошего аналитика. Жаль только, что эти качества давно уже вышли из моды, по крайней мере, в политических и в журналистских кругах.

— А какова ваша версия, Холмс? Не станете же вы всерьез утверждать, что похищения и взрывы были организованы самими американскими спецслужбами?

— Как знать, как знать…, — промолвил мой друг и снова надолго умолк, погруженный в какие-то собственные глубокие размышления.

Я знал Холмса уже многие годы и научился уважать его тонкий аналитический ум, решительный, волевой характер и безукоризненную порядочность. Более того, мое восхищение этим человеком было столь велико, что я даже не пытался спрятать его за холодной маской корректного добрососедства и грубоватой камарадерии[1]. Постепенно и он проникся ко мне искренней симпатией, сумев оценить по достоинству мою деликатность и теплое дружелюбие, а потому всегда платил мне полной откровенностью. Не припомню случая, чтобы он попытался скрыть от меня

[1] От «comrad», «comarad» — «товарищ» в романских языках, по смыслу слово «камарадерия» близко к русскому слову «панибратство».

что бы то ни было, если его не побуждали к тому требования профессиональной этики или соображения щепетильности в отношении личных тайн доверившихся ему клиентов. Это был явно не тот случай, и колебания Холмса немало меня удивили. Я терпеливо ожидал от него объяснений, а он все медлил.

— Дорогой мой Ватсон, — наконец вымолвил он, — не считаете ли вы, что есть в жизни вещи, о которых лучше не знать? Не вы ли мне как-то цитировали одно, поразившее меня, изречение гениального русского поэта Пушкина: «тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман»?

Стоит ли говорить, что это замечание моего друга еще более подогрело мое любопытство, и я тут же поспешил заверить его в том, что, хотя, возможно, и существуют ситуации, в которых некоторый элемент интеллектуального целомудрия, недосказанности и таинственности лишь способствует улучшению взаимоотношений индивидов в обществе, — даже если они и существуют, то все же явно не имеют никакого отношения к данному случаю. Ведь в национальной культуре тех же русских понятия *правды, права и справедливости* столь неразрывно переплетены, что являются однокоренными и стали основой их мировоззрения, именуемого *Православием*. Когда-то так же было и у нас, англичан, наследников свободолюбивых кельтов. И лишь со временем слова утратили свое звучание и изначально вложенный в них смысл, так что сам профессиональный термин «*jurist*» стал фонетически подозрительно напоминать такие явно несущие негативный заряд понятия, как «journalist» и «jeweller», чтоб не ходить за примерами дальше. Я позволил себе напомнить Холмсу, что только истина делает человека свободным[1] и что горькая правда все же лучше, чем сладкая ложь, а тем более в деле такой чрезвычайной важности, как события одиннадцатого сентября, всколыхнувшие весь мир и, по всей видимости, угрожающие ему еще более страшной трагедией. Напомнил я ему и о крови невинных жертв, вопиющей, так сказать, к отмщению.

Кажется, мои аргументы убедили Холмса, ибо, словно стряхнув остатки последних сомнений, он вновь обратился ко мне с уверенной и добродушной улыбкой, встречающейся только у людей, чья убежденность в собственной правоте базируется не на самомнении и наглости, а на глубоком знании предмета и стопроцентной искренности.

— Прекрасно, Ватсон. Тогда давайте разберемся в обстоятельствах этого дела вместе, без спешки, не горячась и не тушуясь перед возможными препятствиями к его разрешению. Здесь нам может помочь только логика и холодный беспристрастный анализ, основанный на методологии, с которой меня недавно познакомили мои друзья из России.

— Согласен! — ответил я, не придав значение последним словам Холмса, и, как оказалось в дальнейшем, совершенно напрасно, — пусть этот анализ станет очередной демонстрацией эффективности всемогущего дедуктивного метода вашего прославленного прадеда, бывшего когда-то легендой среди следователей Скотланд-Ярда!

— Хорошо, что вы о нём вспомнили. Мой прадед действительно для своего времени был великим мыслителем, и я очень многим ему обязан. В нашем семейном архиве бережно хранятся не только его личные записи, но также и заметки его ближайшего друга, доктора Ватсона. Уверяю вас, что их чтение и сегодня очень поучительное занятие! Вместе с тем,

[1] От Иоанна 8: «31. Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, 32. и познаете истину, и истина сделает вас свободными».

следует отметить, что сто лет назад Шерлок Холмс совершил одну крупную ошибку, слишком дорого обошедшуюся всем нам: пока он выслеживал мелкую уголовную ист-эндскую рыбешку по предместьям Лондона, настоящие преступники из Сити сумели сплести грандиозную криминальную паутину, опутавшую к настоящему времени уже почти весь мир.

К сожалению, в те времена, даже, если кто и видел эту проблему, то не понимал её значимости и относился к ней с беззаботным юмором. За примерами далеко ходить не буду. Друг и биограф моего прадеда, сэр Артур Конан Дойль шутки ради выбрал адреса двенадцати самых крупных лондонских банкиров, пользующихся репутацией исключительно честных и добропорядочных людей, и послал каждому из них телеграмму такого содержания: *«Всё выплыло наружу. Скрывайтесь».* На следующий день все двенадцать банкиров исчезли из Лондона. Фактом своего бегства все двенадцать признали преступный и антиобщественный характер своей деятельности, но на самом деле всё обстояло куда как более серьёзно…

Бывшие финансовые аферисты, фальшивомонетчики и казнокрады постепенно сумели подмять под себя власть, университетскую профессуру, науку, захватить полный контроль над средствами массовой информации, поставить себе на службу полицию, армию и разведку стран Западной Европы и Северной Америки и начать планомерный грабеж и истребление населения запредельных стран. На их воровском жаргоне эти несчастные государства принято называть странами «третьего мира». Бороться с современными высокоразвитыми и до зубов вооруженными уголовниками стало делом почти безнадежным, а во многим случаях — и делом антизаконным, поскольку они сами же и создали своды законов для защиты своего положения.

— Готов согласиться с вашей оценкой, Холмс, но позвольте узнать, как же им это удалось?

— Здесь сыграли роль три ключевых момента: во-первых, всеобщая сосредоточенность на осуществлении мелких своекорыстных интересов и как следствие наплевательское отношение к делам общественного и глобального масштаба; во-вторых, организация широкой международной сети тайных обществ и, в-третьих, создание центральных банков и сопутствующий ему захват *монополии на печатание денег*, то есть на извлечение стоимости почти из воздуха, что по праву можно считать самым удивительным в истории актом черной *магии*. Конкретные же механизмы в осуществлении этого плана вы никогда не сможете понять, Ватсон, пока досконально не изучите яхуведческие теории нашего великого соотечественника Джонатана Свифта[1], а также русской ветви древней традиции утверждения человечности на Земле. В мою задачу не входит ввести вас сейчас в полный курс так называемой «высшей» социологии, «высшей» экономики и политики для «избранных», поскольку для этого потребовались бы годы напряженного преподавательского труда, хотя в нормальном обществе они должны были бы быть неотъемлемыми компонентами обязательного образования. Ограничимся лишь констатацией данного прискорбного факта и приступим к анализу занимающей нас проблемы.

Итак, дружище, для совершения преступного деяния особью, ошибочно относимой к виду «Homo sapiens» из семейства *гоминид*, необходимо обязательное сочетание в личности потенциального преступника трех

[1] См. «Приключения Гулливера».

факторов: 1) присутствие мотива преступления, 2) физическая и техническая возможность его осуществления, 3) отсутствие нравственных преград и страха перед наказанием, а в ряде случаев — закрытие для личности остальным обществом альтернативных линий поведения, о чём не любят вспоминать европейские и американские аналитики криминогенности, и что абсолютизировали в прошлом аналитики стран так называемого «социалистического лагеря».

Исследователи-криминалисты выявили статистику, которую их консультатны от биологии интерпретировали так, что вид «Homo sapiens» неоднороден и состоит из четырех подвидов, два из которых являются хищными и обнаруживают значительно большую предрасположенность к антисоциальному поведению, в том числе и совершению уголовно наказуемых преступлений, чем остальные. Поверьте, Ватсон, это очень любопытные теории, но в интересах экономии времени не будем сейчас заострять на них внимания. Довольно будет и анализа трех упомянутых ранее факторов. А теперь попробуйте сами оценить наличие этих компонент у предполагаемых «арабских террористов».

Я оценил тонкий ход Холмса. Дело в том, что с «арабскими террористами» я был знаком не понаслышке. Наверное, моя жизнь, как и жизнь других людей, во многом была предопределена жизнью и деятельностью моих предков, или как это принято теперь называть, — родовых эгрегоров. Вне всякого сомнения, эгрегориальным лидером нашей семьи был мой прадед, отставной офицер военно-медицинской службы сэр Джон Генри Ватсон, участник второй афганской кампании, верный друг и сподвижник знаменитого в прошлом веке на весь мир сыщика Шерлока Холмса. Поэтому не было ничего удивительного в том, что я, как и многие мужчины в нашей семье, получил хорошее медицинское образование и два года довольно успешно практиковал в госпитале при военно-морской базе Портсмут. Когда в конце 1979 года русские войска вошли в Афганистан, многие мои друзья в Портсмуте обратили внимание на «случайное» совпадение этого события со столетним юбилеем нашей неудачной второй военной кампании в Афганистане. И хотя участие моего прадеда в боевых действиях не было отмечено героическими делами, сам он считал, что вся его дальнейшая судьба была предопределена участием в этой войне. Поэтому, когда мне предложили работу в международной организации «Врачи без границ», я, не раздумывая, согласился, сказав себе — «это судьба!» Тем более я не удивился, когда эта судьба забросила меня сначала в лагеря афганских беженцев в Пакистане, а затем и в загадочный и одновременно опасный Афганистан. Очень скоро, в этом далеком от романтики крае, я избавился от многих заблуждений своей молодости, и уже не по семейным преданиям познакомился с воинами ислама, которых после 11 сентября все стали называть «арабскими террористами»[1]. Однако в Пакистане и Афганистане мне приходилось иметь дело не только с воинами ислама, но и с раненными русскими пленными. Поначалу они, видимо, принимали меня за агента Ми-6 и в моем присутствии обычно замолкали, но очень скоро, убедившись, что я не знаю русского языка, что-то горячо меж собой обсуждали. Пытаясь постичь истинные причины этой войны, в которой как мне тогда казалось, было что-то общее с войной времён моего прадеда, я стал изучать русский язык, в надежде, что русские, обсуждая свои проблемы, помогут мне лучше разобраться в

[1] Афганцы не являются арабами, а представляют собой смесь пуштунских, таджикских, узбекских и других племён.

происходящем. Убедившись, что я не пытаюсь выведать их «военные тайны», они прониклись ко мне расположением и охотно помогали в освоении языка, одновременно отвечая на мои, как им казалось, странные вопросы. Из бесед с русскими я понял, что эта война была непонятна не только таким как я, не принимавшим в ней прямого участия, но и её непосредственным исполнителям. И чем дольше продолжалось это кровавое безумие, тем больше я начинал догадываться, что все, так или иначе в него втянутые, — лишь орудие в чьих-то могущественных руках, делающих большую политику на крови. В результате, когда закончился срок моего трехлетнего контракта, я вернулся в Англию, испытав то же чувство горечи и разочарования, которые столетие назад пережил мой прадед. Круг замкнулся. Не желая более испытывать судьбу, я решил её обмануть. Для начала оставил медицинскую практику, которая давала мне средства для существования, и обратился за помощью к своему старому увлечению студенческих времен — шахматам, полагая, что эта замечательная древняя игра, позволит мне уйти от тех социальных проблем, которые стучались в двери загнивающей западной цивилизации. К такому печальному выводу я пришел еще в Афганистане, считая уже тогда, что мир стоит на пороге третьей мировой войны — войны востока и запада, войны исламской и христианской цивилизации. Но надо было на что-то и жить. На первое время мои друзья помогли мне устроиться в редакции журнала «Chess Monthly», а когда я встал на ноги, то сотрудничал и с «British Chess Magazine». Последние четыре года почти все свободное время я проводил в еженедельном интернет-издании «The Week in Chess», или, как мы все его называем, — TWIC.

Воспоминания о прошлом позволяют иногда найти определенный ответ на поставленный вопрос, но я чувствовал, что в данном случае ответ от меня и не требовался. Более того, я был уверен, что Холмс уже готов развить тему причастности «арабских террористов» к событиям 11 сентября.

— Затрудняюсь что-либо сказать по этому поводу, мой дорогой друг. Не забывайте, что я всего лишь скромный обозреватель никому не нужной шахматной макулатуры.

— Ну что ж, я готов вам помочь, Ватсон, — принял игру Холмс. — Пункт первый — мотив преступления. На первый взгляд, наличие такого мотива у «лиц арабской национальности» неоспоримо, но это лишь на первый, самый поверхностный взгляд. У американцев хватает недоброжелателей по всему свету; их посольства почти в любой стране давно уже превратились в миниатюрные военные базы. Официальное объяснение этому: «США не любят за их защиту прав человека, идеалов демократии и свободы личности», — столь же нелепо, как и вся американская пропаганда. Таким образом, теоретически «американцев каждый может обидеть», от филиппинца до македонца, и выделять тут какую-либо этническую или религиозную группу неправомерно. Скорее наоборот, если кто-то и может испытывать чувства благодарности к США, то это будут лишь представители исламских экстремистских движений, вроде ветеранов Бригады Авраама Линкольна, Армии Освобождения Косово, афганских талибов или чеченских боевиков. Басни о том, как бен Ладен объявил всем американцам войну, исказив их же собственный лозунг примерно 175-летней давности: «хороший американец — мертвый американец», — годятся лишь для промывания мозгов в наиболее деградировавших в умственном плане слоях населения. Между прочим, полгода назад трое

представителей ООН были привлечены к суду за рассылку в американские посольства факсов с угрозами от имени все того же бен Ладена. Очевидно, что кому-то уже давно было очень выгодно создавать и поддерживать в его лице образ некоего злого гения наподобие профессора Мориарти, чтобы иметь возможность списывать на него потом свои же собственные грязные делишки.

Пункт второй — техническая возможность совершения преступления. Его мы должны сразу отвергнуть, когда речь идет о таком столь блестяще спланированном злодеянии, как атака на Пентагон в Вашингтоне и Всемирный торговый центр в Нью-Йорке.

— Почему? — спросил я скорее для поддержания беседы, чем из противоречия.

— Очень просто, мой дорогой друг: потому, что руководить операцией подобного масштаба из походной палатки или пещеры в Афганистане, как нас пытаются уверить в этом нахальные газетчики и бестолковые телекомментаторы, совершенно невозможно, тем более, имея «на хвосте» половину спецслужб планеты. Сравните происшедшее в США с террористическими атаками в Израиле самоубийц-палестинцев в ходе последней Интифады, — самое большее, на что они были способны в своей неравной борьбе с агрессорами — это взорвать на себе в отчаянии рюкзак с шурупами или направить автобус на скучающую очередь пассажиров на остановке. Но это относится уже к проблематике «безальтернативности» возможностей поведения состоявшихся преступников, о которой я сказал раньше, и которую одни аналитики-криминалисты не видят, постоянно сталкиваясь с её проявлениями, а другие — абсолютизируют.

— Да, это все просто ужасно, дорогой Холмс, но я вынужден с вами полностью согласиться. Разница в уровне организации слишком очевидна.

— Таким образом, у нас остается только пункт третий: отсутствие нравственных преград и страха перед наказанием. Коль скоро речь идет о предполагаемых атаках «камикадзе», то само упоминание чувства страха кажется неуместным. Кстати, слово это взято западными журналистами из японского, а не арабского лексикона, что невольно обращает нашу память к событиям шестидесятилетней давности в Пёрл-Харборе. Тем не менее, в своих первых публичных выступлениях после терактов 11 сентября Президент Буш назвал эти атаки «cowardly acts», и я предлагаю Вам, Ватсон, хорошенько запомнить эти слова, поскольку мы еще вернёмся к ним чуть позднее.

Что касается нравственных преград, то пока во Всемирной истории их полное отсутствие, более чем кто-либо другой, систематически демонстрировало правительство самих Соединенных Штатов. Достаточно вспомнить варварские «ковровые» бомбардировки немецких городов в годы второй мировой войны, направленные исключительно против гражданского населения и унесшие сотни тысяч невинных жизней, атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, также не являвшиеся военными объектами, испытание химических видов оружия во Вьетнаме и испепеление там напалмом целых деревень со всеми жителями, применение запрещенных видов оружия с обеднённым ураном в Ираке и Югославии, и так далее. Обвинять при этом каких-то мифических «исламских террористов» в презрении к человеческим жизням — значит валить с больной головы на здоровую. Я читал Коран и пришел к выводу, что коранический ислам — одно из самых миролюбивых и человечных вероучений. Тем не менее, вся история показывает, что на протяжении

веков практически во всех национальных обществах действует одна и та же международная сила, которая творит свои грязные дела, становясь под чужие знамёна, прикрываясь чужими лозунгами, и потому исторически реальный ислам тоже не застрахован от её проникновения в руководство вполне благонамеренными общественными движениями с целью их извращения для достижения своих интересов.

Ну а безграмотные газетчики и воспитываемые ими правительства Запада не способны отличить коранического ислама, от ислама исторически сложившегося, точно также как они не способны понять разницу между учением Христа и исторически сложившимся христианством.

— Я вполне доверяю вам, Холмс. Я готов согласиться с тем, что официальная версия происшедших событий, муссируемая средствами массовой информации, не выдерживает никакой критики, но кто же тогда настоящий виновник этой агрессии? Ведь сам факт атаки вы не отрицаете?

В этот момент Холмс сделал одну их тех театральных пауз, любовь к которым он в полной мере унаследовал от своего гениального прадеда, и, словно заранее предвкушая эффект от своих слов, тихо, но отчетливо произнес:

— Именно отрицаю.

Должен признать, что, если целью моего друга было ошеломить меня неожиданностью и очевидной абсурдностью своего заявления для того, чтобы сбить меня с накатанной колеи бездумных рассуждений по привычным шаблонам, и заставить таким образом думать самостоятельно, то он её несомненно достиг.

— Вы, конечно, шутите, Холмс? — не нашелся я сказать ничего лучшего. Выражение моего лица, видимо, свидетельствовало о столь сильном смятении, что мой собеседник поспешил прийти мне на помощь.

— Не волнуйтесь, Ватсон, я не свихнулся и не стараюсь вас разыграть. Понимаю, что вам должно быть нелегко уследить за ходом моих мыслей ввиду ограниченности информации, находящейся в вашем распоряжении и отсутствия привычки к её систематизации и анализу.

— Помилуйте, Холмс, но ведь мы все видели собственными глазами… Самолеты, пассажиры-заложники, взрывы, пожары, обрушение зданий, завалы, тысячи жертв… — Что может быть реальнее этого?

— Ну, например, Годзилла[1] или тиранозавр Рекс! — заразительно расхохотался Холмс, выпустив при этом густые клубы дыма и закашлявшись.

— Вы меня мистифицируете!

— Отнюдь, дружище, я говорю вполне серьезно.

— Какие же у вас имеются основания для подобного заявления?

— А вот какие, — промолвил Холмс и указал на стопку газет на секретере, которой я не видел вчера вечером.

Такого поворота разговора я уж никак не ожидал.

— Но ведь вы только что сами ругали газетчиков, и, кстати, совершенно справедливо!

— Ах, мой добрый друг, вы принадлежите к той очаровательной категории людей, чья честность граничит с простотой, которая иногда хуже воровства, а доверчивость и открытость характера зачастую предстает как ограниченность и глупость. Говорю это совсем не для того,

[1] Годзилла — монстр, сверхгигантский динозавр, размерами с «низкорослый» небоскрёб, из одноимённого фильма.

чтобы вас обидеть, скорее напротив, примите как комплимент. Бич нашего времени — это как раз ваши антиподы: индивиды нахальные, поверхностные и бессовестные, чья начетническая говорливая бойкость зачастую ошибочно воспринимается, как эрудиция и рафинированность интеллекта. Впрочем, простите, я, кажется, отвлекся от темы нашей беседы. Итак, Ватсон, позвольте вам заметить, что никакого противоречия в моих словах нет. Все дело в том, что вы, как и большинство современных образованных европейцев и американцев, давно смирившихся с продажностью средств массовой информации, как с неизбежным злом, тем не менее, даже не подозреваете, что у этих самых mass media могут быть и какие-то иные функции, помимо систематического оболванивания наших несчастных сограждан.

— Помилуйте, Холмс, какие же у них еще могут быть функции?

— Например, информативные. Да, да, не удивляйтесь, Ватсон, средства массовой информации могут также использоваться и для распространения целевой, в смысле управленчески значимой, информации, сколь бы парадоксальным вам это не казалось!

— Хорош парадокс!

— Но только выделить и воспринять её на фоне «помех» — своеобразного информационного шума, предназначенного для толпы, — могут не все, а лишь те, кому информация адресована, а также и те, кто точно знает, что именно и где следует искать.

— Уж не имеете ли вы в виду зашифрованные послания в отделе рекламы?

— И их тоже. Однако не думайте, что они должны быть непременно зашифрованы. Достаточно использования некоторых ключевых слов или чисел для включения повышенного внимания адресата и вплетения в текст набора стандартных узнаваемых образов. Остальное можно компенсировать игрой слов, иносказательностью — последовательным выстраиванием в статьях того, что у кино- и театральных режиссеров и постановщиков принято называть подтекстом, и что некоторые искусствоведы называют «вторым смысловым рядом», который обычно не воспринимается при поверхностном чтении. Уверяю вас, Ватсон, при умении создавать и прочитывать второй смысловой ряд некоторых текстов, эффект может быть потрясающий.

— Признаюсь, Холмс, я по-прежнему не вполне понимаю вас.

— Хорошо, попробую объясниться. Вы не обратили внимания на странную чехарду с числом 11 в контексте занимающих нас событий?

— Конечно! Об этом было много разговоров в последнее время; тут действительно очень много странного: нападение произошло 11-го числа 9-го месяца; это 254-й день в году; сумма цифр 2+5+4 дает нам также 11; до конца года остается при этом 111 дней; первый таран северной башни ВТЦ (Всемирного торгового центра) был осуществлен угнанным пассажирским авиалайнером, выполнявшим рейс компании American Airlines № 11. На его борту находилось при этом 92 человека, то есть, опять таки, 9+2=11, включая 2-х пилотов, 9 членов экипажа и 81-го пассажира. Наконец, сами здания торгового центра в Нью-Йорке — 111-ти этажные башни, представляют собой самое громадное в мире число 11 высотой 411 м.

— Блестяще, Ватсон! Добавьте к этому, что и во втором самолете компании United Airlines, протаранившим южную башню, находилось пятьдесят шесть пассажиров, что дает нам то же число — 11 при сложении 5+6. Из прессы и телевидения известно также, что несчастные жертвы

чудовищных преступлений одиннадцатого сентября пытались дозвониться со своих мобильных телефонов по номеру emergency line, удивительным образом состоящим из той же комбинации цифр — 911, также дающих в сумме 11. И вас это не настораживает, Ватсон?

— Несомненно, все эти совпадения чрезвычайно странны, и они, конечно же, произвели на меня очень сильное, в каком-то роде даже мистическое впечатление. Ощущение такое, что-либо это проявление неисповедимого Божьего промысла, либо печать чьего-то беспримерного по дьявольской извращенности ума, некоего преступного гения, не имеющего аналогов в истории, осмелившегося бросить вызов самому Провидению, но намного превосходящего в своей высокомерной заносчивости даже упомянутого вами профессора Мориарти!

— Ну, дружище Ватсон, вы несколько переборщили в своей оценке, не следует обижать классиков криминального жанра! Конечно, все эти каббалистические штучки на многих действуют завораживающе (ради чего они и делаются), но ничего особо мудрёного в них нет — обычное арифметическое баловство.

— Хорошенькое баловство, столько людей погибло! — не удержался я, — но кто же, по вашему мнению, Холмс, может стоять за этими чудовищными преступлениями?

— К подлинному количеству жертв мы еще вернемся, пока же хотел бы обратить ваше внимание, Ватсон, на мнение моего старого приятеля по Оксфорду Шломо бен Ами, еще не так давно исполнявшего обязанности министра Внутренней Безопасности Израиля, человека очень неглупого и весьма сведущего. Так вот, в одном из недавних интервью он заявил, что организация криминальных актов в Соединенных Штатах столь впечатляюща, что за всем этим несомненно стоит «Террористический Интернационал».

— Очевидно, он имел в виду группу экстремистских исламских организаций. Что же тут необычного, дорогой Холмс, ведь теперь все о них только и говорят?

— Не сомневаюсь, что вы не единственный, кто именно так его и понял. А между тем, ему должно быть хорошо известно о полном отсутствии надежных источников финансирования и координации даже между немногими пропалестинскими радикальными группировками, такими, как Хамас, Хизболла, Исламский Джихад или НФОП, действующими лишь в рамках очень ограниченного региона. Говорить же о каких-то их связях с Sendero Luminoso или Аум Синрике совсем нелепо.

Кроме того, не лишне вспомнить, что в Коране нет готовой к употреблению глобальной социологической доктрины, подобной той, которая с неизменным постоянством провозглашается в Западной цивилизации в разных формах хотя бы на протяжении последних двух столетий: от киплинговской «миссии белого человека» до «весь мир — шахматная доска» Збигнева Бжезинского. К тому же на протяжении уже добрых полутораста лет на нашей планете действует превосходно отлаженная и обильно подкармливаемая международная сеть террористических организаций, представляющих более сотни государств, и она-то как раз и носит неизменно название «Интернационал».

— Помилуйте, Холмс, уж не троцкистов ли вы имеете в виду? Да это же просто смешно. Троцкого уже 60 лет как нет на этом свете. О марксизме все забыли! — невольно вырвалось у меня, и я тут же пожалел об излишней

резкости своей реплики. Мой друг в ответ выгнул в едва заметном удивлении свои густые брови и пристально посмотрел на меня.

— Вы полагаете, Ватсон?

Мне стало крайне неловко. Я достаточно хорошо знал Шерлока Холмса, чтобы подозревать его в поверхностности и верхоглядстве, но уж слишком нелепо выглядела эта его версия о возможной причастности к преступлению века каких-то анонимных группок полоумных марксистов, живущих представлениями о мире, безнадежно устаревшими еще до момента их появления на свет. Как бы то ни было, я поспешил загладить свою бестактность.

— Простите меня, мой дорогой друг, но то, что вы говорите, столь необычно… прошу вас, продолжите вашу мысль.

— Я ничуть не обиделся, Ватсон. Мне хорошо понятно ваше удивление, но смею вас заверить: то, что вы сейчас услышите, ошеломит вас еще больше.

— Обещаю не прерывать вас более.

— Вам должно быть известно, Ватсон, что I Коммунистический Интернационал был создан в нашем городе при непосредственном участии Карла Маркса в 1864 году. Теоретически целью его создания было координирование террористической подрывной деятельности в Европе, но, учитывая склочный характер Карла, его амбициозность и отсутствие у него каких-либо организаторских способностей, эффективность работы этих карбонариев была невелика. Очень скоро его личный конфликт с Бакуниным, открыто презиравшим этого мелкого бородатого буржуа, интригана и потомка раввинов, привел к расколу организации, и, поскольку большинство её членов оказались явно не на стороне Маркса, то последний счёл за лучшее вообще её распустить.

После смерти «вождя мирового пролетариата» его верный соратник Фридрих Энгельс основал в 1889 году II Коминтерн, составленный уже исключительно из марксистских группок, хотя и скрывавшихся под социал-демократическими вывесками. И эти конспираторы занимались в основном мелкотравчатым терроризмом, внутренней междоусобной грызней, сектантскими склоками и борьбой за партийную кассу, пополнявшуюся, как вы понимаете, дорогой Ватсон, отнюдь не за счет рабочих пенсов, сантимов, пфеннигов и копеек, и вовсе не на пожертвования вдов и сирот. Ввиду внутренних противоречий и отчасти стараниями моего прадеда второй Интернационал почти развалился к моменту начала первой мировой войны, и навряд ли он оставил бы в истории больший след, чем его предшественник, если бы не крошечная российская партия РСДРП, а вернее её наиболее боевое крыло, возглавлявшееся способным и творческим марксистом Ульяновым, вошедшим в историю под именем — Ленин. Не буду утомлять вас описанием закулисной подоплеки трагических событий в России и в мире начала XX века, Ватсон; скажу лишь, что пришедшие к власти под знаменами популярного в рабочей среде народов России большевизма троцкисты создали в 1919 году новый, III Интернационал, который был распущен по личному указанию настоящего большевика Сталина после Тегеранской конференции 1943 года.

Казалось бы, мировая буржуазия должна была торжествовать, избавившись от пущенного Марксом бродить по Европе «призрака

коммунизма»[1], но не тут то было. Начатая Сталиным в Советском Союзе кампания по борьбе с безродными яху-космополитами подтолкнула их североамериканских покровителей к воссозданию Коммунистического Интернационала, почему-то получившего на этот раз название социалистического, дабы обыватель не связывал новую организацию с ужасами «коммунистической» революции и властью большевизма. Произошло это в 1951 году в Лондоне; прошу вас, запомните эту дату, Ватсон. Именно IV Интернационал призван был остановить распространение по Европе идей большевизма-сталинизма, который западный обыватель не отличает от марксизма-троцкизма.

— Простите, Холмс, но я все же не до конца вас понимаю: не хотите ли вы сказать, что IV Интернационал был создан в 1951 году правительствами капиталистических стран во главе с США?

— Да, вы поняли меня совершенно правильно, Ватсон. Тем, кто на протяжении последних четырёх тысячелетий упрямо рвётся к мировому господству, было необходимо заполнить образовавшийся после крушения гитлеровского национал-социализма идеологический вакуум для сохранения политического контроля над массами и поддержания иллюзии плюралистической модели управления. Заметьте, что новоиспеченная организация вовсе не была фиктивной: её членами являлись такие заметные на европейской политической арене партии-ложи, как английские лейбористы, французские социалисты, немецкие социал-демократы, а с 1974-го года и испанские рабочие социалисты, PSOE. Между прочим, входила в него и социал-террористическая партия Сальвадора Альенде, разгромленная во время путча генералом Пиночетом, начавшегося, по странному совпадению, также 11 сентября 1973 года. Кстати, его арест в Англии и дальнейший судебный процесс над ним — своеобразная месть буржуазным демократам со стороны марксистов-троцкистов, позиции которых в мире в последнее время значительно упрочились. О влиятельности последнего Интернационала свидетельствует также и его внушительная информационная сеть, раскинувшаяся по всему миру. Во главе её стоит одно из ведущих американских изданий *The New York Times*, с которой солидарны такие газеты, как «Le Mond», «The Washington Post», «El Pais», «La Repubblica» и многие другие — всех не перечесть. В эту же глобальную информационную сеть входят и ведущие телевизионные каналы мира. Штаб организации находится по-прежнему в Лондоне, как и 137 лет назад. Опять, как видите, сумма цифр — 11.

— Но почему же нам почти ничего о ней не известно? Что-то не припомню публикаций в прессе о Конгрессах столь могущественной организации. А ведь она должна уже была отметить своё 50-летие!

— Так ведь она его и отметила, дружище Ватсон: на глазах у всего мира, с фейерверками, хлопушками и большим количеством дыма! Помянув заодно павших в борьбе чилийских товарищей (не забывайте, что здания ВТЦ были построены в 1972 и 1973 годах!), изрядно подзаработав на организации *банкета* и наварив немалые политические дивиденды для своих скрытых и явных сторонников. Разве вам этого мало?

— Уж не хотите ли вы сказать, Холмс, что это Тони Блэр… взорвал башни ВТЦ?

[1] «Призрак коммунизма» — выражение точное, поскольку этот «призрак» более чем на столетие закрыл сам коммунизм от сознания людей.

— Не следует доводить сказанное мной до абсурда, Ватсон, но, поверьте, — наш собственный премьер значительно ближе к организаторам этого преступного шоу, чем какой-то бен Ладен.

— Это очень сильное утверждение, Холмс! Надеюсь, у вас имеются и более веские доказательства его основательности, чем приведенные до сих пор умозаключения?

— Разумеется, друг мой, разумеется… и немало…

Холмс поднялся и, подойдя к старинному секретеру красного дерева, достал с верхней полки пачку бумаг. Пока он неторопливо перелистывал их, мне на расстоянии показалось, что это были ксерокопии каких-то писем и газетных статей. Наконец, он отобрал то, что искал, и, подойдя ко мне, протянул несколько листов: «Вот, взгляните, Ватсон, хотя бы на это». Я поблагодарил его и с любопытством погрузился в чтение. Сверху находилась копия статьи некоего Джона Кифнера из «Нью-Йорк таймс», она была озаглавлена так цветисто и бездарно, как это обычно и принято у янки: «American Flight 11: A Plane Left Boston and Skimmed Over River and Mountain in a Deadly Detour». Возможно, замысел автора в том и состоял, что утомленный чтением заголовка читатель не найдет уже в себе сил на дальнейший разбор его галиматьи.

— Обратите внимание на дату, Ватсон, — посоветовал мне Холмс.

— 13-е сентября 2001 года, — прочитал я, — А что в ней такого примечательного? Вы же знаете, что я не суеверен, мой дорогой Холмс.

— Вы — нет, но не забывайте, что для этих господ числа обладают особой, магической значимостью, а число 13 у них самое наилюбимейшее. Разве вам не приходилось сталкиваться с подобными субъектами?

— По правде, нет… не приходилось… хотя, постойте, ведь точно! Я был знаком с одним таким типом, он постоянно везде кричал, что число 13 ему приносит удачу. Но вы его наверняка не знаете.

— Вот видите, Ватсон, тут не всё так просто. Не забывайте, что эта газета — пропагандистский флагман четвертого интернационала. Читайте внимательно.

Я начал читать. Статья была небольшой по объему, но на редкость бессвязной. Создавалось впечатление, что автор силился что-то сказать читателю, но ему то ли явно не хватило выразительных средств для этого, либо он вынужден говорить на людях о том, о чём по каким-то причинам не мог сказать прямо, и поэтому некоторые отрывки и вовсе казались лишенными смысла. Если бы не настойчивость Холмса, я бы и не подумал обратить на неё хоть какое-нибудь внимание. Приводилась знакомая уже мне по другим источникам статистика по рейсу AA11: двое пилотов, девять flight attendants и 81 пассажир — конечно, многовато стюардесс, но и самолет не маленький — Boeing-767. Несколько странным показался мне следующий пассаж:

«A seemingly everyday mixture: a television producer, some businessmen, a retired ballet dancer, an actress and photographer, a young man who had made a success in the new technology economy».

Честно говоря, перечисленный в абзаце газетной статьи контингент пассажиров — продюсер, балерина, актриса, фотограф и удачливый специалист по «новым технологиям» — вопреки утверждению автора, отнюдь не казался мне особенно типичным для регулярного авиарейса: по моему глубокому убеждению, теле-продюсеры давно уже предпочитают летать на собственных самолетах. Но с другой стороны, речь ведь идет о

рейсе Бостон — Лос-Анджелес, — одному Богу известно, кто там у них обычно летает.

Далее г-н Кифнер почему-то счёл необходимым подробнейшим образом захронометрировать прохождение авиалайнером трассы с момента взлета и до самого его, с позволения сказать, «прибытия в пункт назначения», с приведением множества цифровых статистических данных — как будто он описывал этап Тур де Франс, а не трагическую гибель десятков людей. Несколько необычным выглядело по версии автора и орудие совершения преступления: припрятанные «среди бритвенных принадлежностей» ножи и *box cutters,* — какой именно предмет должно было означать сие последнее орудие, осталось мне непонятным. Выяснилось, что едва ли не главным источником информации для живописаний г-на Кифнера послужила газета «*The Christian Science Monitor*», почему-то оказавшаяся лучше всех в курсе обстоятельств злодейского преступления. Привлек мое внимание следующий абзац со ссылкой на эту газету, объясняющий дьявольскую хитрость угонщиков, с помощью которой им удалось убедить пилотов уступить им управление «живой ракетой»:

«Don’t do anything foolish; you won’t be hurt», the newspaper reported that the hijacker said, quoting air controllers: «We have more planes. We have other planes».

«Не делайте глупостей, и вам не причинят вреда. У нас есть еще самолеты. У нас есть другие самолеты».

Будь я на месте пилотов, упоминание террористами о наличии каких-то еще самолетов не успокоило бы меня, а скорее бы насторожило и заставило хорошенько подумать, прежде чем уступить штурвал группе маньяков. Поскольку уж эта фраза «случайно» оказалась услышана наземными диспетчерами и немедленно распространена телевизионщиками по всему миру, то логично было бы предположить, что ей было придано «четвертой властью» значение, обращенное не к мёртвым к тому времени пилотам, а к кому-то другому. Но к кому? Об этом в статье, однако, не было сказано ни слова.

Я продолжил чтение. Автор, видимо, не удовлетворился достигнутым уже драматическим эффектом и решил развить тему пассажиров. Актриса и фотограф оказались на поверку одним и тем же лицом, а именно, — 53-летней вдовой актера Энтони Перкинса, известного по фильму сэра Альфреда (Иосифа) Хичкока «Психоз». Воистину, пути Господни неисповедимы! Еще один пример того, как судьба играет человеком, если, конечно, не предположить, что кто-то специально был рожден, чтобы подыграть ей и «сказку сделать былью». Сказку, кстати, прескверную. Дэвид Ангелл, продюсер телевизионной комедии «Frasier» с супругой Линн, балерина в отставке по имени Соня Пуополо, бизнесмены, специалисты по software и hardware: Даниэль Левин и Роберт Хайес, — нагромождение фамилий, чисел, непонятных ассоциаций. Напоследок, борзописец решил хлопнуть дверью и допустил два очевиднейших ляпсуса: вначале он явно ошибочно указал высоту нахождения самолета перед столкновением со зданием ВТЦ — 900 футов, в то время, как удар пришелся поверх 90-го этажа 411-метрового здания, то есть никак не ниже отметки в 1100 футов; затем умудрился неправильно привести и время первого «тарана» — вместо 8:45 поставил почему-то 8:48.

— Ну, что скажете, Ватсон? — услышал я хрипловатый голос моего друга.

— Много странного, приведена масса неточных и явно ошибочных данных, по стилю — отвратительно; я бы такого журналиста немедленно выгнал из редакции.

— Не торопитесь с выводами, дружище, это написано одним из наиболее уважаемых и профессиональных авторов флагмана интернациональной журналистики, а статья была перепечатана многими изданиями с миллионными тиражами по всему свету, со всеми её очевидными ошибками. Что-то явно ускользнуло от вашего внимания.

— Возможно, Холмс; признаюсь, мне нелегко было сконцентрироваться на этой писанине.

— Прочтите теперь вот это, Ватсон. Из того же номера «The New York Times» за тринадцатое сентября. И еще одну статью того же автора, Вильяма Глаберсона, опубликованную днём раньше.

Я покорно последовал совету моего друга. Не могу сказать, что г-н Глаберсон произвел на меня впечатление более одаренного писателя, чем его собрат по профессии Кифнер. Столь же рваное, несвязное изложение фактов, казенный язык, отсутствие последовательности в аргументации. Тем не менее, я старался быть максимально внимательным, чтобы не упустить что-нибудь важное. И кажется, на этот раз мне это удалось. Закончив чтение, я молча поднял глаза на Холмса, — и он немедленно уловил перемену моего настроения.

— Я вижу, Ватсон, что вы уже почти готовы со мной согласиться, а ведь я еще пока не раскрыл почти ничего из содержания имеющихся у меня на руках документов. Я мог бы показать вам массу любопытных материалов из английских, французских, итальянских, испанских, немецких и русских газет. У меня много друзей по всему миру, и они считают своим долгом держать меня в курсе последних событий. Своей репутацией я, видимо, обязан, в первую очередь, моему великому родственнику.

— Холмс, позвольте вас спросить, когда и как вам удалось докопаться до истины в этом деле?

— Признаюсь, Ватсон, что поначалу я, так же как и вы, был обуреваем сомнениями: было ясно, что за акцией подобного масштаба стоят чрезвычайно могущественные организации, обладающие властью, материальными средствами, вооруженные последними технологиями, но вот какие именно? Первые подозрения у меня зародились уже во вторник при просмотре кадров прямой трансляции из Манхэттена: вы обратили внимание на тот эффектный маневр, исполненный пилотом второго авиалайнера Boeing-767, рейса UA175 перед заходом на таран южной башни? В том развороте чувствовалась не просто высочайшая квалификация воздушного аса, явно недоступная террористам, пусть даже и взявшим несколько уроков пилотирования на тренажере для аппаратов этого типа. Понятно, что новичку-любителю было бы не по силам выполнить такой маневр, да еще и вписаться на скорости более пятисот километров в час в самый центр здания шириною всего в 60 метров при размахе крыльев собственной машины в 47 метров с лишним. Это понятно любому автолюбителю, делающему первые попытки въехать на большой скорости в узкие ворота. Но дело даже не в этом, Ватсон. В нём чувствовалась эстетическое совершенство хореографии, да, да, вот именно — эстетическое совершенство хореографии! Чувствовалась рука опытного сценариста, оператора и постановщика, знавших заранее, что снимаемые ими кадры будут прокручены затем сотни раз перед аудиторией в миллиарды зрителей! И потом эти бесконечные голливудские повторы с

разных углов и на любой вкус, почти сразу, с панорамными видами, с драматическими эффектами в виде испуганно отпрянувшего от взрыва анонимного очевидца, но всегда в незамедленной съемке и не слишком близко, чтобы нельзя было разобрать некоторые неудобные детали. Настораживал также и тот факт, что заснят оказался и момент атаки первого самолета, но это уже так, к слову. Весьма странным показалось мне и отсутствие вертолетов спасателей: ведь здания ВТЦ простояли более часа, прежде чем обрушились, и за это время вполне можно было организовать операцию спасения несчастных, оказавшихся заблокированными на верхних этажах. Очевидно, кому-то было выгодно, чтобы непосредственных свидетелей того, что происходило внутри зданий, выжило как можно меньше.

Постепенно начали просачиваться первые сведения о количестве жертв; правда, далеко не сразу, так как по непонятным причинам они поначалу оказались засекречены (и это в стране, претендующей на роль чемпиона демократии и свободы слова!), точно так же, как и списки пассажиров угнанных самолетов, что было уже совсем нелепо. Ссылки на повышенную деликатность американских информативных средств перед трагедией беспримерного для США масштаба едва ли способны хоть кого-нибудь обмануть. Всем отлично известно, как обожают янки смаковать любую грязь, низость, пошлость, убийства, страдания и кровь. Кто, если не сами американцы, придумал транслируемые по CNN в прямом эфире «телевойны» с применением ультрасовременных видов оружия, всяких там точечных и «умных» ракетных и бомбовых ударов? И ведь вот что интересно, Ватсон: в двух зданиях ВТЦ обычно работали около 50 тысяч человек, не считая туристов; по свидетельствам очевидцев лишь очень немногие покинули их после взрывов и вплоть до коллапса башен. По первым, предварительным оценкам, количество жертв должно было исчисляться десятками тысяч, а что выяснилось впоследствии? Как любил повторять мой прадед, очень трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно, если её там нет!

— Полностью согласен с вами, Холмс, это обстоятельство мне тоже показалось очень подозрительным. За неделю найдено было всего около двух сотен тел погибших или их частей, а опознано не более 30 — 40, что, конечно же, значительно меньше самых «оптимистических» прогнозов. Кстати, представителям прессы и просто любопытствующим был запрещен доступ в морги для пересчета останков, — согласно официальной версии, «чтобы их не травмировать». Сейчас, правда, журналисты придумали новую категорию — пропавших без вести, и их число с каждым днем растет. Как будто в ВТЦ работали бездомные бродяги, не состоявшие нигде на учете, которых никто даже и не хватился в первые дни.

— Ватсон, прошу вас, обратите внимание и на конкретные данные по числу «пропавших без вести»: через десять дней после катастрофы их было «ровно 5422». По правде, я уже грешным делом и ожидал чего-то подобного: сумма цифр равна 13, ясно видна девятка при сложении двух первых членов, да и одиннадцать присутствует. Фантасмагория продолжается!

— Удивительно! Но скажите, Холмс, когда ваши подозрения переросли в уверенность?

— После того как выяснилось, что реальное число пострадавших в несколько раз меньше ожидаемого, логично было предположить, что в зданиях находилось значительно меньше служащих, чем обычно. Отбросив

фактор счастливой случайности, можно прийти к выводу, что о готовящемся нападении знали заранее. И именно к этому выводу я и пришел. Приняв его за рабочую версию, следовало установить возможные мотивы организаторов и соучастников преступления. Очень скоро такие данные были у меня на руках. Сами же американцы немедленно занялись изучением так называемых «коротких продаж» акций, то есть, продажи акций третьим лицам с целью последующей скупки после снижения котировки на бирже, — особенно с участием непосредственно пострадавших от нападения компаний. Аналитик брокерской фирмы «Teather & Greenwood» Ричард Кроссли установил: такие продажи, причем в массовых размерах, действительно имели место в период, непосредственно предшествовавший «черному вторнику» и превышали обычный уровень активности в десятки раз. Сейчас к следствию уже подключилось американское Управление финансовых служб, компетентные финансовые органы Японии, Германии, Франции, Швейцарии и Италии. Если данные Кроссли будут официального подтверждены, меня это нисколько не удивит. Впрочем, учитывая вовлеченные в это дело колоссальные, поистине глобальные политические интересы, этого может и не произойти. Слишком серьезные силы заинтересованы в том, чтобы официальный миф заместил в сознании людей правду о трагедии. Для нас же особый интерес представляет тот факт, что главным съемщиком офисов в ВТЦ являлась компания Морган Стэнли, занимавшая целиком около тридцати этажей в двух зданиях. Её связи с Интернационалом общеизвестны: компании Дж. Моргана финансировали еще Льва Троцкого со всей его командой террористов в период подготовки революции 1917 года в России.

Тем не менее, Ватсон, несмотря на наличие очевидных и неоспоримых экономических интересов, они отходят на второй план перед воистину грандиозными геополитическими перспективами, открывшимися для определенных заинтересованных кругов в США благодаря этому «самострелу». Заполучить себе такого грозного и расплывчато локализованного врага, как «*международный терроризм*» с явно исламским оттенком, но не исключающим и сотрудничества с ним любых других «преступных наций и государств», да и просто «врагов миролюбивого американского народа», — об этом интернационалисты США только и мечтали со времен развала СССР. Теперь мечта эта сбылась, и мы стоим на пороге очередной мировой войны «*добра со злом*»; то есть, с одной стороны, вечно гонимого народа-мученика, страдальца и жертвы беспримерного террористического холокоста в Нью-Йорке и Вашингтоне — США, а с другой стороны, сил зла, представленных, в первую очередь, преступным гением бен Ладена, а затем — исламскими фундаменталистами, просто мусульманами, арабами и, наконец, любыми другими индивидами, группами и странами, потенциально «сочувствующими террористам».

— А как же сам Буш, ведь он производил впечатление человека, искренне потрясенного случившимся; неужели и он на стороне заговорщиков?

— Реакцию Буша можно понять: он оказался в положении мужа в той самой трагической ситуации, о которой именно супруг обычно узнает последним. Несомненно, он вполне обоснованно принял на собственный счет ту знаменитую теперь фразу «террористов»: «*Не делайте глупостей, и вам не причинят вреда*», — недаром он сразу же бросился прятаться на

военной базе в Луизиане. Вероятно, он быстро вычислил, чьих это рук дело, и даже набрался мужества охарактеризовать нападение, как «коварный акт». Но для многих было не трагично, а весьма забавно наблюдать за первым лицом государства-сверхдержавы, бегающим как заяц, от неизвестно кого и называющим, притом, этих инкогнито «трусами». Его слезы на пресс-конференции также были весьма натуральными и свидетельствуют о его нешуточной озабоченности проблемами собственной безопасности. На всякий случай, 12 числа его еще раз припугнули в прессе, напомнив о судьбе «любимых народом президентов» Кеннеди и Рейгана. У меня сохранилась копия статьи Джона Карлина из троцкистской газетки «El Pais» под красноречивым заголовком «Раненный американец». Впрочем, сейчас он, похоже, уже полностью пришел в себя и, судя по его выступлению в Конгрессе 20 сентября, которое очень напоминало выступление Адольфа Гитлера в Нюрнберге 11 сентября 1935 года, вполне освоился со своей новой ролью и стоящими перед ним задачами. Как вы думаете, Ватсон, что означает его фраза, которой Конгресс США аплодировал стоя: «Сегодня каждый должен сделать для себя выбор — либо он с Америкой, либо — с террористами!».

— Затрудняюсь ответить, Холмс.

— Это своеобразный пароль, известный всему миру с начала XX века как лозунг троцкистов: «Кто не с нами, тот против нас!»[1] И, если я не ошибаюсь, он ими взят из Библии.

— Как же это понимать, дорогой Холмс? Как доказательство личной преданности президента Соединенных Штатов троцкистам?

— Ну, не так прямолинейно, Ватсон. Скорее всего, Буш этого даже не понимает, но его спичрайтеры, возможно, таким образом присягают на верность хозяевам IV интернационала.

— Еще два вопроса, мой дорогой Холмс, если вы не возражаете, конечно.

— С удовольствием, Ватсон.

— В статьях из «Нью-Йорк таймс», которые вы любезно предложили моему вниманию, несколько раз повторяется одно и то же слово, оставшееся мне непонятным.

Холмс с готовностью взял в руки ту самую пачку бумаг, которая побывала уже у меня.

— Вы, очевидно, имеете в виду второй абзац сверху из статьи мистера Кифнера о рейсе AA11? — он начал читать вслух:

«Capt. John Ogonowsky was at the controls, a 50-year-old veteran pilot who lived on a farm north of the city and was looking forward to a family picnic on the weekend.»

— Да, именно его! Как вы догадались?

— Ну, это было совсем не трудно, Ватсон; а оценили ли вы юмор, связанный с именем пилота и его возрастом?

[1] Первооснова — в Новом завете: Лука, 11:23.

ПОСТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПИКНИК
КАРТА ПРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ
Игра в карты второе по популярности занятие в нашей стране.
Первое место занимают революции.
Революции перекраивают и смешивают карты, отчего игра становится еще интересней, потому что без правил.
Проводя время за картами, главное — помнить, какие именно уже вышли из игры.
Напоминаем игрокам и революционерам, что эта карта — уже бита.
Свободной России свободную любовь!
УгОМОН
Банк Крот
ОЗЕРО
ВИВАТ РОССИЯ!
Выстрел по Авроре
ЖЕЛТЫЙ ДОМ
Дома, в которых не жил Ленин
АРМИЯ, СТАЛИН, — СПАСЛИ ТЕБЯ, МОСКВА!

ЛЕБЕДИНОЕ
НАРОД
МЕСТО ВАЖНЕЙШИХ ТУСОВОК
Светлый путь СОБЧАКА
Туалеты, занятые путчистами
ОЧЕНЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ
Сводно-публичные отряды
ПРИДЕМ К ИЗОБИЛИЮ КОММУНИЗМА!
ТЕЧЕТ ВОДА МОСКВЫ-РЕКИ КУДА ВЕЛЯТ БОЛЬШЕВИКИ
Большой цирк Шапито
Любимцы коммунистов
Слуховой аппарат ЦК

— Разумеется, я не мог не обратить на него внимания, тем более, после всего того, что вы мне рассказали о четвертом интернационале и годе его основания. В статьях г-на Глаберсона также изобилуют подобные ссылки. Я даже запомнил наизусть имя и характеристику второго пилота, с рейса UA175, протаранившего южную башню: «Victor J. Saracini, 50, an experienced pilot who had been a Navy flier, was at the controls.» Еще один «опытный пилот 50-ти лет». А полет его продолжался ровно 50 минут!

— Просто замечательно, Ватсон, у вас великолепная память и вашей наблюдательности можно только позавидовать!

— Благодаря вам, Холмс.

— Парочка пятидесятилетних ветеранов с американских гражданских авиалиний действительно впечатляет; в черном юморе этим господам интернационалистам, которые порой неотличимы от интернацистов, не откажешь. Первый — Джон Огоневский, — интересно, кстати, упоминалась ли его фамилия в русскоязычной прессе, то-то там бы посмеялись; второй — *победитель сарацинов*, а чтобы не сомневались, какой именно, добавили буковку «J» посередине, несомненно, указующую на юристов и журналистов.

— Уж не считаете ли вы, Холмс, что самолеты были пусты?

— Когда-нибудь мы об этом непременно узнаем, Ватсон, но… наберитесь терпения. Однако, вас, кажется, заинтересовало слово «пикник»?

— Да, оно встречается *трижды* в этих статьях и каждый раз совершенно не к месту. Мне показалось, что в него вложен какой-то скрытый смысл.

— Что ж, Ватсон, вы просто молодчина! Я рад, что не ошибся в вас. Взгляните-ка вот на это, — и с этими словами Холмс протянул мне сложенный вдвое большой лист бумаги, размером почти с газетный лист.

Это был то ли план, то ли рисунок, то ли чертёж-заготовка для игры в шарады. Я долго вглядывался в контуры изображений и надписи, смысл которых при уровне моего знания русского языка не сразу схватывал, пока не наткнулся в правом нижнем углу рисунка на колонку цифр, набранную мелким шрифтом и обозначавшую время восхода и захода солнца, а также долготу дня. Скорее всего я не обратил бы внимания и на эти цифры, если бы колонка не начиналась роковым числом — 8.45 — временем тарана первой (южной) башни ВТЦ. Я вопросительно посмотрел на Холмса.

— Да, Ватсон, вы правильно поняли, это время «случайно» совпало с нью-йоркским временем налета первого «камикадзе», захватившего Боинг-747 с 92-мя пассажирами на борту. И я не случайно добавил к слову «время» — «нью-йоркское», поскольку следующее число в колонке — 16.37 тоже «случайно» почти совпало со временем первого налета, но… по московскому часовому поясу (точное время 16.45) и с этого момента телезрители России могли следить за развитием событий в Нью-Йорке и Вашингтоне. Если же без мистики, то на рисунке дано календарное время восхода солнца — 8.45 и время его захода — 16.37 с указанием долготы дня — 7.52, которая выпадает на двадцатое января каждого года на широте Москвы и Петербурга.

Сказав это, Холмс взял карандаш и размашисто вывел на листе бумаги — 20.01, как обозначают день месяца в России.

— Если убрать точку между числом и месяцем, то что, по-вашему, Ватсон, может означать это сочетание цифр?

— 2001 год! — медленно выдавил я. — Но что всё это значит, дорогой Холмс? И откуда у вас эта странная шарада?

— Мне её прислали с двумя другими ей подобными из России еще в 1994 году. Обратите внимание, Ватсон, на дату прибытия в Лондон пакета с шарадами, обозначенную на штемпеле лондонского почтамта — 07.09.1994 г., и постарайтесь узнать, не было ли в тот день в Лондоне какого-либо примечательного события? В конверте, кроме ребуса в трех частях, каждая из которых имела в своём названии слово «пикник», и календаря на 1994 год, была короткая записка: «Дорогой Холмс. Зная Вашу страсть к разгадыванию загадок века, мы посылаем Вам «ребус тысячелетия» в трех частях. Надеемся, что наступит время, когда Вы дадите Ваше профессиональное толкование их назначения. С глубоким уважением, почитатели Вашего таланта». Обратный адрес: Россия, 190001, г. С-Петербург, а/я 911, Пчеловоду Виктору Владимировичу. Семь лет я собирал сопутствующую информацию и, кажется, готов дать некоторые варианты разгадки ребусов.

Шерлок Холмс развернул передо мной копии еще двух странных картинок.

— Как видите, Ватсон, рассматриваемая вами шарада под странным названием «Пост исторический пикник», появилась 17 августа 1992 года на третьей странице петербургской газеты «Час пик» № 33(130). Но ей предшествовали ещё два не менее загадочных ребуса, напечатанных в двух номерах той же самой газеты «Час пик» от 24 июня и от 5 августа 1991 года, под названиями «Исторический пикник» и «Оборонный пикник», соответственно.

Рассматривая загадочные картинки, я внимательно слушал Холмса, предчувствуя, что скоро мне предстоит серьезная и увлекательная работа. Никогда ранее мы не обсуждали негласных правил нашей совместной деятельности. Не собирался я этого делать и сейчас, поскольку как всегда был уверен, что каждое новое дело, за которое брался мой друг, хорошо изучено им самим. Более того, мне казалось, что он уже знает ответы на вопросы, возникающие в ходе каждого нового расследования, а я ему нужен лишь для того, чтобы убедиться в правильности принятого им решения. Но что-то подсказывало мне, что этот случай особый и на этот раз мне предстоит нечто большее, чем простое соучастие в качестве спарринг-партнера, на котором знаменитый сыщик и аналитик оттачивает свой ум и ремесло. Как всегда неожиданно, Холмс прервал мои размышления.

— Дорогой Ватсон, не можете ли вы объяснить мне, почему ваше внимание привлекло слово «пикник» в тех двух статьях из «Нью-Йорк таймс» от 13 сентября?

— Мне показалось, что это слово, с одной стороны, выпадает из контекста статей, написанных по столь печальному поводу, а с другой — как-то неуловимо соответствует их легковесному стилю. Я полагаю, что в слове «пикник» скрыта непонятная мне двойственность. Ну, а после того, как вы показали мне три русских «пикника» со столь странными названиями, я уже не сомневаюсь, что их троекратное упоминание в «Нью-Йорк таймс» — далеко не случайно. Но что за всем этим кроется?

Между тем Холмс, внимательно слушая меня, перебирал какие-то записки, доставая их из той самой большой кожаной папки, в которой он держал «пикники».

— Да, вы конечно правы, дорогой Ватсон, «пикники» в «Нью-Йорк таймс» 13 сентября упомянуты три раза не случайно. Но, чтобы понять, как они связаны с тремя русскими «пикниками» из «Часа пик», я должен кое-что объяснить не только вам, но прежде всего себе из того, что вы назвали «мистикой», когда мы обсуждали странные совпадения, связанные с числом 11. Вот, — наконец нашел он нужную записку, — послушайте, дорогой Ватсон, что говорит по этому поводу самый почитаемый в России поэт и писатель А.С. Пушкин:

«Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного мгновенного орудия Провидения».

Многие на западе считают Пушкина выразителем мировоззрения русского народа, который явлением в мир этого гения ответил на прозападные реформы их первого императора Петра Великого. Кажется, об этом писал русский философ Бердяев. Кстати, дорогой Ватсон, вы случайно не знакомы с его трудами?

— Нет, Холмс, с работами Бердяева я не знаком, но я наслышан о трепетном отношении к Пушкину в России и даже пытался читать его некоторые вещи, к сожалению, не в подлиннике.

Холмс явно ждал продолжение пушкинской темы и потому я не удивился, когда он спросил меня, что именно я читал из Пушкина.

— Кажется, роман в стихах «Евгений Онегин», — с трудом пытался я вспомнить впечатления от прочитанного и, не дожидаясь вопроса Холмса, продолжал.

— Повествование тогда мне показалось несколько растянутым, а местами — даже скучным. Да, оно напомнило мне нашумевший в свое роман Джеймса Джойса «Улисс», который, не помню кто из наших критиков прошлого столетия, назвал энциклопедией западной жизни. Но, скорее всего, дело в переводе — это все-таки стихи.

— Браво, Ватсон! Вам не откажешь в наблюдательности. Дело в том, что у Пушкина есть одно очень точное высказывание, которое по-моему всё объясняет: «Переводчики — подставные лошади просвещения». А один русский критик даже дал определение роману в стихах, который показался вам скучным, как «энциклопедии русской жизни». Не помните ли вы автора перевода, Ватсон?

— Как же, Холмс, конечно помню. Знакомый шахматист рекомендовал мне лучший перевод, сделанный известным русским писателем и поэтом Владимиром Набоковым[1], родители которого эмигрировали после революции из России, а сам он имел большой успех на Западе.

— Отлично, Ватсон. Именно Набоков, после того как стал писать неплохие стихи на английском, пытался понять, почему западный читатель не в состоянии понять Пушкина так, как его понимают в России. Он тоже, как и вы, дорогой Ватсон, посчитал, что все дело в переводчиках, в их неспособности передать неуловимый дух пушкинской поэзии, и потому решил доказать, что может это сделать на языке великого Шекспира. Каково же было его удивление, когда он, по завершении перевода романа,

[1] Видимо, знакомый шахматист рекомендовал Ватсону Набокова потому, что тот сам был большим любителем шахмат и широко известен, как хороший составитель шахматных задач.

в отчаянии воскликнул: *«Золотая клетка осталась, а птичка улетела»*. «Улетевшая птичка» Пушкина и есть то, что нам предстоит понять в мировоззрении русских. Вы наверное удивлены, Ватсон, почему занимаясь расследованием причин трагедии в Нью-Йорке и Вашингтоне, я уделяю так много внимания «солнцу русской поэзии» — так назвал Пушкина очень популярный на западе другой русский писатель — Достоевский?

— Действительно, дорогой Холмс, поначалу я был несколько удивлен вашим интересом к Пушкину. Зная вас, я полагал, что вы основательно изучили всё, связанное с творчеством уважаемого русского поэта, а опыт общения с вами подсказывает мне, что вы Холмс ничего не делаете просто так. И потому я не удивлюсь, если и Пушкин как-то окажется причастен к событиям 11 сентября.

— Да, Ватсон, и Пушкин… тоже причастен, — задумчиво повторил мои слова Холмс. — Но пока я не могу вам этого объяснить, Ватсон. Что вы ещё читали из Пушкина?

— Да, пожалуй, больше ничего, — начал я рыться в закоулках своей памяти, на которую мне было грех жаловаться. — Хотя, стоп! Читал, да, да! — конечно же читал, но в некоем роде по принуждению.

— Интересно, кто вас, мой дорогой Ватсон, мог принудить читать Пушкина?

— Обстоятельства, Холмс. Именно обстоятельства. Может вы помните, как лет десять назад в Лондон приезжал на гастроли из России театр с очень труднопроизносимым названием, что-то вроде «Маринки».

— Да, Ватсон, помню — это были гастроли очень известного в России ещё с дореволюционных времен «Мариинского» театра, и я очень жалею, что не смог побывать на его спектаклях. Но пожалуйста, продолжайте, дорогой друг, я действительно хотел бы знать, какие обстоятельства заставили вас читать Пушкина.

— Это было уже после возвращения из Афганистана, когда я безуспешно добивался благосклонности одной особы, большой меломанки. Чтобы привлечь её внимание к своей особе, я с огромным трудом достал два билета на премьеру оперы «Пиковая дама». Зная, что все партии будут исполняться на русском языке, я решил познакомиться с одноименной повестью Пушкина. Сюжет мне тогда показался мистическим, а конец героя — слишком печальным. Точно помню, что по сюжету повести он сошел с ума, а потому, когда страсти на сцене накалились до предела и моя спутница ожидала трагической развязки, я, желая продемонстрировать ей свои познания в области, где она чувствовала свое абсолютное превосходство, стал её успокаивать в том смысле, чтобы она не очень волновалась — герой и героиня (к сожалению, не помню как их звали) останутся живы. Каково же было моё удивление, когда на сцене хлопнул ожидаемый в зале выстрел. Моя дама не выказала удивления; просто она поняла, что её незадачливый поклонник — профан. Когда же я попытался ей объяснить, что читал повесть Пушкина, она, с сожалением глядя на меня, указала на программку, которой обмахивалась как веером: либретто оперы было написано братом композитора Чайковского, который, наверное, лучше Пушкина знал, как должен был закончить свою жизнь герой «Пиковой дамы». На этом мои ухаживания за дамой, которую про себя я назвал «пиковой», закончились.

— Считайте, Ватсон, что вам здорово повезло и ваши встречи с «Пиковой дамой» не случайны во всех отношениях. Помните ли вы причину трагического конца Германна, так звали героя повести?

— Если я не ошибаюсь, Холмс, его погубила пагубная страсть к картам. Погодите, вспомнил! Герман пытался выведать какой-то секрет у старухи — на какую карту ставить, чтобы сорвать банк.

— Да, Ватсон, речь там идет об игре в «фараон», — начал Холмс и, как бы про себя, добавил, — очень странное название для игры в карты. Германн, заполучив во сне тайну трех карт, — продолжал Холмс свой рассказ, — выигрывает большие деньги, делая поочерёдно ставки на тройку, семерку и…

— Туз выиграл! — выкрикнул я, почти как герой повести, — но, помнится мне, вместо туза ему выпала «пиковая дама». Я начинаю понимать, Холмс, откуда у вас интерес к Пушкину. Снова пресловутое число 11, и снова трагедия, правда, не во вселенском масштабе[1].

— А теперь взгляните на это, Ватсон.

Холмс снова раскрыл «Пост исторический пикник» и указал на текст вверху картинки, справа от которого была видна женская скульптурная фигура, а ниже ее — фигура, имеющая отношение к древнему Египту. Можете ли вы, Ватсон, прочесть это?

— Карта какой-то местности, — начал я, медленно подбирая слова, переводить заголовок, выделенный жирным шрифтом. Затем шел текст, набранный помельче:

«Игра в карты второе … занятие в нашей стране. Первое место … революции. Революции … мешают карты, … игра становится еще интересней, потому что без правил. Проводя время за картами, главное — помнить, какие … вышли из игры. Напоминаем игрокам и революцион Эрам, что эта карта — уже битая».

Это приблизительно, Холмс, а более точный перевод я бы мог сделать со словарем.

Закончив чтение, я с любопытством смотрел на Холмса, всем своим видам давая понять, что мало чего понял из этой абракадабры, изложенной то ли в виде инструкции, то ли как шутливое наставление. Но от кого и кому?

— Вполне разделяю ваше недоумение, Ватсон, но не ждите от меня разъяснений. Мне сделали перевод этого странного текста, но я его вам пока не показываю в надежде, что вы это сделаете лучше, но только после того, как ближе познакомитесь с ребусом. Пока лишь хочу обратить ваше внимание на множество таких, казалось бы никак не связанных меж собой событий, которые объединяют слова с корнем «пик»: «пикники» в «Нью-Йорк таймс», «пикники» в «Часе пик», «Пиковая дама» у Пушкина. Не слишком ли много «пиков», дорогой Ватсон, если помнить, что «случай», в понимании автора «Пиковой дамы», — мощное, мгновенное орудие Провидения, проявление которого в жизни людей невозможно понять без видения общего хода вещей?

Пока же мне ясно одно: нам предстоит понять роль числовой меры в трагических событиях «черного вторника»[2]. Лёгких решений не будет, дружище, однако я полагаю, что совместными усилиями мы сможем достичь успеха, если будем настойчивы и в меру терпеливы. Мне кажется, что для расшифровки последнего ребуса, который, насколько я понимаю, как-то связан с трагедией в Нью-Йорке и Вашингтоне, нам необходимо понять назначение первого и второго «пикника», и потому я хотел бы, мой друг, чтобы вы на досуге поразмышляли над материалами, собранными

[1] Числовое значение туза в карточных играх обычно 11, хотя, казалось бы, должно быть 1 соответственно числу изображённых знаков масти карт.

[2] 11.09.2001, когда произошли теракты в США, — вторник.

мною. Постарайтесь внимательно их изучить. Здесь, — он передал мне свою папку, — кроме загадочных русских «пикников» — подборка различных сообщений прессы из газет всех стран мира. Полагаю, что эти материалы помогут нам лучше разобраться в проблемах, которые ждут своего решения.

Как-то раз сотрудник аудиторской фирмы «Ernst & Young», в которой последние годы я работаю консультантом, познакомил меня с одним русскоязычным сайтом в интернете. Там оказались весьма любопытные работы, некоторые из них по моей просьбе перевели мои знакомые русские друзья, живущие в Лондоне. Правда, они жаловались на сложность прочтения отдельных мест, особенно касающихся вопросов Богословия. Но две работы, по-моему, весьма интересные, на данном сайте помещены на английском языке. Они распечатаны и лежат в этой папке.

Извините, Ватсон, но сегодня я вылетаю в Цюрих по делам фирмы, которую я вам назвал. Возможно, мне придется побывать в Испании, где также есть не только филиал этой фирмы, но и… много людей, которые хорошо знают историю троцкизма. Гражданская война в Испании — их рук дело. Не случайно дело против Пиночета, сорвавшего своим «путчем» марксистско-троцкисткие планы в Чили, возбудил судья Гарзон из Испании. Думаю, что поездка займет две-три недели, и я надеюсь, дорогой Ватсон, что по возвращении услышу от вас много интересного.

Холмс пожал мне руку и собрался уже уходить, как вдруг остановился, взглянул на меня как-то странно и, загадочно улыбнувшись, спросил.

— У меня, Ватсон, один вопрос к вам, как к шахматисту: что вы все-таки обо всём этом думаете?

Поначалу я растерялся, считая, что Холмс в очередной раз иронизирует по поводу моего увлечения шахматами, и даже хотел ответить ему какой-нибудь шуткой, расхожей среди шахматистов. Но потом, вглядевшись в его лицо, обнаружил, что глаза моего друга необычайно серьёзны и ждут неординарного ответа.

— Гамбит[1] … какой-то, — медленно выговорил я пришедшие на ум первые слова, связанные с шахматной терминологией, — … может быть, последний гамбит, — добавил я уже более уверенно, — да, последний гамбит уходящего от нас второго тысячелетия.

— Очень интересное решение, может быть — окончательное, — словно про себя проговорил Холмс.

На его лице уже не было улыбки, а взгляд, устремлённый куда-то в даль, словно искал ускользающее окончательное решение.

— А что, может прав доктор Ватсон? — неожиданно задал Холмс вопрос кому-то, кого меж нами не было, и, будто подводя итог долгому спору с неведомым мне третьим лицом, закончил: Кто-то, имеющий прямое отношение к вопросам глобального управления, жертвует многим, чтобы получить результат, превосходящий самые буйные фантазии современного человечества.

Взгляд Холмса вернулся в реальность, и он снова улыбнулся мне своей чуть хитроватой улыбкой.

— Отлично, Ватсон. Наше новое расследование будет идти под кодовым названием «Последний гамбит». В моём ноут-буке[2] накопилось много информации по этому делу и отныне файл, в котором я делаю заметки по

[1] «Гамбит (франц. gambit, от итал. dare il gambetto — дать подножку), — название начал шахматных партий, в которых одна из сторон жертвует чаще всего пешку. Обычно гамбиты называют по расположению фигур (королевский гамбит) либо по имени автора (гамбит Стейница)» («Советский энциклопедический словарь», Москва, 1986, стр. 273).

русским «пикникам», будет так и называться — «Последний гамбит». Советую и вам все свои мысли по поводу «пикников», а также бумаг, оставленных в моей папке, собирать в отдельный файл.

[2] Термин происходит от английского «note book» — «записная книжка», и обозначает портативный переносной компьютер массой от 1,5 до 5 килограмм (для большинства моделей 1990-х гг.), размеры корпуса которого позволяют положить его в портфель, снабжается автономным источником питания (во многих моделях сменными в процессе работы), что позволяет работать на нём где угодно: дома, в офисе, в поездке.

Часть II. Расследование Ватсона.

Вечер. 22 сентября. Русские «пикники»

Во второй половине дня Холмс отправился в аэропорт Хитроу, а я после обеда занялся его бумагами. Устроившись поудобнее в своём старом кресле, я вынул из стола кожаную папку и с любопытством начал перебирать её содержимое. Вначале записки. Некоторые из них, наиболее краткие по содержанию, я привожу здесь полностью.

Записка № 1. 15 мая 1976 года, газета «Уикли ньюс» сообщила, что акушер по фамилии Триплетт[1] в третий раз принял тройню.

Записка № 2. 5 декабря 1664 года в проливе Па-де-Кале затонул английский корабль «Меней»; из всего экипажа спасся только один моряк Хуго Уильямс. Спустя 121 год, день в день, 5 декабря 1785 года в Ирландском море, близ острова Мэн пошел ко дну другой корабль. Среди оставшихся в живых был один матрос, которого звали Хуго Уильямс.

Записка № 3. В 1883 году некий проходимец Генри Зигленд из Техаса бросил свою возлюбленную, которая от тоски наложила на себя руки. Её брат решил отомстить обидчику. Но выпущенная им пуля лишь чиркнула Зигленда по лицу и застряла в стволе дерева. Зигленд рухнул на землю, а брат, решив, что с мщением покончено, застрелился на месте… В 1913 году, спустя 30 лет, все еще живой Зигленд решил спилить то самое дерево, в котором застряла пуля. Дерево никак не поддавалось, и Зигленд решил подорвать его динамитом. При взрыве всё та же пуля, вылетевшая на сей раз из ствола дерева, угодила Зигленду прямо в голову. Девушка была наконец отомщена!..

Записка № 4. В 1975 году в Детройте (США) маленький ребёнок вывалился из окна 14 (!) этажа прямо на голову некоему мистеру Джозефу Фиглоку… Ровно через год этого же Фиглока угораздило вновь пройтись по тротуару на том же месте, и конечно же, ему на голову вновь спикировал всё тот же ребенок. И хотя за год маленький непоседа изрядно прибавил в весе, тем не менее, и на этот раз все закончилось благополучно.

Записка № 5. В XVII веке в Японии пошли слухи о том, что злой рок довлеет над одним детским кимоно. Все три девочки-подростка, которым его дарили или покупали, умирали, так ни разу не успев его надеть. В феврале 1657 года один японский священник решил, что будет лучше предать «несчастливое» кимоно огню. Но едва священник поджег его, внезапно сильный порыв ветра раздул огонь, и совсем скоро тот полностью вышел из-под контроля. И вот последствия происшествия: три четверти всего Токио выгорело, было уничтожено 300 храмов, 500 дворцов, 9000 торговых лавок и 61 мост, погибло 100 тыс. человек…

С десяток других записок, более пространных, но не менее интересных, достаточно убедительно показывали правоту пушкинского определения: «случай» — действительно мощное, мгновенное орудие Провидения. Закончив чтение, я задумался о той надмирной реальности, о существовании которой современный западный обыватель вспоминает лишь при посещении церкви или костёла, да и то под давлением внешних обстоятельств. И курьёзные совпадения, которые привлекли внимание моего друга Холмса, действительно напоминают о том, что в истории человечества действительно много «случаев», в результате которых становились несбыточными тщательно продуманные и хорошо

[1] В переводе на русский — Тройной.

обеспеченные всем необходимым планы действий. В результате их осуществления течение событий *совершенно случайно* принимало совершенно иную направленность или новое качество.

Так, размышляя о роли «случая», как орудия Провидения, с которым каждый из нас так или иначе сталкивается в своей бренной жизни, я наконец развернул перед собой первый «пикник». Это была копия последней страницы газеты Ленинградского союза журналистов под названием «Час пик» от 24.06.1991 года с броским названием «Исторический пикник». Я знал, что многие города России после августа 1991года изменили свои названия, точно также как это было после революции октября 1917 года. Тогда Петербург назвали Ленинградом, и вот теперь он снова — Петербург. Картинки «пикника» при ближайшем рассмотрении напоминали кадры мультипликационного фильма, которых было ровно пять. Бросалась в глаза тематика, относящаяся к древнему Египту, почему-то — как мне показалось по первому впечатлению — искусственно притянутая к событиям в России.

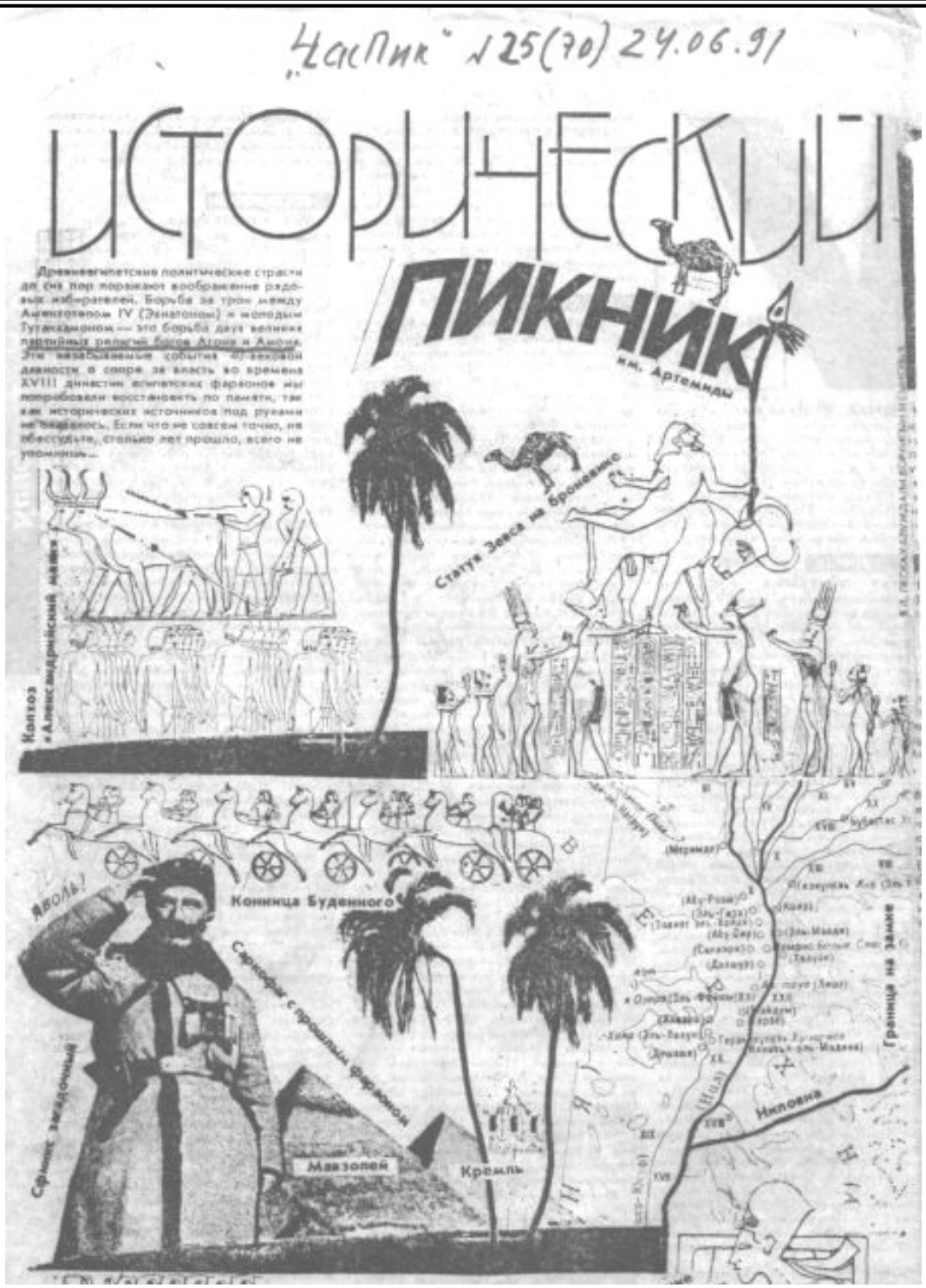
Сначала я пытался сделать перевод текста картинок, опираясь на словарный запас, приобретенный в период трехлетнего пребывания в Афганистане. Но вскоре понял, что без специального русско-английского словаря мне не обойтись. Текст первой картинки сообщал:

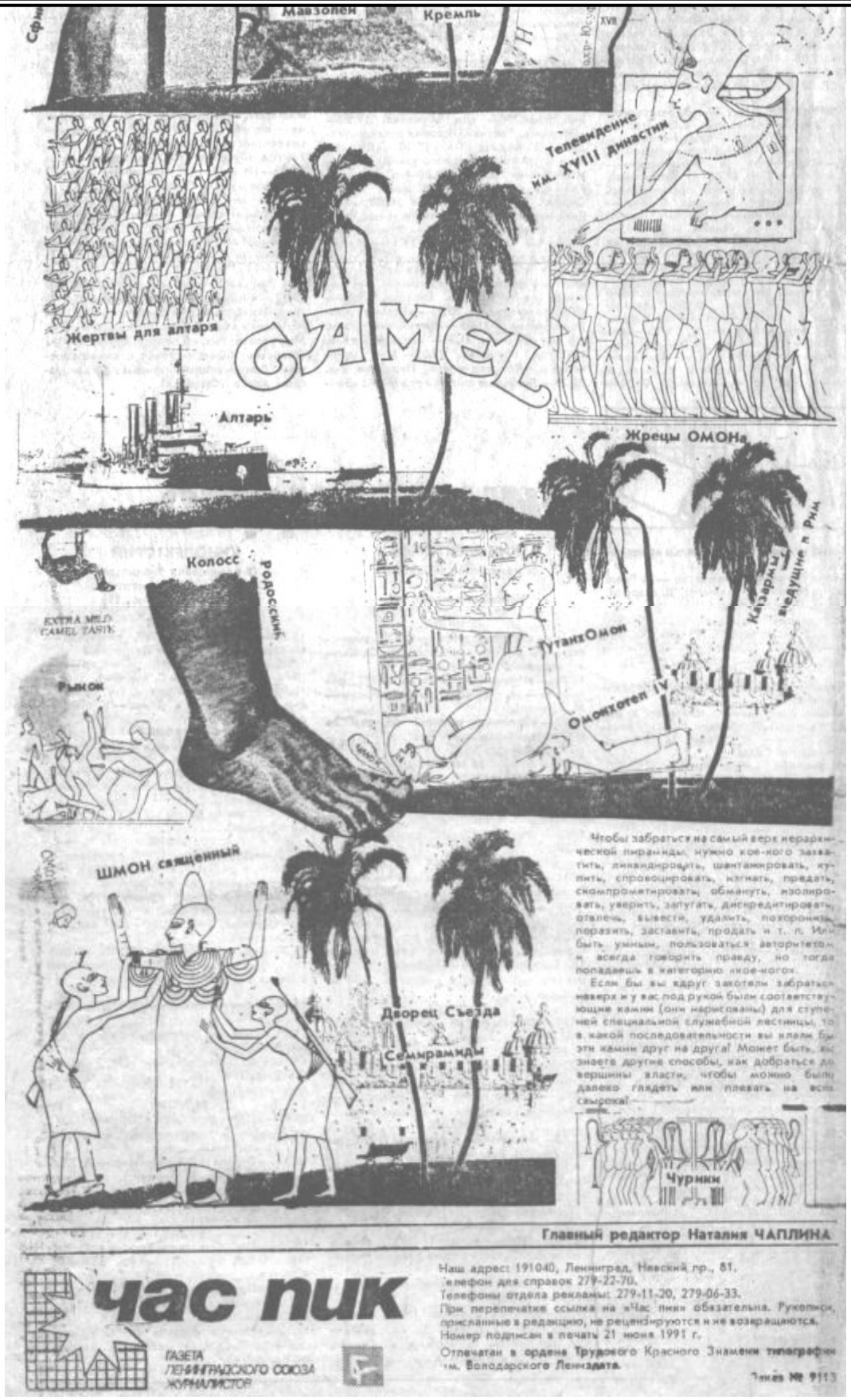
«Древнеегипетские политические страсти до сих пор поражают воображение рядовых избирателей. Борьба за трон между Аменхотепом IV (Эхнатоном) и молодым Тутанхамоном — это борьба двух великих партийных религий богов Атона и Амона. Эти незабываемые события 40-вековой давности о споре за власть во времена XVIII династии египетских фараонов мы попробовали восстановить по памяти, так как исторических источников под руками не оказалось. Если что не совсем точно, не обессудьте, столько лет прошло, всего не упомнишь…»

Последняя, самая нижняя картинка заканчивалась текстом, не менее странным:

«Чтобы забраться на самый верх иерархической пирамиды, нужно кое-кого захватить, ликвидировать, шантажировать, купить, спровоцировать, изгнать, предать, скомпрометировать, обмануть, изолировать, уверить, запугать, дискредитировать, отвлечь, вывести, удалить, похоронить, поразить, заставить, продать и т.п. Или быть умным, пользоваться авторитетом и всегда говорить правду, но тогда попадаешь в категорию «кое-кого».

Если бы вы вдруг захотели забраться наверх и у вас под рукой были соответствующие камни (они нарисованы) для ступеней специальной служебной лестницы, то в какой последовательности вы клали бы эти камни друг на друга? Может быть, вы знаете другие способы, как добраться до вершины власти, чтобы можно было далеко глядеть или плевать на всех свысока?»


"Наспик" №25(70) 24.06.91
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПИКНИК
им. Артемиды
Древнеегипетские политические страсти
Статуя Зевса на бронемашине
Колхоз «Александрийский маяк»
Конница Буденного
Сфинкс загадочный
Мавзолей
Кремль
Нильская
Граница на замке



Чтобы забраться на самый верх иерархической пирамиды, нужно кое-кого захватить, ликвидировать, шантажировать, купить, спровоцировать, изгнать, предать, скомпрометировать, обмануть, изолировать, уверить, запугать, дискредитировать, отвлечь, вывести, удалить, похоронить, поразить, заставить, продать и т. п. Или быть умным, пользоваться авторитетом, всегда говорить правду, но тогда попадешь в категорию «кое-чего».

Если бы вы вдруг захотели забраться наверх и у вас под рукой были соответствующие камни (они нарисованы) для ступеней специальной служебной лестницы, то в какой последовательности вы клали бы эти камни друг на друга? Может быть, вы знаете другие способы, как добраться до вершины власти, чтобы можно было далеко глядеть или плевать на всех сверху?

Главный редактор Наталия ЧАПЛИНА

час пик

ГАЗЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ

Наш адрес: 191040, Ленинград, Невский пр., 81.
Телефон для справок 279-22-70.
Телефоны отдела рекламы: 279-11-20, 279-06-33.
При перепечатке ссылка на «Час пик» обязательна. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Номер подписан в печать 21 июня 1991 г.
Отпечатан в ордена Трудового Красного Знамени типографии им. Володарского Лениздата.
Заказ № 9113

Ниже этого текста — фигурки, изображающие пять молодых и пять старых мужчин, стоящих спиной друг к другу. Между ними какое-то странное слово (непонятно, что оно означает по-русски) — «чурики». На каждой картинке, на первом плане — по две пальмы (на первой — верхней, одна пальма закрыта рисунком). Пикник почему-то назван «им. Артемиды», а на второй сверху картинке — с дельтой Нила, к руслу реки зачем-то добавлен рукав с названием «Ниловна». На центральной — третьей картинке — крупными буквами выведено знакомое в Англии название сигарет «CAMEL»; справа от этой надписи из экрана телевизора вылезла фигурка в облачении древнеегипетского фараона, под ним восемь фигурок с надписью — жрецы ОМОНа. Другие надписи, типа «Казармы, ведущие в Рим», колхоз «Александрийский маяк», «Саркофаг с прошлым фараоном», «Колосс Родосский». Короче: картинки и надписи к ним были полны вздора, которому нет места ни в истории, ни в географии, если всё это пытаться понять в прямом смысле. Но сколько я ни пытался сложить из этих странных «камней» хоть какую-то связную мозаику, в которой бы проявился скрытый смысл «пикника», у меня ничего не получалось. Не хватало ключей к этому ребусу: скорее всего, — знания событий, относящихся к истории России и Египта.

...бус»: Нева, Знание (25—27), Руслан (25, 26), Курортный (29—1), Ладога (28—30), Мир (29—1).

«Кошмар в сумасшедшем доме»: Художественный, Московский (25—27), ДК им. Ленина (28—30), ДК им. Ильича (25—27), клуб им. Калинина (25—27).

«Бум»: Спорт (25—27), Знание (28—1), Восход (25—27), Волна (28—1), Заневский (25—30), Курортный (25—27), Нева.

«Невидимый враг»: Москва (25—27), Бастион (28—1), Баррикада, Прибой (25—27), Планета (28—1), Московский (25, 26), Экта (25), Прогресс (27—30), Весна (27—29), Победа (30, 1).

«Комендантский час»: Максим (25—27), Мир (25—28), Рекорд (26—1), Озерки (27—1).

«Час убийства»: Пламя (25, 26), Эстафета (25—27), Экран (28—1).

К «Историческому пикнику» прилагался перечень кинофильмов, которые видимо должны были идти в различных кинотеатрах Ленинграда с 24 по 26 июня 1991 года, но я совершенно не знал, что с ним делать.

25.6—1.7

КИНО—ВИДЕО

Новый художественный фильм «Скорпион».

Автор сценария и режиссер — В. Рид. Роли исполняют: Т. Таллнер, Д. Маррей, Ф. Логан. Производство США.

«Скорпион»: Прометей (25—28), Невский (25—27), Аврора, Молния (25—28), Каскад (25, 26), Балканы (29—1), Максим (28—1), Слава (29—1), Прибой (28—1).

Новый художественный фильм «Первичное зло».

Авторы сценария — Э. Каллехер, Х. Видал. Режиссер — Р. Финдли. Роли исполняют: В. Бекинг, К. Мур, М. Харрис. Производство США.

«Первичное зло»: Москва (25—28), Прометей (29—1), Слава (25—28), Молния (28—1), Родина (25—27), Нарвский (28—1), Мечта (25, 26), Зенит (27—29), Рубеж (30, 1), Ладога (25—27), Меридиан (28—1).

Продолжается показ фильмов:

«Дикая парочка»: Меридиан (25—27), Москва (28—1), Рубеж (25—27), Комсомольский (28—1), Художественный, Фестиваль, Планета (25—27), Родина (28—1).

«Семь часов до приговора»: Балканы (25—28), Москва (29—1), Космонавт (25, 26), Буревестник (27—1).

«Капитан Америка»: Смена (25—27), Ленинград, Дружба (26—1), Авангард (27—1), Веснушка (28—1).

«Галактика»: Охта (26, 27), Дружба (26—1), Зенит (30, 1), Искра (25—27), Волна (25—27), Спорт (28—1), Факел (29—1), Луч (28—1).

«Динарь»: Волна (27—29), Свет (26—30), ДК им. Ильича (27—30).

«Зимняя вишня-2»: Заневский (25—30), Эстафета (28—1), Восход (28—1), ДК им. Ногина (26, 27).

...бус»: Нева, Знание (25—27), Руслан (25, 26), Курортный (29—1), Ладога (28—30), Мир (29—1).

«Кошмар в сумасшедшем доме»: Художественный, Московский (25—27), ДК им. Ленина (28—30), ДК им. Ильича (25—27), клуб им. Калинина (25—27).

«Бум»: Спорт (25—27), Знание (28—1), Восход (25—27), Волна (28—1), Заневский (25—30), Курортный (25—27), Нева.

«Невидимый враг»: Москва (25—27), Бастион (28—1), Баррикада, Прибой (25—27), Планета (28—1), Московский (25, 26), Экта (25), Прогресс (27—30), Весна (27—29), Победа (30, 1).

«Комендантский час»: Максим (25—27), Мир (25—28), Рекорд (26—1), Озерки (27—1).

«Час убийства»: Пламя (25, 26), Эстафета (25—27), Экран (28—1).

КИНОЛЕКТОРИЯ
(в помещении библиотеки им. Блока, Невский проспект, 20)

25 ИЮНЯ

14.15 — **«История любви»** (1970, режиссер — А. Хиллер, по бестселлеру Э. Сигала, музыка Ф. Лея; «Оскар»).
16.00 — **«Ночные пришельцы»** (1977, режиссер — М. Виннер, в гл. роли — М. Брандо).
17.45 — **«Человек, упавший на землю»** (1974, режиссер — Н. Роег, в гл. роли — Д. Боун).

26 ИЮНЯ

14.15 — **«Стена»** (1984, режиссер — А. Паркер, «Пинк Флойд»).
16.00 — **«Рыбка по имени Ванда»** (1988, режиссер — Ч. Крайтон; «Оскар»).
18.00 — **«Рим»** (1972, режиссер — Ф. Феллини).

27 ИЮНЯ

14.10 — **«Индиана Джонс и последний крестовый поход»** (1989, режиссер — С. Спилберг, в ролях: Х. Форд, Ш. Коннери; «Оскар»).
16.20 — **«Оскомина»** (1986, режиссер — М. Николс, в ролях: Д. Николсон, М. Стрип).
18.15 — **«Прелестная малышка»** (1977, режиссер — Л. Маль, в ролях: Б. Шилдс, С. Серандон).

28 ИЮНЯ

14.10 — **«Хорошенькая женщина»** (1990, режиссер — Г. Маршалл, в гл. роли — Д. Робертс).
16.20 — **«Попутчик»** (1985, режиссер — Р. Хармон, в гл. роли — Р. Хауэр).
18.00 — **«Белые ночи»** (1984, режиссер — Т. Хаворд, в гл. роли — М. Барышников).

29 ИЮНЯ

12.30 — **«Из жизни марионеток»** (1980, режиссер — И. Бергман).
14.15 — **«Муха»** (1985, режиссер — Д. Кроненберг).
16.00 — **«Ввяжитесь»** (1984, режиссер — У. Гроссбар, в ролях: Р. Де Ниро, М. Стрип).

1 ИЮЛЯ

14.00 — **«Губная помада»** (1985, режиссер — Д. Лондон, в ролях: Марго и Мюриэл Хеммингуэй).
15.30 — **«Порно»** (1989, режиссер — М. Котерский, комедия).
17.00 — **«Доктор Живаго»** (1965, режиссер — Д. Лин, в ролях: О. Шариф, Д. Кристи, Д. Чаплин, Р. Стайгер, А. Гиннес, К. Кински; 5 «Оскаров»).

КИНОЛЕКТОРИЯ
(в помещении библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, Литейный проспект, 19)

25 ИЮНЯ

15.15 — **«Сатирикон»** (1969, режиссер — Ф. Феллини, по роману Петрония).
17.50 — **«Роксана»** (1985, режиссер — Ф. Шепизи, в гл. роли — С. Мартин).
19.50 — **«Змеиное яйцо»** (1977, режиссер — И. Бергман, в ролях — К. Карр-Дайн, Л. Ульман).

26 ИЮНЯ

15.00 — **«Забрискн Пойнт»** (1970, режиссер — М. Антониони).
17.00 — **«Деловая девушка»** (1988, режиссер — М. Николс, в ролях: Х. Форд, М. Гриффит, С. Вивер; «Оскар»).
19.00 — **«Генри и Джун»** (1990, режиссер — Ф. Кауфман).

27 ИЮНЯ

15.00 — **«Дик Трейси»** (1990, режиссер — У. Битти, в ролях: У. Битти, Мадонна, Аль Пачино, Д. Хоффман; 3 «Оскара»).
17.00 — **«Очарованная луной»** (1986, режиссер — Н. Джуисон, в ролях: Шер, О. Дукакис, Ф. Шаляпин-младший; 3 «Оскара»).
19.00 — **«Дикий сердцем»** (1990, режиссер — Д. Линч, Гран-при кинофестиваля в Канне 1990 года).

28 ИЮНЯ

15.00 — **«Дикая орхидея»** (1990, режиссер — З. Кинг, в ролях: М. Рурк, О. Видов).
17.20 — **«Близкие контакты третьего рода»** (1982, режиссер — С. Спилберг).
19.45 — **«Большая жратва»** (1973, режиссер — М. Феррери, в ролях: Ф. Нуаре, М. Мастроянни).

29 ИЮНЯ

13.45 — **«Последнее танго в Париже»** (1971, режиссер — Б. Бертолуччи, в ролях: М. Брандо, М. Шнайдер).
16.00 — **«Психо»** (1957, режиссер — А. Хичкок, в гл. роли — Э. Перкинс).
18.00 — **«Артур»** (1982, режиссер — С. Горцон, в ролях: Д. Мур, Л. Миннелли, Д. Гилгуд; «Оскар»).

1 ИЮЛЯ

15.20 — **«Кто подставил Роджера Раббита»** (1988, режиссер — Р. Земекис; «Оскар»).
17.15 — **«Привидение»** (1990, режиссер — Д. Цукер, в ролях: П. Свэйз, В. Голдсберг; 2 «Оскара-90»).
19.30 — **«Ночной портье»** (1974, режиссер — Л. Кавани, в ролях: Д. Богард, Ш. Рамплинг).

Отодвинув в сторону первый «пикник», я положил рядом второй — «Оборонный» и принялся за его изучение.

Картинок в нём было меньше, все — военного содержания (наверное, потому он и получил название «оборонного»). Однако, тексты к картинкам — не менее странные:

«Памятка солдату и матросу, нынешнему и будущему».

«Песнь о маршалах. Слова Михаила Безродного. Музыка Альфреда Карасинова». Причем, даны ноты и слова песни с загадочными припевами, типа:

Раз-два, раз-два
Дрожат и трепещут
Раз-два, раз-два
Пиза с Тулузой.

«Три сына. «Современная русская сказка». Библиотека «Огонька». Москва — 1940».

ЦП" №31, 5.08. 1991г
Обратная сторона Оборонного пикника
Путч – Маскарад
Продолжается показ фильмов:
«Бум-II»: Меридиан (6—9), Художественный, Балканы (10—12), Зенит (6—8), Буревестник (9—12), Рубеж (6—8), Москва (9—12), Охта (7, 8), Современник (9—12). (21)
«Не отвечайте на телефонный звонок»: Балканы (6—9), Молния (10—12), Художественный, Максим (6—8), Спутник (9—12). (22)
«Мы странно встретились»: Ладога (6—9). (23)
«Смертельные игры»: Колизей, Спутник (6—8), Максим (9—12), Молния (6—9), Слава (10—12). (24)
«Рыцари Стэйси»: Прогресс (6—8), Космонавт (9—11), Смена (6—7), Каскад (9—12), Нева (6—11), Бастион (6), Заневский (12). (25)
«Кинотеатр „Парадизо"»: Балканы (6—8). (26)
«Русская рулетка»: Комсомольский (6—8), Смена (12), Авангард (12), Фестиваль (6, 7), Искра (6—8), Уран (10—12). (27)
«Красотка из „Альгамбры"»: Бастион (9—11), Мир (8—11). (28)
«Скорпион»: Экран (7—9), Озерки (8—12), Современник (6—8), Маяк (9—12), Знание. (29)
«Семь часов до приговора»: Уран (6), Охта (9—11), Мир (12), Нева. (30)
«Оборотень»: Экран (6—8), Прогресс (9—11), Ленинград, Космонавт (6—8), Эстафета, Уран (7—9), Победа (9—12). (1)
«Методичный убийца»: Родина, Буревестник (6—8), Спорт (9—12), Победа (6), Невский (8—11). (2)
«Деловая женщина»: Эстафета (6—8), Стерео (9—12), Дружба (10—12), Заневский (6—11), Курортный (9—11). (3)

Ко второму «пикнику», как и к первому, также прилагался перечень кинофильмов, который открывался таким сообщением: «Продолжается показ фильмов». На этот раз фильмов было тринадцать и первым по порядку был «Бум II». Я вернулся к приложению первого «пикника» и обнаружил, что там фильм «Бум» тоже присутствует, но… значится он в перечне — третьим, а первым стоит «Ребус».

— Значит, все-таки «ребус», — подумал я, — но где ключи к нему?

Оставался третий «пикник» — «Пост исторический», который впервые я увидел на завтраке у Холмса. На этот раз я разместил его рядом с двумя первыми и стал внимательно рассматривать. Он представлял собой схематичный план какого-то города, по которому, как поначалу мне показалось, в полном беспорядке было разбросано десятка два ничем не связанных меж собой картинок. Порывшись в путеводителях туристических агентств, рекламирующих путешествия по России, я скоро узнал очертания Ленинграда-Петербурга, предлагаемого британским туристам в качестве самого европейского города России. Однако река Нева на карте почему-то называлась «река Москвы», а вверху и внизу этого ребуса располагались хорошо известные по рекламным роликам CNN символы русской столицы — Спасская башня московского Кремля и силуэт храма Василия Блаженного, меж которыми сидел бородатый Маркс, в ужасе схватившийся за голову. Под ним — смеющийся ребенок в тазике с водой для купания.

Из беспорядочно разбросанных по полю «пикника» картинок, при более внимательном их рассмотрении, кое-как мне удалось выделить две диагонали, на пересечении (или пресечении?) которых, почти в самом центре ребуса, оказалась батальная сцена с боевым слоном времен то ли войн Александра Македонского, то — Карфагена с Римом; надпись под ней гласила — «место важнейших тусовок».

Выше «места важнейших тусовок» по левой диагонали отчетливо выделялся силуэт Пизанской башни, а над нею, чуть правее — фигурка древнеегипеткого жреца, с прилагаемым к ней именем — угОМОН. Ниже

«места важнейших тусовок» и немного левее — силуэт известного всему миру римского Колизея, на который — тоже влево — «повалились» знакомые две пальмы из первого «пикника»; ещё ниже и левее Колизея — план-схема незнакомого сооружения с надписью — «Белый дом», а под ним, в самом левом углу «пикника» — улыбающийся тип, отдающий честь левой рукой, и с секирой для рубки деревьев на правом плече. Над ним странная надпись, которую я долго не мог перевести без словаря — «Не москаль за нами?» Таким образом, рисунки, расположенные по левой диагонали «пикника», складывались в нечто, наподобие лестницы, с Эротом или Купидоном (богом любви древних греков и римлян соответственно), на её верхней ступени. Тетива его лука была натянута, а стрела нацелена точно в голову фигурки жреца.

Первая ступень правой диагонали-лестницы начиналась с календарного сообщения, привлекшего мое внимание при первой встрече с третьим «пикником». Справа к календарному сообщению примыкала башня со звездой (меньше Спасской башни) и под всем этим стояла надпись — «Слуховой аппарат ЦК». Ступенькой выше — две надписи: «Лежбище коммунистов» и «Большой цирк Шапиро»; еще ступенькой выше по правой диагонали — знакомая фигура военного из «Оборонного пикника» с маской — респиратором. На следующей ступени — две скульптурные группы борцов (где-то я их видел?) с надписью «Обмен точек зрения». Таким образом, «Место важнейших тусовок» действительно становилось местом пересечения лестниц-диагоналей, выше которого по левой диагонали сидела обезьяна с вытянутой правой лапой, а над ней, на фоне «Лебединого озера» (так почему-то был назван залив, на берегу которого расположился Петербург) — физиономия с выпученными (то ли от страха, то ли для устрашения) глазами, под которой надпись — «Большевистские штучки».

ОБОРОННЫЙ ПИКНИ

Памятка солдату и матросу, нынешнему и будущему

Если в памятке нет ответа на какой-либо интересующий тебя вопрос, обратись к командиру. Он даст необходимые разъяснения.

«И генерал, и рядовые в поле — одно братство и зовутся солдатами».

«Он Герой Советского Союза. Весь израненный, много раз латаный, он полон непреодолимого обаяния».

«Ни один русский не имеет права вспомнить Прибалтику — как он предаст нашего».

«Трещать, говорить, перебивать, вставлять, спорить, препираться, кронштадтовать могут штатские, но не офицеры и священники».

«Незаурядную отвагу может проявить и уголовник, и контрабандист, и спортсмен. Не зря Наполеон говорил, что «служить могут только дворяне"».

«Может, самое главное для воина — это отцовское начало в командире, суровость, смягченная скрытой привязанностью».

ПРИ РВОТЕ ОТТЯНИ ШЛЕМ-МАСКУ

«Дворяне и крестьяне — один класс землевладельцев. Деревня с времен Рима дает лучших в мире офицеров и у нас, и в Европе. Не знаю, откуда родом демократы, но Язовы — крестьяне из деревни Язово, что на Смоленке».

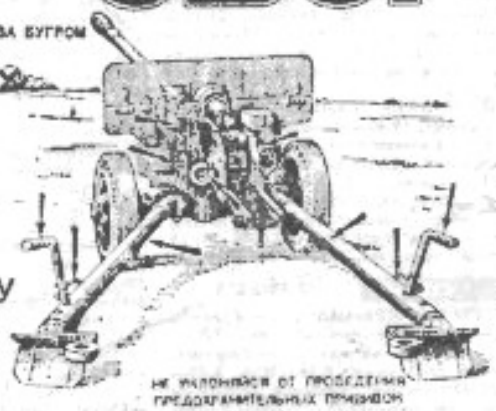
«Все офицеры нашей армии — бывалые сибиряки».

«Не русского офицера всегда отличали хорошо поставленный удар и безукоризненная вежливость».

«И Язов больше всех своих войск втайне любит десант».

«Рухт сел в Москве. По Астафьеву — генералы виноваты. Откуда Астафьеву знать, что дан волю нашим молодым летчикам, и они посадят самолеты на площадях всех столиц Европы».

Весь текст из книги Карема Рошта «На Русском направлении»



НЕ УКЛОНЯЙСЯ ОТ ПРОСЛЕДИВАНИЯ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫХ ПРИВИВОК

«Во время марш-бросков комбат Язов точно знал, на каком километре он кончит читать про себя восьмую главу «Евгения Онегина». От рапцентра до родной деревни Язову верст тридцать. На «Маскараде» Лермонтова вполне хватает.

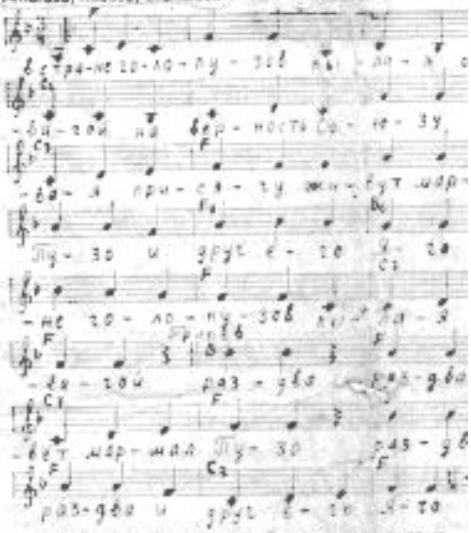
«В беседе, чтобы подкрепить мысль, министр наизусть прочтет страницу прозы из «Хаджи Мурата», вспомнит на память речь Петра перед Полтавской битвой. Напомнит, как Пушкин Пущину в Михайловском: «...8 два года не золотая"».

«Ряду офицеров близость Кремля после глухого гарнизона, похоже, просто снесла мозги, и снесла крыша». Так у нас в парламентах появились офицеры — депутаты кнопочных путчистов».

«Ясно, что батька — это Язов. Он действительно Отец. В стране сейчас таких только двое — он и патриарх Алексий II».

ПАМЯТКА-ТВОЙ ПОСТОЯННЫЙ СПУТНИК

Песнь о маршалах*

Слова Михаила Безродного Музыка Альфреда Кержнер
Amoroso, Rustico, Grandioso.**

* Песнь исполняется группой деревенских удовых, не бубне и большом барабане.

** Amoroso — любовно. Rustico — в сельском характер Grandioso — великолепно.

В стране голопузов,
Пылая отвагой,
На верность союзу
Давая присягу,
Живут маршал Пузо
И друг его Яго.
В стране голопузов,
Пылая отвагой.

Раз-два, раз-два,
Живет маршал Пузо.
Раз-два, раз-два
И друг его Яго.

Потомков Кутузова
Пузо и Яго
Дрожат Сиракузы,
Трепещет Гаага,
Дрожат Сиракузы,
Трепещет Гаага,
И Пиза с Тулузой,
И Прага с Сантьего.

Раз-два, раз-два
Дрожат и трепещут
Раз-два, раз-два
Пиза с Тулузой.

Без санкции Пузо
И маршала Яго
Ступить голопузы
Не смеют ни шагу.
Ступить голопузы
Не смеют ни шагу,
Что им не в обузу,
А только во благо.

Раз-два, раз-два
Без санкции Пузо.
Раз-два, раз-два
И маршала Яго.

Покуда у Яго
В руках аркебуза,
Покуда есть шлаги
У маркиза Пузо,
Цвести будет сагу
И зреть кукуруза.
Покуда есть марш
Яго и Пузо.

Раз-два, раз-два
Цвесть будет сагу
Раз-два, раз-два
И зреть кукурузе

И все тогда музы
Сберутся под сте
Наполнят рейтузы
универмаги,
Наполнят рейтузы
универмаги,
Зерном сядогрузы
И брагою фляги.

Раз-два, раз-два
Когда голопузы
Раз-два, раз-два
Сберутся под сте

Зовите ж, бумагоп
маратели пузу!
Спагайте же сагу
О маршале Пузо
О доблестном Яг
Баллады и блюзы
Зовите ж бумаго
маратели пузу!

Раз-два, раз-два
Спагайте же сагу
Раз-два, раз-два
Баллады и блюзы

Три сына

Было у старика три сына. Старший сын пошел в моряки, второй сын обучился на аэроплане летать, а третий сын пограничную стражу нес.

Отбыл старший сын службу, приехал героем. Одет красиво, в ленточках. Обрадовались отец с матерью и говорят:

— Ты-то приехал, а ты даже еще не отслужились.

Который был на самолете, тоже скоро приехал. Спустился самолет возле деревни, и вышел средний сын. Одет тоже хорошо, в ременном поднаме, в шапке командной. Поздоровался. Обрадовались старики и говорят:

— Хоть бы скорей младший приезжал!

А третьего сына нет и нет. Все на границе сын. Командиры очень его любили. Крепко знал он службу, правила соблюдал. Увидал он раз: враг границу переходит. Третий сын поймал врага живьем и командиру представил. Враги, конечно, озлились. Стали спрашивать за третьим сыном, напали на него как-то ночью, утащили в плен и давай выспрашивать, сколько у нас войска, да где эти войска стоят. Третий сын говорит:

— Мне про это ничего не известно. Я знаю только одну свою стражу.

На поверках враги:

— Брешь! — говорят. — Как ты солдат, то должен все знать. Иначе мы тебя не отпустим, а будем казнить.

Третий брат сказал:

— Это дело ваше. А я знать ничего не знаю. А знал бы, так все равно не сказал бы.

— Аз, ты вот, значит, какой! — говорят враги. И стали его мучить, принимаясь в него тыкать и зверства творить.

Он весь кровью изошел, голову склонил и кончался уже, а ничего не сказал. Видят враги — разговора от него не добиться, вышвырнули его обратно за границу.

А братья все ждут меньшого да думают: «Что это дорогой брат не звонится? Пора уже!» И вдруг письмо приходит: «Погиб ваш герой в руках у злодеев».

Долго плакали отец с матерью по нем, а брат, который на аэроплане летал, говорит флотскому брату:

— Поедем к товарищу Сталину, скажем: желаем быть там, где наш брат погиб.

Приехали к товарищу Сталину, говорят ему:

— Так и так, дорогой товарищ Сталин, хотелось бы отомстить злым врагам за нашего брата.

Сталин говорит: «Ладно, езжайте». И отправились они туда, где брат служил. Прилетели на границу, встречает их пограничный командир, говорит:

— Не застали вы брата своего в живых. Уж мы старались спасти, да ничего не помогло. Наука еще не достигает. Только что брат ваш кончился.

Пришли к нему братья, видят: весь он раненый, порезанный. И стали братья о нем плакать, а средний брат, который на аэроплане летать был обучен, сказал:

— Нужно нам в горы спешать. Там живые ключи бьют. И есть особенные ключи с живой водой, от этой воды заживают раны, человек выздоравливает.

Флотский брат говорит:

— Летим быстрей, найдем живой ключ.

Сели на аэроплан, полетели в горы.

Прилетели. Стали ключевые воды искать. Нашли маленький родничок. Вода у нем ключом кипит, а сама как лед холодная. Набрали они воды и думают:

нужно ее проверить. Только об этом подумали — глядь, заяц сидит. Прицелились в зайца и убили. Старший брат и говорит:

— Теперь давай этого зайца испробуем: оживет он или нет!

И стали брызгать зайца водой. Брызнули в раз, где пуля была, брызнули другой раз, а на третий — заяц зашевелился, встрепенулся. Да как вскочит! Да как побежит!

Обрадовались братья. Набрали воды в пузырек, сели на самолет и вернулись к младшему брату.

А тот лежит без движения: не спит, не дышит. Начали они на раны водой брызгать, а сами стоят возле и плачут. Брызнули раз, другой и видят: затягивают раны, затягиваются.

Брызнули в третий раз, брат зашевелился, поднял голову и сказал тихо:

— Ох, братцы вы мои, как я долго спал!

А братья и говорят:

— Вечно бы тебе спать, всем бы на диво.

Командир на радостях освободил их. Поезжайте, мол, отдохните. И они решили к родным на аэроплане слетать. Прилетели на родину, спустились возле деревни, пошли к своим родителям. Народ, конечно, знал, что меньшой брат убит,— смотрит, а меньшой живехонек. Только очень уж он худой да бледный, даже краски в лице нет. Побежали люди вперед братьев к старикам:

— Ваши детки идут. И младший живой, только очень тощой.

Обрадовались мать и отец, запаниковали. Родным и тощой в радость.

Пожили они с недельку и говорят:

— А теперь нужно съездить к Сталину. Поедемте, братцы, все трое.

Отец с матерью говорят:

— Вы хоть мучного Егора оставьте.

— Нет,— говорит Егор.— Я не останусь. Мне — к Сталину.

Так и сделали. Сели в аэроплан, поехали. Приезжают к Сталину, дают ему знать.

Сталин, конечно, позвал их в Кремль, пригласил садиться, велел рассказывать, как они брата своего спасали. Очень радовался Сталин, что спасен Егора, роль всем дал и говорил:

— Что вам от меня желательно?

Меньшой брат, который выздоровел, ответил:

— Желаем все трое не разлучаться, вместе быть. Желаем все на Дальнем Востоке на границе служить.

Сталин им ответил:

— Так тому и быть. Героям не отказываешь. Я таких героев очень обожаю и люблю.

Дал он им орденов, и уехали братья на границу.

Пошел меньшой брат на стражу, увидали его враги, кричат:

— Эй, Егор! Это ты?

— Я самый,— говорит он.

— Ведь мы тебя убили,— удивились они.

Егор отвечает:

— Вы нас как ни убивайте, мы опять оживем.

Побежали враги в испуге к своим начальникам, докладывают. Начальники тоже как перепугались, за голову хватаются:

— Это никуда не годится такое дело. Как нам теперь быть, что нам теперь с ними делать! Выходит, что нам их никогда не уничтожить.

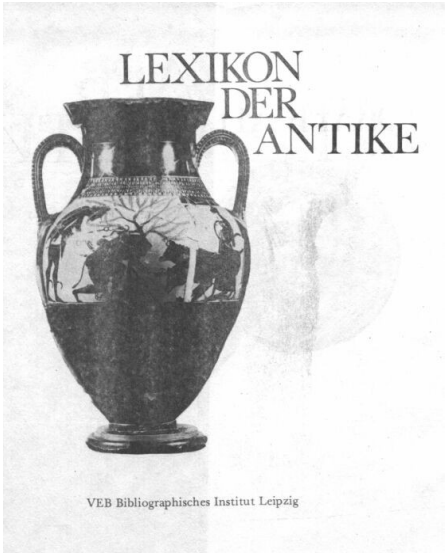
«Современные русские сказки»
Библиотека «Огонек»
Москва — 1960

Странные ассоциации вызывали картинки третьего пикника: было ощущение, что некоторые из них мне знакомы, — особенно скульптурные группы по левому и правому берегу Невы, русло которой обрывалось словом «след», написанным от руки. Тут же была и сама «рука», ведущая этот «след», а ниже — загадочная надпись «течет вода Москвы-реки, куда велят большевики». Вспомнился комментарий Холмса по истории отношений троцкистов и большевиков в России, тем более что самый крупный и яркий лозунг «пикника», висевший над головой Маркса, гласил: «Придём к изобилию коммунизма!». Лозунг поменьше, расположенный по правому полю этого ребуса, словно подводил итоги какой-то опасной для Москвы операции: «Народ, армия, Сталин, — спасли тебя Москва!»

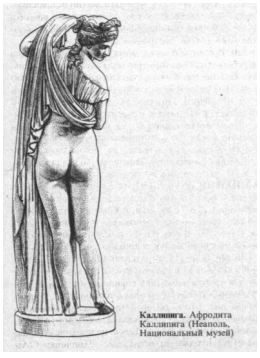
Так я пытался пересказать для себя содержание «Пост исторического пикника», чтобы придать его многочисленным картинкам хотя бы видимость упорядоченности, но, перечитав написанное, понял, что упустил многие, возможно важные детали ребуса, которые просто не знал, как встроить в складывающуюся в моём сознании мозаику.

Например, мне была непонятна роль Эврипида, на голову которого автор «пикника» зачем-то надел еврейскую ермолку и назвал его — ЕврейПид; для чего напротив двух пальм, склонившихся влево в сторону Колизея, были расположены две елочки (одна большая и старая, другая поменьше и молодая), свалившиеся вправо; почему напротив Пизанской башни располагался «Желтый дом» по архитектуре и месторасположению напоминавший штаб троцкистов в октябре 1917 года — «Смольный» и почему рыба в «Лебедином озере» — дохлая? Чем больше я всматривался в картинки трех «пикников», тем сильнее меня охватывало ощущение их закрытой пока для меня взаимосвязи.

Чтобы проявить эту взаимосвязь, мне необходимо было вспомнить, где я



мог видеть хотя бы одну из картинок, и ухватившись за нее, как за звено, вытащить всю цепь. За ключевую картинку я взял фигуру обнаженной женщины из третьего «пикника» с лозунгом «Свободной России — свободную любовь!» и прокручивая в памяти, как в кино, зрительные образы последних лет, добрался до Неаполя, в котором был проездом осенью 1998 года перед отплытием в Сицилию. Тогда, в яркий солнечный день 11 сентября, в ожидании парома на остров, я забрел в Национальный музей и там увидел точно такую же статую, название которой в переводе с греческого тогда поразило меня своей откровенностью — «прекраснозадая». Сейчас я никак не мог вспомнить, как же она называлась по-гречески. Пришлось какое-то время поработать с греческим словарем, прежде чем всплыло забытое имя — «Каллипига». Дальше было уже просто. Я достал с книжной полки немецкий «Словарь Античности» Йоханнеса Ирмшера и Ренаты Йоне, лейпцигского издания 1987 года, и сразу же нашел знакомую фигуру.

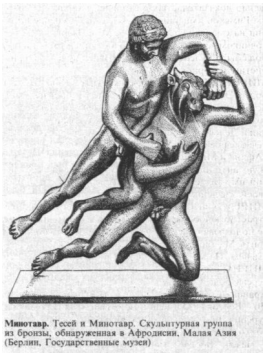


Да, это была статуя Афродиты Каллипиги, что в переводе с греческого действительно означало — прекраснозадая. В словаре я прочитал, что «мраморная статуя её хранится в Национальном музее в Неаполе (копия греческого оригинала III в. до н.э.), изображающая женскую фигуру, в изящном повороте обнажающую зад. Считается, что эта статуя Афродиты Каллипиги особенно почиталась в Сиракузах». Сиракузы!? — так это же «Оборонный пикник», в котором во втором куплете «Песни о маршалах» есть слова про Сиракузы:

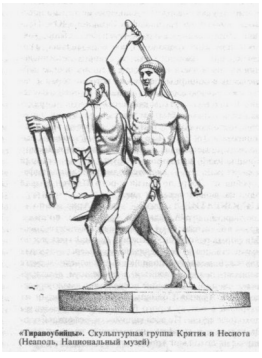
Дрожат Сиракузы,
Трепещет Гаага,
И Пиза с Тулузой,
И Прага с Сантьяго.

Сантьяго? Сантьяго!.. ну конечно же! Только сегодня утром Холмс, рассказывая о троцкистах, упомянул военный переворот в Чили, основные события которого происходили в Сантьяго. Итак, первое звено в цепочке загадочных картинок, похоже, схвачено верно. Некоторые статьи «Словаря античности» были иллюстрированы, и я решил полистать его, на предмет идентификации других картинок. Результат превзошел все мои ожидания. Более половины картинок третьего «пикника» были приведены в этом словаре. Сделав необходимые закладки, я принялся за их изучение на предмет выявления ассоциативных связей меж ними.

Оказывается на левом берегу Невы расположилась довольно известная скульптурная группа из бронзы «Тесей и Минотавр». В прилагаемой статье сообщалось, что Минотавром в греческой мифологии называлось чудовище — человекобык. Видимо мать этого чудовища, Пасифая, решила таким образом «наставить рога» своему супругу Миносу, который приказал поместить плод запретной любви «светящейся» куртизанки (Пасифая по латыни — светящаяся) и «кносского ловеласа» (огнедышащий бык — сожитель Пасифаи из Кносса) в специально выстроенный лабиринт, где он и был убит Тесеем за то, что тот в виде дани ежегодно пожирал по семь самых прекрасных афинских юношей и девушек, отдаваемых на съедение Минотавру. Получалось, что Тесей, пресёкший эту тиранию, — что-то вроде первого демократа.



Минотавр. Тесей и Минотавр. Скульптурная группа из бронзы, обнаруженная в Афродисии, Малая Азия (Берлин, Государственные музеи)



«Тираноубийцы». Скульптурная группа Крития и Несиота (Неаполь, Национальный музей)

На правом берегу Невы — скульптурная группа древнегреческого ваятеля из Афин Антенора — «Тираноубийцы» (Гармодий и Аристогитон). Интересно, а с кем же они боролись? В словаре сообщалось, что «Тирания», как форма государственной власти, возникла в Греции в конце VII в. до н.э., в процессе борьбы между разлагавшейся аристократией и растущими народными массами; появлялась прежде всего в городах с высокоразвитой экономикой; законодательство при тирании формально сохранялось почти всегда, хотя в полисах устанавливалось единоличное правление. Тираны проводили политику, направленную на улучшение положение демоса, оказывали всяческую поддержку развитию ремесла и торговли, изобразительного искусства и поэзии. Естественно, что негативная оценка тирании впервые была дана в период демократического правления, отрицавшего основополагающий принцип тирании — единовластие. Среди греческих

тиранов в словаре особо отмечены два тирана из Сиракуз (снова Сиракузы!): Гиерон I и Гиерон II. Получается, что «тираноубийцы» — очень воинственные демократы?

Рядом с «Тираноубийцами» в словаре оказался и план неизвестного сооружения, который в третьем «пикнике» назван «Белым домом». В действительности — это был план древнего греческого города Тиринфа с крепостью в Арголиде, построенного во второй половине 2 тыс. г. до н.э. южнее Микен. В словаре сообщалось, что первые постройки датируются 3-м тысячелетием до н.э., последние — к XIII в. до н.э. Каждое сооружение на плане города-крепости было пронумеровано, причем числом 11 отмечена… баня.

Тиринф. План крепости: 1 — наклонный въезд; 2 — внешние ворота; 3 — внутренние ворота (между ними тюрьма); 4 — передний двор; 5, 6 — казематы; 7 — внешние пропилеи; 8 — внешний дворцовый двор; 9 — внутренние пропилеи; 10 — внутренний дворцовый двор; 11 — баня; 12 — мегарон с троном; 13, 14 — небольшие мегароны; 15 — средняя крепость; 16 — башня; 17 — западные ворота

Если «Тиринф» для автора «Пост исторического пикника» — символ Нью-Йорка, то место кровавой бани — ВТЦ он указал точно. Интересно, что еле заметное число 11 на картинке «пикника», указующее на злосчастную баню, есть, а вот хорошо видное число 17, которым на плане «Тиринфа» в словаре отмечены Западные ворота, в «пикнике» отсутствует. Но ведь и в финале «Пиковой дамы» у Пушкина Герман сходит с ума, сидит в больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..» Может быть, таким образом Пушкин хотел показать, что над Западом довлеет число 17? А авторам «пикника» по каким-то причинам это число не нравится?

Слон. Индийский боевой слон времен Александра Македонского

Картинка с «боевым слоном», отмеченная надписью «Место важнейших тусовок», тоже нашлась в словаре с пространным объяснением, где и когда использовались «боевые слоны». Объяснялось, что они ценились за большую силу, смышленость и психологическое воздействие на пехоту и кавалерию противника. Отмечалось, что слоны использовались в сражениях Александром Македонским, увязшим каким-то образом в Афганистане, а я вдруг вспомнил, что «слон» — символ республиканской партии в США. Сегодня она у власти и собирается влезть в это «важнейшее место тусовок».

Картинки римского «Колизея» в словаре не было, зато из статьи о Колизее я узнал, что это древнее сооружение получило свое название от колосса Нерона, стоявшего рядом с амфитеатром. Естественно я вспомнил про «Колосса Родосского» из первого «пикника» и узнал, что причисляемый к одному из семи чудес света, он представлял собой бронзовую статую Гелиоса высотой всего лишь 37 метров, стоявшего, раздвинув ноги над входом в гавань. Её создал Харет из Линда в 285 г. до

н.э. 58 лет спустя, то есть в 227 г. до н. э. (снова сумма цифр дает роковое 11) колосс был разрушен землетрясением, так как каркас его был сделан из железа и камня. Колосс же Нерона, созданный в 58 г.н.э. Зенодором, был на два метра выше «колосса Родосского». Император Веспасиан приказал превратить колосс в статую Гелиоса, а император Адриан перенес его в амфитеатр Флавиев, который с тех пор и стал называться Колизеем. Правда, после всех этих поисков назначение странной надписи под «Колизеем» — «Туалеты, занятые путчистами», — яснее для меня не стало.

Было далеко за полночь, когда я решил остановить своё расследование. Более того, я вынужден был признать, что путешествие по словарю античности хотя и обогатило мои познания в истории и даже помогло установить кое-какие информационные связи меж «пикниками», не приблизило меня к разгадке всего ребуса.

Ночь была тревожной. Я долго не мог уснуть, а когда под утро наконец забылся в тяжелой дремоте, в моих полусонных грёзах, точно в калейдоскопе крутились картинки из «пикников», отображая какую-то «борьбу идей» в глубинах подсознания. Причем гигантские башни Всемирного Торгового Центра Манхеттена принимали форму то ног «Колосса Родосского», каждая из которых стояла на своем берегу входа в гавань древнего порта, то контуры Спасской башни и еще какого-то неизвестного мне петербургского храма; причем откуда-то всплывала надпись — «Храм на крови». Может это и был купол храма Василия Блаженного? Весь день я, наверное, походил на пушкинского Германа из «Пиковой дамы», поскольку часто отвечал невпопад и, где только мог, складывал цифры в числах, ожидая в результате получить роковое число 11. Это могли быть номера домов, автомашин, телефонов.

23 — 24 сентября. «Матрица»

В воскресенье, после ужина я решил остановиться и переключился на чтение больших записок из папки Холмса. Первой моё внимание привлекла записка о фильме «Матрица», распечатанная с русского сайта www.dotu.ru. Перевод был вполне приличный, хотя и чувствовалось, что переводил не англичанин, а русский, неплохо владеющий английским, разбавленным американским слэнгом. Записка называлась «Матрица «Матрице» — рознь». Фильм я смотрел еще в прошлом году. Тогда он мне показался боевиком, несколько более эксцентричным, чем другие современные боевики, и потому я приступил к записке в надежде на легкое чтиво. Каково же было мое удивление, когда после первого раздела с кратким изложением сюжета фильма, я вдруг обнаружил, что почти ничего не понимаю из прочитанного. Я остановился и задумался: в чем дело? Каждое отдельное слово понятно, но смысл фразы в целом — ускользал. Складывалось впечатление, что всё написано на каком-то незнакомом языке, только внешне напоминающем английский. К концу вечера я едва осилил первых два раздела, а на третьем — застрял окончательно. Правда, и название его было необычным: «Математика и Божий промысел». Часы пробили полночь, когда я сдался и пошел спать. Несмотря на трудную работу с необычным текстом, утром я почувствовал себя бодрым и отдохнувшим.

— Надо посмотреть фильм заново, иначе мне трудно будет понять содержание записки.

С этой мыслью я отправился в понедельник утром в редакцию и по дороге приобрел видеокассету с «Матрицей». Закончив свои обычные дела, я пытался вечером смотреть «Матрицу» глазами автора аналитической записки. То ли хороший сон прошлой ночью, то ли вчерашняя трудная работа с текстом, но ощущение у меня было такое, будто этот фильм я вижу впервые. Или я обрел какое-то иное видение привычных вещей? Ободренный этой мыслью, я снова принялся за чтение записки и добрался до четвертого раздела под названием “«Матричное» управление”. Раздел оказался ключевым, ибо вывел меня на понимание нового вида власти, отличной от всех известных ранее — власти концептуальной. Я еще раз внимательно перечитал заинтересовавшую меня часть раздела:

«И соответственно есть вид власти, не попавший в поле зрения традиционной политологии и потому лежащий вне её понимания, но тем не менее неразрывно связанный с процессами, имеющими место в *мире (реальности) матриц-предопределений*. Во-первых, это подвластность общества некой матрице или набору матриц; во-вторых, это власть над обществом тех людей, которые обладают способностью к уничтожению, преобразованию и порождению прежде не проявлявшихся частных матриц, предопределяющих жизнь обществ в пределах Всеобъемлющей Матрицы — Божьего Предопределения бытия.

И если попытаться описать содержание такого рода матриц, то получится ***концепция жизни общества*** как некий идеал и как набор средств, предназначенных для воплощения этого идеала в жизнь. Соответственно этому, власть на основе матричных процессов мы называем уже многие годы ***властью концептуальной***.

При этом следует понимать, что концепция жизни общества — это не идеология. Идеология — даже не всегда выражение концепции, а одно из средств проведения концепции в жизнь. Так, в истории человечества все наиболее изощренные системы рабовладения были прикрыты идеологиями освобождения людей труда от угнетения; но именно это и составляло суть тех концепций, которые прикрывались идеологическими системами освобождения от рабства, оставаясь сами собой на протяжении многих веков и успевая при этом сменить несколько идеологических оболочек. И концепция жизни общества это и не его действующее законодательство или законотворческие прожекты. Всякое законодательство — это пограничные рубежи или линии фронтов, на которых одна концепция защищает себя от осуществления в том же обществе другой, не совместимой с нею концепции».

Действительно после 11 сентября мир стал другим. Если бы до «черного вторника» мне попался на глаза этот текст, я, скорее всего, отбросил бы его не читая, но сегодня, спустя 13 дней после того, что произошло с Америкой, я ощущал за этими словами какую-то незнакомую мне силу и уверенность в правоте того дела, суть которого люди их написавшие пытались обозначить. Даже не схватывая некоторых деталей текста, я понимал то целое и главное, которое словами иногда передать невозможно.

Один абзац в четвертом разделе был подчеркнут, по-видимому самим Холмсом:

«Входя в мир, порожденный всякой вложенной матрицей, из её объемлющей матрицы высшего порядка, достаточно объявить всех своих противников несуществующими, бессильными или как-то иначе преобразованными; объявить себя невидимым и всемогущим (заведомо бессмертным и неуничтожимым в мире, материя которого наполняет вложенную матрицу). После этого исчезнет необходимость во всех театральных эффектах со стрельбой, драками, исчезновениями по телефонным кабельным линиям и трагической невозможностью скрыться от преследователей, растворившись в воздухе; либо оставить их наедине с навеваемыми их «Матрицей» грезами, скрывшись по мобильной телефонной связи. Во всех этих пижонских зрелищных эффектах на

публику при *действительном вхождении в процесс если не из объемлющей матрицы,* то хотя бы из альтернативной матрицы равного порядка значимости, нет никакой необходимости; такое даже трудно отнести к развлечению с целью поиска какого-либо удовольствия».

Я смутно догадывался, что этот абзац имел какое-то отношение и к событиям 11 сентября, и к разгадке «пикников», тем более, что именно на него обратил внимание мой друг Холмс, однако сам пока ничего определенного сказать по этому поводу не мог. В то же время текст записки вызывал у меня недоумение в отношении поведения Холмса.

— Если Холмс это читал, то почему никогда не обсуждал со мной столь важной проблемы? Хотел, чтобы я разобрался в этом самостоятельно? Не пришло время говорить о таких вещах? Либо у самого Холмса (!!!??? — изумился проскользнувшей мысли Ватсон) есть проблемы с пониманием этого, и он просто не знает, что и как об этом сказать?

Чем глубже я погружался в содержание записки, тем больше понимал, что имею дело с какой-то новой философской системой, разработанной в России группой, назвавшейся Внутренним Предиктором СССР. Знакомое слово «предиктор» было в общем-то понятно на бытовом уровне: «предиктор» — предсказатель, но вдруг вспомнился одноклассник, лепетавший слова «предиктор-корректор», отказываясь идти на какую-то вечеринку, совпавшую в студенческую сессию с кануном какого-то экзамена. Воспоминания об однокласснике привели меня в математический справочник, в котором я нашел описание одного из методов вычислительной математики под названием «предиктор-корректор», в котором: *«последовательными приближениями находится решение задачи; при этом, алгоритм метода представляет собой цикл, в котором в последовательности друг за другом выполняются две операции: первая — прогноз решения и вторая — проверка прогноза на удовлетворение требованиям к точности решения задачи. Алгоритм завершается в случае, когда прогноз удовлетворяет требованиям к точности решения задачи».*

Так мне стало ясно, что я впервые столкнулся с каким-то новым понятийным и терминологическим аппаратом, на основе которого малодоступные обыденному сознанию разделы знаний могут быть представлены читателю достаточно ясно и в предельно сжатом виде. Например, доступный на Западе только узким специалистам курс психологии, в записке был изложен практически на одной странице. Мне это показалось настолько важным, что я решил сохранить для себя этот фрагмент, хотя бы для того, чтобы найти потом объяснение картинке с обезьяной на третьем «пикнике»:

«Психика всякого индивида — многокомпонентная информационная система. Точнее психика — информационно-метрическая система, поскольку психика — это прежде всего алгоритмика, а *алгоритмика — это последовательность шагов преобразования информации, что невозможно без разного рода свойственных алгоритмике матриц — преобразователей мер, которые представляют собой разного рода «кальки» с объективной всеобъемлющей меры-матрицы — Высшего Предопределения бытия*.

Психика порождает поведение человека на основе того, что в компьютерном деле принято называть информационным обеспечением. Информационное обеспечение поведения человека разнородно и включает в себя:

- инстинкты биологического вида «Homo Sapiens»;
- навыки, воспринятые из культуры общества в готовом к употреблению виде и отрабатываемые большей частью (как и инстинктивные программы) автоматически в ситуациях раздражителях;

- плоды собственных интеллектуальных усилий индивида;
- интуицию, которая также не однородна, а включает в себя:
  - результаты автономной (изолированной от среды) работы бессознательных уровней психики самого индивида;
  - духовное (биополевое) воздействие на его психику коллективной психики, в поддержании которой индивид соучаствует в духовном мире;
  - наваждения извне и одержимость, как результат полевого воздействия на индивида со стороны других субъектов как воплощенных, так и бесплотных духов;
  - непосредственное водительство Свыше.

Информационное обеспечение поведения, проистекающее из названных разнородных компонент, не во всех жизненных обстоятельствах бесконфликтно сочетается с информационным обеспечением поведения, проистекающим из других компонент. В зависимости от того, чему индивид отдает предпочтение, позволяя той или иной алгоритмике реализоваться в его поведении как в вещественном, так и в духовном мирах, складывается строй его психики, даже если индивид не осознает, что это такое. Вследствие неоднозначности отдания предпочтения при разрешении конфликтов между разнородными компонентами информационного обеспечения поведения в психике каждого, в обществе прослеживается более или менее ярко выраженная тенденция к поляризации:

- на одном полюсе те, кто большей частью бессознательно стремится всё подчинить удовлетворению своих инстинктивных потребностей;
- на другом полюсе те, кто более или менее осознанно стремится привести всё к ладу с Божьим промыслом и жить в русле Божьего водительства.

Первые являются носителями животного строя психики и по существу представляют собой говорящих человекообразных обезьян, более или менее выдрессированных воздействием культурной среды цивилизации. Вторые находятся на разных стадиях пути к тому, чтобы необратимо стать человеками — носителями человечного строя психики.

Между этими двумя полюсами общества рассредоточились (в математическом смысле статистического распределения) все остальные: разнородные биороботы-зомби — те, кто отвергает свободу своего разума в постановке и решении задач, а также отвергает и интуицию, подчиняя свою волю внешним факторам.

Среди зомби выделяется один специфический отряд — демонические личности — те, кто не отказывается от разума и интуиции, но отвергает при этом водительство Свыше и пребывает в опьянении своеволием как своим собственным, так и некоторых из числа окружающих воплощенных в веществе или пребывающих в полевой форме сущностей.

Но при более пристальном рассмотрении все зомби, включая и демонические личности, — одинаково носители животного строя психики, чьи инстинкты закованы в кандалы норм культуры или выступают (как в прямом, так и в извращенном виде) под разновидными масками оболочек формальных новшеств в культуре гедонизма, подчиняющей все компоненты психики извлечению из всего и вся — удовольствий».

Я вспомнил субботние рассуждения Холмса о «гоминидах», когда мы пытались выяснить мотивы преступления в Нью-Йорке и Вашингтоне.

— А может он этого не читал, или кроме записки о фильме «Матрица» у Холмса есть еще какие-то материалы по проблеме психиатрии?

И тут у меня встал вопрос, которого я не замечал, пока получал медицинское образование и занимался врачебной практикой: Почему психиатрия на Западе — отрасль медицины, а не отрасль общей психологии? Не потому ли, что психологическая наука несостоятельна, вследствие чего психиатрия гарантированно может только изолировать от общества пациентов, но далеко не всегда может вернуть обществу

человека? По этой же причине психологи уклоняются от вторжения в область психиатрии, предпочитая развивать отрасль псевдонаучной литературы? А при соприкосновении с нею в психике доверчивых обывателей на пустом месте возникает «эдипов комплекс», «латентная и подавленная гомосексуальность» и другие общественно опасные сценарии поведения личности. Иными словами, не подобны ли отношения психологической науки и обывателей на Западе отношениям Совы и Винни Пуха, чья голова была полна опилок:

— Винни, ты читать умеешь?

— Вообще-то нет, но если мне сказать, что там написано, то я прочитаю.

— Ну, так слушай, глупенький медвежонок: «Здесь написано…»

Но нет на Западе и психиатрии, которая могла бы вылечить жертв психологов, кормящихся графоманством на темы о глубинах человеческой души, и самих психологов.

И кто этот «Внутренний Предиктор СССР», если чуть ли не прямо говорит об этой психической болезни целой цивилизации, чья пропаганда убеждает всех в её безальтернативности на основе неоспоримого превосходства во всём? Бр-р-р… От этой мысли мурашки побежали по коже… И не общается ли с ним как-то тайно сам Холмс?

Движимый любопытством, я решил сам заглянуть на сайт www.dotu.ru и пожалел, что не имею русифицированной версии «Микрософт офиса» на своем портативном компьютере с процессором Пентиум-IIIM. В английской версии сайта, кроме двух аналитических записок, которые мне оставил Холмс, было краткое сообщение о направленности основных работ по Концепции Общественной Безопасности, как альтернативы библейской концепции управления, и одновременно всем посетителям сайта предлагалось учить русский язык, для более успешного освоения новой концепции.

Я мысленно поблагодарил держателей сайта за совет и решил для начала просмотреть некоторые работы, рассчитывая найти среди них файлы с «картинками», в тайной надежде встретить среди картинок загадочные «пикники». Расчет был на то, что графические файлы, особенно такого типа как «пикники», должны занимать много места в информационной базе сайта. На эту операцию я потратил много времени, прежде чем вышел, наконец, на файлы с «картинками». К сожалению, они не имели никакого отношения к «пикникам», а представляли собой копии каких-то картин русских художников. Тогда я понял, что у меня всего два пути при движении к намеченной цели. Первый — долгий и трудный: установить на своем компьютере средства поддержки русского языка и, используя свои (далеко не совершенные) знания языка, попытаться самому разобраться в основных работах Внутреннего Предиктора, после чего информационно подготовленным снова вернуться к «пикникам». Однако, вспомнив трудности, с которыми я столкнулся при чтении аналитической записки по фильму «Матрица», я решил, что остальные работы вряд ли будут легче по содержанию, и посчитал первый путь бесперспективным. Второй путь казался мне более простым, но его реализация требовала посторонней помощи.

25 — 30 сентября. Книги Холмса

За последние десять лет в Лондоне появилось много новых эмигрантов из России: одни занимались бизнесом, другие преподавали в университетах и частных колледжах, третьи работали в информационной сфере. К

сожалению, у меня не было знакомых в этой среде и потому я вынужден был обратиться за посредничеством к мистеру Хопкинсу, который имел широкий круг знакомств среди русских эмигрантов.

— У меня действительно есть знакомые среди русских эмигрантов, — начал Хопкинс, — но прежде я хотел бы знать, Ватсон, что вас конкретно интересует в России?

— Меня интересует последнее десятилетие России после развала Советского Союза.

— Что я слышу, Ватсон? Может вам надоели шахматы и вас потянуло в политику? Десять лет, как русские ушли из Афганистана, да и вы, насколько мне помнится, после возвращения из этой заварушки слышать ничего не хотели о политике. Ну, хорошо, хорошо! В конце концов, это ваши проблемы. Я постараюсь поговорить с одним русским, который, как мне кажется, сможет удовлетворить ваш интерес к России. Дня через два я вам позвоню и мы посидим где-нибудь, ну, например, в Уолдорфе. Как, Ватсон, вас устроит Уолдорф?

Как бы я ни был далек от того, что ныне принято называть словом «политика», я полагал, что имею общее представление о том, что произошло в России за последние 10 лет: СССР, как «сверхдержава № 2», распался на множество государств, среди которых Россия стала правопреемницей бывшей «империи зла». Рассуждая таким образом о России, я поймал себя на мысли, что думаю устоявшимися клише, сформированными нашими средствами массовой информации под влиянием богатого и сильного партнера моей старой и доброй Англии.

И вдруг вспомнился бывший президент США, заявивший в прямом эфире телевещания о том, что им только что подписан указ, в соответствии с которым СССР объявлен вне закона и вооруженные силы США должны нанести ядерный удар по «империи зла». Как потом выяснилось, Рейган пошутил, думая, что ещё продолжается настройка и проверка аппаратуры, в то время как уже началось вещание его телевизионного обращения к стране. Хороши «шуточки» для главы «сверхдержавы № 1»… И всем нам крепко повезло, что на эту *«шутку»* «сверхдержава № 2» не отреагировала ответно-упреждающим массированным ударом.

— Русские прозевали это по существу объявление им войны в прямом эфире телевещания? либо у них крепкие нервы, и они знают, с кем имеют дело? И как я в действительности отношусь к Америке?

Вопрос, неожиданно всплывший из глубин подсознания, заставил меня размышлять о предметах, которые для западного обывателя относятся к категории «само собой разумеющихся», и я вдруг обнаружил, что не имею на него определенного ответа. Почему-то это состояние мне не понравилось. А может все дело в загадочном названии «Внутренний Предиктор СССР», отдающим ностальгией по ушедшей в прошлое империи? Мы, англичане, этой болезнью уже переболели, но может быть ностальгия — особое свойство загадочной русской души? Или русская империя всё же не стала достоянием прошлого, а её спецслужбы, имея далеко идущие планы на будущее и шаг за шагом осуществляя их, сыграли в поддавки с наивным Западом? От этих вопросов легче не стало…

Вернувшись домой, я взял книги, оставленные Холмсом и вторую записку с сайта www.dotu.ru. Книг было три и я привожу их названия в том порядке, в каком их оставил мне Холмс.

1. Збигнев Бжезинский. «Великая шахматная доска» (Господство Америки и его геостратегические императивы)

2. Ральф Эпперсон. «Невидимая рука. Ведение во взгляд на историю как на заговор».
3. М.Байджент, Р.Лей и Г.Линкольн. «Священная кровь и священный Грааль».

Поскольку записка представляла собой рецензию на работу профессора американской внешней политики в *Школе современных международных исследований Пола Х.Нитце* при *Университете им. Джона Хопкинса* в Вашингтоне, бывшего советника по национальной безопасности американского президента в 1977 — 1981 гг., консультанта Центра стратегических и международных исследований и прочая, прочая, а название рецензии («Эгоист подобен давно сидящему в колодце»), — по сути уже было определенной характеристикой автора книги и напоминало о прочитанной в детстве сказке Оскара Уайлда «Эгоистичный великан», то можно сказать, что выбора у меня практически не было. Вечер пятницы, субботу и воскресенье, я посвятил чтению «Великой шахматной доски». Кому-то может показаться странным, но книга Бжезинского помогла мне ответить на вопрос, который раньше передо мной никогда не вставал: «Как я отношусь к Америке?»

Из текста книги было видно, что в шахматах Бжезинский мало что понимает, а своей книге просто дал броское название, выразив в ней много вожделенных желаний о будущем мировом порядке, но ничего не сказав по существу о стратегии — как о своде методов, — воплощения своих желаний в жизнь. Если переноситься в область шахматных аналогий то это всё было подобно тому, как если бы кто-то, едва зная, как ходят фигуры на доске, заявил бы о гарантированном для него выигрыше шахматной партии против любого соперника, не зная при этом ни шахматных теорий и не обладая чувством игры в шахматной партии. Разделавшись с фразёрством Бжезинского с мыслью о том, что «пешка» пишет мемуары, вообразив себя «ферзём», я наконец-то взялся за рецензию, начало которой по существу выражало мое мнение, но без шахматных аналогий. Мне понравился намек на «интеллектуальные мускулы» бывшего советника по национальной безопасности американского президента:

«Есть предание, относящееся ко временам греко-персидских войн эпохи античности. Многочисленная армия и флот Персии, которая к тому времени уже подчинила многие народы и вышла к берегам Средиземного моря, нависали над цивилизацией Эллады, на первый взгляд, обладавшей гораздо меньшей мощью и контролировавшей меньшие «людские» и материальные ресурсы, чем её потенциальный поработитель. И с началом войны кто-то из мудрых решил показать греческому войску их будущих противников такими, какие они реально есть. Войско построили на поле и перед его рядами *в голом виде* выпустили группу пленных персов. Как известно, хотя бы по античной скульптуре, греки в те времена особое внимание уделяли военно-прикладному телесному развитию. Когда эти люди, с детства целенаправленно занимавшиеся физической подготовкой, увидели голых персов, то они чуть не попадали со смеху, поскольку не могли представить себе, что такие хилотусы, пусть даже и собранные в многочисленное войско, могут быть опасным противником на поле боя. Последующие военные действия завершились решающей победой греков над хилотусами, претендовавшими в ту эпоху на установление безраздельного мирового господства своей державы и последующее определение облика всего мира».

Авторы рецензии обстоятельно познакомили меня с Директивой СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 года, которая называлась «Наши цели в

отношении России»[1], а также с выдержками из другого, не менее *агрессивного, — если отрешиться от сложившихся самих собой политических пристрастий и опасений,* — документа того же самого департамента — Директивой СНБ-68 от 30.09.1950.

Смелость оценок в рецензии была основательно подкреплена убедительным освещением современной глобальной стратегии, но особенно меня поразили четко сформулированные приоритеты обобщенных средств управления обществом, которые при определенных обстоятельствах могут восприниматься противостоящей стороной в качестве оружия:

---

[1] Фрагменты этой директивы цитируются в переводе на русский по книге Н. Н. Яковлева “ЦРУ против СССР” (М., 1985 г., с. 38 — 40 выборочно):

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

…Мы не связаны определенным сроком для достижения своих целей в мирное время.

…Мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события… Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события… Как правительство, мы не несем ответственности за внутренние условия в России…

…Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые не придутся им по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть — это их, а не наше дело…

…Речь идёт прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля.

…Не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

…Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнение чисто военных условий (сдача вооружений, эвакуация ключевых районов и т.д.) с тем, чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

…Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

Из Директивы СНБ-68 от 30.09.1950 г. (Там же, стр. 64, 65):

«…сеять семена разрушения внутри советской системы с тем, чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику… Но без превосходящей наличной и легко мобилизуемой военной мощи политика “сдерживания”, которая по своему существу политика рассчитанного и постепенного принуждения, не больше, чем блеф.

…Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушить иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и

«Всякое общество *так или иначе* управляется, по какой причине глобальный исторический процесс возможно рассматривать в качестве глобального процесса управления, во-первых, объемлющего множество процессов региональных управлений (политик региональных государств и международных, государственно не оформленных сил: мафии, еврейство диаспоры) и, во вторых, протекающего в иерархически высших по отношению к нему процессах жизни Земли и Космоса. Соответственно этому, при взгляде с позиций достаточно *общей теории управления* на жизнь обществ на исторически длительных интервалах времени (сотни и более лет), средствами воздействия на общество, осмысленное применение которых позволяет управлять его жизнью и *смертью*, являются:

1. Информация *мировоззренческого* характера, методология, осваивая которую, люди строят — индивидуально и общественно — свои «стандартные автоматизмы» распознавания частных процессов в полноте и целостности Мироздания и определяют в *своем восприятии* иерархическую упорядоченность их во взаимной вложенности. Она является основой *культуры мышления* и полноты управленческой деятельности, включая и *внутри-общественное полновластие* как в пределах региона, так и в глобальных масштабах.

2. Информация летописного, *хронологического,* характера всех отраслей Культуры и всех отраслей Знания. Она позволяет видеть направленность течения процессов и соотносить друг с другом частные отрасли *Культуры в целом* и отрасли Знания. При владении сообразным Мирозданию *мировоззрением*, на основе *чувства меры*, она позволяет выделить частные процессы, воспринимая «хаотичный» поток фактов и явлений в *мировоззренческое «сито» — субъективную человеческую меру распознавания.* (В настоящем контексте под культурой понимается вся информация, в преемственности поколений не передаваемая генетически).

3. Информация *факто-описательного* характера: описание частных процессов и их взаимосвязей — существо информации третьего приоритета, к которому относятся вероучения религиозных культов, светские идеологии, технологии и фактология *всех отраслей* науки.

4. Экономические процессы, как средство воздействия, подчиненные чисто информационным средствам воздействия через финансы (деньги), являющиеся предельно обобщенным видом информации экономического характера.

5. Средства геноцида, поражающие не только живущих, но и последующие поколения, уничтожающие *генетически обусловленный потенциал* освоения и развития ими культурного наследия предков: ядерный шантаж — угроза применения; алкогольный, табачный и прочий наркотический геноцид, пищевые добавки, все экологические загрязнители, некоторые медикаменты — реальное применение; «генная инженерия» и «биотехнологии» — потенциальная опасность.

6. Прочие средства воздействия, главным образом силового, — *оружие* в традиционном понимании этого слова, убивающее и калечащее людей, разрушающее и уничтожающее материально-технические объекты цивилизации, вещественные памятники культуры и носителей их духа.

Хотя однозначных разграничений между средствами воздействия нет, поскольку многие из них обладают качествами, позволяющими отнести их к разным приоритетам, но приведенная *иерархически упорядоченная* их классификация позволяет выделить доминирующие факторы воздействия, которые могут применяться в качестве средств управления и, в частности,

---

восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах.

...Помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля — первый и важный шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что это обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу, наверняка, обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением силы свободного мира и перенесение её в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы».

в качестве средств подавления и уничтожения управленчески-концептуально неприемлемых явлений в жизни общества.

При применении этого набора внутри одной социальной системы это — обобщенные средства управления ею. А при применении их же одной социальной системой (социальной группой) по отношению к другим, при несовпадении концепций управления в них, это — *обобщенное оружие*, т.е. средства ведения *войны*, в самом общем понимании этого слова; или же — средства поддержки самоуправления в иной социальной системе, при отсутствии концептуальной несовместимости управления в обеих системах.

Указанный порядок определяет приоритетность названных классов средств воздействия на общество, поскольку изменение состояния общества под воздействием средств высших приоритетов имеет куда большие последствия, чем под воздействием низших, хотя и протекает медленнее без «шумных эффектов». То есть, на *исторически длительных* интервалах времени быстродействие растет от первого к шестому, а необратимость результатов их применения, во многом определяющая эффективность решения проблем в жизни общества в смысле *раз и навсегда*, — падает».

Пока я еще не мог сказать точно, какое отношение может иметь этот фрагмент рецензии к разгадке содержания «пикников», но что-то мне подсказывало — некая связь меж ними существует. Особенно меня поразил абзац с упоминанием «эффекта обезьяньей лапы», образ которой присутствовал в третьем «пикнике»:

«Политика — это одна из разновидностей управления. А как известно из теории управления, осуществление управления в отношении не определенных целей, при не определенной иерархии их значимости, несовместимости одновременно поставленных целей объективно невозможно. Этому критерию доктрина, изложенная З.Бжезинским, не удовлетворяет. В случае же управления по умолчанию, т.е. на основе «само собой разумения» целей и средств их достижения, которое не требует соблюдения этого принципа, неизбежны непредсказуемые последствия, обесценивающие даже достигнутые результаты (как это имело место в случае Директивы СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 г., осуществление основных положений которой 18 — 23 августа 1991 г., поставило перед США еще более тяжелые проблемы) вплоть до полной их неприемлемости (это то, что на Западе иногда называют «эффектом обезьяньей лапы»). Это происходит потому, что умолчания («само собой разумения») и оглашения (прямые определения) в практике их осуществления в силу разных объективных и субъективных причин взаимно подавляют друг друга, а кроме того в общественной жизни вызывают явления, являющиеся результатом их взаимодействия».

Следующий за этим абзацем текст заставил меня вспомнить последний разговор с Холмсом, после чего я начал понимать, почему именно эти две записки оказались переведены на английский и почему Холмс рекомендовал мне их изучить:

«То же касается и варианта, если рассматриваемая книга З.Бжезинского принадлежит тому потоку информации, посредством которого истинные заправилы США морочат головы той части толпы, которая проявляет интерес к политике и для своего психического комфорта нуждается в некотором достаточно правдоподобном объяснении текущих событий и их взаимосвязи с официально провозглашенной идеологической доктриной государства и выражающей её политической стратегией. Сами же заправилы в этом случае опираются на доктрину, предназначенную для весьма узкого круга посвященных и более соответствующую реальным событиям в мире, но которую невозможно огласить в обществе в её истинном виде без того, чтобы не вызвать бессмысленного бунта против своего господства либо, что еще более опасно для заправил, не пробудить к деятельности осмысленное свободолюбие избравших в качестве будущего человечность.

Если последнее имеет место, то утаиваемая доктрина осуществления политики и доктрины, оглашаемые для «вразумления» толпы в целом и её субстрат (подразделений), неизбежно в каких-то своих аспектах противоречат одна другой. Поскольку толпа и её субстраты самоуправляются на основе коллективного сознательного и бессознательного, порождаемого входящими в них индивидами, то в тех аспектах общественной жизни, где быстродействие структур посвященных в истинную доктрину оказывается недостаточным, структуры утрачивают компетентность. В обществе же усиливаются явления, подрывающие основы существования его сложившейся организации, по мере того как толпа выходит из под управления иерархии структур взаимного большого и малого обмана, возглавляемыми посвященными в *истинную мерзость.*

Процессы потери управления такого рода могут протекать скрытно, а явно проявиться — внезапно только в каких-то обстоятельствах как неожиданное поведение толпы, влекомой её коллективным сознательным и бессознательным».

Заключительная фраза всего фрагмента рецензии, выделенная жирным шрифтом: «Таков объективно был внутренний механизм государственного крушения СССР, такой же внутренний механизм имеется и в США, и он уже «тикает»...» — внесла определенность в мои дальнейшие планы. Теперь я точно знал, что мне следует делать! За прошедшие десять лет я, как и большинство западных обывателей, мало интересовался делами России. Во многом это объяснялось тем, что наша пресса всегда тенденциозно подходила к освещению событий даже в собственной стране, не говоря уже о своих «потенциальных» противниках, в числе которых несомненно оставалась Россия. Занимаясь шахматной публицистикой, я мало интересовался глобальной политикой, а о событиях в России знал только то, что давалось, когда я иногда смотрел телевизор и попадал при листании десятков каналов на сводки новостей CNN или NBC. Так я во второй раз встал перед выбором: либо поднимать материалы о России по серьёзным изданиям в библиотеках, но для этого тоже нужно было время и опять же хорошее знание русского языка, либо ... ждать звонка Хопкинса. Утром в среду раздался долгожданный звонок.

— Привет, Ватсон. Давайте встретимся завтра в 19 часов в баре отеля «Уолдорф». Там подают отличный кофе по-французски. Со мной будет нужный вам человек, русский эмигрант Евгений Гальба.

Вечер. 4 октября.
Отель «Уолдорф» и «рейс 1812»

Закончив дела, я отправился в отель «Уолдорф» на углу Олдвич и Кингсвей стрит. Хопкинс и его знакомый сидели за столиком у окна на Кингсвей стрит и что-то оживленно обсуждали. Мой друг представил меня лысоватому человеку невысокого роста, с болезненно-желтоватым лицом, на котором выделялись чуть на выкате глаза почти лишенные ресниц. На нём был твидовый пиджак серо-зеленого цвета, под ним — голубая рубашка без галстука. Это был один из тех типов, которых невозможно выделить взглядом в толпе и тем более запомнить.

— Зовите меня, Евгений, — протянул мне дряблую и влажную ладонь Гальба. — Что конкретно вас интересует по России?

— Как давно вы оттуда уехали, Евгений?

— Вскоре после событий октября 1993 года.

— А что это были за события?

— Многим, в том числе и мне, до сих пор непонятна их подоплека, и меня нисколько не удивляет, что большинство англичан не имеет о них

никакого представления. Ведь ваше правительство в августе 1991 и в октябре 1993 считало, что в России победила демократия.

— Я знаю, что в августе 1991 года закончила свое существование великая империя.

— СССР, как великая держава перестал существовать в декабре 1991 года, но в сущности вы правы: события августа 91-го года решили дальнейшую судьбу советской империи.

— Извините, Евгений, не могли бы вы подробнее рассказать о том, что происходило в августе 91-го года. Наша пресса освещала эти события так, что они воспринимались одновременно и эмоционально — трагически, и рассудочно — как-то утрированно карикатурно. А потом, спустя две недели, как это обычно и бывает, все о них забыли. Вы не находите, что наш обыватель не держит в своей памяти событий, выходящих за рамки двухнедельной давности? Смотрите, даже теракты в Манхеттене, которые потрясли весь мир 11 сентября, через две недели стали закрываться клише типа «черного вторника», хотя резко возрос и спрос на «антидепрессанты». А пройдет лет десять и многие будут путать «черный вторник» 1929[1] с «черным вторником» 2001 года.

— Не переживайте, мистер Ватсон, у толпы в России с долговременной памятью дела обстоят не лучше, однако я готов рассказать о трагических событиях августа 91-го.

— Как долго они продолжались?

— Если придерживаться официальной версии, то — четверо суток, ну а на самом деле — пять дней.

— Почему такой разный счет?

— Может, вы помните, Ватсон, … извините — мистер Ватсон.

— Пожалуйста, зовите меня просто Ватсон.

— Так вот, Ватсон, для всех ГКЧП официально заявил о себе по телевидению 19 августа. Для большинства это было как гром среди ясного неба.

— Как «бум», — многозначительно поправил я, вспомнив название фильма на оборотной стороне «Исторического пикника». — А что означает аббревиатура ГКЧП?

— Ну, если для вас так удобнее, пусть это будет «бум». А ГКЧП по-русски, — Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению. Ну вы же понимаете, что его не могли создать утром 19-го августа. Готовили заранее и наверное тайно, но вылезли не 19-го, а 18-го, когда эти сумасшедшие члены ГКЧП отправились в Форос договариваться с Горби — так, кажется, у вас на Западе ласково называют до сих пор этого верблюда.

— Почему верблюда?

— Да потому что, для вас он «Горби», а для нас — просто верблюд, навьюченный вашими глупостями об общечеловеческих ценностях. Извините, Ватсон, может, я не к месту затронул ваши политические пристрастия?

— Продолжайте, пожалуйста, Евгений. И пусть вас не беспокоят мои политические пристрастия, тем более что я и сам в них только начинаю разбираться. А почему вы этих «членов» назвали сумасшедшими?

— Да потому, что даже среди тех, кто приехал 18-го, в воскресенье, в Форос уговаривать Горби ввести чрезвычайное положение, не было единства. Когда же 19-го августа, в понедельник они под музыку

[1] Рухнула биржа, положив начало затяжному финансово-экономическому кризису, поразившему экономику Запада, что по сию пору расценивается многими как досадная и непредвиденная случайность.

Чайковского вылезли на экраны телевидения со своими благими намерениями, которыми, как обычно, выстилается дорога в ад, это было написано на их лицах, а у главного, — Янаева, — так даже на руках.

— Как это «на руках» было написано?

— Ну руки у него тряслись, а камера будто специально несколько раз останавливалась крупным планом на руках главы ГКЧП. Можно сказать, что эти восемь сумасшедших, либо играющих эту роль по заранее подготовленному сценарию для бездумной толпы, глазеющей на экраны телевизоров, сами подсадили 20-го августа своего врага — Ельцина на танк у Белого дома.

— Президента России? Они что, не видели, что он их враг?

— Кто их разберет, может, и за одно с ним были: спектакль такой разыграли. А вот что касается эмоционально взвинченной толпы, собравшейся на площади у Белого дома, где размещалось правительство России, так для неё точно — Ельцин был «невидимый враг», которого она по своей «благоглупости» (был у нас такой писатель Салтыков-Щедрин, это его слово) приняла за спасителя. О том, что это был действительно враг, толпа поняла спустя два года, когда экономика посыпалась под заявления об успехе реформ и ту же толпу вывели на ту же самую площадь у Белого дома и прямо показали пальцем на врага. Думаю, что уже 20-го августа, этот пьяница, изображающий из себя громовержца, знал, что спустит в канализацию истории вашего Горби. Для этого Ельцин и забрался на танк подобно тому, как Ленин в апреле 1917 на броневик, возбуждая толпу лозунгами защиты президента СССР. До сих пор меня мутит от всего этого «цирка Шапито», вынесшего клоунаду на улицы Москвы: войска, танки на улицах столицы, комендантский час объявили в Москве 21-го августа, слухи о штурме Белого дома распустили… «Революцион-н-эры хреновы», — бросил он заключительную фразу по-русски.

— Как это вы по-русски сказали, повторите, пожалуйста, — обратился я к Евгению, услышав знакомое слово из третьего «пикника».

— Да это я так, больше для себя. «Революцион-н-эры хреновы», то есть, плохие, никуда не годные революционеры: и те, кто замышлял этот «путч», и те, кто ему противостоял. Где вы видели таких «путчистов» или «революционеров»? Последнему председателю КГБ достаточно было заранее приставить к Горби своего аквалангиста, а потом дать ему команду, чтобы тот дернул этого верблюда за ноги и продержал бы под водой несколько минут, когда Горби купался в Черном море на той же спецдаче в Форосе. Потом оформили бы всё официальным протоколом, тот же Янаев 19 августа со скорбной рожей оповестил бы весь мир, что «советский народ постигло большое горе» и похороны «безвременно погибшего» Генерального секретаря состоятся на Красной площади, а СССР существовал бы и поныне, проводя реформы как-то иначе…

— Верно ли я понял, Евгений, — бросил я снова тестовую реплику, — или мне показалось, что вы назвали этот путч «цирком Шапиро»?

— Нет, Ватсон, вы просто ошиблись в русской идиоме[1],— снисходительно улыбнулся Гальба, — никакой Шапиро здесь ни причем. «Шапито» — это большая брезентовая палатка, под которой помещаются цирковая арена и трибуны для зрителей. Цирков раньше было много, они кочевали по всей Европе, а уровень профессионализма во многих из них был низок до

[1] Идиома — слово либо словосочетание, общепринято употребляемое в речи в переносном смысле, прямой смысл которого не укладывается в контекст. Идиомы есть во всех языках: так «хот-дог» дословно — «жареная, горячая собака», а не сосиска, запечённая в дрожжевом тесте.

смешного. И так повелось, что, когда в России хотят посмеяться над каким-либо официальным неудавшимся мероприятием, то его иногда называют «цирк Шапито».

Что же касается революционеров, — продолжал он свою мысль, прерванную моим вопросом по поводу цирка, — то всё условно в современном мире: если вы победили и свалили правящий режим, а международная общественность к вам благосклонна, то вас назовут «революционером», а если руки задрожали и в штаны наложили или вам не симпатизирует международная общественность, то вы обречены стать «путчистами». Другими словами, надо уметь различать с чьих позиций дается оценка свершившегося в истории. Так, например, для Запада события октября 1917-го — некие «большевистские штучки», в результате которых бывшая империя превратилась в тоталитарное государство. В результате у Запада на семьдесят два года появились проблемы, в полном соответствии с предсказаниями Нострадамуса о судьбе того, что ныне известно как СССР. Для тех, кто свалил в России разложившуюся монархию, эти же события — Великая Октябрьская Революция. Или другой пример, но уже из вашей истории: в середине XVII века Кромвель, заручившись поддержкой парламента, снёс башку вашему королю и провозгласил республику — это революция; если бы король одолел парламент и снес башку Кромвелю, это событие буржуазные историки, скорее всего, назвали бы путчем аристократии.

Наступила долгая пауза. Гальба смотрел куда-то в сторону, отпивая свой кофе маленькими глотками, словно восстанавливал в памяти пережитое.

— Можно сказать, — продолжал он свой рассказ, — что на «комендантском часе» вся деятельность ГКЧП и закончилась. Уже было ясно, что «путчисты» отдали свою честь будущему «царю Борису». Но не такие люди делают историю! — неожиданно патетически возвысил свой голос Евгений и вдруг заговорил рублеными фразами, будто его подменили: «Настоящий бой с буржуазной демократией еще впереди! Ничего у вас в России не получится. Новые матери, и не только в России, вырастят новых «Павлов», готовых отдать жизнь за счастье народное».

Я был потрясен этой переменой в нём и задал вопрос, дабы охладить его пыл и вернуться к теме нашей беседы: «Простите, Евгений, о каких Павлах, если я правильно понял, вы говорите?»

— О тех, которые когда-то были Савлами и которые, в отличие от бесплодных прагматиков, способны творить подлинную историю человечества, — криво ухмыльнувшись, выдавил он, но потом, словно спохватившись, добавил зло: «Шучу...» Роман у нас есть великого пролетарского писателя Горького: «Мать» называется. В романе Ниловна жертвует революции своего единственного сына Павла.

— Кто эта Ниловна?

— Да мать Павла, — в России так старших уважительно называют, то есть — по имени отца, а не по их собственному имени, а как её имя, — не помню.

Взгляд Евгения снова уплыл куда-то, его помятое лицо вдруг обрело странную жесткость, а слабый рот с припухшими губами подобрался в змеиной ухмылке. Потом он, словно спохватившись, вернулся в реальность и продолжал тоном стороннего расслабленно скучающего наблюдателя событий десятилетней давности, лениво снизошедшего до того, чтобы просветить чудака-иностранца.

— Да, все закончилось 21-го августа фальшивым комендантским часом: войска смирно стояли, никого не трогали, ожидая каких-то распоряжений «путчистов». Мне до сих пор кажется, что они сами себя напугали. Это и был их последний день. Как и следовало ожидать, — для этого не надо быть дельфийским оракулом, — толпа завелась и сама напала на войска, не знающие чем заняться. Пролилась кровь «защитников демократии», на которых никто не нападал, после чего ГКЧП обречён был стать «путчем». И для братии с телевидения, и для толпы в конце концов настал день пятый — 22-го августа, когда «снесли башню» главе МВД СССР, в составе которого подельники Горби сформировали отряды милиции особого назначения — ОМОН.

— Не понял, Евгений, что значит «снесли башню».

— Это означает, что кто-то сделал главе ОМОНА «чик», — Гальба сопроводил эти слова красноречивым жестом, но видя недоумение в моих глазах, пояснил: “Это ещё одна идиома. Она означает, что последнему Министру внутренних дел СССР — Пуго — снесли башку. Если верить официальной версии, то он сам застрелился, хотя всем по телевидению показали пистолет, который лежал на тумбочке, куда он его якобы сам положил после того, как выстрелил в себя. Ну а потом начался большой шмон всяких комитетов партии: областных, городских, районных и прочих помельче”.

— Что такое, шмон, Евгений, поясните, пожалуйста.

— Так в тюрьмах России называется обыск[1], который сопровождается перетряхиванием всего содержимого камер, вещей заключенных и их личным досмотром, а Россию все западники охотно называют «тюрьмой народов». Правда, трудно понять, кто там был тюремщик; если русские, то они всегда жили хуже заключенных: обычной тюремной баланды и то на всех не хватало.

Видно было, что Евгений хотел дальше развить тему «тюремщика», но вдруг, словно наткнувшись на что-то в своих размышлениях, неожиданно замолчал. Я же был настолько поражен его рассказом, что у меня появились сомнения: не дурачит ли он меня. По мере того, как он продвигался в своем повествовании, картинки первого «пикника» вставали в моем воображении как сказочные иллюстрации к его рассказу с такой ясностью, что я уже был почти уверен — Евгений видел «пикники».

— Может, хватит намеков, спросить его прямо и дело с концом, — размышлял я. — Но как это сделать, тем более, что он не захотел вспомнить «цирк Шапиро», начав объяснять мне, что такое «шапито»? Если этот Гальба всё давно знает про «пикники» и даже то, как они связаны с событиями 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, то мы с Холмсом просто напрасно тратим время? Э нет! Так можно далеко зайти. Надо продолжать беседу, как она идет, и постараться вытянуть из этого странного типа, как можно больше информации. Ну а в конце можно будет прямо спросить и про «пикники».

Хопкинс оставил нас и отошел к стойке бара, где о чём-то оживленно беседовал с длинноволосым молодящимся типом в кожаной куртке и потёртых джинсах. Евгений второй раз заказал кофе по-французски с ликером Гран Марнье, а я попросил чаю с лимоном и медом. Пока официант перенакрывал на стол, рассказчик, словно забыв о моем существовании, сидел, отвернувшись от окна, и, зажав ложечку между

[1] Обычно этот обыск начинался в восемь часов вечера, а поскольку среди «революционн-эров хреновых» было много евреев, то они называли это мероприятие «шмон», что на идиш (смесь немецкого и польского), означало число 8.

двумя пальцами, подобно перекладине качелей, ритмично позвякивал ею о край стеклянной вазочки с красиво уложенными печеньем и шоколадками. Я решил напомнить о себе.

— Я вижу, что события августа 91-го года вам были не по душе. Почему же вы сразу не уехали из России, а лишь спустя два года? На что-то надеялись?

Гальба молчал. То ли он так ушёл в себя, что действительно меня не слышал, то ли его заинтересовало нечто не имеющее отношение к теме нашего разговора. Я перехватил его, как мне казалось, отсутствующий взгляд и был немало удивлен тем, что он пристально смотрел на экран телевизора, установленный справа от стойки бара. Диктор заканчивал вечернюю сводку новостей CNN. В баре стоял обычный для таких мест гул, но если хорошо прислушаться, то кое-что можно было разобрать из сообщений комментатора новостей.

— Какое сегодня число? — спросил неожиданно Евгений, ни к кому не обращаясь и не отрывая взгляда от экрана телевизора.

— 4-е октября, если не ошибаюсь. Что-то интересное в вечерних новостях?

— Что-то интересное? — задумчиво повторил он мой вопрос и вдруг, не отрывая взгляда от экрана телевизора, медленно подбирая каждое слово, произнес нечто совсем несуразное, — Да, Ватсон, сегодня на Патриарших будет интересная история!

Тут он словно очнулся, увидел недоуменно-вопросительное выражение моего лица и заговорил уже вполне осмысленно.

— Это я так, вспомнил кое-что. Роман у нас в России есть Булгакова, самый популярный роман XX столетия по оценкам ваших, то есть западных искусствоведов — «Мастер и Маргарита» называется, не читали? Так там главный герой — Воланд, этой фразой ответил одному писателю на его неуместный вопрос. Впрочем, к вам, Ватсон, это не относится. Что касается интересных новостей, — только что передали: сегодня в 13.44 по Москве недалеко от Сочи в Черное море рухнул ТУ-154 — самолет российской авиакампании, совершавший рейс № 1812 Тель-Авив — Новосибирск; все пассажиры и члены экипажа погибли, ведутся поисковые работы. Причины катастрофы выясняются, хотя американцы уже сказали, что самолёт сбит ПВО Украины в ходе учений.

Евгений снова смотрел в окно и, словно внимательно изучая уличную жизнь вечернего Лондона, о чем-то размышлял.

— Значит, все-таки отметили?! — процедил он зловеще, и лицо его снова обезобразила уже знакомая мне улыбка.

— Что отметили?

— Важно не что, а кто, Ватсон. Сегодня минуло ровно восемь лет, как закончились трагические события у Белого дома в Москве в октябре 1993 года. Вы спросили, почему я не уехал сразу после событий августа 1991 года. Да, я надеялся, очень надеялся, что память у русских не такая короткая, как на Западе. Но они всё забыли, все жертвы которые были принесены на алтарь истинной свободы в октябре 17-го. После августовского путча мы были уверены, что никто в России серьезно капитализм строить не собирался; просто благонамеренной толпе надо было сделать что-то вроде «прививки» от капиталистического зла, идущего с Запада. Причем противокапиталистическую «вакцину» следовало довести до таких доз, чтобы обывателя рвало при одних словах «рынок», «капитализм», «общечеловеческие ценности» и тому подобного. Но все

случилось не так, как мы ожидали. Многие, утратившие память о завоеваниях Великого Октября, от этой «прививки» уклонились и вместо легкой прогулки…

— Пикника? — вставил я, надеясь, что уж тут-то он себя выдаст и поймет, чего я от него хочу.

— Ну, может, по-вашему и пикника, — поправился он, явно не придав ровным счетом никакого особого значения моей реплике, после чего закончил фразу в патетическом тоне, — да, а вместо пикника мы получили кровавый маскарад!

— А почему маскарад?

— Да потому, что среди нас были самые настоящие оборотни, которые лишь прикрывались масками борцов за счастье народное, давно расписав вместе с Ельциным и его командой по дням весь этот спектакль.

— И сколько продолжался маскарад?

— Ровно 13 дней.

— Когда же все это началось?

— 21 сентября, когда противостояние Верховного Совета Российской Федерации и команды президента достигло высшей точки кипения.

— Кипения чего?

— Страстей конечно. Как стало ясно из дальнейшего развития событий, никто толком ничего не понимал в происходящем. Все действовали спонтанно, словно играли в «русскую рулетку», ну а в таких случаях побеждает тот, кто идёт до конца, чтобы не потерять всё; либо тот, кому действительно терять нечего. В тот день, 21-го сентября Ельцин подписал свой знаменитый указ № 1400 о ликвидации в России легитимной, с точки зрения существовавшей тогда конституции, законодательной власти. Если быть откровенным до конца, то мы сами и спровоцировали этот указ в надежде, что демократический запад, навязывающий России эти бессмысленные говорильни, нас поддержит и не повторит ошибок двадцатилетней давности. Но для нас это были «смертельные игры». Мы просто не поняли, куда дует ветер истории.

— И куда же он дует, по-вашему?

— Я думаю, Ватсон, вы не будете отрицать, что современная цивилизация все больше напоминает вируса-паразита на теле планеты, а паразитов надо уничтожать путем мытья тела.

— Где-то я уже слышал подобное? — позволил я себе еще одну реплику — намёк на «Оборонный пикник» и снова — никакой реакции.

— Не ломайте себе голову, это говорит один из персонажей фильма «Матрица», который посмотрело более полутора миллиардов человек на Земле. Кстати, фильм — наша продукция…

Извините, Ватсон, мне пора. Интересно было с вами поболтать о делах минувших, но нас зовет будущее, — его снова кинуло в патетику, которую он завершил фразой из неизвестной мне драмы: «Пусть свершится судьбы предопределенье, а действовать потом настанет наш черёд!»

— А это, Евгений, из какого известного русского романа?

— Это не роман, Ватсон, это — драма «русского Байрона» — Лермонтова — «Маскарад», — ответил он очень серьезно и с большим достоинством.

— Ещё одну минуту, Евгений. Что вы имели в виду, когда говорили об ошибках Запада двадцатилетней давности?

— Сантьяго, Ватсон! Чили — сентябрь-октябрь 1973 года. И хотя вы Пиночета отпустили, не позволили с него взыскать по старым долгам, но … еще не вечер, как говорят в России. Все только еще начинается, Ватсон!

— А что сейчас происходит в России, Евгений?

— То, что должно происходить в России, сейчас происходит в Америке. В прошлом веке Россия и Америка исполняли роль агитпунктов для мирового общественного мнения. Впрочем, вы ведь, скорее всего, не знаете, что такое «агитпункт». В вашем обществе «агитпункт» — это «рекламная кампания», в которой фирма бесплатно раздаёт свои товары направо и налево, для того, чтобы потом продавать их в большем количестве за счёт расширения спроса на рынке.

Если ликвидировали агитпункт социализма, то не должно быть и агитпункта капитализма, иначе мир невозможно будет удержать в равновесии. Хопкинс мне сказал, что вы, Ватсон, три года были с гуманитарной миссией в Афганистане, где почти двадцать лет мы пытались руками русских продвинуть наши идеи в исламский мир. Истэблишменту США это не понравилось, и они, приверженные идее «Америка, Америка, превыше всего...» начали противодействовать СССР в Афганистане. Ну а сумасшедший Бжезинский договорился до того, что это он загнал русских в Афганистан, чтобы отомстить им за Вьетнам. Никто не должен быть лишен права заблуждаться и совершать ошибки. Если подумать, то это одно из так называемых прав, которое скрытно сопутствует принципу «разделяй и властвуй». Пусть теперь сами янки побудут в роли прогрессоров. Весы Фемиды качнулись в другую сторону, а в результате мы поменялись местами, благодаря чему не пропадёт даром бесценный опыт, с таким трудом приобретенный нами в России. И только после того, как янки вынуждены будут у себя дома делать то, что не получилось в России, мы продолжим наше общее дело в этом мире.

— Какое это общее дело, Евгений, которое может объединить интересы России и Запада?

— Про интересы России и Запада вы забудьте раз и навсегда, когда затрагиваете эти темы, — резанули меня его слова, после чего он продолжал: “Разве вы не видите, Ватсон, что Америка заканчивает игры с демократией. Она уже на пороге тоталитарного общества, причем такого, что тоталитаризм СССР по сравнению с гражданским обществом США, будет выглядеть образцом демократии. Такое «гражданское общество» станет фиговым листом, стыдливо прикрывающим настоящий фашизм в американском исполнении”.

— Фашизм в Америке? — переспросил я. — Это что-то новенькое, хотя... публикации на тему американского фашизма в прессе мелькали. Но мне кажется, что это больше дань моде. Интересно, Евгений, как вы себе представляете национал-социализм в Америке, где идеи интернационализма нашли самую благодатную почву?

— А с чего вы взяли, Ватсон, что я говорил об американском национал-социализме? Я как раз и имел в виду американский интернационал-социализм, не состоявшийся в бывшем Советском Союзе, который может быть потому и развалился.

— Не понял. Вы что, тоже считаете, как и многие историки на Западе, что между фашистской Германией и Советской Россией не было никакой разницы?

— Видите ли, Ватсон, я — интернационалист и горжусь этим. Сталин одержал победу над национал-социализмом под знаменами интернационализма, но, победив Гитлера, стал впадать в самый махровый — русский национализм, от которого его и должен был излечить Гитлер: как говорят русские, «клин клином вышибают». И всё это, заметьте,

происходило в многонациональной стране. Мне трудно объяснить вам борьбу некоторых тенденций в СССР при жизни, а тем более после смерти Сталина, когда он перестал их олицетворять, и на которые мы, наследники истинных революционеров, переживших сталинские чистки, очень рассчитывали. Все шло как-то не так, и, естественно, закончилось в 1991 кошмаром в сумасшедшем доме, который мы уже упоминали в начале наше беседы.

Речь его стала нервной и бессвязной: то ли он чего-то недоговаривал, то ли сам перестал понимать и начал бояться того, что говорил.

— По-вашему получается, что Соединенным Штатам предстоит реализовать идеи, которым было не суждено состояться в Советской России? — решил я вернуть его к теме перспектив интернационал-социализма в Соединенных Штатах. — Может быть, вы хотя бы обозначите признаки надвигающегося американского фашизма.

Он мгновенно оживился, как человек, давно вынашивавший эту идею.

— Пожалуйста, Ватсон, все признаки налицо, — начал он по очереди загибать пальцы на левой руке: совершен теракт в Нью-Йорке и Вашингтоне, который для многих ассоциируется с поджогом Рейхстага — раз; американское гестапо на марше — все спецслужбы собираются в такой кулак, который не снился ни сталинскому КГБ, ни гитлеровскому гестапо — два; вводится цензура на средства массовой информации — три; сформирован образ врага в лице исламских террористов — четыре; вот-вот начнется малая война в Афганистане — пять. Дальше продолжать?

— Это происходит само собой. Неужели вы полагаете, что процесс фашизации — управляемый?

— Всё зависит от того, с каких позиций вы наблюдаете этот процесс: если вы в нём, то вам, скорее всего, он будет представляться, как процесс «стихийный» или самоуправляемый; если вы вышли из него, то, может быть, вы сможете увидеть то, что не для всех очевидно: тех, кто этот процесс контролирует.

— Вы, я полагаю, Евгений, уже вышли из процесса и видите, кто контролирует процесс фашизации Америки?

— Я сказал, что увидеть можно, но я не говорил, что выход из процесса гарантирует такое видение.

— Может, это как раз то видение, которое выращивает ваш Внутренний Предиктор? — решил я, наконец, проверить в лоб его реакцию.

На лице Евгения вдруг возникла странная гримаса растерянности и недоумения, которая появляется у детей, когда их ловят на неблаговидных поступках.

— Очень любопытно, Ватсон. Вы, я вижу, действительно всерьез интересуетесь делами в России, раз добрались до Внутреннего Предиктора. Откуда вы о нём знаете? Ах, да, конечно! Вы посещаете сайт www.dotu.ru. и знакомы с его аналитикой.

— К сожалению, Евгений, я не настолько хорошо знаю русский язык, чтобы читать аналитические записки этого сайта, хотя с двумя его работами на английском я действительно знаком, и они мне показались чрезвычайно интересными. Однако их лексика и стиль для меня настолько необычны, что поневоле сложилось впечатление — это какая-то другая цивилизация и другая культура. Я понимаю, Евгений, что и так отнял у вас много времени, но если бы мы смогли поговорить о материалах Предиктора отдельно, особенно по достаточно общей теории управления, то я был бы вам весьма признателен.

Лицо Гальбы, до этого момента выражающее покровительственное превосходство и самоуверенность, как-то сразу опало и на нём проявилась брезгливая мина, долженствовавшая изобразить равнодушие.

— Извините, Ватсон, но здесь я вам не помощник. Что касается работ пресловутого Внутреннего Предиктора и его «Мёртвой воды», то благодаря вашему придурку Горби сегодня в России каждый может говорить и писать всё, что угодно — никаких запретов: ограничения только финансовые. Одним словом, «за что боролись, на то и напоролись», — как бы подвел он итог нашей беседе по-русски.

Эту фразу я не раз слышал при разговоре русских в Афганистане, но скрытый смысл её был мне не до конца понятен. Я решил воспользоваться случаем, и попросил Евгения объяснить её, прибегнув к помощи западных аналогов этого изречения. Некоторое время он молчал, рассматривая уличный пейзаж за окном, затем будто вспомнив что-то, медленно подбирая слова произнес:

— Есть у вас такой аналог. Известно ли вам, Ватсон, что-либо о магии «обезьяньей лапы»?

— Нет, Евгений, — сразу же насторожился я, поскольку передо мной опять всплыл образ обезьяны из третьего «пикника», — по роду своей деятельности я был как-то всегда далек от разной чертовщины и магии, а уж от обезьяньей — точно.

Лицо моего собеседника снова оживилось и к нему вернулось выражение снисходительной покровительственности, свойственное людям привыкшим поучать окружающих.

— У вашего писателя, кажется Джекобса, есть рассказ «Обезьянья лапа», по сюжету которого владелец высушенной обезьяньей лапы получает право на исполнение трех желаний. Так, например, владелец лапы выражает первое желание — немедленно 200 фунтов стерлингов. Тут же приходит служащий фирмы и сообщает, что его сын убит и вручает ему вознаграждение за сына — 200 фунтов стерлингов. Потрясенный отец хочет видеть сына здесь, сейчас же. Стук в дверь, появляется призрак сына. В ужасе несчастный владелец лапы желает, чтобы призрак исчез. Другими словами, эффект «обезьяньей лапы» выражается в том, что наряду с ожидавшимся положительным результатом ваши необузданные желания и действия, направленные на их осуществление, неотвратимо влекут за собой сопутствующие последствия, ущерб от которых превосходит положительный результат и обесценивает его. По-русски этот вариант управления ситуацией и описывается поговоркой: *За что боролись — на то и напоролись.*

А что касается пресловутого Предиктора, которым вы заинтересовались, то чудаков в России всегда хватало. Эти же бумагомараки пишут русским языком так, что человек, с элитным высшим образованием, у которого есть и собственные неординарные научные труды, этот бред понять не может: нечего над этим ломать голову, поскольку почти всё, что они высказывают, более или менее банально и само собой подразумевается. Так что не лезьте туда, милый, наивный Ватсон. Не сочтите мои слова за амикошонство[1], но вы действительно милы и наивны: ваше владение русским и понимание материалов Предиктора — несовместимые вещи. На этом «до свидания», Ватсон. Извините, спешу. Надеюсь, что еще увидимся и поговорим о делах в России, если вы, конечно, не против.

[1] По-французски: «ами» — друг, «кошон» — свинья. «Амикошонство» — нарушение норм вежливости, бесцеремонность в отношениях с друзьями и знакомыми.

Он протянул мне свою вялую влажную ладонь и заспешил к выходу.

— Похоже, что сегодня я имел дело с настоящим троцкистом, — подумал я. И как понимать его подведение итогов при прощании: с одной стороны — бред, который понять не могут хорошо образованные люди, а с другой стороны — всё банально? с одной стороны «не лезьте туда», а с другой стороны «ещё увидимся и поговорим о делах в России»? — «Зелен виноград» либо «за что боролись...»? Или же на следующую встречу позвать Джона, с которым вместе гребли в университетской восьмёрке, и который хотя с той поры обрюзг, но стал процветающим психиатром?

Ясно было, что задавать вопросы про «пикники» этому странному Гальбе — бессмысленно. По его глазам было видно, что он не играл, а потому никак и не реагировал на мои намеки-реплики. Тогда что же это такое? Ведь по сути он мне всё рассказал, по крайней мере про первых два «пикника». В то же время я был убежден: о картинках с «пикниками» он точно ничего не знает. Получалось, что со мной беседовал либо какой-то необыкновенный лицедей, либо... Я терялся в догадках, но в то же время начинал ощущать, что случайно столкнулся с тем, о чём многозначительно намекал мне перед отъездом Холмс.

Голова у меня шла кругом. Чем больше перебирал я в памяти вопросы, затронутые в беседе, тем меньше понимал происходящее. А этот самолет из Тель-Авива, рухнувший в Черное море в восьмую годовщину завершения второго пикника? Я окинул невидящим взглядом публику в баре. У стойки по-прежнему торчал Хопкинс, на этот раз с какой-то дамой неопределённого возраста. Подошел официант. Я расплатился и направился к Хопкинсу, чтобы поблагодарить его за встречу.

— Ну, как вам мой Гальба, Ватсон?

— Интересный тип, похоже, что он говорит меньше, чем знает.

— Или больше, чем понимает, — многозначительно улыбнулся на прощание Хопкинс. — Если будут проблемы, звоните, Ватсон. Всегда к вашим услугам.

— Спасибо, Хопкинс. Еще увидимся.

Последнюю реплику Хопкинса на счет Гальбы я пропустил мимо ушей и, как показали дальнейшие события, — совершенно напрасно.

Весь вечер я восстанавливал по памяти наш разговор с Гальбой, стараясь не упустить ни одной подробности, и только после этого разложил на столе «пикники», а также копии обратной стороны соответствующих газетных листов с названиями фильмов. Сомнений не было. Евгений, сам того не ведая, как бы между прочим, прошелся своим рассказом по первому и второму «пикнику» и даже чуть-чуть задел третий. Я начинал смутно догадываться, что обе картинки представляют собой что-то вроде плана мероприятий по наперёд заданному, возможно многовариантному сценарию. Однако, если первый план, можно сказать, завершился успешно, то события по второму сценарию (и это тоже было отмечено Евгением) пошли как-то не так. Но кто мог за два месяца до начала событий расписать их с такой скрупулезностью в картинках? И как можно спланировать серьезные события на два года вперед? Ну ладно, допустим, что как-то можно, но как избавиться от эффекта «обезьяньей лапы» в ходе осуществления планов?

Я созрел для разговора с Холмсом. Завтра две недели, как он отправился в Швейцарию, и до сих пор от него ни единого звонка, ни e-mail, а мне так необходима его помощь, чтобы двигаться дальше в нашем расследовании. В этот момент раздался телефонный звонок.

— Добрый вечер, дорогой Ватсон! Как наши дела с «пикниками»?

— Откуда вы звоните, Холмс? Я только что мысленно обращался к вам за помощью. Это какая-то мистика!

— Никакой мистики, Ватсон. Самая обычная телепатия: все мы, кто этому не противится, бессознательные телепаты. Я звоню вам из Мадрида и хочу предупредить, что возможно дела меня задержат еще на неделю. Удалось ли вам разобраться в русском ребусе?

— Да, Холмс, мне кажется, кое-что я понял по первым двум «пикникам», но третий — более крепкий орешек, и мне вряд ли удастся его расколоть без вашей помощи.

— Отлично, Ватсон. Я тоже не терял времени даром. Могу сказать, что нужная информация сама идет в руки, если своевременно занимаешься нужным делом. Видели ли вы сегодня в последних новостях сообщение о гибели русского лайнера Ту-154, и удалось ли что-либо выяснить о событиях 7-го сентября? Я имею в виду не только 1994, но и другие годы.

— Да, Холмс, я слышал о трагедии в Черном море, но сам еще не видел сообщение об этом, так как даже не включал телевизора. А делами 7-го сентября не занимался, просто руки не дошли. В основном изучал книги и записки, оставленные вами, но обещаю, что обязательно займусь. Я помню про «Пиковую даму».

— Спасибо, Ватсон! Завтра я вылетаю в Каир, и если всё удачно сложится, то к концу недели буду в Лондоне. В любом случае в следующую субботу мы увидимся, и нам будет о чём поговорить. До свиданья, Ватсон, до скорой встречи!

— До встречи, Холмс, жду с нетерпением вашего возвращения.

Я положил трубку. Часы пробили полночь. Было от чего впасть в глубокую задумчивость. Машинально я включил телевизор, рассеяно слушая последнюю сводку новостей NBC: подготовка армии США к операции в Афганистане; некоторые детали расследования трагедии в Нью-Йорке и Вашингтоне, требования выдачи бен Ладена — все как обычно. Ага! Версии о причинах гибели Ту-154. На экране ТВ возникла карта Черного моря и на ней — координаты места падения лайнера. Не знаю для чего, но я их записал: $42^{o}11'$ северной широты и $37^{o}37'$ восточной долготы. Сообщалось также, что самолет упал в 182 км к западу от города Сочи в 13.44 по московскому времени. На борту было 11 членов экипажа и 66 пассажиров, из которых 51 — граждане Израиля, а 15 — России. 11 тел из числа 77 погибших уже подняли. Почти машинально фиксируя возникающие на экране цифры, я смотрел на кадры хроники, передаваемой из Новосибирска и Тель-Авива: искажённые горем лица и скороговорка бойких комментаторов, большинство из которых склонялось к версии теракта. Передо мной на столе лежали картинки с «пикниками». Взгляд невольно упал на «Пост исторический пикник», где на черном фоне «Лебединого озера» ниже устрашающей физиономии с надписью на лбу «Банк Крот» животом вверх плавала огромная мертвая рыба. Из записок Внутреннего Предиктора СССР я уже понял, что завершается эра библейской цивилизации, символом которой была «рыба». Одиннадцать мертвых тел на поверхности Черного моря в точке с координатами 42.11 и 37.37. Я начинал бояться, что меня захватывает мистика числовой магии: число 42 невольно ассоциировалось с 42-мя годами хождения евреев по пустыне, а число 11? О! с этим числом ассоциировалось так много из всего, что я собрал за последнее время. Тут были: и 22 жреца-иерофанта, представленные на картинке «Исторического пикника». Они, как

выяснилось, делились на две группы по 11 и управляли северной и южной частью древнего Египта на равных; и день усекновения головы Иоанна Крестителя, действительно выпавший на 11 сентября; и речь Гитлера на партийном съезде в Нюрнберге 11 сентября 1935 года; и закладка здания Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 1941 года; и путч Пиночета в Чили 11 сентября 1973 года, которого одни считают фашистом, а другие — демократом, защитившим Чили от установления тирании фашистского режима под прикрытием марксизма. Не это ли имел в виду Холмс, когда говорил о числовой мере. Вот только числовой мере чего? Наверное, это и предстоит нам с ним выяснить.

Весь следующий день я занимался статистикой происшествий 7 сентября. Этот день ничем не отличался от других: в меру убийства, пожары, ограбления, изнасилования — обычная статистика преступлений для такого мегаполиса, как Лондон. Но в разделе несостоявшихся преступлений одно меня заинтересовало числовой мерой: 7 сентября на борту самолета иранской авиа кампании, совершавшего рейс Тегеран — Лондон, произошел инцидент между офицером службы безопасности и первым пилотом авиалайнера. Один из пассажиров пытался проникнуть в кабину пилотов, ссылаясь на знакомство с первым пилотом. Завязалась драка, в которой принял участие и первый пилот. Самолет, на борту которого находилось 430 пассажиров, сделал вынужденную посадку во Франкфурте-на-Майне. В этом сообщении меня удивило сходство ситуации с самолетами-убийцами рейсов № 11 и № 175, срубивших 11 сентября две башни ВТЦ — сумма цифр общего числа пассажиров совпадала с днем катастрофы. Другими словами, в несостоявшейся катастрофе с иранским авиалайнером была заложена числовая мера, которой была отмечена трагедия 11 сентября (7 сентября — 430 пассажиров: сумма цифр и там и там равна семи).

Неделю до приезда Холмса я много читал. «Невидимая рука» Ральфа Эпперсона была насыщена фактологией, которая раньше меня мало интересовала. Но из её содержания я понял, что далеко не все так благополучно в «Датском королевстве», как уверяют нас средства массовой информации. В частности меня очень заинтересовали малоизвестные факты из многовековой политической деятельности семьи Ротшильдов, закулисная сторона истории революции в России и обеих мировых войн XX века; подробный рассказ автора о реальных целях и практике использования Федеральной резервной системы США. Удивило, что освещение этих фактов сильно отличалось от пропагандистских штампов, которыми изобилует наша пресса.

По сути, книга представляла собой обстоятельно документированный аналог пресловутых «Протоколов сионских мудрецов». На Западе большинство из тех, кто слышал о «Протоколах», глубоко и искренне убеждены, что они — клеветническая фальшивка. И к теме доказательства их подложности все масс-медиа регулярно обращаются, если им больше не о чем писать. Однако я не смог вспомнить, чтобы хоть одно массовое издание попыталось оспорить сведения, сообщаемые Р.Эпперсоном или кто-то попытался бы привлечь его к ответственности за клевету в судебном порядке. Странно, не правда ли?

В процессе чтения и размышлений о прочитанном проступала взаимная обусловленность прежде казалось независимых меж собой событий. Может, конечно, сказывался и мой определенный настрой, но я невольно начинал прослеживать явную аналогию событий далекого прошлого с

трагическими событиями настоящего и делал для себя некоторые выводы на будущее.

Книга «Священная кровь и священный Грааль» больше походила на захватывающий детектив, хотя, как и в «Невидимой руке», я почерпнул массу интересных исторических фактов, о которых имел раньше смутное представление. Главная мысль книги состояла в том, что Иисус Христос не погиб на кресте. Распятие было инсценировкой, после чего он жил, еще долгие годы. А его потомки, «эмигрировав» на территорию современной Франции, положили начало династии Меровингов. А вся последующая история Европы — это конфликт между Меровингами и папством, нарушившим некие договорённости. Целью же этой борьбы, как можно было понять из книги, является возведение на престолы всех государств потомков Христа из числа потомков Меровингов.

Это может показаться странным, но книга тоже упоминала «Протоколы», однако её авторы настаивали на том, что это — внутренний документ масонской ложи, оберегавшей Меровингов и имевшей название «Сионская община». Потом документ получил огласку за её пределами и по невежеству тех, кому он попадал в руки, был соотнесён с конгрессом сионистов в Базеле в 1897 г., на котором якобы заседали «сионские мудрецы». Из-за созвучия «**СИОНСКАЯ** община» и «конгресс **СИОНИСТОВ**» возникла ошибка, которая и повлекла многие бедствия XX века. Внешне всё выглядело достаточно убедительно, если… не читать эти две книги вместе. При их же совместном прочтении невольно вставал вопрос: как относиться к сведениям, сообщаемым Р.Эпперсоном?

Если же в целом оценивать значение прочитанных книг, то они показали мне, как нельзя лучше действие тех самых шести приоритетов обобщенных средств управления, с которыми я познакомился по рецензии на книгу З.Бжезинского «Великая шахматная доска». После этого мне стало понятно, что для завершения экскурса в глобальный исторический процесс придется разбираться с его истоками, то есть основательно погружаться в историю древнего Египта, поскольку события, происходившие там 4000 лет назад, почему-то стали отправным моментом «Исторического пикника».

В моей библиотеке была монография сэра Джеймса Генри Брестеда «История Египта». В её пятой книге 18-я глава называлась «Религиозная революция Эхнатона», из которой я узнал, что десятый фараон XVIII династии (опять «мистика» чисел: 18 глава о XVIII династии) Аменхотеп IV выступил против жрецов древнего культа Амона-Ра, оставил южную и северную столицы древнего Египта (Фивы и Мемфис) и построил на расстоянии примерно равном меж ними новую столицу бога Атона — Ахетатон (горизонт Атона). После 17-летнего правления Эхнатона и трехлетнего правления его преемника Сменхкара, женатого на старшей дочери фараона — Меритатон, на престол вступил муж третьей дочери Эхнатона — девятилетний мальчик Тутанхатон. Жречество Амона не смирилось с потерей власти своего культа, заставило Тутанхатона покинуть новую столицу и принять новое имя — Тутанхамон. Получалось, что сообщение авторов «Исторического пикника» о борьбе за трон между Эхнатоном и Тутанхамоном, мягко говоря, не соответствовало действительности, а вот «борьба двух великих партийных религий богов Атона и Амона», похоже, действительно имела место. Началась она не с правления Эхнатона, а много раньше и, если, как утверждают авторы «пикника», эта борьба продолжается до настоящего времени, то важно

понять, каковы должны быть идеи, если их противостояние идёт вот уже 4000 лет? Изучая работы Брестеда и других египтологов, я все больше склонялся к мнению, что Эхнатон был первым, кто официально объявил миру идею единобожия. И сделав это, он, кроме всего прочего, ещё начал учить людей нормам прямых взаимоотношений каждого из них и Бога. Но более всего в монографии Брестеда меня поразили гимны Эхнатона.

Складывалось впечатление, что они мне знакомы. Но сколько я не перебирал в памяти известные мне литературные источники, ничего похожего вспомнить не мог, пока не вернулся к периоду своей деятельности в организации «Врачи без границ». Ну, конечно же, гимны Эхнатона и по ритмике, и по смыслу напомнили мне суры Корана, с которым я познакомился перед поездкой в Пакистан и Афганистан. Пришлось обратиться к английскому переводу «Священного Корана» Муланы Мухаммада Али издания 1996 года. Не могу сказать, что после чтения «Священного Корана» я стал истинным мусульманином, но эта книга для меня была подлинным открытием. Да, я был поверхностно знаком с Библией, а к любым религиозным догмам относился как к анахронизмам культуры, с которыми принято считаться в приличном обществе, но которые, по сути своей, бессмысленны и ни к чему не могут обязывать свободного человека. И, тем не менее, я не был убеждённым атеистом в современном понимании этого слова, считая общение с Богом делом сугубо личным. Но даже поверхностное знакомство с Кораном открыло мне удивительную истину: всем пророкам давалось Свыше одно и то же знание о том, как лучше устроить жизнь людей на Земле. И первый, кто письменно зафиксировал это знание, был 17-ти летний юноша, вошедший в историю под именем Эхнатон. О том же, что это знание из одного источника, давало простое сопоставление текстов гимнов Эхнатона и Корана. Они разнесены во времени 20-ю веками и, тем не менее, в них чувствуется не только содержательное сходство, но и, что особенно меня поразило, — единая ритмика текстов. Как такое оказалось возможным — уму не постижимо.

События за прошедшую неделю шли своим чередом. Из последних известий исчезли кадры с обломками ВТЦ, их заменили репортажи с американскими бомбардировками Афганистана; в сообщениях каналов CNN и NBC начали упоминать об актах биотерроризма в Нью-Йорке, Вашингтоне и Флориде. Холмс звонил дважды: один раз из Каира, второй — из какого-то индийского городка с труднопроизносимым названием.

Часть III. Расследование Холмса

22 — 27 сентября. Швейцария — Лихтенштейн (Цюрих — Вадуц — Женева)

Рейс Лондон — Цюрих прибыл по расписанию. Холмс встал в очередь на визовый контроль. Диктор объявил о прибытии рейса из Франкфурта-на-Майне, и скоро рядом выстроилась другая очередь, в которой в основном была слышна немецкая речь. Взгляд Холмса машинально выхватил из вновь образовавшейся очереди полную фигуру в светлом плаще и серой шляпе.

— А что интересного в этом человеке? — подумал про себя Холмс и понял, что интересной была газета, которую толстяк прижимал рукой поверх небольшого кейса.

Газета была русской и называлась «Известия», но Холмс так и не мог понять, почему она привлекла его внимание. Пока Холмс размышлял об этом, толстяк в светлом плаще зашёл в кабину визового контроля и Холмс потерял его из виду. Получив багаж, Холмс вышел в зал ожидания, пытаясь в толпе встречающих отыскать представителя своей фирмы, как вдруг его взгляд снова упал на ту самую газету, которую толстяк перед выходом почему-то бросил не в урну с мусором, а на сиденье кресла в зале аэропорта. Движимый непонятным ему чувством любопытства, Холмс, вместо того, чтобы идти к выходу, направился к креслу с газетой, и в это время его окликнули.

— Здравствуйте, мистер Холмс, меня зовут Луи Ренье. Давайте ваш багаж.

Холмс остановился и пожал руку высокому стройному брюнету средних лет, с прядью седых волос в густой иссиня-чёрной шевелюре.

— Я готов вас отвезти в отель, — тщательно подбирая английские слова, обратился он к Холмсу с заметным французским акцентом, — и если у вас будет желание, то вечером мы сможем совершить прогулку по старому Цюриху.

Холмс уже собирался идти к машине вслед за встретившим его представителем фирмы, но вдруг остановился.

— Извините, Ренье, одну минуту. Я сейчас.

Холмс, оставив в недоумении своего спутника, свернул к креслу, взял русскую газету и, сунув её в карман пиджака, направился к выходу. Вряд ли он смог бы объяснить Ренье, удивлённо наблюдавшему за действиями Холмса, для чего взял газету, языка которой не понимал. Но его спутник был человек деликатный, лишних вопросов не задавал, а повёз гостя из Лондона прямо в отель, где фирмой «Ernst & Young» для Холмса был забронирован номер. Вечер субботы и воскресенье Холмс провёл в цитадели «цюрихских гномов». Он бродил по узким улочкам старого Цюриха, размышляя о той власти, которую без армий и оружия приобрели мировые банкиры. И почему Швейцарии разрешена такая роскошь, как нейтралитет? И почему эта страна до сих пор не является членом ООН? Вопросы, вопросы…

Весь понедельник шли переговоры в Цюрихе, которые продолжались на другой день в Давосе. Да, размышлял Холмс, неплохое местечко присмотрели себе акулы мирового капитала. Этот небольшой курортный городок, в котором всего две улицы, стал настоящей Меккой крупнейших

финансистов мира, а вернее тех, кто думает, что участвует в определении целей и методов мировой политики. На обратном пути в Цюрих, опекавший гостя Луи Ренье, неожиданно предложил Холмсу посетить Лихтенштейн, где, как он выразился, доживал свой век один известный русский эмигрант и меценат — граф Пфанфальц. Граф обитал где-то в окрестностях Вадуца — административного центра карликового государства, в которое закачиваются капиталы со всего мира лишь потому, что оно объявило свою территорию свободной от налогообложения. Минут десять они блуждали по узким улочкам городка, заполненного туристами со всего света, потом столько же — по горному серпантину, и скоро оказались у ворот «Аскании-Новы», — так называлась вилла графа. Хозяин оказался дома, что по его словам было большой редкостью. Несмотря на свой преклонный возраст, он много путешествовал, занимался скупкой раритетов русского прошлого и возвращением их России.

За чаем, которым граф угощал своих гостей, разговор зашел о недавних событиях в Америке. Все сошлись на том, что после 11 сентября мир стал другим, и нет ни одной страны, которой бы это событие как-то не коснулось. Холмс задал графу вопрос о России и её перспективах в свете американской трагедии. Тот некоторое время молчал, задумчиво разглядывая пейзаж за окном гостиной, затем поднялся и, извинившись, удалился в свой кабинет. Скоро он вернулся с пакетом плотной желтой бумаги. Каково же было удивление Холмса, когда граф разложил перед гостями те самые «пикники», которые два дня назад он обсуждал с Ватсоном. По тому, как отреагировал на картинки Ренье, Холмсу показалось, что тот их уже видел. Кроме знакомых «пикников» в желтом пакете оказалось ещё несколько документов.

Граф развернул перед Холмсом копии первой страницы газеты «Труд» № 107 (19554) от 9 мая 1985 года, 9-й страницы еженедельника «Аргументы и Факты» № 43 (836) за октябрь 1996 года и первой страницы газеты «Час пик» № 151 (880) от 14 октября 1997 года.

— Посмотрите, мистер Холмс, вы не находите ничего странного на этих снимках высшего руководства бывшего Советского Союза?

— Честно говоря, если бы не эта белая стрелка, направленная на пол головы Горбачева в «Аргументах и Фактах», я бы её в газете «Труд» даже не заметил. Но какое отношение эти снимки имеют к «пикникам» и тем более к трагедии «черного вторника»?

Часть фотографии, опубликованной в газете "Труд" 9 мая 1985 г. М. Горбачев делает доклад, посвященный 40-летию Победы. Стрелкой отмечена голова генсека, забытая при монтаже.

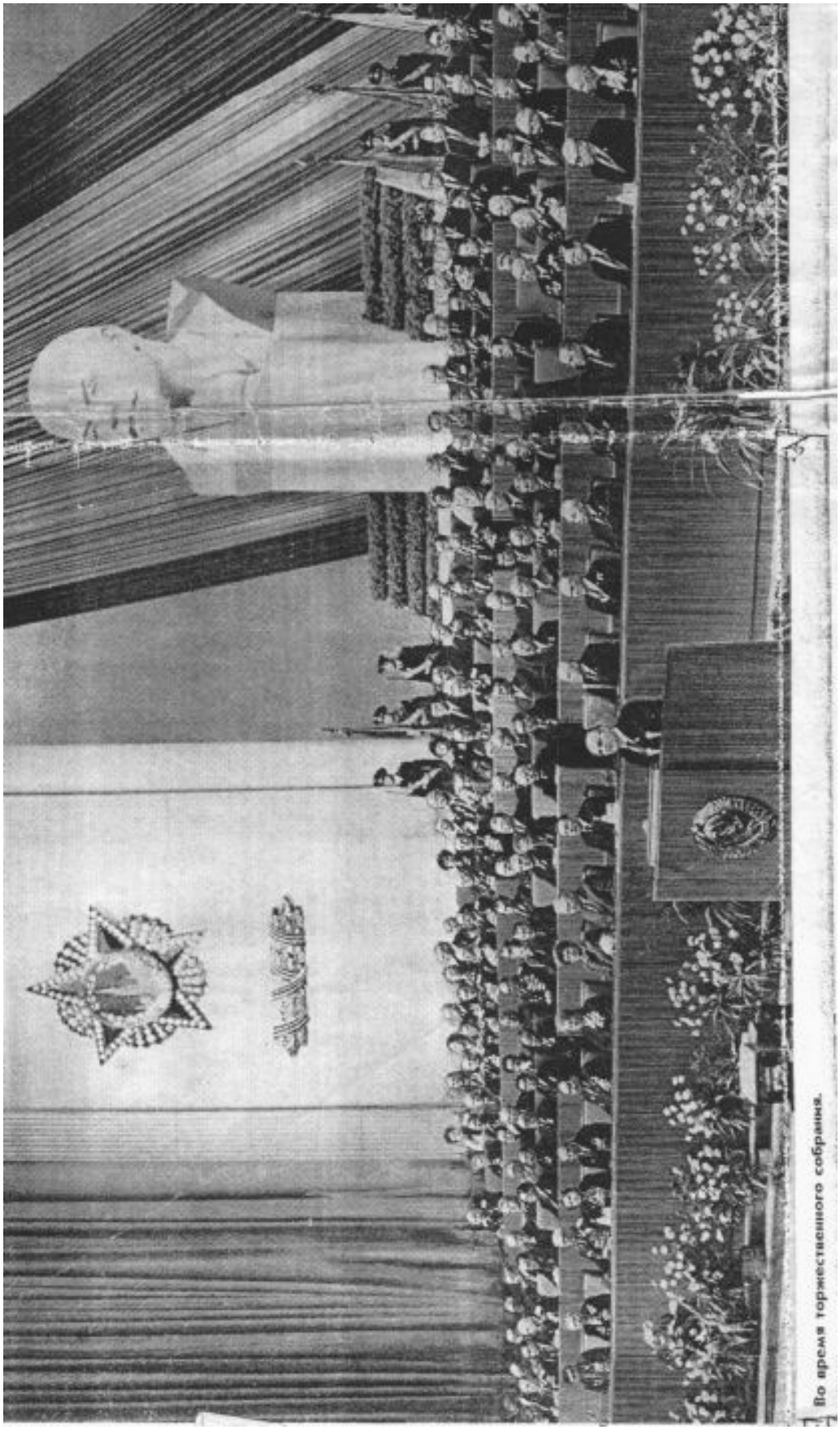
А вот смотрите, как выглядит полностью фотография на первой полосе газеты «Труд» от 9 мая 1985 года:

Граф откинулся на спинку кресла красного дерева с изящной резьбой и, восстанавливая в памяти картины былого, повёл свой необычный рассказ, наделавший впоследствии столько шума в меценатских кругах.

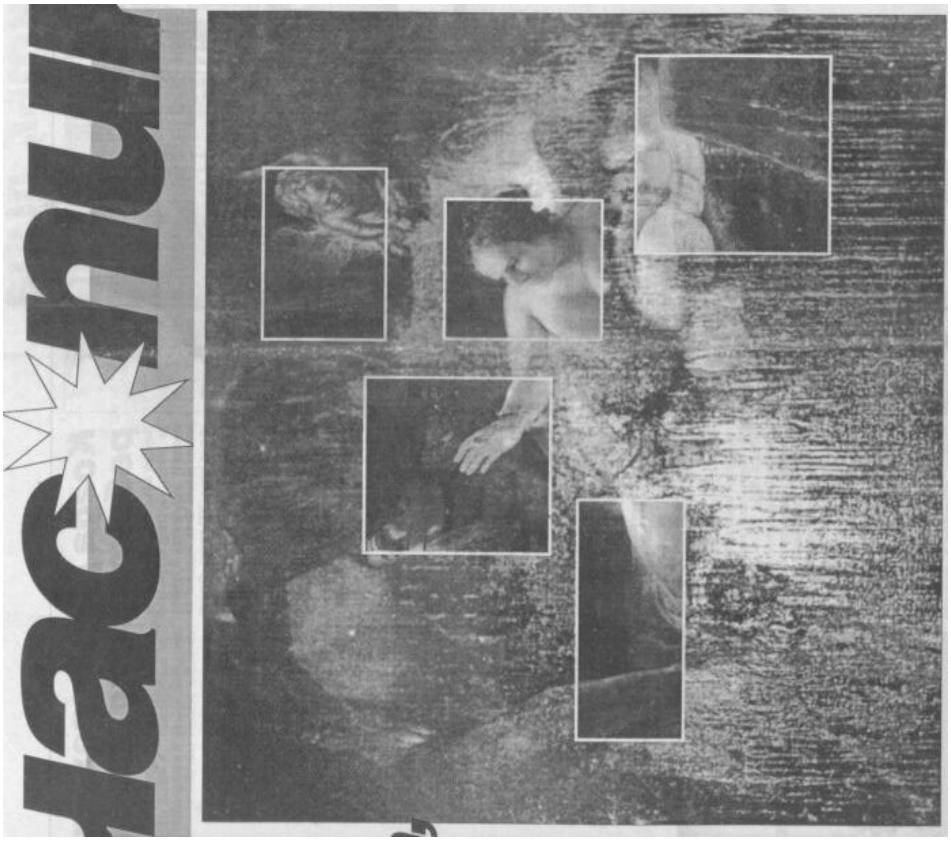
* * *

Пакет с «пикниками» и копиями других газет я обнаружил в своем почтовом ящике 17 августа 1998 года. Эту дату я хорошо запомнил, поскольку в тот день все телевизионные каналы шумели о финансовом кризисе, поразившем Россию. Рассматривая «пикники», я решил поначалу, что меня кто-то разыгрывает, поскольку никогда не считал себя специалистам по ребусам. Но те, кто положил пакет в почтовый ящик, видимо знали о моём увлечении картинами и потому естественно, первым делом я прочитал статью о реставрации «Данаи» Рембранта. Эта жемчужина из коллекции Эрмитажа была практически загублена неким маньяком 15 июня 1985 года, то есть 37 дней спустя после того, как в праздничном номере газеты «Труд» появился жутковатый снимок с половиной черепа генерального секретаря КПСС. Многие иностранные специалисты пришли тогда к выводу, что картина Рембрандта восстановлению не подлежит. Маньяк нанёс ей два ножевых удара и затем облил картину концентрированным раствором серной кислоты. Помню, узнав поначалу об акте терроризма против рембрандтовского шедевра, я даже слег — подскочило давление. И вот передо мной петербургская газета «Час пик» за 14 октября № 151 (880), из которой я узнаю, что в день Покрова[1] Пресвятой Богородицы открывается сенсационная выставка: «Даная — судьба шедевра Рембрандта». Картина была восстановлена, и я посчитал это явление мистически знаковым.

[1] Этот праздник на Руси отмечается с 911 года, поскольку в 910-м году в осажденном врагами Константинополе блаженному Андрею и его ученику Епифанию было видение: Пречистая дева с сонмом святых и ангелов входит в храм и накрывает молящихся своим блистательным покровом, после чего неприятель отступил без кровопролития.



Во время торжественного собрания.



Вы, Холмс, спросили, какое отношение это знаковое явление имеет к фотографии в газете «Труд», «пикникам» и тем более к террористическим актам 9.11 — так на Западе обозначают месяц и число? Мне кажется, — имеет, но чтобы я смог объяснить вам эту мистическую связь, придётся в общих чертах напомнить легенду о Данае и её сыне Персее.

Даная была дочерью аргосского царя Акрисия, которому дельфийский оракул предсказал смерть от руки собственного внука. Акрисий, чтобы избежать этой судьбы, заточил свою девственную красавицу дочь в подземную бронзовую башню. Но к Данае воспылал страстью Зевс — властитель Олимпа. К Данае он проник в виде золотого дождя, после чего она и родила сына — будущего героя древнегреческой мифологии — Персея. Акрисий законопатил дочь и внука в бочку и — в море. Дальнейшее развитие сюжета этого мифа своеобразно интерпретировал наш великий Пушкин в «Сказке о царе Салтане, прекрасной царевне Лебеде и сыне её Гвидоне», устранив из него катастрофический конец. Мне кажется, что Пушкин таким образом пробовал свои силы в исправлении сценария воспроизводства катастроф, который свойственен всей так называемой «христианской» культуре. Как вы помните, миф о Персее и Данае заканчивается для Акрисия трагически. После долгих странствий и свершения многих подвигов Персей прибыл на Олимпийские игры в Аргосс и во время состязаний по метанию диска *«снёс полбашни» (эти слова граф произнес по-русски, хотя рассказ вел на английском, и потому сразу поправился),* извините, снёс пол головы своему деду.

— Как вы думаете, мистер Холмс, почему за год до выхода октябрьского номера газеты «Час пик» с сообщением о реставрации шедевра Рембрандта, в октябре 1996 года одна из самых читаемых сегодня в России газет — «Аргументы и Факты», вдруг снова напомнила о главном символе мифа о Данае?

— Мне трудно, граф, сказать что-то определённое по этому поводу, поэтому я бы с удовольствием выслушал вашу версию.

— Я полагаю, — продолжал граф свой рассказ, — подлинные истоки трагедии «черного вторника» не могут быть объяснены с позиций ущербного материалистического или не менее ущербного идеалистического сознания современного обывателя. Да, несомненно, был план террористической акции, были и террористы-камикадзе, но все они, в том числе и закулисные сценаристы, — всего лишь исполнители какой-то объемлющей матрицы-сценария, уходящей корнями в далёкое прошлое современной, а может и предшествующей, то есть допотопной, цивилизации, неясное отражение которой мы едва улавливаем в дошедших до нас мифах и легендах. Образно-символьная сторона этих мифов и легенд воплотились в материальных памятниках культуры, над которыми работали многие поколения великих скульпторов, художников, архитекторов, композиторов, а также поэтов, писателей и драматургов.

В моём представлении мир един и целостен, и всё в нём причинно-следственно обусловлено. Это может означать лишь одно: всякое случайное событие представляется нам случайным лишь потому, что мы не в состоянии выявить событий ему предшествующих, а также других событий, причиной которых этот случай явился.

Перестройка-обрезание Российской империи в границах СССР началась при Горбачёве и это неблаговидное дело сразу же «случайно» отобразилось в мифологическом символе — половине черепа «прораба перестройки», выставленного на всеобщее обозрение более чем 200

миллионам граждан Советского Союза в священный праздник почти всех русских во всём мире — День Победы над фашизмом, который в середине двадцатого столетия отождествлялся с германским нацизмом. Что могло означать появление этого символа на первой странице одной из самых многотиражных газет СССР?

Насколько я понимаю, речь могла идти о кем-то инспирированной активизации алгоритма матрицы мифа о Данае. Разные люди по разному воспринимают этот процесс активизации алгоритма; большинство же его просто не замечает. Но и в далёком прошлом, и в наш жестокий технократический век везде в мире и, особенно в России, были те, кто очень болезненно воспринимали возбуждённое, если можно так сказать, состояние энергетически накачанных матриц. Раньше таких людей называли юродивыми, блаженными; в наше время они частенько становятся объектом современной психиатрии. Активизацию алгоритма разрушительной матрицы они воспринимают также болезненно, как нормальный человек чувствует боль ободранной кожей, если её посыпать солью. Вы, мистер Холмс, видели фильм «Матрица» либо сочли его просмотр пустой тратой времени?

— Да, граф, видел и даже познакомился с интересной аналитической статьёй на эту тему. А почему вы спросили об этом?

— Дело в том, что один из героев фильма на вопрос, что такое «матрица» ответил — «матрица везде». Её ведь не потрогаешь руками и не воспримешь зрением, слухом или обонянием, но, тем не менее, её воздействие всё-таки можно ощутить. Как? — я вам этого толком объяснить не могу, поскольку в своём мировосприятии опираюсь на пять чувств, из которых человек формирует субъективные образы окружающего объективного мира. Скорее всего, её можно ощутить шестым чувством, о котором вроде бы все знают, но к которому мало кто прислушиваются, — чувством меры. Вот это-то гипертрофированное чувство меры в культуре современной цивилизации, опирающейся в своей основе на «эдипов комплекс», и воспринимается в качестве шизофрении.

— Извините, граф, что перебиваю, но термин «эдипов комплекс», насколько мне известно, впервые в обращение ввел Зигмунд Фрейд. Какое он имеет отношение к активизации алгоритма матрицы мифа о Данае?

— А вы, Холмс помните миф об Эдипе?

— Так, в общих чертах.

— И всё-таки, очень важно, что вы помните из этого мифа?

— Ну, оракул в Дельфах предсказал Эдипу, что тот убьёт своего отца, женится на собственной матери, и от этого брака родятся дети, проклятые богами и ненавидимые людьми. Сколько Эдип не пытался избежать предсказания Оракула, всё сбылось точно, и конец Эдипа — печальный: по-моему, он ослепил себя, а его жена покончила с собой. Впрочем, вариантов мифа об Эдипе много.

— Действительно, мистер Холмс, вариантов много, но все они почему-то завершаются трагически. Почему? — Потому, что все внимание в мифе сосредоточено на основных персонажах, имеющих собственные имена, а вот оракул имени собственного не имеет — он просто некий оракул в Дельфах, ведущий прогноз развития событий. Вот вы, Холмс, например, сможете отличить прогноз от программирования?

— Я рискну на ваш вопрос, граф, ответить словами из древнекитайской истории, которые звучат примерно так: «Если мы не изменим направления своего движения, то рискуем оказаться там, куда направляемся».

— Да, в этом что-то есть, — после небольшой паузы снова заговорил граф, — но у меня, Холмс, нет пока исчерпывающего ответа на этот вопрос и, чтобы его найти, попытаемся проследить, как развивались события после того, как оракул в Дельфах предсказал Эдипу убийство его отца? Чтобы преодолеть жестокий рок, Эдип решил не возвращаться к родителям в Коринф, а уйти от них в чужие края. Но Эдип не знал, что бежал от приёмных родителей и что дорога, которую он выбрал для бегства, ведёт в Фивы, где правил его настоящий отец — Лай. А этому Лаю, как и Акрисию в своё время, дельфийский оракул тоже предсказал гибель, но не от руки внука, а от руки сына. Поэтому отец приказал бросить родившегося младенца Эдипа в лесу на растерзание диким зверям.

— Но, кажется, есть вариант, по которому отец приказал бросить ребёнка в море, а волны вынесли младенца на берег, после чего его усыновил царь города Сикона.

— Совершенно верно, мистер Холмс, и этот вариант мифа об Эдипе лишь подчёркивает его сходство с мифом о Персее. В любом случае речь идёт о чудесном спасении Эдипа и его усыновлении, — в первом варианте бездетным царём Коринфа Полибом. На пути в Фивы после бегства от приёмного отца Эдип в случайной драке убивает знатного мужчину. Это и был его настоящий отец — Лай. Так исполнилась первая часть пророчества дельфийского оракула.

— Или первый этап алгоритма программирования, которым целенаправленно занимался оракул в Дельфах, — заметил Холмс.

— Возможно, что и так, — ответил граф и продолжал свой рассказ. — Разгадав загадку Сфинкса, Эдип освобождает Фивы. Благодарные жители города выбирают его своим царём. Вдовствующая царица Иокаста, которую он берет в жены, — его мать; его дети от неё — в то же время его братья и сёстры. После двадцатилетнего благополучного царствования Эдипа, в Фивах начался голод и вспыхнула эпидемия чумы. Дельфийский оракул в своё время предсказал, что бедствия прекратятся после того, как будет изгнан убийца Лая. Заботясь о благе государства, Эдип энергично принялся разыскивать виновника преступления и, найдя единственного из спасшихся спутников Лая, выяснил, что убийца фиванского царя — он сам. К тому же свидетель убийства оказался тем самым рабом, которому Лай приказал бросить младенца Эдипа на растерзание диким зверям, но тот пожалел ребёнка и отдал его коринфскому пастуху, после чего Эдип и оказался у Полиба. Так Эдип узнал, что роковое предсказание оракула сбылось, и он не только убийца своего отца, но и супруг своей матери. В ужасе от содеянного Эдип ослепил себя, а Иокаста покончила жизнь самоубийством.

Как видите, Холмс, во всей этой истории наиболее неприглядна роль оракула и она действительно более похожа на роль программиста, чем предсказателя.

— Да, граф, связь между мифом об Эдипе и Данае очевидна и связующим звеном в этих мифах несомненно является деятельность дельфийского оракула. Осталось только окончательно выяснить, чем же он на самом деле занимался: прогнозированием или программированием будущих событий?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мистер Холмс, и необходимо научиться отличать прогноз от программирования. Мне кажется, что в процессе разгадки русских ребусов этот вопрос — ключевой. Ну а что касается «эдипова комплекса» (стремление убить своего отца и вступить в половые отношения со своей матерью), которому согласно Фрейду бессознательно

привержено большинство мужчин, — то даже из нашего анализа мифа хорошо видно, на основе чего раздул его до вселенских масштабов крупнейший авторитет в области психологии. При таком раскладе Фрейд выглядит жалким адептом безвестного оракула из Дельф. Но для нас сейчас важно даже не кто, а как осуществляется активизация алгоритмов катастрофических матриц. Если мир един и целостен и всё в нём причинно-следственно обусловлено, то в анализе следствий можно обнаружить истоки причин. Чтобы подняться на такой уровень понимания, необходимо выйти за пределы системы, формирующей стереотипы поведения в ней. В нашем случае понять поведение «маньяка» в рамках культуры, в которой мы живём, невозможно. Картина Рембрандта «Даная» — одно из лучших воплощений мифа о Данае, а поскольку «матрица везде» и её разрушительный алгоритм активизировался, то «маньяк» ищет и находит материальные составляющие матрицы в шедевре Рембрандта. Дальнейшее Холмс вам известно.

— И вы, граф, хотите сказать, что маньяк заблокировал действие разрушительного алгоритма матрицы мифа о Данае?

— Полагаю, мистер Холмс, что дело обстояло таким образом и тому есть два доказательства. Первое, состоит в том, что некоторые реставраторы и члены их семей погибли при странных обстоятельствах в результате автокатастрофы, которую можно воспринять как выражение алгоритма осуществления альтернативной матрицы-сценария. К сожалению, я не могу подтвердить это доказательство сообщениями в прессе. И хотя руководство Эрмитажа всё знает, но почему-то говорит об этом неохотно. Вторым доказательством блокировки разрушительного алгоритма служит вторичное появление через 11 лет главного символа мифа на страницах «Аргументов и фактов» с объяснением, что это «случайная ошибка» монтажа праздничной фотографии. Что-то пошло не так в матрице-сценарии разрушения страны, которую Запад объявил «империей зла» и в результате, если следовать моей гипотезе, имела место вторая попытка активизации разрушительного алгоритма по завершении 11-ти летнего цикла солнечной активности. На мой взгляд, действия этого «безумца» неосознанно противостояли разрушительным действиям Горбачева, хотя многие считают их обоих современными герострата́ми. Я понимаю, что подобный вывод для большинства, выросшего в библейской культуре, покажется безумным, поскольку сама культура накладывает определённые подсознательные запреты на оценки стереотипов, вырабатываемых ею. Другими словами, человек выросшей в такой культуре, не способен задаться вопросом: а всё ли хорошо в этой культуре? И почему многие ведут себя в ней, как потенциальные преступники? И как формируется алгоритм совершения преступлений в рамках этой культуры? Может он специально заложен на бессознательных уровнях психики индивида таким образом, чтобы тот в стремлении избежать «напророченного» ему зла творил зло, ещё более худшее? Но тогда, если проводить аналогию с мифом об Эдипе, можно при желании выявить и главного виновника многих преступлений, или, как теперь принято говорить, их заказчика.

— Ваши выводы, граф, настолько необычны, что необходимо время для их осмысления. И я полагаю, что стоит проанализировать события «черного вторника» с этих позиций. Возможно, и получится выйти на коварного «никто».

— Вы имеете в виду миф об Одиссее и Полифеме?

— Совершенно верно, граф. Соединенные Штаты напоминают мне сегодня этого циклопа, которому выжгли сразу два глаза и который в ярости ищет коварного «Никто»[1], ощупывая современных «баранов». Правда, на сей раз «коварный Никто» прикрылся именем бен Ладена. А что может означать в контексте вашей версии появление статьи о реставрации «Данаи» в газете «Час пик» № 151(880) от 14 октября 1997 года?

— Лучше я переведу на английский несколько абзацев из этой статьи:

«Современный мир полон жестокости и насилия. В конце XX века жертвами маньяков всё чаще становятся произведения искусства. Рембрандт — чемпион по числу подобных преступлений. Именно его картины притягивают психов с особенной силой».

Вам не кажется, Холмс, что автор статьи, ничего не зная о моей версии преступления в Эрмитаже, обосновывает именно её, хотя и несколько с других позиций.

— Извините, граф, что прерываю нить ваших рассуждений, но почему именно Рембрандт притягивает психов с особой силой?

— Есть у меня на этот счёт одна версия, но чтобы её понять, нам придётся понять роль живописи в эпоху ранее появления кино и телевидения.

— Вы хотите сказать, граф, что живопись играла ту же самую роль, которая в наше время отведена кино и телевидению?

— Совершенно верно, но… только для высшего света. Современной наукой доказано, что музыкальные и зрительные образы поступают на бессознательные уровни психики в обход сознания. Известно также, что 95 % всей информации из внешнего мира человек получает через зрение (5 % остаётся на слуховые, вкусовые и прочие образы), следовательно, в эпоху до кино и телевидения живопись играла огромную роль в формировании мировоззрения. Поскольку основное содержание картин западноевропейских художников, по крайней мере до середины XIX века, составляли библейские сюжеты, то через живопись и формировалось библейское мировоззрение «элиты» Запада. В Россию картины западноевропейских художников стали впервые поступать в период петровских реформ, но особенно много их завозили при Екатерине II. Так, например, только в 1772 году было сразу закуплено около 150 полотен знаменитых фламандцев и голландцев, среди которых было много картин Рембрандта. Благодаря особой манере письма, его картины уже тогда отличались необычайно сильным воздействием на психику зрителя. Скорее всего он и был первым “импрессионистом[2]” в том смысле, что его картины, как и картины Сезанна, Моне, “не смотрелись” с близкого расстояния. Молва даже передаёт, что на попытку одного из своих заказчиков рассмотреть детали картины, Рембрандт заявил: “Не водите носом по холсту, краски дурно пахнут”. Но тогда доступ в музеи типа Лувра, вашей Национальной галереи в Лондоне или нашего Эрмитажа для простонародья был закрыт. На мой взгляд, в те времена через живопись шла «обработка» бессознательных уровней психики «элиты» в части её преданности библейскому мировоззрению. Но одно дело — ходить в церковь, бить поклоны, и совсем другое — читать и переосмыслять Библию. И, видимо, живописи Рембрандта в этой «обработке» отводилась настолько

[1] Этим именем назвался Одиссей Полифему, перед тем, как выжечь ему раскаленным колом его единственный глаз.

[2] Художники «импрессионисты» получили своё название от английского слова «impression» (по-русски — «впечатление»); добивались особого впечатления на зрителя за счёт сочетания цветовой гаммы картины.

важная роль, что в Нидерландах уже в наше время самое высокое здание Амстердама[1] даже назвали «Башней Рембрандта» и «Ночным дозором»[2].

Если мои сравнения живописи с телевидением не вызвал у вас, Холмс, отторжения, то я хотел бы вернуться к вашему вопросу по поводу контекста моей версии реставрации «Данаи», но для этого мне придётся зачитать ещё одну выдержку из упоминаемой выше газеты «Час пик»:

«И все же многие говорят, что сегодня «Даная» — всего лишь руина, пусть и прекрасная, что от великого Рембрандта осталась лишь тень. В одной газете её даже назвали калекой, хотя и эротичной, прекрасной. Сам Евгений Герасимов, который руководил реставрацией многие годы, согласен, что перед нами уже не тот Рембрандт, к которому мы привыкли. Тем, кто помнит картину до трагедии, нужно преодолеть психологический барьер. Но следующие поколения уже будут воспринимать «Данаю» совершенно иначе. Привыкли же люди к Венере Милосской без рук или к Нике Самофракийской без головы».

Ответил ли, мистер Холмс, я на ваш вопрос?

— Мне надо подумать, граф. Так ведь можно и Герострата оправдать в его преступлении, да и вообще кого угодно. Высказав свою, далеко неординарную, точку зрения, вы поставили меня в недоумение. Хотя я и не могу возразить вам доказательно, но у меня есть интуитивное несогласие с вами. Другими словами, я — дитя классической культуры Запада, а то, к чему вы пытаетесь меня подвести своими рассуждениями, очень походит на обвинение заведомо невинного в закоренелом злодействе.

— Я понимаю вас, Холмс. Всё дело в словах «заведомо невинного». Интуиция, конечно, вещь мощная, однако, есть в ней нечто субъективное, и потому иногда она вводит в заблуждения, если оказывается в плену субъективизма. Что мы знаем о Герострате? — Он поджёг одно из семи чудес света — храм Артемиды в Эфесе — и чудо было безвозвратно утрачено. Но уж если мы занимаемся столь необычным расследованием и затронули Герострата, то для нас очень важным должен быть вопрос и о мотивах его преступления. Все, для кого имя Герострата не пустой звук, знают, что он якобы был непомерно тщеславен и уничтожением храма решил увековечить память о себе. Но об этом мы знаем только из сообщений древних историков, один из которых, Плутарх, кстати, был по совместительству верховным жрецом Дельфийского оракула. То есть, с Дельфийского оракула начали и к нему же вернулись.

А если говорить об общей всем нам европейской культуре, то она не так безобидна, как может показаться привычному к ней человеку. Экологический кризис у всех на виду. А есть и многое другое. Вы обратили внимание на установление в приведенном отрывке статьи ассоциативной связи «эротическая привлекательность — калеки — безрукая Венера — Ника без головы»?

— ???

— И большинство не обратили внимания. А между тем, с конца XIX века по мере того, как хирургия стала ремеслом, гарантирующим выживаемость пациентов с высокой степенью надёжности (во времена Наполеона примерно 1/3 хирургических больных умирала от сепсиса), на Западе начала формироваться весьма специфичная субкультура. В ней почему-то стали эротично притягательными женщины с ампутированными конечностями. И эта субкультура ныне расширяет свои позиции: безногие манекенщицы выходят на протезах на подиум; один из участников

[1] Первое название Нью-Йорка — Нью-Амстердам.

[2] Одна из самых известных картин Рембрандта, которая так же, как и «Даная» неоднократно притягивала к себе «психов».

ансамбля «Битлз» Пол Мак-Картни помолвлен с одноногой женщиной; в фильме «Титаник», обошедшем экраны всего мира, главный герой в разговоре ни с того, ни с сего, и явно не в тему вдруг вспоминает одноногую проститутку, которая в Париже была его натурщицей, и т.п. Всё происходит как бы само собой: одним надо поднять тиражи и рейтинги своего бизнеса, а другие просто заскучали от сытости и не знают, чем себя занять. В итоге первые возводят в идеал красоты женщину-ампутантку[1]; а вторые бездумно взирают на эту, с позволения сказать, «экзотику». Хотим мы того или же нет, но объективно в обществе формируется культ эстетичной привлекательности увечий.

Конечно, достоин уважения человек, получивший увечья, но не сломленный духом, который старается жить нормальной для общества жизнью, быть полезным людям и достигает в этом успеха. И в этом общество должно его поддержать. Т.е. пандусы и подъемники для колясок на улицах, в домах и транспорте, развитие протезирования, спорт инвалидов и тому подобное в обществе, в котором есть инвалиды, необходимы. И пусть отношения Пола Мак-Картни и Хитер Миллс, когда-то ещё с двумя ногами позировавшей для «эротических» журналов, ныне воистину чисты. Пусть Эмми Муленс, не имея ног с раннего детства, живёт как все и занимается лёгкой атлетикой в своё удовольствие ради здоровья и чувствует себя нормальным, ни в чём не ущербным человеком…

Но встаёт вопрос: как пустоголовый человек толпы, жаждущий удовольствий, бессознательно отреагирует на культ увечий, обладатели которых достигли чего-то ему вожделенного, без чего он мнимо или реально страдает? В том числе достигли каких-то специфических ощущений в сексе, недоступных телесно здоровым людям. С точки зрения многих «за секс можно всё отдать», и если ампутация позволяет стать эротически притягательной и открывает путь к неким экзотическим переживаниями в сексе и жизни, то ждите: алгоритмика бессознательного и отчасти сознательного поведения пресытившейся и извращённой толпы отреагирует на культ ампутанток ростом статистики ампутаций по вполне медицинским показаниям, которые, однако, будут покрывать собой истинную нравственно-психологическую подоплёку — экзотики захотелось. Если для того, чтобы стать привлекательной и сексуально властной, женщине кажется, что ей необходимо лишиться ноги, — нога будет «потеряна», а по существу отторгнута бессознательными уровнями психики, которые спровоцируют либо соответствующую травму, либо психосоматическое заболевание.

Как бы мы все не относились к саентологии, но, если говорить в её терминах, то ассоциативная связь в статье, на которую я обратил ваше внимание, весьма вредная «инграмма», которую средства массовой информации и деятели культуры ныне возбуждают к активному действию. А так называемый «боди-арт», тоже активно культивируемый ныне, начавшись с макияжа и прокалывания ушей под серьги, завершается «декоративно-эстетическим» членовредительством, ампутациями, ориентированными на удовлетворение низменных, эгоистичных желаний.

Но не думайте, что мы уклонились от темы проявления алгоритмики матриц в мифах и произведениях культуры. Что нам известно о культе Артемиды?

[1] Этот культ находит своё выражение в “творчестве” некоторых художников-оригиналов в живописи, в скульптуре, в «боди-арте», но мы не находим общественно полезным привести соответствующие иллюстрации в качестве доказательства правоты сказанного.

— Насколько я помню, она была богиней охоты, а её тотемными (культовыми) животными были лань и медведь; считалась покровительницей деторождения; в Риме — называлась Дианой. Была она богиней-девственницей и в этом отношении была очень щепетильна по сравнению со многими другими обитательницами Олимпа…

— Это верно, Холмс, и об этом можно прочитать в мифах об Артемиде, но мало кому известно, что в её культе особую роль играли кастраты — невольные гаранты девственности тех барышень, кто не успел её потерять до встречи с ними. Эфес, где был один из главных храмов культа Артемиды, не был исключением.

Кастрация — одно из самых древних и загадочных явлений в истории человечества. Мужчины, поклоняющиеся Артемиде, во время обрядов взвинчивали себя до безумного состояния, оскопляли друг друга, после чего продолжали «служить богине», но уже в женской одежде. История культовой кастрации насчитывает не одно тысячелетие, и она существует даже в наше время в религиозной общине хиджров в Индии. Эта странная секта, состоящая из псевдо-мусульман и индуистов, которые почитают Бхарукара Мате — богиню из Гуджрата, и которой как Артемиде и финикийской Астарте, тоже служат скопцы.

— Но, граф, каковы, по вашему мнению, причины и цели такого странного обряда, как оскопление?

— Мне кажется, что это реакция на гипертрофированное ощущение давления на психику половых инстинктов, с которым люди не могли совладать. Кастрация — попытка избавиться от этого давления.

В еще более социально обострённом случае — это стремление избавиться от психологической подчинённости женщине через необузданные инстинкты, которые так называемые «демонические» женщины целенаправленно распаляют в мужчинах. Из этих свойств характера и поведения некоторых представительниц женского пола и проистекает свойственное многим культурам представление о женщине как о внутриобщественном источнике зла. Хотя, на мой взгляд, так называемые мужчины, не способные освободиться от диктата «демонических» женщин через инстинкты, — тоже зло. Причём зло более опасное, поскольку «демоничекая» женщина — бросающееся в глаза создание, а мужчина — её невольник и покорный слуга — гадит и злобствует исподтишка, прикрываясь своей показной деликатностью и терпимостью, подобно Горбачёву; либо открыто срывая свою озлобленность на всех, кто представляется ему слабым, подобно Гитлеру.

Другими словами, в ритуально-культовой кастрации может выражаться не только безволие по отношению к зову инстинктов, но и очень крутой демонизм, претендующий на нечто большее, по сравнению с тем, на что претендуют мелкие демоны, занятые бытовой суетой. Ну а женские ампутации конечностей с претензиями на эротическую привлекательность и власть над окружающими на основе инстинктов в ныне распространяющейся субкультуре — это ответный ход демонизма, поскольку вследствие ампутации какие-то ресурсы нервной системы раз и навсегда высвобождаются из процессов управления утраченными фрагментами тела, после чего они могут быть употреблены для мистико-психологической деятельности. Во всяком случае, ирландские сказания, как отмечал исследователь кельтского эпоса Шкунаев, сообщают о том, что некоторые их персонажи «в течение семнадцати лет постигали тайное знание и друидическую мудрость, а затем у каждого из них были

отрублены правая нога и левая рука, что являлось устойчивым признаком существ, связанных с потусторонним миром в его демоническом воплощении».

Такие увечья для обычного человека тех времён в большинстве случаев были несовместимы с жизнью, поскольку и в наши дни большинство ампутатнов живы только благодаря медицинской помощи. И соответственно этому обстоятельству в алгоритме инстинкта самосохранения только один вид этих посвящённых в тайные знания калек для остальных их соплеменников был сигналом смертельной опасности. Но кроме того, что их калечили, их чему-то перед этим выучивали. И возбуждая своим видом инстинкт самосохранения в соплеменниках, эти посвящённые калеки могли строить на этой основе в их психике какие-то иные надстройки, пока воля подавлена активизировавшимся инстинктом. Кстати мужчин — поклонников женщин ампутанток ныне на Западе словно в насмешку называют «devotee», а одно из значений этого слова — «посвящённый».

А теперь, дорогой Холмс, вспомнив всё это в контексте социальной мистики и мистических способностей человека, попробуйте мысленно вернуться в 356 год до новой эры и представить столкновение демонизмов двух типов, выразившееся в чём-то подобном тому, что произошло в Эрмитаже 15 июня 1985 года. Историкам древности проще и выгоднее было списать поджог храма Артемиды на тщеславие Герострата, нежели объяснять толпе мистическую подоплёку его действий и тем самым подрывать власть разных программистов-оракулов, на которых они работали. Даже если Герострат был действительно тщеславен, а не действовал из каких-то других, сокрытых древним следствием побуждений, то по отношению к культу Артемиды он выступил как орудие Высшего Промысла. После уничтожения храма в Эфесе культ Артемиды уже не поднялся на прежнюю высоту: рейтинг упал, если говорить современным языком.

А теперь, когда мы это вспомнили, попробуйте, Холмс, найти ответ на вопрос, почему «Исторический пикник» назван именем Артемиды?

— Да, граф, это весьма затруднительно. Диапазон ответов получается настолько широким, что каждый при желании найдёт тот, который более всего его устаивает.

— Вот в этом-то и состоит главное во власти оракула в Дельфах, как в прочем, и всякого другого оракула. Помните историю с лидийским царём Крезом? Когда он обратился в Дельфы с вопросом, начинать ли ему войну с персами, оракул ответил: «Крез, Галис[1] перейдя, великое царство разрушит». Крез потерпел поражение и его царство было завоёвано персами. На обвинение Креза в обмане, жрецы дельфийского оракула заявили, что предсказание оракула исполнилось полностью, так как оракул не указал, какое именно царство будет разрушено.

Но в этом деле есть две стороны. С одной стороны нравственность Креза продиктовала ему линию поведения, в результате которого погибло его царство. Была бы у Креза другая нравственность, он бы вёл себя иначе. С другой стороны, выявив объективную нравственность Креза и ощущая матрицы-сценарии дальнейшего течения событий, оракул уже программировал поведение Креза безальтернативно на уничтожение его же царства. Ведь им не было сказано: «Если Крез Галис перейдёт, то

[1] Галис — пограничная река, форсировав которую Крез в 546 г. до н.э. начал войну с персами и потерпел поражение.

великое царство разрушит». В формулировке оракула слова «если» нет: и большим и маленьким «крезам» остаётся либо выступить против всей культуры «оракульства» (включая и современную цыганщину), либо безальтернативно исполнить запрограммированное.

В этом же и ответ на вопросы о пророчествах оракулов Лаю, Эдипу, Акрисию: всё непременно сбывается, как предсказано, поскольку они пытаются убежать от рока, вместо того, чтобы переосмыслить и изменить свою нравственность и тем самым стать неподвластным року — программе безальтернативного «предсказания».

После того, как мы обсудили механизм воздействия на общество и людей оракульства, можно вернуться и к «пикникам». На картинках этого «пикника», как вы теперь можете убедиться (граф разложил перед нами первый «пикник») в символической форме отображена матрица-сценарий бездарного августовского путча 1991 года. Названия фильмов, которые вы видите на обратной стороне газетного листа, определяют алгоритм развития событий в Москве с 18 по 22 августа. Конечно, все произошло не спонтанно и не в одночасье, как это пытались представить мировому общественному мнению все средства массовой информации. Подготовка к расчленению России шла весь XIX и весь XX век, а в августе 1991 года был исполнен лишь завершающий аккорд реквиема по великой державе, бездумными исполнителями которого и были два бездарных музыканта — Горбачев и Ельцин. С этого момента началось фактическое обрезание русской империи, которое осуществлялось не без помощи Запада, но прежде всего были задействованы финансовые и интеллектуальные ресурсы Соединенных Штатов. Другими словами, богатая и процветающая Америка, предоставив землю Нью-Йорка под размещение двух башен Всемирного Торгового Центра, фактически подставила свою голову под секиру Истории. Хотите, Холмс, взглянуть на пароль истории?

Граф дал Холмсу большое увеличительно стекло в красивой массивной бронзовой оправе и попросил навести его на левый нижний угол третьего «пикника».

На зубах типа с тяжелой челюстью, державшего на правом плече секиру, четко обозначилось слово «пароль»:

Холмс вопросительно посмотрел на графа.

— Совершено верно, — ответил тот, прочитав в глазах Холмса недоуменный вопрос о содержании пароля — это только указание на пароль; сам пароль — на плече у этого типа в национальной одежде гуцула, — так называют себя жители Западной Украины.

После этих слов граф пригласил гостей в свой кабинет, включил свой компьютер, и на экране монитора появился каталог текстов Библии, которая была представлена на русском, английском и французском языках, после чего через систему «поиска» вошел в её английский вариант со словом «секира». Среди стихов Библии, содержащих слово «секира», граф выделил гл. 3:10 от Матфея с проповедью Иоанна Предтечи и, распечатав его на принтере, торжественно зачитал изречение своим низким, чуть надтреснутым голосом:

«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

— Как вы думаете, почему среди прочих изречений со словом «секира», я выбрал именно этот стих? — обратился он к гостям и, не ожидая ответа, продолжал развивать свою версию.

— Этот стих — предупреждение Свыше Иоанну Крестителю, особо почитаемые мощи которого хранятся сегодня в Свято-Пантелеймоновском монастыре в Греции на горе Афон, о возможном воздаянии за его неправедную миссию, которую он бездумно нёс по отношению к Христу, пытаясь направить его на путь, проложенный за 800 лет до него другим бездумным пророком — Исаией. Кстати, конец Исаии даже более ужасен, чем конец Иоанна Крестителя. По приказу иудейского царя Манасии Исаию распилили деревянной пилой. Но до того, как это случилось, Исаия, как и Иоанн Креститель, тоже подписал себе приговор, аналогичный тому, который незадолго до своей казни бездумно огласил Иоанн Креститель:

«Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его; как будто палка поднимается на того, кто не дерево!» (Исаия, 10:15).

Вы, спросите, почему такая жестокая кара постигла пророка, столь почитаемого в христианской цивилизации? Это долгий разговор, и я не в состоянии сейчас подробно объяснить вам всего, что понял сам. Пока могу сказать лишь определённо то, к чему в начале прошлого века пришёл наш великий писатель Лев Николаевич Толстой: современное исторически сложившееся христианство очень далеко от истинного учения Христа и виной тому «подвижническая» деятельность апостолов и прежде всего — бывшего фарисея Савла «чудесным» образом превратившегося в апостола Павла.

Вам, Холмс, никогда не приходил в голову вопрос о том, почему в эпизоде, случившимся с Савлом на пути в Дамаск, некто, назвавшийся «Христом», вёл себя совсем не по-христиански?

— Извините, граф, я довольно поверхностно знаком с «Деяниями апостолов», но вопрос, заданный вами обычно не принято обсуждать. Если сам Савл, назвавшийся потом Павлом, уверяет, что ему явился Христос… А в чём по вашему проявилось нехристианское поведение этого «некто»?

— Ну подумайте сами, Холмс, над тем, что истинный Христос исцелял больных и калек, — а тут Савл был ослеплён, пусть и на время. Согласитесь, что Бог и посылаемые Им вполне могут обходиться без сопутствующих «побочных» эффектов такого рода.

Истинный Христос никогда и никого не принуждал последовать за ним ни силой, ни страхом, ни шантажом, — Савл же был в трепете и ужасе, когда подчинился тому, кто его призвал служить себе. Другими словами,

осмысленного решения о том, чтобы последовать Христу, он не принимал и это является подтверждением того, что Савл стал жертвой наваждения.

Даже если обратиться к эпизоду изгнания торговцев из храма, когда Христос якобы применил грубую силу, то и в этом случае никто не стал калекой, никто не был охвачен ужасом, ничья воля не была подменена в его психике чуждой ему волей.

Истинный Христос никогда и никого не вгонял в страх, никогда и никого не делал ущербным даже на время, никогда и никого не шантажировал (тем более изощрённо шантажируя в умолчаниях, а не на словах), не подавлял и не извращал чью-либо волю[1], *не порождал двусмысленных ситуаций, позволявших обвинить его и Бога в чём-либо подобном*.

— Но кто же тогда этот «некто», явившийся Савлу на пути в Дамаск, граф?

— Я думаю, что в деятельности истинного Христа и в деятельности «некто» явившего себя в духе Савлу на пути в Дамаск просто выразились две разные и несовместимые друг с другом нравственности. Согласитесь, Холмс, что такого обращения в «христианство», какое претерпел Савл, не могло быть, если бы он действительно был призван к служению истинным Христом.

— Для меня это так необычно, граф, что я просто не знаю, что и сказать. Я ведь простой человек, а не богослов; вам бы с этими вопросами к богословам обратиться.

— Что вы, Холмс, какой смысл обращаться с этими вопросами к профессиональным богословам, если они, как и профессиональные философы кормятся не от истины, а от извращения её. Я беседую с вами, как с человеком, думающим человеком начала третьего тысячелетия.

— И много ли по-вашему, граф, сегодня в начале третьего тысячелетия думающих людей, способных задаваться вопросами, ставящими в тупик профессиональных богословов?

Граф помолчал, размышляя о чём-то, и, извинившись, на какое-то время вышел в кабинет. Вернулся он с копиями вырезок из газет.

— Вот, Холмс, послушайте:

«Христианство уйдёт, исчезнет, отслужит. И нечего спорить об этом. Я прав, и время докажет мою правоту. Сегодня мы популярнее Иисуса. Я не знаю, что исчезнет раньше — рок-н-ролл или христианство. С Иисусом всё было нормально, а вот его апостолы оказались людьми недалёкими и заурядными. Именно они исказили христианство, что, по-моему и ведёт его к гибели».

И вот ещё:

«Я не против Бога, Христа и религии. Я не утверждаю, что мы выше или лучше. Я верю в Бога, но не как старика в небе. Я верю: то, что проповедовали Иисус, Мухаммед, Будда, было правильным, а вот их толкователи наделали много ошибок».

— Кто это, граф?

— Это кумир молодёжи шестидесятых Джонн Леннон даёт в 1966 году интервью Морин Клив, корреспондентке вашей лондонской газеты «Ивнинг стандарт».

— Просто удивительно для уровня «рок-музыканта», хотя и популярного. Должен сказать, граф, я ничего подобного у себя на родине не слышал; да если бы и услышал, без вашего очень необычного комментария эпизода с Савлом, вряд ли обратил бы внимание. Уж не за подобное ли высказывание убили Леннона?

[1] Воля человека всегда действует с уровня сознания, воля всегда осознаваемо целесообразна.

— Этого я сказать не могу. Четвёрка распалась, один, кажется, Харрисон подался в индуизм и, как сообщает пресса, тяжело болен, что по моему мнению — есть следствие мировоззренческого кризиса, а может и тех функций, которые на них кто-то в обход их сознания возложил.

— Меня во всём этом удивляет другое, граф. Как вам удается в вашем возрасте всё это отслеживать и к тому же вырабатывать собственную точку зрения по вопросам, казалось бы само собой разумеющимся?

— Считается, что в моем преклонном возрасте многим свойственно впадать в детство. Наверное, это так, но именно в детском возрасте, свободном от груза прошлых заблуждений, накапливаемых в юности и в зрелые годы, легче всего снимаются те системные ограничения, накладываемые на психику, о которых мы говорили ранее, и, следовательно, — открывается возможность к постижению новых истин, если конечно мозг старца не деградировал к тому времени окончательно. К сожалению, в жизни нашей ущербной цивилизации сохранить детское восприятие до преклонных лет действительно чрезвычайно сложно, но… (тут рассказчик сделал паузу и задорно улыбнулся своим гостям), может быть я как раз и есть тот редкий экземпляр, который своевременно впал в детство?

Графу было явно за восемьдесят, но выглядел он достаточно бодро, говорил связно, тщательно подбирая слова на другом языке, и при этом старался выразить мысль наиболее точно и опрятно. Иногда казалось, что некоторые его мысли выходят за пределы того, что принято считать «здравым рассудком», но каждый раз это впечатление проходило под воздействием живого блеска его глаз, усиленного стройностью изложения и некоторой недосказанностью. Одним словом, он производил удивительное впечатление на слушателя, которое могло даже ассоциироваться с гипнозом. Но эти мысли о манере общения графа пришли к Холмсу много позже, когда они с Ренье уже были далеко от виллы «Аскания-Нова». Пока же Холмс внимательно слушал рассказ графа.

— Итак, господа, я уверен, что террористическая акция в Нью-Йорке и Вашингтоне не случайно выпала на день усекновения главы Иоанна Крестителя. По счетам надо платить: круг замкнулся, алгоритм мифа об Акрисии и его внуке Персее, первым этапом которого была внешне безобидная фотография в газете «Труд», шестнадцать лет спустя завершился кровавой развязкой, которую мог наблюдать весь мир. Западная цивилизация, почитающая себя христианской, по сути своей — цивилизация библейская, но начало ей было положено не распятием Спасителя, как это принято богословским каноном и поддерживается официальной историей, а «усекновением» главы Иоанна Крестителя[1]. 11 сентября 2001 года истекло время этой цивилизации. Две тысячи лет длилась эпоха «Рыб», за ней, как известно, следует эпоха «Водолея». «Рыба» — символ библейской цивилизации и вы видите этот символ — «мёртвую рыбу» — среди картинок «Пост исторического пикника». Что может означать этот символ? — Только гибель библейской цивилизации. В это трудно поверить обыденному сознанию западного обывателя, гонящему прочь всякую неприятную ему «мистику», но, если он не поверит и не задумается, — боюсь, что будут другие знаки и, к сожалению, не менее трагические. Господа, вижу по вашим глазам, что вы ждете более ясных объяснений изложенной мной версии и каких-то доказательств.

[1] «Усекновение главы Иоанна Крестителя», если верить библейской хронологии, видимо приходится на конец 20-х или начало 30-х годов. н.э., то есть после крещения Иисуса Христа.

Напрасно: логических доказательств на основе какого-либо набора аксиом в разрешении этой проблематики быть не может. *Бог всегда говорил и говорит с людьми языком жизненных обстоятельств.* И судя по всему опыту истории, это — аксиома жизни, хотя кто-то другой, возможно, выразил бы её точнее, чем я. Эту аксиому либо принимают на веру, либо также «на веру» отвергают. Однако, как показывает бедственность истории, люди в большинстве своем не желают слышать и не желают понимать предложения этого языка.

Уважаемый мистер Холмс, вы молоды и имеете определенный опыт в разгадывании подобных ребусов. Луи Ренье — мой старый знакомый, известил меня о вашем приезде в Цюрих, и я попросил его о встрече с вами. Вы, по всей видимости, ждали от беседы чего-то другого, но это всё, чем я могу вам помочь. Конечно, кое-что я знаю и понимаю из рассказанного вам на основе семейных преданий моих предков. Но родовитая аристократия в своём большинстве давно растеряла свой творческий потенциал, хотя в её среде ещё сохранились отдельные любопытные чудаки, подобно мне интересующиеся свежими веяниям жизни. Я не сам дошел до всего, что рассказал вам. Последний год я изучаю работы, публикуемые на сайте www.dotu.ru. Сайт русскоязычный и у меня нет с ним особых проблем, поскольку всё в общем-то поддаётся однозначному пониманию. И если вы желаете понять, откуда исходят воззрения подобные тем, которые вы здесь услышали, посещайте этот сайт. Вы найдете там много такого, что поможет вам взглянуть на мир иначе и выбраться из плена прежних иллюзий и ошибочных привычек. Я же со своей стороны очень надеюсь, дорогой Холмс, что вы поможете нам разгадать этот ребус. Готов вам оказывать в этом деле всяческое содействие, располагайте всеми материалами, — они в вашем распоряжении.

* * *

Все ощущали, что они перегружены впечатлениями от беседы, кроме того, в горах быстро темнеет, а Ренье хотел засветло добраться до Цюриха. Прощание получилось естественным и душевно теплым; гостеприимный хозяин виллы проводил гостей до машины и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Серебристый BMW как бы сам держал путь, а Ренье ему в этом только помогал. Холмс погрузился в размышления и хранил молчание. Кое-что из рассказанного графом подтверждало его версию случившегося, но многое было для него настолько непривычным, новым и неожиданным, что не укладывалось в то миропонимание, с которым он переступил порог «Аскании-Новы». И это требовало времени на переосмысление всего услышанного и хорошего знания всех сторон символики, связанной с «пикниками».

27 сентября — 4 октября.
Испания. Мадрид — Эль-Эскориал

Весь следующий день Холмс провёл в Женеве и в четверг 27 сентября утренним рейсом вылетел в Мадрид. Каково же было его удивление, когда, раскладывая вещи в номере отеля[1] напротив всемирно известного музея «El Prado» он включил телевизор и в сводке последних известий услышал сообщение о террористическом акте в парламенте кантона Цуг. Какой-то тип, переодетый в форму полицейского, свободно проник, в здание, где шло заседание, и хладнокровно расстрелял 11 членов парламента и 3 члена правительства, после чего покончил собой. В сообщении говорилось, что «камикадзе» состоял на учете в местной психиатрии и имел какие-то претензии к членам парламента. Снова теракт и снова «псих». А если ещё добавить сюда число жертв 11, то с учетом рассказанного графом о языке жизненных обстоятельств, который не понимает современное общество, это известие показалось ему символически роковым.

Почти всю неделю Холмс провел в Мадриде, занимаясь делами фирмы, изредка раскрывая «пикники» и обдумывая свою версию, которая наполнялась новыми деталями, но пока оставалась по-прежнему неустойчивой. Он уже собирался звонить Ватсону, как руководство фирмы предложило ему в пятницу 5-го октября вылететь в Каир, где в течение двух дней должна была проходить международная конференция представителей «Ernst & Young» по национализации некоторых крупных частных кампаний. Тенденция, которую Холмс наблюдал за последние десять лет в среде крупного и среднего бизнеса, говорила о том, что позиции Международного Интернационала в мире крепнут. Движимый интересом встретить на этой конференции лиц, причастных к разработке мировой стратегии Интернационала, он согласился на продолжение командировки.

В его распоряжении было два свободных дня и, видимо, чтобы как-то разнообразить деловую поездку, сопровождавший его господин Антонио Угарте, сотрудник испанского филиала фирмы, с которым Холмс много беседовал о гражданской войне в Испании, предложил ему посещение Эль Эскориала — тихого городка, где в XVI веке какое-то время располагалась официальная резиденция королей Испании[2]. В этих разговорах Холмс выдвинул версию, согласно которой исход событий 1936 года был предопределен тем, что некто, контролирующий управление глобальным историческим процессом, хотел увидеть вариант развития событий, альтернативный тому, который имел место в России в 1917 году. И хотя, как говорят некоторые историки, — «история сослагательного наклонения не имеет», тем не менее, в реальной истории есть силы, желающие знать, как действует «сослагательное наклонение» на практике.

По своим убеждениям Антонио явно не принадлежал к сторонникам троцкистов. Он по-прежнему с большим почтением относился к генералу Франко уже за то, что тот не дал Гитлеру втянуть Испанию во вторую мировую войну. Внимательно прислушиваясь к версии причин гражданской войны, он обещал Холмсу встречу в Эль-Эскориале с интересными людьми, способными ответить на многие его вопросы о подоплеке событий 1936 года. Холмс с удовольствием согласился посетить

[1] Речь, видимо, идёт о «Palace Hotel», приобретённом несколько лет назад всемирно известной кампанией «Шератон» и переименованном в «Hotel Sheraton».

[2] С XVI века Эль Эскориал стал местом захоронения испанских королей.

резиденцию испанских королей, тем более что такой случай представился ему впервые. Расположенный в красивейшем предместье в 50-ти километрах от Мадрида, Эль-Эскориал весь утопал в зелени. Стоял прекрасный солнечный день и воздух был необыкновенно чист и прозрачен. Парковая зона и знаменитая площадь перед королевским дворцом были заполнены туристами.

Оставив машину, они с Антонио долго бродили по узким улочкам старинного города, а после полудня оказались в доме, где собралось небольшое общество. Антонио представил Холмса хозяину по имени Педро Кольядо, — полному мужчине с черными, как смоль волосами. Тот сразу же провёл их в гостиную, где уже было двое гостей, что-то оживленно обсуждавших на испанском.

— Андрей Веров, — представился невысокий, коренастый мужчина лет сорока.

— Вы русский? — почему-то спросил Холмс.

— Да, мистер Холмс, — ответил на английском Веров, — но я уже более десяти лет живу в Испании.

— Паоло Риего, — приветливо улыбнулся второй гость и добавил, — испанец, но какое-то время проживал в России. Когда Холмс взглянул на стол, за которым шла беседа, он не мог поверить своим глазам: там лежали три «пикника» и ещё копии календарей за 1994 год с какими-то странными картинками из уже знакомой русской газеты «Час пик».

Гости смотрели на Холмса так, как будто были уверены, что картинки с «пикниками» ему знакомы. У него же вдруг мелькнула мысль, что он играет роль связующего звена в обсуждении какого-то грандиозного и неведомого грозного сценария. Хозяин принес кофе, и беседа, прерванная приходом новых гостей, продолжалась. Только тут Холмс заметил, что гости обсуждают не русские «пикники», а план-схему Мадрида, которую почти по диагонали пересекала огромная рука, в виде гаечного ключа, упиравшегося прямо в центральную площадь города. Он попросил Антонио перевести содержание беседы, но Андрей, извинившись, начал излагать суть разговора на хорошем английском.

— Эти пикники и картинки, им сопутствующие, мне привез из России приятель в прошлом году. Он рассказывал о методах матричного управления, которыми еще в далекой древности пользовались жрецы Атлантиды. Видимо метод был достаточно эффективен, если жрецам удалось сформировать устойчивую при смене поколений толпо-«элитарную» пирамиду.

На вершине пирамиды восседала раса господ, состоящая почти из бессмертных демонических существ, а в её основании была раса рабов из полуживотных-полузомби. Вырваться из этого замкнутого инфернального круга в человечность с верхних и нижних социальных слоёв пирамиды было невозможно, и Атлантида перестала существовать, как тупиковая ветвь эволюции, исключающая возможность дальнейшего развития человечества.

— Как могло случиться, что, обладая столь могущественными методами управления, атланты не смогли защитить свою цивилизацию от гибели, особенно после того, как она обрела устойчивость толпо-«элитарной» пирамиды? — задал вопрос Холмс.

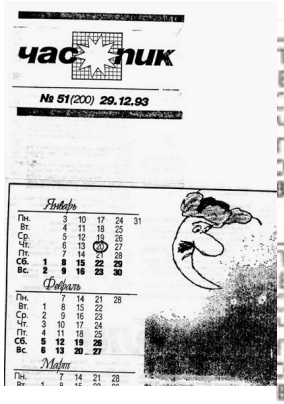
— На этот счёт есть много различных теорий. Одна из них исходит из представлений о различии в эволюции человека роли понятийных категорий и родовой памяти. Её сторонники полагают, что в те далёкие

времена люди ещё не были способны мыслить понятийными категориями, и потому их личный опыт приобретался только благодаря памяти. Высшая стадия достигалась тогда, когда личную память удавалось передать в форме некой «памяти крови» потомкам. Люди воспроизводили поступки предков с такой ясностью, с какой помнили подробности своей собственной жизни. Культ предков развился в форме, несколько схожей с той, которая существовала многие тысячелетия в древнем Китае. Однако именно эта сила памяти привела к разрушительному по своим последствиям демоническому культу личности. Чем значительнее было могущество властителя в иерархии, наращиваемое от поколения к поколению автоматически, тем сильнее он хотел его использовать. Понятийный же аппарат и культуры взаимопонимания были либо неразвиты, либо извращены настолько, что защититься от злоупотреблений наследственно-автоматической властью на их основе было невозможно. А поскольку атланты могли оказывать магическое влияние на жизненные силы природы, злоупотребление властителя своим могуществом вызвали ужасные катаклизмы, что в конце концов и привело к гибели всего континента.

Но поскольку общество в Атлантиде обрело устойчивость, то есть в некотором смысле стало беспроблемным, то в культуре современной цивилизации, стремящейся к устойчивому состоянию и разрешению своих проблем, этот фактор должен был найти своё отражение. И он действительно нашёл своё отражение, но двояко: в мифологии древней Греции и в романе русского писателя Ивана Антоновича Ефремова — «Час быка». Первое отражение, хорошо известное на Западе, — легкое и светлое, как память об утраченном «золотом веке» биогенной цивилизации. Согласно этому отражению, на вершине толпо-«элитарной» пирамиды — Олимпе, восседают бессмертные боги-демоны; в её основании — смертные люди (рабы — «говорящие животные», свободные люди — «биороботы-зомби» или бессильные духовно-психологические калеки). Всё казалось бы хорошо, но исключительно для тех, кто видит себя среди будущих «олимпийцев». Для тех же, кто не достиг «олимпийского» стандарта — беспросветное инферно, нескончаемые круги ада на земле, хотя возможно и протекающее в приятном опьянении. Помните: «если к правде святой люди путь найти не сумеют — честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой»?

И ныне этот образ жизни многие идеализируют и хотят к нему вернуться, избрав для себя место в «олимпийской» элите и занимаются «духовным культуризмом», накачивая силу духа и силу воли в разного рода психологических практиках.

Что касается меня, то я хотя знаю эту доктрину, но не идеализирую такой уклад жизни. Однако эта теория интересна тем, что она показывает, что за индивидом сохраняется свобода выбора. Иными словами она не возлагает на Бога вину за те беды и катастрофы, которые люди, уклонившись от праведности и злоупотребляя своими способностями, сами готовы на себя обрушить.



Январь

Пн.		3	10	17	24	31
Вт.		4	11	18	25	
Ср.		5	12	19	26	
Чт.		6	13	20	27	
Пт.		7	14	21	28	
Сб.	**1**	**8**	**15**	**22**	**29**	
Вс.	**2**	**9**	**16**	**23**	**30**	

Февраль

Пн.	7	14	21	28	
Вт.	1	8	15	22	
Ср.	2	9	16	23	
Чт.	3	10	17	24	
Пт.	4	11	18	25	
Сб.	**5**	**12**	**19**	**26**	
Вс.	**6**	**13**	**20**	**27**	

Март

Пн.	7	14	21	28	
Вт.	1	8	15	22	29
Ср.	2	9	16	23	30
Чт.	3	10	17	24	31
Пт.	4	11	18	25	
Сб.	**5**	**12**	**19**	**26**	
Вс.	**6**	**13**	**20**	**27**	

Апрель

Пн.	4	11	18	25	
Вт.	5	12	19	26	
Ср.	6	13	20	27	
Чт.	7	14	21	28	
Пт.	1	8	15	22	29
Сб.	**2**	**9**	**16**	**23**	**30**
Вс.	**3**	**10**	**17**	**24**	

Май

Пн.	2	9	16	23	30	
Вт.	3	10	17	24	31	
Ср.	4	11	18	25		
Чт.	5	12	19	26		
Пт.	6	13	20	27		
Сб.	**7**	**14**	**21**	**28**		
Вс.	**1**	**8**	**15**	**22**	**29**	

Июнь

Пн.	6	13	20	27	
Вт.	7	14	21	28	
Ср.	1	8	15	22	29
Чт.	2	9	16	23	30
Пт.	3	10	17	24	
Сб.	**4**	**11**	**18**	**25**	
Вс.	**5**	**12**	**19**	**26**	

Пн.	4	11	18	
Вт.	5	12	19	
Ср.	6	13	20	
Чт.	7	14	21	
Пт.	8	15	22	
Сб.	**9**	**16**	**23**	
Вс.	**10**	**17**	**24**	

Август

Пн.	1	8	15	22
Вт.	2	9	16	23
Ср.	3	10	17	24
Чт.	4	11	18	25
Пт.	5	12	19	26
Сб.	**6**	**13**	**20**	**27**
Вс.	**7**	**14**	**21**	**28**

Сентябрь

Пн.	5	12	19	
Вт.	6	13	20	
Ср.	7	14	21	
Чт.	1	8	15	22
Пт.	2	9	16	23
Сб.	**3**	**10**	**17**	**24**
Вс.	**4**	**11**	**18**	**25**

Октябрь

Пн.	3	10	17	
Вт.	4	11	18	
Ср.	5	12	19	
Чт.	6	13	20	
Пт.	7	14	21	
Сб.	**1**	**8**	**15**	**22**
Вс.	**2**	**9**	**16**	**23**

Ноябрь

Пн.	7	14	21	
Вт.	1	8	15	22
Ср.	2	9	16	23
Чт.	3	10	17	24
Пт.	4	11	18	25
Сб.	**5**	**12**	**19**	**26**
Вс.	**6**	**13**	**20**	**27**

Декабрь

Пн.	5	12	19	
Вт.	6	13	20	
Ср.	7	14	21	
Чт.	1	8	15	22
Пт	2	9	16	23
Сб.	**3**	**10**	**17**	**24**
Вс.	**4**	**11**	**18**	**25**

часник
№ 1 (20) 5.01.94

— Извините, господин Веров, что прерываю ваш рассказ, — вмешался внимательно слушавший Андрея хозяин квартиры, — но, коли речь зашла о претендентах в новые «олимпийцы», то я только прочитал книгу Джона Колемана «Комитет 300». В ней говорится о некой могущественной элитной группе, называющей себя «олимпийцами». Они не признают национальных границ, контролируют весь банковский и страховой бизнес в мире, и несут ответственность только перед членами своей группы. По своему положению и возможностям они искренне верят, что равны легендарным богам Олимпа. Может быть, они и есть то самое мировое правительство, о котором так много пишут в последнее время? В книге все они перечислены поимённо и даже даны названия тайных обществ, к которым они принадлежат.

— Нет, Педро, — возразил ему Андрей, — это только ширма, которой отгородились от людей подлинные хозяева проекта гальванизации трупа Атлантиды для новой жизни. Перечисленные в книге банкиры и бизнесмены всего лишь мнят себя «олимпийцами», а те, кто реально осуществляют глобальное управление, с удовольствием подыгрывают их амбициям, оставаясь в тени. Да и ко всем тайным обществам они относятся, как к своему, возможно не самому лучшему инструменту управления, поскольку хорошо знают, что всякие посвящения — прямые и в обход сознания, — это кандалы, налагаемые на психику посвящаемых. Именно так они конструировали систему посвящений.

Но я хочу продолжить аналогию с древнегреческой мифологией. Когда боги-демоны снисходят до людей, то от них у людей рождаются герои, которые со временем превращаются либо в демонов, то есть, поднимаются на Олимп, либо в зомби. Если рассматривать мифологию древней Греции с этих позиций, отрешившись от стереотипов современной культуры, то всё будет выглядеть именно так.

Второе отражение этого мифа, — практически Западу не известное, — тяжелое и мрачное, как суровое напоминание о возможном погребении жизни человечества под печальным наследием Атлантиды в условиях технократической цивилизации, высказанное Ефремовым в «Часе быка». Как видите, нравственные оценки двух вариантов отражения одного и того же мифа в культуре современного человечества — взаимно исключающие.

— Андрей, а в чём сущность самого матричного управления как метода?

— Как всегда, всё гениальное — очень просто. Метод опирается на хорошее знание психики индивида, как информационной системы обеспечения его деятельности. Эта система состоит из инстинктов, получаемых от предков в качестве своеобразного информационного приданого; привычек, вырабатываемых в результате воздействия на его психику культуры; интеллекта, как системы обработки информации, поступающей из внешнего и внутреннего мира и интуиции, как своеобразного информационного моста во взаимовложенной системе матриц управления, в пределе восходящих к матрице Божьего предопределения. В зависимости от того, какая из этих четырех составляющих доминирует в психике, можно говорить о четырех типах строя психики индивида: животном, зомби, демоническом и человечном. Интеллект, как система обработки информации, обеспечивает сознательные и бессознательные уровни психики и имеет как бы две скорости обработки информации: для уровня сознания эта скорость не превышает 15 — 18 бит в секунду (на этом основана технология показа кинофильма, все кадры которого неподвижны, но при скорости движения

киноплёнки — 16 кадров в секунду и выше отдельные неподвижные кадры сливаются в движущееся изображение), на бессознательных уровнях психики она в миллиарды раз выше. Современная психология утверждает, что информация в зрительных и звуковых образах поступает на бессознательные уровни психики, минуя сознание, а затем, в результате вербализации, то есть придания образам определенной лексики, она становится достоянием сознания. При этом необходимо различать объективную матрицу бытия, которая в религиозной лексике имеет название Божьего промысла или Божьего предопределения, и субъективные матрицы, выстраиваемые людьми на основе их чувства меры, которые представляют собой своеобразные кальки-копии, снятые с объективной матрицы бытия. Отсюда матрица-калька — это концепция управления в образах, а концепция — это матрица-калька управления в лексике. Внешне кажется все просто: создавай систему образов, соответствующую твоему чувству меры и, следовательно, целям управления; придавай этим образам необходимые слова, а сознание само будет объединять образы с адекватной им лексикой. В результате будут совершаться определённые действия без каких-либо усилий с вашей стороны. А почему все работает? Потому, что толпо-«элитарное» общество живет по понятиям, а как формируются понятия и насколько они соответствуют объективной реальности, — в толпо-«элитарном» обществе задумываться не принято. Понятие рождается в процессе объединения образа с адекватной (или неадекватной) лексикой. Пока лексика адекватна образам — общество живёт и развивается на основе понятий; если не адекватна — то общество впадает в кризис, который завершается либо катастрофой, либо переосмыслением понятий и установлением адекватности лексики и образов. Так идет процесс формирования понятийного и терминологического аппарата во всякой культуре. Но всякая культура мало того, что ограничена, — она всегда вторична по отношению к концепции управления. Вот и получается, что понятийный и терминологический аппарат, на который опирается в своей жизнедеятельности общество, — основа бесструктурного управления в рамках определённой концепции.

В толпо-«элитарном» обществе все идёт более или менее «хорошо», и поведение толпы, включая и её «элитарную» часть, вполне предсказуемо, пока в обществе не появляется альтернативная концепция управления. Символика и образы, а, следовательно, — и матрица, основу которой они составляют, остаются прежними, а новый терминологический аппарат, замыкая прежнюю матрицу на лексику новой концепции, начинает формировать новые понятия. Проще говоря, управление на основе матричных методов достаточно эффективно до того момента, пока не появляется другой субъект с иным чувством меры, иначе определяющий цели управления, которые могут войти в антагонизм с целями управления первого субъекта. В этом — слабость метода, поскольку действия толпы становятся непредсказуемыми и наступает период концептуальной неопределенности. Спрашивается, управление по какой субъективной матрице будет более эффективным в период концептуальной неопределенности? Ответ очевидный: по той, которая более соответствует объективной матрице бытия — матрице Божьего предопределения.

Не могу сказать, что я все понял из объяснений моего гостя из России, но когда 11 сентября начались события в Америке, я невольно вспомнил о «пикниках» и сразу же обратил внимание на время 8.45. Вспомнились

пояснения прошлого года, пошли какие-то самостоятельные ассоциации связанные с некоторыми картинками третьего пикника, а тут 12 сентября газета «Эль Паис» опубликовала этот странный план Мадрида с гаечным ключом. Видите, мистер Холмс, обезьяну на третьем «пикнике», может, конечно, это случайные совпадения, но вы же знаете: по-английски гаечный ключ — «wrench»; разводной ключ — «monkey wrench». Кроме того, «wrench» — дёрганье, искажение (текстов, истины). Короче, на плане Мадрида своего рода — «обезьянья лапа». До вашего прихода мы обсуждали вопрос, не является ли публикация этого плана предупреждением о готовящемся теракте в Мадриде.

— Всё, что вы рассказали Андрей, очень интересно. А кто, по-вашему, мог бы организовать теракты в Мадриде? Баскские националисты[1]? Или это какая-то единая международная террористическая организация, которая уже провела свои акции в Соединенных штатах?

— Вы имеете в виду наших троцкистов, Холмс? — в разговор вступил Паоло. Но они в Испании давно не проявляли активности, хотя, судя по обстановке, в нашей стране и Европе в целом их позиции укрепляются и, мне кажется, у них нет необходимости в таких действиях. Социалистический интернационал и без этих акций объединяет Европу в Евросоюз. Сегодня уже почти во всех странах Европы у власти социалисты.

— Как вы считаете, Паоло, троцкисты ближе к социалистам или коммунистам? — спросил Холмс.

— В партийных низах, этой разницы не понимают, а вот верхушка троцкистов — несомненно ближе к социалистам и для них перманентная социалистическая революция не какая-то абстрактная идея, а реальность, с которой они хотят заставить считаться весь мир. Однако надо иметь в виду, что со второй половины прошлого столетия троцкисты, сохраняя верность идеям перманентной социалистической революции, существенно поменяли тактику борьбы. Апробировав новые методы на японских «красных армиях» и итальянских «красных бригадах» в условиях Востока и Запада, они решили, что можно приступать к глобализации процесса перманентной революции. Но чтобы процесс пошёл сам собой, без особых усилий с их стороны, необходимо было преодолеть одно препятствие, носителем которого (пусть вам это не покажется странным) был сам Троцкий.

---

[1] В процессе подготовки к печати рукописи «Последнего гамбита» на радио «Эхо Москвы» 21.11.2001г прозвучало странное откровение всемирно известного испанского кутюрье Пако Рабана ведущему М. Ганапольскому:

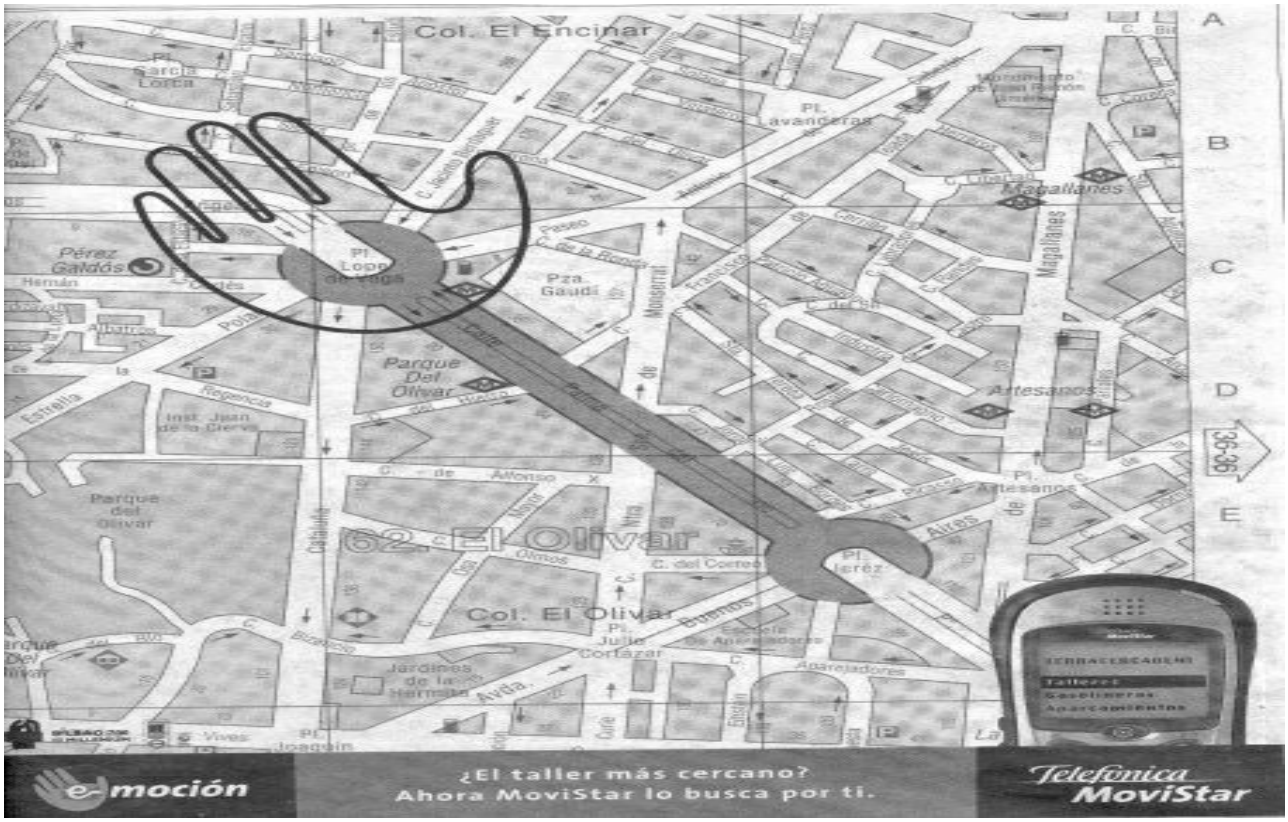
«Вопрос: вы — гражданин мира. Но даже в нашем анонсе мы говорим, что вы — испанский *кутюрье.*

П. Рабан — Баск, к тому же. Это еще хуже. Это абсолютно сумасшедшая территория. И я сам сумасшедший. Как любые мудрецы. Всегда о мудрецах говорят, что они *безумны.*

М.Ганапольский — Вот эта Испания, она с вами все время? Эта провинция Басков, она с вами все время? Или для вас теперь все едино, и культура мира *общая?*

П. Рабан — Мы действительно сейчас с вами переживаем такой исторический момент, когда говорят о глобализации. И это и развитие всяческих связей, формаций, радио, телевидение, Интернет, и вся информация одновременно на всей планете появляется. Действительно, нужен некий планетарный дух. Баски… Баски — это потомки атлантов. Тех самых, от которых после того, как затонула Атлантида, произошли, с одной стороны океана майя, а с другой стороны, баски. Это древняя цивилизация. Эта цивилизация искателей, авантюристов, искателей приключений. И я сам — искатель приключений в сфере *духа».*

Существует работа ВП СССР «Печальное наследие Атлантиды», второе название которой «Троцкизм — это “вчера”, но никак не “завтра”».



— И какое же это препятствие, — спросил Андрей.

— Знакомы ли вы с завещанием Троцкого? — задал вопрос сидящим в комнате Паоло.

— Нет, — ответил Холмс. — А оно действительно существует?

— Определённо этого я сказать не могу, в том смысле, что никто не видел его факсимиле. Тем не менее, этот документ ходит в списках, а его дух и стиль очень соответствуют напыщенной манере изложения Троцкого, не говоря уж о том, что он выражает троцкистские идеи. Если вы не против, я могу ознакомить вас с его текстом.

— Очень интересно, — отреагировал Холмс.

Паоло порылся в своих бумагах, достал нужную страничку и зачитал её вслух.

Завещание.

Развязка, видимо, близка. Эти строки будут опубликованы после моей смерти.

Мне незачем здесь опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна. Ни прямо, ни косвенно, я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений. Новые революционные поколения восстановят их политическую честь и воздадут палачам кремля по заслугам.

Я горячо благодарю друзей, которые оставались верны мне в самые трудные часы моей жизни. Я не называю никого в отдельности, потому что не могу назвать всех.

Я считаю себя, однако, вправе сделать исключение для своей подруги, Наталии Ивановны Седовой. Рядом со счастьем быть борцом за дело социализма судьба дала мне счастье быть её мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности. Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также дни счастья.

Сорок три года своей сознательной жизни я оставался революционером, из них сорок два года я боролся под знаменем марксизма. Если бы мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но боле крепка, чем в дни моей юности.

Наташа подошла сейчас к окну и раскрыла его шире, чтобы воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко-зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят её от зла, гнёта, насилия и наслаждаются ею вполне.

27 февраля 1940 г. Койокан[1]. Л.Троцкий.

Слушатели некоторое время молчали, видимо, ожидая каких-то комментариев Паоло.

К нему есть небольшое дополнение, датированное третьего марта 1940 года, — продолжал Паоло, — оно касается вот этой фразы: «Моя вера в

[1] «Вблизи источников Эбра возвышается гора Каукаион. Густые дубовые леса опоясывают её со всех сторон. Дикие скалы и циклопические камни венчают её. В течение тысячелетий это место считалось священным. Пеласги, Кельты, Скифы и Геты, изгоняя последовательно друг друга, приближались одни за другими к священной горе, чтобы поклониться на её вершине различным богам. Поднимаясь на такую высоту и созидая с таким напряжением в царстве вихрей и молний свой храм, не ищет ли человек всё того же единого Бога, каким бы именем он ни называл его? Храм Юпитера возвышался в центре священной ограды, прочной и недоступной подобно крепости. Перистиль из дорийских колонн вел в темный входной портик. Сияющее небо Греции заволакивалось нередко грозовыми тучами над горами Фракии, и тогда её изрытые долины расстилались подобные бурному морю, изборожденному молниями».

В приведённой выдержке из книги Эдуарда Шюре «Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий», “случайно” (?!) название горы, на которой располагался храм Юпитера, почти точно фонетически совпадает с названием местечка в Мексике, где нашёл свой последний приют Л.Д. Бронштейн, более известный как Троцкий.

коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности» — и звучит так: «Эта вера в человека, в будущее не может дать никакая религия».

Известно, что Троцкий скончался в больнице Мехико 21 августа 1940 года после того, как Меркадер 19 августа альпенштоком (ледорубом) раскроил ему череп. Но почти за три месяца до этого убийства и спустя три месяца после написания завещания, 24 мая 1940 года в 3 часа утра на Троцкого было совершено покушение группой, состоящей из 22 человек, которую возглавлял тогда еще никому не известный художник Давид Альфонсо Сикейрос. Операция имела кодовое название «Утка». Тогда Троцкий остался жив. До сих пор считается, что убийство организовал главный враг Троцкого — Сталин, но внешние атрибуты организации двух покушений говорят о том, что Сталина кто-то назначил организатором этой во многом ритуальной акции.

— И кто же по-вашему её заказчик? — спросил Холмс.

— По моему мнению, заказчика можно вычислить по внешним атрибутам преступления. Согласитесь, что альпеншток — не самое удобное орудие для убийства: и пронести незаметно — сложно, да и точный удар нанести без тренировки весьма проблематично; обыкновенный молоток был бы для этой цели удобнее. Кстати, неудачно выбранное орудие убийства продлило мучения Троцкого, и он умер только на третий день. И тем не менее кто-то настоял на альпенштоке. Поэтому этот предмет следует рассматривать, как привет из швейцарских Альп. Ну а группа из 22-х террористов для посвященных в такие штучки должна ассоциироваться либо с футболистами, либо с древнеегипетскими иерофантами.

— Поясните, пожалуйста, Паоло, — кто такие иерофанты? — задал вопрос хозяин квартиры.

— Посмотрите сюда (Паоло развернул первый «пикник»). Видите на его верхней картинке четыре шеренги египетских фигурок. В каждой из них — ровно пять фигурок. А над ними ещё две такие же фигурки управляют парой быков. Бык в древнем Египте — символ бога Амона-Ра. По сути это — символическое отображение системы управления толпо-«элитарным» обществом древнеегипетской цивилизации. В буквальном смысле иерофанты «пахали» на Амоне-Ра, выдавая его толпе в качестве божества. Если вы читали роман Болеслава Пруса «Фараон», то вы должны были обратить внимание на то, как там жрецы использовали в своих корыстных целях культ бога солнца. Ключевая сцена романа — эпизод возмущения толпы, которую иерофанты сами возбудили так, чтобы пик возмущения пришёлся несколько ранее вычисленного ими солнечного затмения. Толпа не желала подчиниться, и тогда иерофанты пообещали ей «погасить солнце». Когда страсти были накалены до предела, солнце стало «гаснуть» и толпа в ужасе упала ниц на площади перед храмом, поверив, что иерофанты властны над солнцем, а значит — и надо всей жизнью на земле. После того, как толпа вошла в покорность, её энергию можно было направить куда угодно.

Слово «иерофант» означает — знающий будущее, читающий судьбу, т.е. матрицу-сценарий возможного течения событий. Они составляли две группы по 11 высших жрецов с первоиерархом во главе каждой из групп. Одна имела вотчиной северную, а другая — южную часть древнего Египта[1].

[1] Северная и Южная части Древнего Египта имели свою цветовую символику — красную и белую (по цвету папируса и тростника) соответственно. По странному совпадению эти цвета с добавлением «голубизны» присутствуют сегодня на государственных флагах всех стран библейской цивилизации.

Есть мнение, что именно они первыми вышли на понимание явления глобальной концептуальной власти — высшего уровня иерархии власти в обществе. По сути — это власть определенных идей, о которых выше говорил Андрей, и людей, которые властны над идеями.

Некоторые идеи живут много дольше людей, поэтому концептуальная власть просто не могла не быть автократична по своей сути; в этом смысле она — вне любых выборных демократических процедур, тем не менее она восседает на вершине толпо-«элитарной» пирамиды. На эту вершину невозможно взобраться с использованием выборных демократических процедур, но туда можно при желании подняться, поскольку вся пирамида выстраивается по очень простой схеме: каждый в меру своего понимания работает на себя, а в меру непонимания — на того, кто понимает больше. Для современного толпо-«элитарного» демократического общества, признающего только три вида власти: законодательную, исполнительную и судебную — власти концептуальной просто не существует. Но если кто-то в толпе чего-то не знает и не понимает, неведомое ей существовать не перестает. А чтобы толпа не занималась поисками неведомой ей концептуальной власти, сама же концептуальная власть придумала удобную форму своего сокрытия: высшая власть в обществе — принадлежит народу. Большего цинизма придумать трудно, поскольку народ — «имя собирательное», а не «существительное», а всякая власть, осуществляемая людьми, всё же носит персонифицированный характер.

Кстати, вы никогда не задумывались о том, в честь чего или кого назван у нас в Испании город Альхесирас? — «Аль» — артикль арабского языка, наследие периода арабского владычества в Испании, а Хеси-Ра — имя одного из иерофантов, предводителя одной из десяток высшего жречества во времена фараона Джоссера. Так что дань памяти иерофантам древности, чья концептуальная власть простирается и в наши времена, отдаём и мы. Извините, что я несколько отвлекся, и давайте вернемся к Троцкому и троцкистам.

Обратили ли вы внимание на одну из последних фраз завещания: «Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, атеистом». Вот в этом-то, напоказ выставляемом материалистическом атеизме Троцкого, по-моему, и была причина его гибели. К середине XX века, мода на материалистический атеизм не только стала сходить на нет, но он уже вызывал неприятие в кругах простонародья. Поэтому он был бесперспективен для создания массовки, а концептуальная власть на протяжении всего глобального исторического процесса управляла толпой, используя в своих целях качание своеобразного маятника от материализма к идеализму — и обратно. Толпа качание такого маятника не замечала потому, что её историческая память не выходит за пределы двухнедельной давности, а иерофанты, понимая его природу, пользовались им для поддержания устойчивости процесса управления по толпо-«элитарной» концепции. Главное, что они вносили в этот процесс и что позволяло им оставаться столь долго на вершине пирамиды, — поддержание атеизма в толпе в любой форме. Монополия на знания обеспечивалась глубиной понимания объективных процессов в Природе и обществе, а общество они старались не насиловать знанием, предпочитая удерживать его в невежестве, и незаметно подталкивать его к тому или иному выбору, давая каждый раз подконтрольных им вождей.

И эту монополию им удавалось поддерживать до тех пор, пока полные периоды колебаний маятника охватывали жизнь многих поколений, то есть определялись тысячелетиями и столетиями. В двадцатом веке, видимо, счёт пошёл на десятилетия и период колебаний маятника вошёл в границы жизнедеятельности одного поколения. Это обстоятельство сразу повысило вероятность появления среди тех, кого в среде иерофантов было принято считать оболтусами из толпы, — людей, способных не только обратить внимание на это объективное явление, но исследовать и понять его. Концепция, альтернативная толпо-«элитарной», появилась как естественно предопределённое следствие этого объективного процесса.

— А почему не могла появиться другая толпо-«элитарная» концепция? — снова задал вопрос Педро Кольядо, — хозяин квартиры.

— Вы правы, мой друг, — продолжал свой рассказ Паоло. — В этот период обязательно должно было появиться множество разновидностей концепций толпо-«элитаризма», претендующих на новизну. И они действительно появлялись. Средства массовой информации начинали их раскручивать, хорошо понимая, что «…за новизной бежать смиренно народ бессмысленный привык»[1]. Но, надеюсь, вы уже понимаете — любая разновидность толпо-«элитаризма», даже самая экзотическая, — мгновенно вписывалась глобальной концептуальной властью, поскольку она имела к тому времени самый богатый практический опыт управления. Период существования двух альтернативных концепций Андрей правильно назвал периодом концептуальной неопределённости. И это очень опасный период, поскольку он может сопровождаться катастрофами различного уровня. Но главная цель иерофантов при этом остаётся неизменной: обеспечивать устойчивость толпо-«элитарной» пирамиды при любых условиях.

Геополитические оценки происходящего в мире показывают, что со второй половины двадцатого века эти условия более благоприятно складывались для идеалистического атеизма. Другими словами, всё необходимое для успешного продвижения троцкизма, очищенного от материалистического атеизма, в котором закоснел Троцкий, уже было к тому времени как на Западе, так и на Востоке. Но особенно благоприятные условия для продвижения троцкизма, опирающегося на идеалистический атеизм, сложились в исламском мире.

Испания здесь интересна тем, что в свое время она уже пережила столкновение идеалистического атеизма ислама с идеалистическим атеизмом христианства. Мне кажется, что так называемых «арабских террористов» троцкисты, успевшие на протяжении истории не один раз изменить своё лицо, с тех времен и употребляют для воплощения идей перманентной революции. Ведь не секрет, что вместе с арабами из Испании в 1492 г. погнали и иудеев[2], которые под прикрытием номинально арабской и по внешней видимости мусульманской власти своим ростовщичеством довели народ в Испании до национально-освободительной войны. А будь в Испании действительно власть ислама, то иудейскому ростовщичеству в Испании места бы не было: Коран запрещает ростовщичество, покровительство ростовщикам и участие в сделках кредитования под процент в каком бы то ни было качестве. И Испания могла бы до сих пор быть мусульманским государством, если бы арабы

[1] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Герой»

[2] Это не совсем верно. Сначала в 1492 году изгнали ортодоксальных иудеев, а затем через лет 10, в 1502 году и мусульман. Изгоняли, разумеется, не по этническим признакам, а по религиозным.

сами не отступили от нравственно-этических норм, которые им были переданы через Мухаммада, и которые по сути совпадают с нормами, которым учил Христос.

После этого становится понятно, что и талибан Афганистана, и социализм Муамара Кадаффи, и исламская революция в Иране — всего лишь разновидности исторически сложившегося ислама, который при всём различии его форм содержательно не выходит за рамки идеалистического атеизма и легко вписывается в процесс перманентной социалистической революции. Как видите, Четвертый Социалистический Интернационал на марше.

Среди собравшихся на какое-то время воцарилось молчание. Каждый обдумывал сказанное Андреем и Паоло.

— Три «ребуса» из России мне уже знакомы, — нарушил молчание Холмс. — А что означают эти два календаря из газеты «Час пик» за 1994 год?

— Мы полагаем, что это какое-то продолжение третьего «пикника», — начал свой комментарий Андрей. — Посмотрите сюда, — подвинул он «Пост исторический пикник» и его указательный палец уперся в правый нижний угол третьего ребуса, — видите эти семь птичек и стрелку-указатель направления их полёта. Если эту стрелку добавить к семи птичкам, то всего их получится восемь. А теперь взгляните на календарь с падающей в черную воду звездой. На небе луна, звезды; на море — лунная дорожка, а на берегу светло, как днём. Мужчина, сидящий на скамейке, кормит птичек. Сколько их? — восемь! Как и на третьем «пикнике». Если к ним внимательно присмотреться, то четыре из них уже приземлились, пятая — вот-вот сядет. Сколько авиалайнеров трагически «приземлись» в Соединенных Штатах? — четыре! А теперь взгляните на звезды на небе: они пяти-, шести- и семиконечные. А на земле и на воде — только семиконечные. Семиконечная звезда — символ суфизма. Две пальмы на картинках первого и третьего «пикника» — тоже принадлежат к суфийским символам. Через эти символы просматривается связь пикников с календарями. Причем одна семиконечная звезда с обломками и горящим шлейфом уже воткнулась в землю, другая — падает в воду, ну а третья — в открытом портфеле странного субъекта на скамейке в запаснике. По-моему картинка этого календаря — своеобразное предзнаменование-оповещение о катастрофах уже имевших место и предстоящих. Поскольку имевшие место катастрофы были связаны с самолётами, то картинка предупреждает о какой-то авиакатастрофе вблизи курортного города: об этом говорит прогулочная набережная и скамейка, на которой сидит странный субъект. Сроки возможной катастрофы определить довольно сложно, хотя… если следовать тому же принципу, то месяц катастрофы в Нью-Йорке и Вашингтоне указан звездочками на небе — их девять. Девятый месяц — сентябрь, в котором произошли теракты в США. Указатель дня катастрофы можно увидеть в календаре: 11 сентября укладывается в диапазон ширины ограды курортной набережной, куда кроме «черного вторника», который в 1994 году выпал на воскресенье (своеобразное издевательство?), попадают еще 18 и 25 сентября, а также 3, 10, 17, 24 и 31 октября. Сегодня 3 октября. Если до конца дня ничего не произойдёт, то предполагаемую катастрофу можно ожидать в другие указанные здесь дни октября.

— А год? Есть ли здесь какие-либо признаки, по которым можно определить год катастроф? — спросил Холмс.

— Год в таких картинках-матрицах особенно закодирован, но… по принципу: хочешь что-либо спрятать — положи на самое видное место. На самом видном месте картинки календаря — очень специфический жест типа, сидящего на скамейке. У нас в России этим жестом показывают число 21 — очко; на Западе — число 3, но если считать по сумме цифр числа, то это все равно будет всё то же число 3. Первый год второго тысячелетия без двух нулей — 21 — очко. Календарь на 1994 год опубликован в газете «Час пик» № 1(201), то есть общий порядковый номер без нуля — 21. Ну и, наконец, обратите внимание на левый глаз типа, подкармливающего птичек, который (а вернее его очко) точно попадает на 21-й «просвет»[1] (если считать слева — направо) ограждения курортной набережной с учётом «просвета», закрытого мужчиной. Конечно, при наличии здорового скептицизма, подобные объяснения могут предстать плодом больного воображения дешифровальщика, обладающего способностью видеть в случайных узорах любой картинки всё, что заказывает ему его больное воображение. Но… не слишком ли много случайностей с этой газетой «Час пик»?

— Я бы, например, за день возможной катастрофы принял 4 октября, — вдруг вмешался Педро.

— Почему, — спросил Андрей.

— Вы определили октябрь — месяц возможных катастроф, как самый большой круглый объект по сравнению с 9-ю звездами на ночном небе. Но на картинке есть и другие круглые объекты, раз в тридцать меньше луны — декоративные шары ограды курортной набережной. Их ровно четыре. Если год катастрофы повторяется, как вы показали, в разных вариантах четыре раза, то день, который мы можем определить через свет в окне, тоже повторяется на картинке четыре раза: четыре иллюминатора на пароходе, четыре окна пристани, четыре окна в доме на холме и четыре окна то ли церкви, то ли обсерватории.

— Что ж, это тоже одна из возможных версий, — согласился Андрей. — Поживём — увидим. Хотя устройство около церкви-обсерватории больше напоминает ракетную пусковую установку, чем телескоп.

— Андрей, — обратился к рассказчику Холмс, — а что может означать странная картинка календаря за 1994 год, опубликованная в последнем номере газеты «Час пик» за 1993 год: на горизонте лошадь тащит воз влево, а на переднем плане кляча везёт Санта-Клауса вправо и голова лошади тоже повёрнута вправо, а её хвост и борода Санта-Клауса — единое целое. Наверное её можно прокомментировать только на основе специфической символики культуры России?

— Мы пытались как-то интерпретировать эту картинку, — после короткого раздумья отозвался Андрей. — В начальный период становления Советской власти в ещё не остывшей от революционных потрясений России, был очень популярный поэт-символист Маяковский. В одной из его поэм, под названием «Левый марш», есть такие слова: «Клячу истории загоним. Левой! кто там шагает правой? Левой! Левой!» — ну что-то в этом роде, точно не помню. Обратите внимание на лошадь на горизонте: да, она движется влево, но… шагает правой, а эта кляча на переднем плане идёт вправо, но… шагает левой. Мне трудно объяснить ассоциации, которые вызывает картинка этого календаря, но по-моему она представляет собой довольно точную символику двух периодов развития России до перестройки и после: до перестройки руководство СССР, особенно во

[1] Взято в кавычки потому, что просвет — темный.

времена Сталина, декларировало марксистские лозунги и движение влево, но двигало страну вперед правыми методами; после августовского путча 1991 года для внешнего мира декларировалось движение вправо, но осуществлялось оно левыми, чисто троцкистским методами: так разом опустить все трудящиеся слои населения богатейшей державы мира (лишить всех сбережений, надуть с распределением собственности) можно было только под гениальным руководством троцкистов, всегда декларирующих одно, а делающих совершенно другое. Впечатление такое, что в августе девяносто первого, ровно 51 год спустя после убийства, ожил Троцкий и пытался доделать то, что помешал ему сделать Сталин. Ни для кого сегодня не секрет, что реформы начались с реабилитации троцкистов, а начали их дети и внуки уничтоженных и недобитых троцкистов. Кстати, на этот странный юбилей (51 год) намекает и юбилейный порядковый номер газеты № 51(200) от 29 декабря 1993 года: сумма цифр числа 29 — 11, а числа 1993 — 22, что по числовой мере также соотносится с иерофантами.

Холмс взял газету и стал её внимательно рассматривать; перевернул и посмотрел на обратную сторону. Бросился в глаза номер телефона какой-то фирмы BCL — 311-1488. Про себя на всякий случай отметил, что комбинация цифр совпадает со сквозным номером № 151 (880) газеты «Час пик» от 14 октября 1997 года. Потом обратил внимание на слово «Грабли» (так назывался небольшой шуточный рассказ), попросил Андрея перевести его на английский и только после этого вернулся к картинкам «пикников».

— Господин Веров, вы говорили о «птичках» третьего «пикника», как о самолетах-камикадзе? — задал он вопрос Андрею. — Какие у вас основания для такого толкования пернатой символики, кроме, разумеется, того, что самолёты тоже летают?

— Хорошо, мистер Холмс, — продолжил Андрей. — Я попытаюсь изложить свою версию разгадки третьего ребуса, с учетом моего понимания методов матричного управления, о которых я уже рассказывал. Меня не интересует личность автора картинок и технология их создания. Я воспринимаю все три «пикника», как матрицы-сценарии возможных событий в России и в мире, вероятность реализации которых определяется не столько набором имеющихся в них символов, сколько состоянием умов всех людей в современном обществе. Я человек искренне верующий непосредственно Богу и живу в постоянном стремлении войти в диалог со Вседержителем, который единственный во вселенной не ошибается ни при каких обстоятельствах. Понятие нравственности для меня не относительно, как это часто пытаются доказать обществу деятели культуры, а содержательно определенно, то есть, я полагаю, что праведность абсолютна и едина для всех — и для Бога, и для людей, — с тою лишь разницей, что Бог установил нравственные «стандарты», называемые праведностью, для Себя Сам, а для людей эти критерии — идеал, к которому им должно стремиться при любых жизненных обстоятельствах. Отсюда и моё отношение ко всем событиям, в том числе и трагическим: в современном обществе всё происходит наилучшим образом при той объективной и далеко не праведной нравственности, которой реально привержены на данный момент люди. Это означает, что всё могло быть значительно хуже или лучше, в зависимости от того, насколько реальная нравственность людей удаляется или приближается к идеалам праведности, установленным для всех Вседержителем.

Каковы были помыслы субъекта, создававшего этот ребус, какой объективной нравственности он был привержен, — это его проблемы, и он несет ответ за свои помыслы пред Богом. Куда важнее реакция тех людей, достоянием бессознательных уровней психики которых эти картинки стали. При этом я имею в виду конечно реакцию сознательную, осмысленную, то есть большей частью выраженную в определённой лексике. Ну а теперь давайте попробуем представить, что эти картинки прошли как зрительные образы перед взором полумиллиона граждан Ленинграда и Петербурга. Как вы думаете, за два года, которые отделяют первый, второй и третий «пикники», только одна смена названия города изменила что-то в психике его жителей, в их отношении к происходящему в столице, стране в целом, в мире? Я думаю, что да, изменило, хотя большинство над этими изменениями даже не задумывается.

Ну а теперь, что мы видим на картинках «Пост исторического пикника»? Прежде всего, два главных символа России: Спасскую башню Кремля и главу храма Василия Блаженного, то есть символы светской и духовной власти соответственно. Справа на них летят «птички», причём направление их полёта, указанное стрелкой, не вызывает сомнений. Про долготу дня — 7.52, соответствующую 20-му января каждого года на широте Москвы, говорить не буду, так как вы, Холмс, насколько я понял, об этом уже осведомлены.

— Да, об этом мы говорили с моим другом Ватсоном в Лондоне 22 сентября в день моего вылета в Цюрих. Более того, в Лихтенштейне, на вилле в Вадуце, один из ваших соотечественников даже показал мне на «пароль истории» на зубах типа с секирой, после чего мне стало понятно, почему теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне произошли именно 11 сентября, в день «усекновения главы Иоанна Крестителя». Но для меня осталось загадкой, почему «птички» ассоциируются с самолётами?

— Тот, кто показал вам на «пароль истории» — секиру, по которому действительно можно выйти на понимание причин трагедии Иоанна Крестителя, (которую он сам же и спровоцировал) видимо, не знает, что лицо этого типа очень похоже на карикатурное изображение последнего Министра Обороны СССР — маршала Шапошникова.

— Насколько мне известно, последним Министром Обороны СССР, примкнувшим к ГКЧП в августе 1991 года, был маршал Язов, — вмешался Паоло.

— Вы правы, Паоло. Действительно последним министром обороны до путча был маршал Язов, но сразу после путча Горбачев, вернувшись из Фороса, назначил авиационного генерала Шапошникова последним Министром Обороны СССР, после чего присвоил ему звание маршала. Поэтому роль бездумной секиры, срубающей башни в Москве или в Нью-Йорке (а это зависело от того, в каком направлении начнет действовать матрица управления событиями) должна была играть военная авиация. По крайней мере, в 1992 году этот карьерист и выскочка, добивал вооруженные силы Советского Союза, которые даже после распада

великой державы оставались едиными и потому представлялись многим очень опасными как для Запада, так и для дела расчленения СССР и России. И кто знает, сложись обстоятельства иначе, этот маршал от авиации мог наделать ещё много бед. А окажись другой человек на его месте, то, сохранив единство вооруженных сил, он мог бы сохранить и единство государства, придав истории иное течение…

Ладно, продолжим. Когда я рассказывал о методах матричного управления, которые мне объяснял мой друг из России, я говорил, что все символы и образы матрицы остаются прежними, но при появлении другого понятийного аппарата, сформированного альтернативной концепцией управления, всё запланированное в матрице-сценарии зло может реализоваться, но… по отношению к тем, кто его планировал.

— По-вашему, Андрей, получается, что Бог не в состоянии очистить от зла противостоящие друг другу матрицы? — спросил Паоло.

В действии взаимовложенных матриц всегда проявляется то, что в России называется Божьим промыслом. Сложнее понять, как это происходит. Всякая матрица наполняется помыслами людей, которые состоят из образов и их личностной энергетики. Помыслы бывают порочные или праведные и, как мы уже говорили ранее, являются выражением чувства меры людей; порочные помыслы иногда облекаются в праведные слова, но от этого они праведными не становятся. Американское правительство, желая наказать Ирак и Югославию, выражало свои помыслы словами о милосердии. Террористы-камикадзе, желая наказать Америку, облекали свои помыслы в слова о праведном возмездии. Сегодня Америка, стремясь наказать террористов-камикадзе, проводит антитеррористическую операцию против Афганистана под кодовым названием «Правосудие без границ», хотя по их же собственным заявлениям 15 из 19 террористов — подданные королевства Саудовская Аравия. Слова — правосудие, возмездие, милосердие — воспринимаются, как выражение добра и справедливости. Поэтому добро всяких помыслов проявляется не в словах, а в делах. «Бог не есть Бог неустройства, но — мира», — это евангельское изречение говорит о том, что Бог не имеет к неправедности людей никакого отношения; Он хотел бы, чтобы среди людей восторжествовало добро. Но Бог дал человеку свободу выбора и возможность обрести свободу воли, а это означает, что человек (если он действительно человек) должен сам устранить зло в отношениях меж людьми. Поэтому Вседержитель может способствовать искоренению зла лишь одним способом: не мешать одним злочестивым уничтожать других злочестивых, расчищая тем самым пути и место праведным.

— Вы, Андрей, все время говорите об альтернативной концепции управления, но умалчиваете о той концепции, которая сегодня доминирует в обществе; или я вас не так понял?

— Я полагал, мистер Холмс, что существующую концепцию нет смысла обсуждать, поскольку мы все по ней живем, по крайней мере на Западе, и потому не воспринимаем её в качестве концепции управления примерно так же, как ребенок не понимает, что такое воздух, которым он дышит. Для меня ныне действующая концепция — это Библия и культура, ею порожденная с её понятийным и терминологическим аппаратом. Сегодня эта культура практически доминирует на Земле посредством порожденных ею технологий, вне зависимости от того, как к ней относятся другие культуры. Радио, телевидение, автомобиль, самолёт, ракета, современный корабль, не говоря уж о всякой бытовой технике, — всё это порождение

библейской культуры, вывеской для которой служит исторически сложившееся христианство. Арабский мир с исламом, Япония с синтоизмом, Китай с конфуцианством или Индия с индуизмом могут сколько угодно клеймить культуру Запада, но они уже не в состоянии обойтись без её технократических атрибутов, внедряя которые, они размывают свои культуры через восприятие обществом на бессознательных уровнях психики образов всех технических «игрушек» Запада, не говоря уж о технологиях их создания, которыми они стремятся овладеть. Хотят они этого, или не хотят, — значения не имеет, — процесс идёт в одну сторону. Вы спросите, почему? Разве у всех других культур нет защиты против библейской культуры? Отвечу совершенно определённо — нет! А нет потому, что несмотря на всё кажущееся внешнее (зачастую очень экзотическое) различие, в них есть одно общее, их объединяющее — толпо-«элитаризм». Можно без конца обсуждать достоинства и недостатки толпо-«элитаризма» христианского, иудейского, исламского, синтоисткого, индуистского, конфуцианского, а также марксистского или даже саентологического — всё равно толпо-«элитаризм» останется топо-«элитаризмом» до тех пор, пока не появится ему альтернатива. Однако эта альтернатива должна быть не в мечтах об идеале жизни людей на Земле (этого во всех культурах человечества всегда хватало и находило свое отражение в легендах, сказках, песнях, балладах), но, прежде всего в стройной системе взглядов на все стороны жизни толпо-«элитарного» общества, выраженных в определенной лексике.

— И как, по-вашему, эта альтернатива уже есть? — спросил Холмс.

— Да, она уже есть в России, и её символ вы видите, Холмс, в картинках третьего «пикника».

— Этот смеющийся ребёнок в тазике для купания?

— Совершенно верно, мистер Холмс. И поэтому бородатый Маркс в ужасе схватился за голову. Она существует уже десять лет и называется Концепцией Общественной Безопасности — аббревиатура КОБа, — такой был псевдоним у Сталина в первые годы его революционной деятельности. Один французский журналист как-то заметил, что «Сталин ушёл не в прошлое, он растворился в нашем будущем»[1]; сегодня можно сказать, что он уже выкристаллизовался, но пока не в определённой личности. Хотя… может появиться и личность, которая можно сказать будет призвана матрицей концепции; может быть и множество личностей. Ведь Сталин только оглашал марксистско-ленинские лозунги, а управление страной вёл в соответствии с некой целесообразностью. Вот эта целесообразность и была концепцией управления — в образах, то есть матрицей, на основе которой действовал Сталин. В определённой лексике эта матрица не была тогда выражена, но соответствующую культуру она всё-таки породила. Когда в прошлом году в Нью-Йорк привезли 37 советских фильмов времён сталинизма и начала шестидесятых, то вся элитарная кинокритика в один голос заявила: «Это какая-то иная цивилизация!» — и потому люди в России, придавшие матрице определённую лексику, полагают, что появление концепции, альтернативной библейской, было предопределено как альтернатива самоубийственности толпо-«элитаризма». У этой концепции есть соответствующее название — «Мёртвая вода».

Благодаря этому названию в концепции поддерживается её связь с русским народным эпосом, в котором есть понятия мёртвой и живой воды.

[1] Эпиграф Пьера Куртада к книге Эдгара Морена “О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя” (Москва, “Наука для общества”, 1995 г.; французское издание — Fayard-1983).

Согласно поверьям древней Руси, разрубленный врагами герой сначала омывается мёртвой водой, после чего его тело срастается, а затем тело омывают живой водой, и герой оживает. Посмотрите на второй, «Оборонный пикник». В нём есть сказка — «Три сына». В ней речь идёт о попытке двух братьев оживить третьего, убитого врагами. И вот здесь, — Андрей показал на фразу внизу текста, — речь идёт о «живой воде», которую ищут братья, а о «мёртвой» — ни слова. Сказка перепечатана из сборника «Современные русские сказки», которые входили в библиотеку троцкистского журнала «Огонёк». Почему авторы «пикника» забыли про символику «Мёртвой воды»? 5 августа 1991 года, когда вышла газета «Час пик» с «Оборонным пикником», концепция с эпическим названием «Мёртвая вода», впервые определённо выразившая альтернативу толпо-«элитаризму», уже существовала. Шёл активный процесс формирования понятийного и терминологического аппарата на её основе, а, следовательно, и эгрегора людей ей приверженных. Искажение алгоритма поведения альтернативного эгрегора, или по-научному — внесение в алгоритм скрытых инверсий, — один из способов блокирования соборного интеллекта. Омыть разрубленное тело сразу живой водой, минуя мёртвую, — это значит оживить обрубки, другими словами, оживить урода, калеку, может быть даже монстра. Поэтому негативная реакция на символику «Мёртвой воды» — своеобразная защита толпо-«элитаризма» от вторжения чуждой ему альтернативной концепции. И этот стереотип очень устойчив в обществе; он существует столько, сколько существует сам толпо-«элитаризм».

— С альтернативой более менее ясно, а сама толпо-«элитарная» концепция, её символика в «пикниках» присутствует? — спросил Холмс.

— Да, — ответил Андрей, — вот эта дохлая рыба на чёрной воде «Лебединого озера» знаменует конец «эпохи рыб» (эпохи доминирования библейской концепции) и начало эпохи «водолея». Слово «вода» в альтернативной концепции присутствует, и как символ информации; эпоха «водолея» — эпоха информационного общества. Новый понятийный аппарат альтернативной концепции повернул негативную матрицу против её хозяев, и вот мы видим на экранах телевизоров после 11 сентября людей в касках с масками-респираторами, огромное количество пыли, развалины башен Всемирного Торгового центра, из которых торчат обломки облицовки, напоминая собой силуэты Пизанской башни. Но то же самое, в виде символики, мы видим и на картинках третьего «пикника».

— Неужели вы полагаете, Андрей, что нечто, подобное происшедшему в США, планировалось в России? — прервал Андрея Холмс.

— Полагаю, Холмс, вы не будете отрицать, что 11 сентября была реальная угроза президенту Соединенных Штатов. Об этом кричали все средства массовой информации, а сам Буш скорее напоминал загнанного зайца, чем главнокомандующего самыми мощными вооруженными силами в мире: он не столько организовывал отражение агрессии террористам, сколько занимался поисками места, откуда можно было бы поддерживать управление государством. Но вряд ли вы знаете, что почти сразу после избрания Путина президентом России, в Москве и Петербурге ходили упорные слухи о возможном покушении на главу государства, причем датой покушения называлось 20-е января 2001 года. Более того, как недавно показала одна из программ российского ТВ, это покушение представителями секты ассасинов приурочивалось к посещению

российского президента аллеи шахидов 8 января 2001 в столице Азербайджана Баку.

— А кто такие ассасины? — подал голос Паоло.

— Ассасины возникли не на пустом месте. Их основатель Хасан, сын Саббаха, или, иначе, — Старец Горы, — основы своего мировоззрения получил в секте исмаилитов. Этой тайной организации шиитов (возникшей в халифате в VIII веке) во время бесконечной серии междоусобиц и дворцовых переворотов удалось освободить из тюрьмы Убейдаллаха, которого они почитают потомком Исмаила — седьмого имама, ведущего свой род от Фатимы, дочери Мухаммеда. Они посадили его на трон в Тунисе, заложив тем самым основы династии Фатимидов (к началу XII века, времени своего упадка, династия халифов-исмаилитов владела почти всей Северной Африкой, Сицилией, Египтом и Сирией). Венценосные правители были не только более чем благосклонны к доктрине, обеспечившей им трон, — они целиком разделяли её и умело пользовались этим инструментом для укрепления своего могущества.

Овладев Египтом, Фатимиды создали в Каире ложу «Дойяль-Доат». Причем верховный проповедник разделял власть с государем. Почти все наставники «Дома Мудрости» занимали видное положение при дворе. Поэтому от желающих поступить сюда учиться отбою не было. Внешне каирская ложа больше походила на университет, чем на тайное общество. В прекрасном помещении, которое ей отвели, хранились ценные рукописи, книги, научные инструменты, и халиф ежегодно выделял на нужды просвещения четверть миллиона золотых монет. Однако помимо хорошего образования была и скрытая цель: полное изменение внутренней сущности ученика.

Так что, по сути, — это зомби, созданные в рамках толпо-«элитарной» системы исторически сложившегося ислама, которых прекрасно используют иерофанты по принципу: «Каждый в меру своего понимания работает на себя, а в меру непонимания на того, кто понимает больше». Нелишне вспомнить, что ордена исмаилитов активны доныне. Я не думаю, что ассасины или какие либо другие арабские террористы понимают сегодня в процессе глобализации больше троцкистов, и потому все вместе они с завидным усердием «таскают каштаны из огня» для реализации библейского проекта.

Снова наступила продолжительная пауза. Каждый обдумывал рассказанное Андреем и Паоло. Пришла хозяйка, пожилая женщина с красивым строгим лицом и пригласила всех на просторную террасу, на которой был накрыт стол. Подъезжая днём к четырехэтажному дому, Холмс обратил внимание на его оригинальную архитектуру: с улицы он смотрелся как многопалубный корабль. Все террасы представляли собой небольшие домашние сады: повсюду были цветы, экзотические южные кустарники и даже небольшие деревья с плодами лимонов и апельсинов. А поскольку террасы нижних этажей выдавались далеко вперёд, то с верхней террасы четвертого этажа открывался прекрасный вид на цветущий многоярусный сад. В лучах закатного солнца на горизонте, в тающей вечерней дымке уходящего дня, видны были очертания далекого Мадрида. Гости садились за стол, а Холмс не мог оторвать глаз от раскрывшейся перед ним панорамы древнего города.

Вернувшись в отель и взглянув на последние известия, он попытался привести в систему всё услышанное им за этот день и сделал соответствующие заметки в своём ноут-буке. За ужином Холмс услышал от

Андрея много нового из главного документа «Мертвой воды» — «Достаточно общей теории управления», а на прощанье господин Веров передал ему копии недостающих газет «Час пик» и обещал, в случае поступления новых материалов, дать сообщение по электронной почте. Паоло снабдил его обширной библиографией по истории троцкизма и копиями отдельных документов, которыми располагал сам. Все они, в том числе и Антонио, рассчитывали на аналитические способности Холмса и его друга Ватсона.

Следующий день Холмс бродил по старому Мадриду, подолгу сидел в маленьких уютных кафе, которых было здесь бесчисленное множество, рассматривал беспечных туристов, — то есть, внешне бездельничал, а на самом деле напряженно думал, сопоставляя услышанное в Вадуце и Эль-Эскориале. У него складывалось пока еще смутное представление о методах матричного управления, но в тоже время было ощущение, что не хватает чего-то очень важного, о чём он пока только мог догадываться, но ни прочитать, ни услышать от кого-либо не мог. В то же время он предчувствовал, что это нечто важное вот-вот на подходе. С этими мыслями он вернулся в номер, собираясь сообщить в Лондон Ватсону о своих дальнейших планах, как вдруг раздался знакомый голос Антонио.

— Мистер Холмс, ради Бога извините за столь поздний звонок. Мы третий раз пытаемся до вас дозвониться.

— Произошло что-то чрезвычайно важное, Антонио? — с тревогой спросил Холмс.

— Включите телевизор, минут через пять начнутся последние известия. Педро Кольядо, хозяин квартиры, где мы вчера беседовали, оказался прав. Сегодня в 13.44 по московскому времени, недалеко от курортного города Сочи, в Черное море рухнул русский авиалайнер Ту-154 летевший рейсом 1812 из Тель-Авива в Новосибирск. Все находящиеся на борту — пассажиры и экипаж — погибли. Причины катастрофы выясняются.

Холмс включил телевизор. Всё точно. Матрица «пикников» работает. Он почти машинально записал координаты падения самолёта: 42.11 — северной широты и 37.37 — восточной долготы. Раскрыл календарь с типом, подкармливающим птичек. Просчитал видимые, то есть незакрытые «просветы» в ограде курортной набережной. Их было ровно 37. Чтобы за семь лет до катастрофы точно предугадать её координаты? Такого не может быть! Он вспомнил записки по вероятностным методам, которые оставил для ознакомления Ватсону. В комментариях к ним, как он помнил, говорилось, что это «игры Бога». Нет, Андрей прав: Вседержитель не играет в кости. Всё это — элементы матричного управления, а матрицы формируют зачастую бездумно люди, а потом сами же наступают на собственные грабли. Стоп, но ведь только вчера Андрей переводил заинтересовавший его рассказ, на обратной странице газеты «Час пик» с «клячей истории». Рассказ был смешной, назывался «Грабли» и в нём обыгрывалось одинаковое звучание на русском слов «грабли» и «ограбление». Получается, что сегодня кто-то сам себя ограбил?

Холмс позвонил в Лондон. Ватсон оказался дома и по голосу было слышно, что ждал его звонка. Он был явно чем-то встревожен и сообщил, что уже слышал о трагедии Ту-154 над Черном морем, но ничего определённого пока сказать по этому поводу не может. Холмс напомнил ему о 7-м сентября и обещал через неделю вернуться в Лондон.

5 — 7 октября. Египет. Каир

Утренним рейсом Холмс вылетел в Каир. В аэропорту его встретил очень учтивый и предупредительный сотрудник фирмы по имени Махмуд и сразу же отвез в отель Шератон. Холмсу отвели номер с видом на Нил на 10-м этаже дома-башни с экзотическим названием «Нефертити». Полуденное октябрьское солнце разогрело воздух до +33°C, но на балконе не было ощущения одуряющей жары: высокое давление и сухой воздух обеспечивали хорошее самочувствие. Внизу — непрерывный автомобильный поток 16-ти миллионного мегаполиса. Конференция проходила в одном из многочисленных конференц-залов отеля. Ничего особенного — обычное современное мероприятие: нудные доклады; графики, иллюстрирующие тенденции к банкротству фирм; страховые расходы, падение доходов и т.д. Отобрав некоторые буклеты, способные заинтересовать руководство фирмы, Холмс уже собирался идти в кафе, как вдруг опекающий его Махмуд подвёл к нему высокого, склонного к полноте мужчину арабской внешности. На нём был светлый костюм и белоснежная рубашка с галстуком.

— Мистер Холмс, разрешите вам представить господина Алефа Салема, владельца крупнейшей мебельной фабрики Каира и очень интересного человека.

Холмс пожал сухую и крепкую ладонь Салема.

— Я собирался на днях встретиться с Вами в Лондоне, мистер Холмс, куда должен был отправиться в деловую поездку. Но среди организаторов этой конференции — один мой хороший знакомый. Он увидел фамилию Холмс в списках приглашенных и любезно предупредил меня о вашем посещении Каира. И вот я решил воспользоваться случаем. Извините, мистер Холмс, но у меня к вам не совсем обычное дело, не связанное с проблемам этой конференции.

Господин Салем немного волновался, и от этого речь его была безукоризненной, с точки зрения классического английского.

— Господин Салем, вы, кажется, закончили Кембридж?

— Совершенно верно, мистер Холмс, юридический факультет и какое-то время занимался современной философией. Я бы хотел пригласить вас завтра к себе на ужин; обещаю хорошую индийскую кухню, если вы не против.

— Почему индийскую, если мы в Египте?

— Да просто у меня жена из Индии.

Холмс решил идти ва-банк. Английское слово «пикник» имеет много значений и, если он даже ошибся в своих предположениях, то заготовленная фраза прозвучит своеобразным контрастом к безукоризненному английскому Салема.

— Вы хотите показать мне «пикник»?

По изумленному лицу Салема Холмс определил, что попал в точку.

— Вам уже известно про «пикники»? — растерянно спросил он, — вас кто-то предупредил? Но я никому о них не говорил. У меня столько вопросов и, — он на секунду замялся, подбирая нужные слова, — самых неожиданных версий. Но я не был уверен, что вы знаете про «пикники», я имею в виду русские «пикники».

— Я тоже не был уверен, что вы знаете про русские «пикники». Две недели я сталкиваюсь с ними при совершенно загадочных обстоятельствах в Англии, в Швейцарии и в Испании. Вот я и решил, что в Египте меня тоже ждут «пикники», которые я готов обсудить завтра с вами за ужином.

Холмс был в Каире два года назад по делам всё той же фирмы. В городе мало что изменилось за это время; может, появилось больше старых, словно взятых с автомобильной свалки машин. Город потрясающих контрастов богатства и бедности, в котором около двух миллионов живёт среди древних захоронений «города мёртвых». Со всей экзотикой: пирамидами, Сфинксом, стилизованными под древность поселениями на берегу нильской протоки, с молодыми юношами и девушками в белых туниках и чёрных париках — он познакомился в первый приезд. Сейчас он просто гулял по вечерней набережной Нила, которая если чем и отличалась от любой набережной западноевропейского города, то только меньшей ухоженностью. И всё-таки, несмотря на обыденность городского пейзажа, разбавленного арабской экзотикой, Холмс испытывал те самые странные ощущения, на которые обратил внимание два года назад. Тогда он отнёс их к обилию новых впечатлений от древнеегипетской экзотики. Но почему это происходит и сегодня, в деловой обстановке, далёкой от всякой мистики? Ощущение матрицы прошлого, мистически связанной с настоящим? Неожиданно на память пришли первооткрыватели пирамид с их странной судьбой, затем мысли вернулись к мадридским беседам, где Веров и Риего обсуждали управленческую деятельность 22-х иерофантов. Надо бы затронуть эту тему на ужине у Салема.

Утром Холмс ненадолго заглянул на конференцию, сделал необходимые пометки для отчета руководству фирмы и вернулся в номер. Было жарко и душно. Он включил кондиционер, сделал заказ по телефону и разложил на секретере у окна «пикники». Каждый раз, рассматривая картинки русского «ребуса», он видел в них выражение каких-то новых граней реальности, которая иногда превосходила самые безумные фантазии. Официант доставил в номер холодный «напиток фараонов»[1] и мороженое. Отпивая маленькими глотками терпковато-кислый на вкус напиток с едва уловимым ароматом спелой вишни, Холмс размышлял об обстоятельствах, которые словно складывались сами собой, но таким образом, что нужная ему история будто сама себя рассказывала. Он уже собирался спуститься в холл, где его должен был ждать Махмуд, как вдруг раздался телефонный звонок.

— Добрый вечер, мистер Холмс, — раздался на другом конце провода знакомый голос заместителя генерального директора фирмы Чарльза Харвея, — как вы себя чувствуете? Как погода в Каире и как там фараоны?

— Всё в порядке, мистер Харвей. Погода прекрасная, за окном плюс тридцать, в номере — плюс восемнадцать, фараонов на этот раз не навещал, зато пристрастился к холодному «напитку фараонов» — отлично утоляет жажду. Конференция завершилась и в понедельник я вылетаю в Лондон.

— Я, конечно, прошу меня извинить, дружище Холмс, но как вы смотрите на то, чтобы спуститься чуть южнее Каира?

— Не понял, Харвей. Уж не предлагаете ли вы мне спуститься в Кейптаун?

— Не угадали, Холмс. Мы предлагаем вам посетить Бомбей. Там возникли проблемы в нашем индийском филиале и на совете директоров вашу кандидатуру признали наиболее удачной для решения вопросов, с которыми вы прекрасно справились в Цюрихе и Мадриде. Отзывы о вашей деятельности самые благоприятные.

[1] Известный в России травяной чай «Суданская роза», «Хибискус», «Каркаде», который в Египте подаётся холодным.

— Харвей, у вас, по-моему, плохо с географией. У меня складывается впечатление, что в совете директоров не изжита ностальгия по колониальному прошлому. Если это так, то они выбрали неудачную кандидатуру для реализации своих имперских амбиций. Сегодня пошла третья неделя, как я мотаюсь по свету, и у меня масса дел в Лондоне.

— Никаких проблем, мистер Холмс. Согласно условиям договора мы не в праве настаивать на поездке в Бомбей, но если вдруг ваши интересы в Индии каким-то образом совпадут с интересами «Ernst & Young», мы будем вам очень признательны. До свидания, дружище Холмс, если передумаете, позвоните мне сегодня вечером.

— Но сегодня суббота, Харвей, и мне предстоит интересный вечер, — несколько невпопад ответил Холмс.

— Холмс, вы же знаете, что я не соблюдаю субботу. В понедельник нам надо принять решение, так что звоните, и желаю вам удачного вечера.

На другом конце провода послышались короткие гудки. Холмс некоторое время размышлял о предложении фирмы, но, бросив взгляд на часы и увидев, что опаздывает, быстро направился к лифту. Махмуд сидел в кресле с газетой.

— Добрый вечер, мистер Холмс, — сразу же поднялся он навстречу и, уловив выражение озабоченности на лице гостя, спросил, — у вас какие-то проблемы?

— Всё в порядке, Махмуд, мы не опаздываем?

— Это у вас в Англии точность — вежливость королей. А у нас на востоке, если назначают встречу в 18.00, то вы можете быть уверены, что вас ждут в 19.00.

Они медленно пробиралась сквозь беспорядочную толчею автомобилей всех стран мира по улицам старого города, пока не выбрались в фешенебельный, весь утопающий в зелени, район на берегу Нила. Холмс заметил, что несколько раз Махмуд проехал на красный свет.

— Махмуд, почему вы проехали на красный?

— На красный можно, — невозмутимо ответил Махмуд.

— А на зеленый, — с тревогой спросил Холмс.

— А на зеленый тем более, — улыбнулся Махмуд.

Машина свернула к двухэтажному особняку в мавританском стиле и остановилась у ажурных ворот красивой ограды, увитой гирляндами плетистой белой розы. У подъезда их встретил сам хозяин и представил Холмса миловидной смуглой женщине в голубом индийском сари.

После обеда, который состоял из десятка разнообразных, в основном вегетарианских индийских блюд, хозяин пригласил Холмса в свой роскошный кабинет. Принесли кофе, Холмс с разрешения хозяина закурил свою трубку и приготовился слушать рассказ Салема.

— Три года назад в Каир прибыла небольшая группа из России для восстановления распавшихся после августа 1991 года наших деловых связей. До 1991 года у меня в Москве и в некоторых других городах Советского Союза был довольно устойчивый бизнес. Моя мебель пользовалась хорошим спросом в определённых кругах, но после развала СССР в новой России появились какие-то полубандитские структуры, которые обложили мои магазины непомерной данью. Я решил свернуть своё дело в этой стране, понимая, что потеряю при этом большую часть своих капиталов. И хотя новое правительство России делало широкие заявления на весь мир о том, что плановое хозяйство демонтировано и общество строит рыночную экономику, все серьёзные бизнесмены

наблюдали развал экономики в бывших странах СССР. Мои поездки в Москву и Петербург убедили меня в том, что напыщенные декларации нового режима и экономическая реальность, складывающаяся в стране, — далеко не одно и то же. Поэтому я согласился принять участие в переговорах с прибывшей группой, не столько не столько из соображений вернуть хоть что-то из утраченного, сколько желая понять, что же реально сегодня происходит в России, к которой у меня всегда был большой интерес.

Группа, ведущая переговоры, оказалась очень неоднородной. Естественно в ней присутствовали те, кто всегда готов поживиться на бедах своей страны, но были и какие-то новые, поначалу совершенно непонятные мне люди. Они обстоятельно рассказывали своё видение глобального исторического процесса и особого места в нём России. Особенного не в смысле исключительности русских, как, например, понимают свою избранность евреи, а в том, что культура каждого народа, его историческое прошлое, традиции по-своему неповторимы и в чём-то необходимы для становления интегрирующей культуры единого человечества будущего. Было у них и свое видение истории древнего Египта, который они считают колыбелью современной западной цивилизации. Особенно их интересовал период религиозных реформ Эхнатона, десятого фараона восемнадцатой династии. По их представлениям, этот фараон ещё в детском возрасте получил откровение Свыше о единобожии, которое и выразил в известных гимнах Атону. Они привели довольно убедительные аргументы этой версии, когда сравнили гимны Атону со стихами Корана и показали их идентичность не только по содержанию, но и, что более всего меня поразило, — по ритмике текстов. Конфликт между иерархией Амона-Ра и Эхнатоном подробно описан во многих исторических монографиях, но общественному мнению этот конфликт всегда представлялся, как конфликт личности и некого религиозного клана. Мне не приходилось встречать версии о конфликте на этой почве в самой среде иерофантов, которые действительно осуществляли устойчивое управление древнеегипетской цивилизацией на протяжении, как минимум трёх тысячелетий. Хотя, при здравом рассуждении, трудно себе представить, чтобы один человек, без поддержки определённого клана, смог совершить такой религиозный переворот, который осуществил Эхнатон. Также естественно было предположить, что у такого человека, как Эхнатон, должны были быть последователи, деятельность которых не могла пройти незамеченной в истории. Другое дело, как эта деятельность могла быть представлена общественному мнению историками, которые всегда выполняют определённый социальный заказ.

Русские полагают, что именно Моисей был одним из первых последователей Эхнатона. Он пытался реализовать идеи, которым был привержен открыто выступивший против иерархии Амона-Ра фараон-единобожник. Однако, по их мнению, проект Моисея потерпел крах, поскольку был заранее вписан в глобальный проект иерофантов по поддержанию атеизма в общественном сознании. В результате Моисей скорее всего был убит в первый год «Синайского пикника», который стал начальным — рекламным этапом объемлющего проекта, а вышедшие (или изгнанные?) с ним из Египта храмовые рабы, бывшие до своего пленения обыкновенным племенем кочевников-семитов, в результате действия объемлющего сценария оказались в специфическом концлагере, где в

течение 42-х лет над ними проводился бесчеловечный (в полном смысле этого слова) эксперимент, к которому Моисей имел лишь то отношение, что ему приписали его проведение, после чего и возвели его в ранг основоположника исторически реального иудаизма, подменившего своим вероучением истинное Откровение.

Как видите, история очень запутанная, и её действительно трудно понять, пока не выйдешь за пределы ограничений, накладываемых на психику культурой в которой, мы с вами родились и выросли. Но, если попробовать снять эти ограничения, то открываются определённые перспективы на выход из тупика, в котором оказалась современная цивилизация.

— Извините, господин Салем, что вы имели в виду, когда говорили о специфическом концлагере и бесчеловечном эксперименте, проведенном над кочевниками-семитами?

— Мистер Холмс, вы когда-нибудь бывали в Синайской пустыне?

— Нет, не приходилось.

— Очень рекомендую, тем более, что наши турагентства устраивают там для отдыхающих на курортах Шарм-аль-Шейха специальные пикники. Если бы вы бывали в тех местах, мне многое было бы легче объяснить. Уверяю вас, что за три тысячи лет в пустыне ничего не изменилось. Попытайтесь представить абсолютно безжизненную каменистую местность, где проблемой является не только вода, но и пища и куда вы попадаете из обжитого оазиса, в котором в год собирают до трёх урожаев зерна и всевозможных овощей и фруктов. Неужели вы думаете, что в те далёкие времена люди были более идейными, чем в современной жизни? — Скорее всего, у них были более устойчивые связи с окружающей природой, а значит — менее подавлен инстинкт самосохранения. Ну а институт рабства в те времена не представлял собой что-то из ряда вон выходящее; может храмовым рабам жилось даже легче, чем другим рабам, хотя бы потому, что эти бывшие кочевники, будучи собственностью жреческой касты, оставались единой общиной и могли поддерживать связь с соплеменниками. Для меня правда остался неясен вопрос, почему храмовая служба допускала подобные вольности по отношению к этому племени, в то время как любой другой хозяин из опасений возможного сговора избегал приобретать рабов одного племени. А что касается работ в каменоломнях, на строительствах храмов, пирамид и других ритуальных сооружений, то к ним привлекались и крестьяне, формально считавшиеся свободными. И вот только представьте, что во имя каких-то химерических идей о боге, который обещает свободу непонятно от чего, вас загоняют в концлагерь из обжитого и налаженного быта с детьми, скотом, скарбом. Быстро заканчиваются запасы воды и пищи; новых поступлений провианта не предвидится, и что за этим следует? — Бунт обезумевшей толпы, который хорошо описан в Библии в 14 главе книги «Числа». Могли ли они вернуться в Египет даже после года всех испытаний, когда их ненависть выплеснули на инициатора «пикника» и он был убит? — Должны были вернуться, но… не вернулись и, более того, ещё 42 года добровольно продолжали собственные мучения. Во имя чего? Осознанно ожидали, пока вымрет одно, а может и два поколения из тех, кто ещё помнил Египет и мог указать туда дорогу? Нет, так не бывает в реальности, так бывает только в мифах и сказаниях. Во всей этой истории куда более интересен другой вопрос: эти мифы и сказания — часть народного эпоса, или часть тоталитарной идеологии, особого рода пиара, преследующего

антинародные цели? Вот это я и имел в виду, когда говорил о бесчеловечном эксперименте.

По версии русских, вышедшие из Синайской пустыни должны были разительно отличаться от остальных современников в психологическом плане своей особой приспособляемостью к любым изменениям условий внешней социальной среды. Другими словами, иерофанты создавали в Синайском турпоходе инструмент будущего мирового господства таким, чтобы, во-первых, он сам уверовал в эту миссию, а во-вторых, чтобы в эту миссию инструмента поверили и все окружающие племена и народы. Так иерофанты сами создавали условия для формирования мифа о жидо-масонском заговоре, за ширмой легко разоблачаемого мифа о котором они могли без лишних помех заниматься концентрацией разнородной власти и производительных сил всего человечества.

По литературным источника я знаком с аналитическими работами вашего прадеда, мистер Холмс, и знаю, что у него был свой взгляд на роль в истории еврейства и тайных организаций, типа масонских лож. Но из бесед с русскими мне открылось новое видение процессов управления, исходя из которого со временем у меня изменилось и представление об иерархии власти в обществе. Непонятно, почему именно русские поняли то, что давно лежало на поверхности. Существует целая библиотека высказываний выдающихся личностей о негативной роли евреев в национальной истории различных народов: от египетского и римского до немецкого и русского. Что Юлий Цезарь, Нерон, Екатерина Великая, Наполеон и Черчилль были слабоумными? Или они, как и все другие в данном вопросе, — продукт культуры, в которой подобные мнения целенаправленно формируются для сокрытия высшего уровня иерархии власти в обществе? Одна фраза греческого историка Плутарха, бывшего по совместительству жрецом дельфийского оракула, — «Ты правишь, но и тобой правят!», — должна была заставить государственных мужей искать то, что русские назвали Глобальным Предиктором, концептуальной властью, опирающейся не на власть силы, а на власть знания. Ваш знаменитый философ Бэкон одной только фразой: «Knowledge is power», которая на некоторых языках понимается двусмысленно[1], мог подтолкнуть к поиску этой скрытой и потому особенно эффективной власти.

Далее Салем говорил о том, что Холмс уже слышал от Андрея Верова в Испании — о концептуальной власти, как высшем уровне иерархии власти в обществе, которая многие тысячелетия, не меняя содержание глобальной концепции управления, поддерживает устойчивость толпо-«элитарной» пирамиды. Но в его рассказе было и нечто новое, о чём, видимо, не знал ни Андрей, ни Паоло.

— Концептуальная власть — высший уровень иерархии власти в обществе, как институт власти, был порождён древнеегипетской цивилизацией. Но «роженица» не пережила этих родов, в том смысле, что древний Египет, как цивилизация, сошел с исторической арены и превратился в обыкновенное государство, которое подмяли под себя сначала греки, затем римляне, ну а после крушения Рима он стал частью исламского мира, хотя в Египте по-прежнему живут египтяне. Французы и англичане пытались сделать его частью библейского мира, но, вероятно, содержательное единство текстов гимнов Атону и Корана сыграли решающую роль и, можно сказать, что идеи Эхнатона, по крайней мере в

[1] Перевод двоякий: «Знание — сила!» или «Знание — власть!» — каждый выберет в меру понимания своё.

Египте, победили. Кстати, мистер Холмс, вы не обратили внимания на странную повторяемость некоторых событий, разнесённых во времени двумя столетиями. Мы египтяне не забыли, как в начале XIX века войска Наполеона занимались тем же самым, чем в начале XXI века занимались войска «талибана» — расстреливали из орудий памятники древней культуры. Метка французских террористов — на лике древнего Сфинкса. Полностью его уничтожить они не могли лишь потому, что во времена наполеоновских войн не было ракет, которыми для уничтожения статуи Будды воспользовался «талибан». Как вы думаете, что может объединять эти два события?

— Полагаю, что они финансировались одними и теми же кланами, которые преследовали сходные цели. Человечество впадает в беспамятство после того, как лишается своих памятников культуры, — ответил Холмс.

— Скорее всего, это так, — согласился Салем и после этого разложил перед Холмсом уже известные ему «пикники».

— Как видите, мистер Холмс, истоки русского, а, следовательно, и глобального «ребуса» лежат в древнеегипетской цивилизации. И не случайно на первой картинке «Исторического пикника» авторы поместили 22 иерофанта, а телевидение времён августовского путча назвали именем XVIII династии. Правда, никакого противостояния между Эхнатоном и Тутанхамоном не было, поскольку Тутанхатон (так он назывался в начале своего правления) стал фараоном через три года после смерти Эхнатона и ещё какое-то время пытался продолжать стратегию своего тестя. Но потом жрецы Амона-Ра заставили его покинуть новую столицу Ахетатон и поменять имя на Тутанхамон. Но всё это — условности, так как в древнем Египте реальная власть, под которой, прежде всего, понималось наследование собственности, передавалась по женской линии и потому многие мужья дочерей фараона автоматически становились фараонами. Но была ещё и власть идей, которую не всегда можно было передать по наследству. Поэтому в глобальном историческом процессе хорошо прослеживается власть идей, а вот власть собственности, из-за которой на первый взгляд и ведутся все войны, проследить крайне сложно. Здесь же, как видите, речь идёт о 4000-тысячелетней борьбе двух партийных религий Атона и Амона. Видимо идеи того стоили, если сорок веков они находят своих сторонников, и русские по-своему правы, связывая события, происходящие в их стране с мировоззренческим расколом в обществе древнего Египта. Я посмотрел и убедился, что практически все картинки первого «пикника» взяты из монографий Масперо, Матье и Брестеда, но русские по своему трактовали эти символы нашей древней культуры. Более того, процессу толкования символов они придают большое значение, называя его каким-то странным термином, непереводимым на другие языки.

Салем достал из стола лист бумаги и показал два слова, написанные на английском языке — «tihaya sapa», после чего продолжал свой рассказ.

— Когда я попросил их объяснить значение этого термина, то сначала они говорили, что эти слова пришли из сапёрного дела: так, в прошлом называли подкоп под позиции неприятеля, в который закладывали взрывное устройство, после чего его неожиданно взрывали. Но, видя недоумение на моём лице, они стали объяснять, как действуют методы матричного управления, которыми, по их мнению, в древности лучше других владели иерофанты. Тогда я почти ничего не понял из их рассказа, поскольку в своих пояснениях они опирались на какую-то новую

терминологию. Но после фильма «Матрица» кое-что, по крайней мере для меня, прояснилось. В их рассказе речь шла о вселенной, как процессе триединства информации, меры и материи. Так они называли первичные философские категории, на которые в своём мировоззрении, по их мнению, опирались иерофанты. Я уже говорил вам, Холмс, что занимался современной философией в Кембридже, но то, что я услышал от русских, выходило за пределы изученного мною в Англии под руководством ваших профессоров. Не смог я опереться и на знания, полученные в процессе самостоятельных исследований.

При этом русские довольно убедительно, на примерах, взятых из жизни, показали мне, что европейская публичная философия всякого, кто с ней впервые сталкивается, ставит перед выбором: либо материализм, либо идеализм — третьего не дано. Оказывается, дано; и это третье определяется объективно мерой бытия. Более того, они показали, что из симбиоза русской традиции и коранического знания можно выйти на объективность категорий информации и меры. «Нет вещи без образа» — говорит русская пословица. «Аллах создал всякую вещь и размерил её мерой» — сказано в Коране. Вы, наверное, Холмс, спросите меня, зачем это было нужно — поддерживать раскачивание общественного сознания от материализма к идеализму? Этот вопрос я обсуждал с русскими, и они мне ответили, что всегда существовали две системы знаний о мире, а значит — и две системы образования. Первая система знаний была предназначена для широких масс; вторая — для узкого круга, который избрал для себя миссию — управлять.

Исторически это различение прослеживается во всех типах культур, с системой образования которых мы знакомы. Уже в Древнем Египте образование для чиновников и низших жреческих каст значительно отличалось от того, во что посвящали узкий круг избранных, составлявших верхушку жреческой касты и окружение фараонов. В древней Месопотамии мы видим подобное же различение. В древней Иудее знания для народа (Тора, Талмуд и летописи) также сильно отличалось от знаний, достигнутых левитами. Наконец, христианская церковь на протяжении своего господства над умами средневековой Европы также имела одну истину для народа и рядового клира, и совсем другую — для посвященных.

Но если задаться вопросом, что же такое знали и понимали наследующие высшему «жречеству» древнего Египта в знаниях и культуре левиты, чего не понимали остальные, даже возможно зная это? — то ответ можно найти в оккультной литературе.

Салем достал толстый фолиант, на тёмно-вишневой обложке которого крупными буквами было выведено «Священная книга Тота. Великие арканы Таро» и, открыв заложенную позолоченным шнуром страницу, зачитал:

«Тридцатью двумя путями — чудными, мудрыми, начертал IA, IEBE, Саваоф, Бог Израиля, Бог Живой и Царь Вечный, Эль Шаддай, Милосердный и Прощающий, Возвышенный и Пребывающий в вечности, — возвышенно и свято Имя Его, — создал мир Свой тремя сеферим: сефар, сипур и сефер.

Первый из этих трех терминов (Sephar) должен означать числа, которые одни доставляют нам возможность определить необходимые назначения и отношения каждого и вещи для того, чтобы понять цель, для которой она была создана; и МЕРА длины, и МЕРА вместимости, и Мера веса, движение и гармония — ВСЕ ЭТИ ВЕЩИ УПРАВЛЯЕМЫ ЧИСЛАМИ. Второй термин (Sipur) выражает слово и голос, потому что это Божественное слово и голос,

потому что это Божественное Слово, это Глас Бога Живого, Кто породил существа под их различными ФОРМАМИ, будь они внешними, будь они внутренними; это его надо подразумевать в этих словах: «Бог сказал: «Да будет Свет» и «стал Свет». Наконец, третий термин (Sipher) означает писание. Писание Бога есть ПЛОД ТВОРЕНИЯ. Слова Бога есть Его Писание, Мысль Бога есть Слово. Так мысль, слово и писание суть в Боге лишь одно, тогда как в человеке они суть три». («Cuzary», 4, § 25, цитировано по книге: В.Шмаков «Священная книга Тота», выделение некоторых фрагментов в тексте заглавными буквами — наше при цитировании).

Как видите, Холмс, многие, в том числе и я, читали этот текст, но без соответствующего пояснения он мёртв, в том смысле, что исключает однозначность понимания сказанного большинством самочинных искателей истины вне системы посвящений.

И это — невозможность понимания вследствие умышленного выражения неоднозначности взаимоисключающих смыслов — и составляет, по мнению русских, главную особенность образования «для узкого круга, призвание которого — управлять», а более точно: для узкого круга, притязания которого — безраздельно и безответственно властвовать.

Но всё же в «Писании Божием» (плоде творения Божиего) можно узнать материю во всех её видах, в Мысли Божией — объективную информацию, смысл Жизни, а в Слове Божием — меру. И всё это образует триединство материи-информации-меры в тварном Мироздании. То есть получается, что философия на основе триединства материи-инфрмации-меры действительно существовала исторически продолжительное время, и, опираясь на неё, кто-то раскачивал общественное сознание как маятник от «идеализма» к «материализму» и обратно, не давая ему остановиться и задуматься над вопросом «что же есть истина?»

И тем не менее, русские считают, что всё цитированное из «Священной книги Тота» — вторичные пересказы, а не первооснова истинного мировоззрения триединства материи-информации-меры, которое не предназначено в Библейской цивилизации для выражения в её публичной философии. Что же касается Корана, то по их мнению, именно в нём даётся мировоззрение, наиболее близкое к мировоззрению триединства, которое и легло в основу философии, узурпированной во время «синайского пикника» библейскими «эзотеристами», опекавшими исторически реального Моисея. Я вынужден был согласиться с их доводами, поскольку в Коране на это есть прямое указание: *«И вот Мы дали Моисею Писание и Различение: может быть, вы пойдете прямым путем»* (сура 2:50).

Из этого аята Корана можно понять, что Моисею были даны некие знания, информация, собранные в Писание (истинную Тору, впоследствии выведенную из употребления и подменённую редакцией, извращенной кураторами Библейского проекта), а также было дано еще нечто дополнительно к Писанию, что в суре названо Различением.

То, что названо в Коране «Различением», после устранения Моисея было просто скрыто от толпы и узурпировано для внутреннего употребления высшими иерархами библейских «эзотеристов». Мне бы не хотелось сегодня подробно обсуждать проблему Различения. Это тема отдельного и большого разговора. Могу лишь отослать вас к текстам Корана, где тема Различения встает неоднократно[1]. При обращении к аятам Корана, в которых вы встретите арабское слово «Фуркан», переводимое на другие языки и как «Различение», и как «Спасение», вы сможете выявить два смысловых уровня, на которые указывает это слово в контексте Корана.

[1] Аяты 2:50, 3:2, 8:29, 21:49, 25:2.

При этом на первом смысловом уровне перед вами встанет вопрос о том, что именно дано в Коране в Различение в качестве исходных понятийных категорий, от которых человеку дóлжно разворачивать процесс осмысления и переосмысления Жизни. А на втором смысловом уровне вам придётся решать вопрос о вашей способности к Различению «этого» от «не этого», «одного» от «другого» в потоке течений событий в Жизни.

Вместе с русскими мы внимательно изучили суры, в которых говорится о Различении, и я понял, что действительно в Коране явно выражено учение о мировоззрении триединства материи-информации-меры — предельных обобщений и первичных различий в Мироздании. Это мировоззрение предназначено для всех и каждого, а не только для «элиты» «эзотеристов». Более того, открытое обществу для осмысления на протяжении последних тринадцати веков, оно является надёжным началом для развёртывания от него и философии, альтернативной той, которая поддерживает раскачивание общественного сознания от материализма к идеализму и обратно. Однако публичная философия и в наше время по-прежнему выражает ущербное мировоззрение, более соответствующее временам фараонов.

— Как вы думаете, господин Салем, почему такое оказалось возможным? — спросил Холмс.

— Я тоже задавался подобными вопросами. В ответ русские показали мне «Книгу для начального чтения» Водовозова, изданную в Петербурге ещё в конце XIX века и предназначенную для самообразования подданных Российской империи. В ней речь идёт о воззрениях на объективную реальность древних египтян. Вот выписка, которую я сделал из этой книги. Мне кажется, она приоткроет вам тайну поддержания устойчивости стереотипов библейского мировоззрения.

Холмс взял лист бумаги и углубился в чтение английского текста.

«Самая главная каста, управлявшая всем, была каста духовных или жрецов. Они предписывали и царю (т.е. фараону) как жить и что делать... Высшим божеством египтян был АМУН. В его лице соединились четыре божества: вещество, из которого состоит всё на свете, — богиня НЕТ; дух, оживляющий вещество, или сила, которая заставляет его слагаться, изменяться, действовать, — бог НЕФ; бесконечное пространство, занимаемое веществом, — богиня ПАШТ; бесконечное время, какое нам представляется при постоянных изменениях вещества, — бог СЕБЕК. Всё, что ни есть на свете, по учению египтян, происходит из вещества через действие невидимой силы, занимает пространство и изменяется во времени, и все это таинственно соединяется в четыреедином существе АМУН».

Холмс закончил чтение текста и некоторое время молча рассматривал пейзаж за окном кабинета. Наступали сумерки, которые на этих широтах почти мгновенно превращаются в глубокую темноту. Салем предложил выйти на воздух. Запахло свежестью близкой воды. Они вышли на просторную террасу, утопающую в зелени и сходящую уступами к Нилу. На незнакомом небе зажигались первые звёзды. В уютной беседке, увитой плетистыми розами, был накрыт стол, сервированный изящными, серебряной чеканки блюдами с фруктами и восточными сладостями; горячий кофейник майсеновского фарфора источал аромат свежесваренного кофе. Салем пригласил Холмса в беседку, и их разговор продолжался под небом Каира.

— Как видите, Холмс, если мы отстроимся от имён древнеегипетских богов, то вещество будет соответствовать современному «веществу»; дух — большей частью «силовым полям»; а «пространство» и «время» так и

останутся неизменными категориями в мировоззрении с тех времён. То, что вспомнил Водовозов о древнем Египте, показывает, что первичными различиями и обобщающими категориями, осознаваемыми в качестве исходных категорий Мироздания, в нынешней цивилизации на протяжении тысячелетий неизменно остаются: «материя», понимаемая как вещество; «дух», понимаемый и как «энергия», «сила» и как *управляющее начало, т.е. «информация» и «мера»;* а также «пространство» и «время», когда разрозненные, а когда и объединенные то в четырехипостасном богемироздании Амуне, то в «двухипостасном» безымянном и неперсонифицированном «пространственно-временном континууме» теории относительности, являющемся для «материи» во всех её агрегатных состояниях непознаваемым вместилищем.

И хотя слова, обозначающие эти первичные различия, и трактовки связанных с ними понятий при более детальном их описании неоднократно изменялись на протяжении истории Западной цивилизации, но неизменным оставалось одно: информация была понятийно скрыта и неотделима в группе первичных различий от «духа», «энергии» и «силы», которые в мировоззрении западной цивилизации всегда отождествлялись.

«Материя» же, отождествляемая обычно с «веществом», при дальнейшей детализации соотносилась с четырьмя стихиями или на современном языке науки — агрегатными состояниями вещества: «земля» — твердое; «вода» — жидкое; «воздух» — газообразное; «огонь» — плазма. А *невидимые для большинства людей* общеприродные силовые поля, несущие упорядоченную энергию, неразделимо слились с информацией в «нематериальном» «духе». Что касается вакуума, который по современным представлениям — вовсе не пустота, а одно из агрегатных состояний материи, то он стал «пространством-вместилищем», а «время» превратилось в некий знак для обозначения неосязаемой непонятности. Другими словами, все знают, что такое время, но никто ничего определённого по поводу времени сказать не может.

Как показывает исторический опыт, на протяжении истории послеегипетских региональных цивилизаций мировоззрение четырехипостасности Мироздания оставалось самим собой, изменяя только формы, в которых оно представало перед обществом. И это мировоззрение прошло путь от богословской доктрины египтян о верховном божестве четырехипостасном Амоне, до пространственно-временного континуума материалистов XX века. А региональная цивилизация, в которой оно господствовало над умами большинства населения, довело планету до глобального биосферно-экологического кризиса, в котором выразился и кризис внутриобщественный.

При этом выясняется, что некоторые вещи, очевидные в мировоззрении триединства, просто оказываются недоступными для восприятия и не поддаются пониманию и описанию в категориях четырехипостасности Мироздания средствами «языков», развитых в культуре.

Так после бесед с русскими и чтения сопутствующей литературы мне стало очевидно, что категории пространства и времени вторичны по отношению к мере и потому время — всего лишь мера соотношения полных периодов колебаний всех взаимовложенных процессов вселенной. Возможно, мне стало всё это понятно ещё и потому, что образ взаимовложенности давно существует в России и в Египте, опираясь на их культурное достояние. Так, например, известная всему миру русская игрушка «матрёшка» и саркофаги фараонов, которые вы можете увидеть в

Каирском музее, — по сути одни и те же конструкции, отличающиеся только масштабом и предназначением. Если нет меры, то невозможно отличить конструкцию, объемлющую, от вложенной. Поэтому действительно в истории все только говорили о пространстве, а по сути — занимались его измерением с помощью субъективно выбранных эталонов.

Извините, Холмс, я, кажется, увлёкся новыми философскими теориями и, наверное, утомил вас. Но, благодаря им, мне удалось проникнуть в тайну русских «пикников» и понять, как работают методы матричного управления. Мне проще всего было бы указать на информацию, которую несут эти картинки, сослаться на ту или иную лексику, которая представляет собой код — меру, и показать на конкретный результат, который становится закономерным следствием объективного процесса вселенной — триединства материи-информации-меры. Но вы понимаете, что без этого пространного философского вступления мои выводы оставались бы ещё одной гипотезой, которыми полна вся пресса после 11 сентября. Возможно, моё изложение было несколько сумбурным, но я впервые пытался пересказать и связно изложить то, о чём много думал, оставаясь наедине с собственными мыслями.

— Нет, господин Салем, вы напрасно извиняетесь. Я с большим вниманием прослушал ваш рассказ, насыщенный новой терминологией, и уверяю вас, что он был для меня чрезвычайно полезен. Дело в том, что обрывки, отдельные тезисы, фрагменты новой философии, которая рождается в России, мне приходилось слышать в разных местах и при различных обстоятельствах. У России, как цивилизации — своя миссия. И мне давно хотелось понять её. Мы привыкли рассуждать о цивилизациях в рамках терминологии восток — запад, или север — юг. Слушая вас, я пробовал отойти от стереотипов, сложившихся в библейской культуре, то есть выйти за пределы двоичного кода: материализм — идеализм, капитализм — социализм, план — рынок, восток — запад и так далее. В мировоззрении, альтернативном двоичному (я бы его так назвал), Россия мне представляется цивилизацией меры, а Запад, ориентированный на безграничное потребление материальных благ, — цивилизацией материи; Восток же, замкнутый на духовные практики, созданные «эзотеристами» для поддержания устойчивости толпо-«элитаризма» — цивилизацией духа или информации.

— Но ведь я рассказывал о мировоззрении триединства, как альтернативе мировоззрению четырёхипостасного древнеегипетского Амона, — пытался возразить Салем.

— Это верно, но только отчасти. Вы сами говорили об энергии, как о неком устойчивом переходном состоянии материи из одного агрегатного состояния в другое. К тому же в ваших рассуждениях речь шла о пространственно-временном континууме. Поэтому четверку материя-энергия-пространство-время при желании можно свести к двум категориям: материя-энергия — пространство-время. Переход от плоской безальтернативной двоичности к объемлющему её мировоззрению триединства материи-информации-меры представляется мне шагом вперед ещё и потому, что живём-то мы пока ещё в трёхмерном пространстве. Ну, и в добавление к сказанному, именно в Каире я услышал последовательное и связное изложение мировоззрения, на основе которого, как мне кажется, и действуют методы матричного управления. Я специально избегаю слова «оружие», поскольку столкнувшись с их проявлением, многие постараются к определению «матричное» добавить из лексикона библейской культуры

термин «оружие» и втащить его в двадцать первый век. Если же рассматривать процесс управления с точки зрения взаимовложенности матриц, то человечество, имеет шанс покончить с войнами совсем, если эти методы управления станут достоянием не только «элиты», но и всех, кто стремится повысить меру праведности своего понимания общего хода вещей. При этом, в случае созревания какого-то конфликта, чтобы его погасить, управленцу, владеющему матричными методами, достаточно подняться на более высокий уровень понимания общего хода вещей и с позиции объемлющей матрицы разрешить конфликтную ситуацию.

— А если для него окажется более выгодным усугубить назревающий конфликт, то есть столкнуть противников лбами в целях достижения желаемого результата? — попытался возразить Салем.

— Это будет неправедностью с его стороны и настанет день, когда он об этом пожалеет. Необходимо помнить о взаимовложенности матриц, в пределе восходящих к матрице Божьего предопределения. Подобные действия или злые помыслы вернутся агрессору, поскольку не могут быть продиктованы более высокой мерой понимания общего хода вещей. Наоборот, его агрессивные намерения, вне зависимости от того, что он будет думать о них сам, объективно будут свидетельствовать о том, что он опустился во вложенную матрицу, а не поднялся в своей мере понимания на уровень объемлющей. И мне представляется, что всё происходящее сегодня с Соединенным Штатами, а вернее с их руководством, демонстрирует именно этот алгоритм матричного управления. И я благодарен вам, господин Салем, ибо мне не хватало вашего рассказа для понимания некоторых деталей, связующих методы матричного управления с двумя типами мировоззрения. Наверное, я понял далеко не всё. Что-то потерялось в результате многократных переводов с разных языков на другие, но мне кажется, что я ухватил главное: контроль за этим «оружием» — у Всевышнего в том смысле, что его использование в интересах какого-то отдельного клана небезопасно для самого клана, так как обладает возвратным фактором, который в терминологии западной цивилизации и получил название эффекта «обезьяньей лапы». И русские «пикники», являясь матрицами-сценариями возможных вариантов развития событий в России, этот эффект демонстрируют.

Отправляясь сюда, я пытался понять своё место в этих сложных процессах, место действия которых сегодня — весь мир. И вот, взявшись за разгадку русского ребуса и занимаясь делами, с «пикниками» казалось бы никак не связанными, я получаю от совершенно незнакомых мне людей в разных концах света нужную мне информацию. Это возможно, как я теперь понимаю, только при одном условии: вся моя деятельность, направленная на раскрытие тайны «пикников» и их связи с событиями «чёрного вторника» проходит в русле матрицы, объемлющей эти события. И чтобы я не натворил глупостей, мне важно было понять, чем эти два мировоззрения отличаются одно от другого. Но после всего, что я здесь услышал, у меня появилось одно сомнение, и я хотел бы его вам высказать, господин Салем.

— Пожалуйста, мистер Холмс, я готов помочь вам разрешить его, если это в моих силах. Только прошу вас иметь снисхождение к вторичности изложения, с которым вы столкнулись в моём лице.

— Хорошо, я попробую изложить суть моего вопроса. Поскольку эта информация должна быть доступна всем, то мне представляется, что обилию сложных терминов могли бы соответствовать какие-то простые символы, из которых при необходимости можно легко развернуть и

воссоздать все необходимые атрибуты двух типов мировоззрения в зрительной памяти любого человека.

— Совершенно верно, мистер Холмс. Такие простые и доступные символы существуют и о них мне много рассказывали русские: это мозаика и калейдоскоп. Каждый человек при желании может понять, чем отличается «мозаика» от «калейдоскопа». Все стекляшки в мозаичной картине взаимосвязаны: достаточно сдвинуть с места или повернуть одну стекляшку, как это непременно скажется на положении не только соседних стекляшек, но и находящихся на большом расстоянии друг от друга. И хотя отдельные фрагменты картины могут претерпеть некоторые искажения, в целом её содержание останется неизменным, как бы не крутили саму картину. При желании мозаичную картину можно рассмотреть до нужной детальности; можно выделить, запомнить и воспроизвести в зрительной памяти как отдельный её фрагмент, так и картину в целом.

Другое дело «калейдоскоп»: малейший поворот или даже простое встряхивание этой игрушки изменяет содержание возникающей в глазке калейдоскопа картины; причем каждый раз картина будет новой и завораживающе причудливой. Но, в отличие от мозаичной картины, очередную картинку «калейдоскопа» невозможно ни предсказать, ни воспроизвести в зрительной памяти. Почему? — Потому, что все картинки калейдоскопа содержательно пусты, поскольку взору наблюдателя предстаёт всё та же бесформенная груда стекляшек, но отраженная в системе зеркал. Эта система зеркал и улавливает самые незначительные изменения расположения в груде стекляшек, которая наблюдается в «глазке» калейдоскопа.

Поскольку явление, получившее название мировоззрения, принадлежит к бессознательным уровням психики, то слова «мозаика» и «калейдоскоп» — всего лишь символы, указующие на две его разновидности, которые обладают всеми перечисленными выше свойствами «мозаики» и «калейдоскопа» соответственно. Любые другие типы мировоззрения можно свести к этим двум. Миропонимание — порождение того типа мировоззрения, которому привержена психика человека, но поскольку оно принадлежит сознанию, то и выражается в определённой лексике. То есть, мозаичному мировоззрению будет соответствовать мозаичное миропонимание, а калейдоскопичному мировоззрению — калейдоскопичное миропонимание. Отсюда можно сделать вывод, что мозаичное мировоззрение едино и целостно, и всё в нём причинно-следственно обусловлено. В таком мировоззрении мир предсказуем, то есть он устойчив в смысле предсказуемости под воздействием внутренних, внешних изменений и управления. Другими словами, любые новые факты, события, явления и процессы, ставшие достоянием мозаичного мировоззрения, только дополняют и детализируют содержание уже сложившейся целостной картины мира. Отсюда в мозаичном миропонимании естественно вырабатывается представление о познаваемости объективной реальности.

В отличие от мозаичного мировоззрения, мировоззрение калейдоскопическое — набор ничем не связанных случайных фактов, событий, явлений и процессов. В таком мировоззрении мир не обладает устойчивостью в смысле предсказуемости, что означает: всякие новые факты, события, явления и процессы, ставшие достоянием калейдоскопического мировоззрения до неузнаваемости изменяют всю

картину мира, что в общественном сознании закрепляется в стереотипе о непознаваемости мира.

Поэтому, когда речь заходит о мировоззрении, сознание обозначает словами только какие-то первичные предельно обобщающие категории, о которых мы уже говорили и которые условно можно разбить на две группы:

- материя, информация и мера;
- материя, энергия, пространство и время.

При этом вторая группа образов по существу является вторичной по отношению к первой (что-то наподобие зеркального отображения или «эха» первой) и принимается в качестве первичной ошибочно теми, чье мировоззрение более склонно к калейдоскопическому видению мира.

Отсюда те, кто оперирует на бессознательных уровнях психики первой группой образов, воспринимают бесконечную вселенную как процесс триединства материи, информации и меры, и мир для них предстаёт в виде целостной мозаичной картины, в которой всё причинно-следственно обусловлено. Те же, кто на бессознательных уровнях психики оперирует второй группой образов (материя, энергия, пространство и время), воспринимают окружающий мир как калейдоскоп ничем не связанных меж собой случайных событий.

Слова «материя, информация, мера, энергия, пространство, время» — только «пальцы», указующие на объективные явления, предстающие на бессознательных уровнях психики в виде образов, трудно различимых уже потому, что они воспринимаются в качестве предельных, первичных и обобщающих всё. И каждый, кому эти образы предстают на уровне сознания, волен называть их своими словами, опираясь на доступный его профессиональному уровню понятийный и терминологический аппарат. Вы, наверное, знаете, мистер Холмс, как почитают в России Пушкина?

— Да, господин Салем, в день моего вылета из Лондона мы с моим другом Ватсоном много говорили о Пушкине и пришли к выводу, что его творчество каким-то таинственным образом связано с «пикниками».

— Я скажу больше, — подхватил новую тему Салем и раскрыл свою папку с бумагами, которую он забрал из кабинета. — Русские утверждают, что Пушкин на генетическом уровне владел знаниями уровня древнеегипетских иерофантов. Его дед по материнской линии принадлежал к знатному эфиопскому роду, среди которых были и те, кто восходил к одной из правящих династий древнего Египта. К этому можно добавить, что одна из жён Моисея, о котором даже Фрейд писал, что он был египтянин из жреческого сословия, — была эфиоплянка. То есть Пушкин на уровне информации, передаваемой по линии родовых эгрегоров, мог отличить исторически реального Моисея от Моисея, описанного в Библии, и одним из аргументов этого может служить отрывок из его ранней поэмы «Гаврилиада».

С этими словами он раскрыл папку и достал из неё несколько листов бумаги со стихами.

— Не ручаюсь за адекватность ритмики, но смысловая сторона стихов по оценкам русских специалистов, в совершенстве владеющих английским, передана полностью[1].

[1] При подготовке книги к изданию все тексты А.С.Пушкина, взяты из ПСС русского издания 1994 года.

С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Зачитав стихи, Салем откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на собеседника, ожидая от него каких-то возражений. Холмс молча смотрел в глубину темного сада.

— Ну, что вы можете сказать по поводу этих стихов, мистер Холмс?

— Только одно: очень жаль, что я не знаю русского языка и потому весь в ожидании комментариев.

— По моему, в этих стихах Пушкин не говорит о том, каким был исторически реальный Моисей, но пытается дать понять читателю, что образ библейского Моисея, его не устраивает. В начале XIX века многие в России посчитали эту поэму за «ошибки молодости»[1] юного дарования. Но для посвященных в искусство управления социальными процессами — эти «ошибки молодости» по тому времени были опасным знаком. Стихи говорили о том, что в России появился некто, способный при определенных обстоятельствах отличить Откровение, данное Богом людям через пророка, от рассказа об Откровении тех, для кого их праведность была неприемлема. Этот «некто» готов был открыть человечеству истинные цели «обладателей писания[2]» и, как оценили его противники, мог продолжить дело, начатое три тысячи лет назад Эхнатоном.

Поэтому не удивительно, что Пушкин мог обладать способностью к различению двух групп образов, о которых мы только что говорили, как некой целостности. Русские подарили мне его удивительную повесть в стихах «Домик в Коломне», написанную октавами. Мы занялись её переводом на арабский и английский, поскольку уже в первой октаве предисловия к ней поэт очень своеобразно выразил своё отношение к двум типам мировоззрения, используя лексику поэтического цеха:

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить.

Это — об «амуновской четвёрке», привычно воспринимаемой и сегодня в качестве предельных обобщающих категорий мироздания[3], которая служит основой мировоззрения калейдоскопа. Уже тогда Пушкин полагал, что

[1] Если и есть в ней ошибка, то до её понимания не поднялись ни современники поэта, ни официальные «пушкинисты» нашего времени. В цитированном фрагменте «Гавриилиады» образ библейского Моисея пока еще не отделился от истинного образа своего исторически реального прототипа, но зато какова целеустремленность!

[2] В Коране «обладателями писания» называются те, кто искажал откровения даваемые Свыше через пророков.

[3] Спросите сегодня любого представителя светских или богословских наук (от студента до профессора), проживающего в западной (библейской) цивилизации: Первичные предельные образы каких явлений вселенной он может назвать в качестве обобщающих? И вы получите неизменный ответ (возможно с небольшими вариациями): материя, энергия, пространство и время, хотя при современном уровне базового образования даже в пределах средней школы бывшего СССР, любой здравомыслящий человек способен самостоятельно, без подсказки извне, подняться до понимания:

такому мировоззрению привержено большинство (*им пишет всякий*), для которого причудливая смена впечатлений — *забава*[1]. На вашем языке этому русскому слову может соответствовать английское слово — «picnic», переводимое на русский, как приятное времяпрепровождение. Вот и получается, что словом «пикник», пришедшем в русский язык из английского лексикона, на бессознательных уровнях психики кодируется мировоззрение калейдоскопа, о чём и говорят все картинки русского «ребуса». А что мог по тем временам Пушкин противопоставить мировоззрению калейдоскопа, в рамках которого жизнь непознаваема? — Постижение вечности.

Я хотел
Давным давно приняться за октаву.

Салем достал из кармана своего белого пиджака казалось бы прекрасный «Паркер» с золотым пером и обругал американцев за то, что металлическая резьба колпачка навинчивается на пластмассовую резьбу корпуса, вследствие чего резьбовая пара быстро изнашивается и авторучка обретает способность рассыпаться в руках на части в самый неподходящий момент. Справившись с неудобным «Паркером», которым он по каким-то причинам дорожил, Салем вывел на салфетке симметричную восьмёрку, после чего повернул салфетку на 90° и продолжал свой рассказ.

— Видите, мистер Холмс, октава — восьмёрка, но если посмотреть с другой стороны, то она же и знак бесконечности — единой и целостной вселенной, в которой всё причинно-следственно обусловлено. Но таким мир воспринимается только в мозаичном мировоззрении, в котором вселенная — процесс триединства материи, информации и меры. Я думаю, что Пушкин в своём мировоззрении не разделял образы этих трёх проявлений объективной реальности, а воспринимал их как единое *тройное созвучие*, о чём и сказал в поэтической форме.

А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пущусь на славу
Ведь рифмы запросто со мной живут:
Две придут сами, третью приведут.

И действительно, триединство — тройное созвучие материи, информации и меры. Другими словами, не бывает материи вообще: любая вещь имеет материальную, информационную и мерную составляющую, и все они равны с точки зрения их восприятия, — ни одна не является первичной по отношению к другой и ни одна не может в конкретной вещи обходиться без

- что энергия — та же материя, но в устойчивых переходных состояниях из одного агрегатного состояния вещества в другое, которых современная наука знает всего лишь пять (вакуумное, плазменное, газообразное, жидкое и твердое);
- что время — есть мера соотношения частот взаимовложенных колебательных процессов вселенной, один из которых люди принимают за эталонный, привязывая к нему для ведения всевозможных расчетов частоты — «времена» других колебательных процессов (во вселенной статики нет). Так на планете Земля, в качестве меры всех других «времен» (исторического, социального, биологического, физического и пр.) принято астрономическое время — частота процесса вращения планеты вокруг своей оси и вокруг солнца;
- что пространство — тоже всего лишь мера соотношения субъективно принятых эталонов длины и производных от них площади и объема. Поэтому даже сегодня одновременно сосуществуют футы и метры, привязанные один к другому.

Поэтому выше и было сказано, что материя, энергия, пространство и время — вторичны по отношению, к тройному созвучию — триединству материи, информации и меры.

[1] По словарю В.И. Даля: «***забава***» — приятное занятие скуки ради, игрушка, увеселение потеха.

двух других. Более того, в конкретной вещи эти три составляющие взаимосвязаны так, что ни одну из них нельзя отделить от двух других — они всегда вместе. Только в процессе познания объективной реальности происходит «расчленение тройного созвучия» на категории материи, информации и меры.

При этом словами «*две придут сами, третью приведут*», Пушкин по-моему затронул какие-то, пока еще неведомые библейской технократической культуре «технологии», которыми возможно владели отдельные индивиды допотопной цивилизации, которых окружающие принимали за богов. Если человек способен в своём воображении представить образ вещи (информацию), её меру (упорядоченность не только на молекулярном, атомном, но даже на вакуумном — эфирном уровне[1]), то поскольку в сотворённом Богом мироздании всё выходит из вакуума и всё в вакуум возвращается, — должна явить себя и материальная сторона вещи.

— Господин Салем, вы так убедительно рассказываете об этих технологиях, что у меня невольно возникает вопрос: уж не владеете ли вы этими технологиями сами? — спросил Холмс.

— К сожалению, — улыбнувшись, сказал Салем, — эти технологии мне не доступны. Но вот моя жена утверждает, что известная под именем Саи Бабы в современной Индии личность[2], воспринимаемая многими в качестве воплощённого среди людей бога, владеет подобными технологиями, которые внешне неотличимы от фокусничества. Сам Саи Баба себя богом не считает, но, тем не менее, полагает, что любой человек может творить вещи из «ничего», то есть из вакуума силою своего воображения.

— Удивительно… Я только что перед поездкой к вам получил предложение вылететь из Каира в Бомбей по делам фирмы, которую представлял здесь на конференции.

— Если вы, мистер Холмс, ни разу не бывали в Индии, то я настоятельно рекомендую воспользоваться случаем и заодно посетить резиденцию Саи Бабы.

— А как далеко находится место пребывания Саи Бабы от Бомбея?

— Небольшой городок Путтапарти расположен южнее Бомбея. Но там есть свой аэропорт, куда из Бомбея дважды в неделю в течение часа доставляют паломников. Если вы действительно надумаете отправиться в Индию, то моя жена может дать вам все необходимые справки относительно поездки.

— Спасибо, господин Салем, если я соберусь в Бомбей, то обязательно проконсультируюсь с вашей женой. А сейчас, до конца вечера, я хотел бы задать вам ряд вопросов, которые, как мне кажется, связаны с русскими ребусами.

— Пожалуйста, мистер Холмс, я к вашим услугам.

— Как вы думаете, господин Салем, что может означать эта фраза?

---

[1] Согласно современным гипотезам об эфире (В.А.Ацюковский, «Эфиродинамические гипотезы»), все элементарные частицы вещества (протон, нейтрон, электрон и др.) — вихри первочастиц эфира — амеров, диаметр которых соотносится с электроном также, как диаметр электрона с диаметром галактики, а скорость движения амеров во много раз превосходит скорость света. Причем методология эфиродинамики позволила не только однозначно определить, что эфир есть газ со всеми свойствами, включая и сжимаемость и вязкость, но и строго вычислить эти свойства с помощью формул обычной газовой динамики, после чего нашли объяснение многие непонятные явления микро и макромира с единых позиций.

[2] Приверженцы религии Саи Бабы и он сам считают его воплощением Рамы и Кришны.

Холмс подвинул к себе салфетку со знаком бесконечности и крупными буквами вывел: «Sunlight everywhere».

— Солнечный свет везде? Откуда эта фраза, мистер Холмс?

— Она из завещания Троцкого. Русские в своих беседах упоминали этого деятеля?

— Да, мистер Холмс, и неоднократно. Но они больше говорили о троцкизме, как об особом типе строе психики, при котором говорят одно, а делают другое. В исламе ему соответствует понятие одержимости, а Троцкий по их мнению, в полной мере был воплощением этого строя психики. Что касается написанной вами фразы, то ею древнеегипетские жрецы обычно заканчивали любое ритуальное мероприятие в присутствии толпы. По-своему понимая смысл единобожия и поддерживая толпо-«элитаризм», они видели свою задачу в том, чтобы убедить толпу, что Солнце и есть бог.

— Вы хотите сказать, что эта фраза в те времена означала примерно то же, что в современном христианском ритуале означает «Аминь».

— Совершенно верно. «Аминь» это — собственное имя господа, которому в действительности поклоняется и церковь имени Христа, но это не имя Христа — Иисуса, — которого церковь громогласно именует своим Господом. В том, что Аминь действительно господь тех, кто дал христианам символ веры, каждый может убедиться, заглянув в Откровение Иоанна Богослова: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия»[1].

Аминь, Амен (латинское), Амун, Амон — вариации одного и того же имени бога Солнца — Аммона-Ра, которому поклонялись древние египтяне. Даже если истинно то, что он «свидетель верный и истинный, начало создания Божия», то всё же он не Бог Вседержитель, и не Иисус Христос, пришедший под своим именем, а не под псевдонимом.

— И последнее, о чём я хотел бы вас спросить, господин Салем. Знакомы ли вы с книгой Альбера Ревиля «Иисус Назарянин».

— Да, мистер Холмс, она есть в моей библиотеке, которую начал собирать ещё мой дед, какое-то время живший во Франции. А что вас заинтересовало в книге Ревиля?

— Дело в том, что Альбер Ревиль в своей книге[2] почему-то обратил внимание на то, что и во главе Великой Синагоги древней Иудеи приблизительно после 230 г. до н.э. раввины стояли по двое. Однако он не дал объяснения этому факту, вызвавшему его удивление. Может вы, господин Салем, проясните это обстоятельство.

— Удивительно, но тема управления Великой Синагогой была затронута в наших беседах с русскими. И пусть вам не покажется странным, но толчком к ней послужила та самая фраза Ревиля, на которую и вы, мистер Холмс, обратили внимание. Как они мне тогда объяснили, речь там идёт о тандемном принципе деятельности, на который успешно опирались в своей власти древнеегипетские иерофанты. Потом друзья из России прислали

[1] Апокалипсис, 3:14.

[2] Том 1, стр. 72 по изданию СПб, 1909 г.:

Около 230 г. до н.э. руководителем Великой Синагоги был Антигон из Сихо. «После этого Антигона люди, стоявшие во главе раввинского преподавания, ПО НЕИЗВЕСТНОЙ ДЛЯ НАС ПРИЧИНЕ (выделено нами при цитировании), следуют по двое. Самое вероятное то, что этот дуализм означает расхождение точек зрения и тенденций, не доходившее, однако, до раскола».

Но почему именно «расхождение точек зрения и тенденций» не доходило до раскола, это и есть самое главное, оставшееся вне понимания А.Ревиля.

мне подробную записку на эту тему и, если вы желаете, то я сделаю вам её копию.

— Да, господин Салем, мне хотелось бы лучше разобраться в этом методе. Насколько я понимаю, мой дед пользовался им в своей практической деятельности, и я буду вам весьма признателен, если смогу иметь его подробное описание.

На Каир опустилась южная ночь. В саду и на берегу Нила зажглись светильники. Салем пошёл провожать гостя и обещал завтра же прислать с Махмудом обещанную записку, а также перевод «Гавриилиады» и «Домика в Коломне» с комментариями.

Около часу Холмс просидел за ноут-буком, делая необходимые пометки о встрече с Салемом, и только после этого набрал номер в Лондоне.

— Доброй ночи, Харвей. Я звоню, как договорились.

— Как прошёл вечер, Холмс? Надеюсь «танец живота» изменил ваше настроение? Говорят египтянки через этот танец приводят в чувство даже таких убеждённых холостяков, как вы Холмс. Ну, так как, летим в Бомбей?

— Я согласен, Харвей, — пропустил Холмс замечание по поводу «танца живота», который он действительно видел во время прогулки по Нилу на специальном судне в свой прошлый приезд в Каир, — но только с одним условием. Мне необходимо побывать в Путтапарти.

— Нет проблем, Холмс. А где это? Я что-то не слышал о таком городе в Индии.

— Это немного южнее Бомбея, примерно в часе лёту. Там расположена резиденция Саи Бабы. Мне потребуется помощь представителя фирмы. Но после этого, Харвей, никакого Коломбо или Сингапура.

— Обещаю, Холмс, обратный рейс Бомбей — Лондон вам гарантирован. Если не секрет, этот Саи Баба — не конкурирующая фирма?

— Успокойтесь, Харвей. Это бог в Индии и я хочу увидеть собственными глазами, как идёт сотворение мира.

— Я всегда был ценителем вашего юмора, Холмс. В Бомбее вас встретит представитель фирмы Пракаш Кумар. Все необходимые справки по индийскому филиалу вы получите в нашем египетском офисе. Сообщите ему номер рейса и день вашего вылета из Каира. Если потребуется, Кумар будет сопровождать вас и в Пута…

— Путтапарти, Харвей.

— Пусть будет Путтапарти, привет Саи Бабе. До встречи в Лондоне и спокойной ночи.

8 — 12 октября. Индия. Бомбей — Путтапарти

В воскресенье Холмс навел все необходимые справки по ашраму Саи Бабы (так называлась резиденция индийского бога) и заказал билеты до Бомбея и Путтапарти. Рано утором в понедельник Махмуд отвёз его в аэропорт Каира, а через четыре часа он уже был в Бомбее. Его встретил худощавый молодой индиец, одетый по-европейски, и сразу же отвёз в отель «Шератон». Холмс был первый раз в этой стране и Пракаш показывал ему достопримечательности морских ворот в Индию.

— Ашрам Саи Бабы есть и в Бомбее, мистер Холмс, — приветливо улыбаясь, сообщил он.

— А Саи Баба там бывает?

— Нет, он почти не покидает Путтапарти. Туда съезжаются паломники со всего света и все хотят видеть Саи Бабу, все хотят, чтобы он их принял и поговорил с ними.

— А вы, Пракаш, его видели?

— Нет, мистер Холмс, я даже в Путтапарти не был.

— Вот в среду и полетим вместе и, может быть, он нас примет.

— Это очень сложно, мистер Холмс. Люди много времени проводят там в ожидании, но далеко не всем выпадает счастье поговорить с Саи Бабой. Он сам решает с кем говорить.

Бомбей — не Каир. Холмс это почувствовал ещё в международном аэропорту: что-то не так. Это «нечто» нельзя было потрогать, но оно ощущалось каким-то особым, может шестым чувством. Может это запахи Индии? Или особая жара в октябре? Да, конечно, это была другая жара, душная, обволакивающая всё тело липким потом, когда даже пятиминутное пребывание на солнце так расплавляет мозги, что сразу же хочется вернуться под прохладную струю автомобильного кондиционера. И солнце здесь совсем другое: оно не яркое и жесткое, как в Египте или Испании, а смотрит сверху размытым белым диском в блеклом голубом мареве. Вон те фигурки, бегающие по изумрудной зелени стадиона, как они привыкли к этой жаре? Нет, дело не в солнце и жаре, а в чём-то другом. Может в этих людях, сидящих на корточках вдоль сточных канав около странных сооружений из листов картона, полиэтилена и тряпья?

— Сколько же их всего? — Холмс не заметил, что задал вопрос вслух.

— Маленьких людей? — попытался уточнить вопрос Пракаш.

— Здесь их так называют.

— В Бомбее? — переспросил Холмс.

— Нет, в Индии.

— А почему их так называют?

— Потому, что их не существует: то есть они как бы есть, но с точки зрения высших каст их нет. Так было всегда. У них нет жилья, работы, каких-то удостоверяющих личность документов. Они учитываются только общей массой в статистике рождаемости и смерти.

— Так сколько же их всего в Индии?

— Где-то около тридцати процентов. Если учесть, что население Индии перевалило за миллиард, то их более трёхсот миллионов.

— Так это же целая Европа! И никто не борется за их права? А как они сами?

— Они не знают и не представляют для себя другой жизни. Они здесь рождаются, проживают им отпущенное, оставляют потомство и уходят в мир иной. Иногда, когда возникает необходимость что-то построить на местах их обитания, приезжает колонна грузовиков, их загружают со всем содержимым и перевозят на другое место.

— И они не возмущаются, не протестуют, не пытаются что-то изменить в своём положении?

— ??? — Пракаш посмотрел на Холмса так, как смотрят на детей, задающих бессмысленные вопросы, на которые не может быть ответа.

— Пожалуйста, мистер Холмс, не пытайтесь дать что-либо или купить у них. Вы все равно ничего не измените, но у вас могут возникнуть проблемы.

— Я понял, Пракаш. Об этом меня заблаговременно предупредили ещё в Каире.

Нет, — размышлял Холмс, — это была не бедность, с которой он встречался во всех странах мира. Это было что-то иное, чему он пока не мог дать названия. И это «что-то» требовало своего определения. Холмс, привыкший к анализу всего, что затрагивало его внимание, впервые столкнулся с каким-то новым явлением и, следуя алгоритму различения на

уровне «это» не «это», методично перебирал возможные аналоги, на основе которых можно бы классифицировать то новое, чему он оказался невольным свидетелем. Он вспомнил рассуждение Верова в Испании о том, что понятие — это образ и слово. Слово могло появиться, как следствие уже знакомого образа. Но адекватный образ не возникал и слова, приходящие на ум по поводу увиденного и услышанного, представлялись пустыми и мёртвыми.

— Мы прибыли, Мистер Холмс, — прервал Пракаш его размышления по поводу «маленьких людей». — Устраивайтесь и часа через два я готов отвезти вас в местное отделение кампании «Ernst & Young».

Отель «Шератон» в Бомбее мало чем отличался от отелей этой кампании в других странах. Разбросанные по всему миру они были своеобразным символом устойчивости и благополучия Запада. Набор услуг, представляемый администрацией гостиницы тоже стандартный, но в Бомбее, в частности, и в Индии вообще, была проблема с водой: ни в коем случае европейцы не должны пользоваться водой из под крана; только в специальной упаковке — даже для чистки зубов. Холмс об этом знал, но почему-то вспомнил о представителях английской администрации, которые жили здесь два столетия назад. А как они решали эти проблемы? Ведь не было ни кондиционеров, ни специальных очистителей воды.

Дело, ради которого Холмс прибыл в Бомбей, оказалось не таким простым. Юридические нормы индийского законодательства, внешне соответствующие британским, позволяли столь многозначные толкования отдельных положений по банкротству совместных фирм, что превращали свободное перемещение капиталов в мире в одностороннее движение. По сути же в индийском законодательстве существовал глубоко скрытый внутренний алгоритм, надёжно защищающий кредитно-финансовую систему страны от иностранного вмешательства. На второй день своего пребывания в Бомбее Холмс понял, что в состоянии разрешить лишь частный конфликт, возникший между руководством фирмы, которую он представлял, и индийской администрацией. После его отъезда общая стратегия индийской администрации останется неизменной и со временем деятельность «Ernst & Young» всё равно станет здесь проблематичной.

Был ли Холмс патриотом фирмы, которую он представлял в различных странах? — На этот вопрос он вряд ли бы ответил утвердительно. Скорее всего ему интересно было отслеживать сам процесс противоборства национального капитала той или иной страны с международным и, как он неоднократно ловил себя на этой мысли, далеко не всегда он был на стороне последнего. С другой стороны, он хорошо представлял себе, что процесс концентрации производительных сил общества, получивший название-клише — «глобализация» — процесс объективный в том смысле, что он идёт помимо желания отдельных, даже самых выдающихся государственных личностей. Ни Эхнатон, ни Рамзес, ни Юлий Цезарь или Наполеон не могли его остановить. Все они могли его либо замедлить, либо ускорить. Но при этом была и некая концепция управления этим процессом глобализации, которая конечно же — субъективна, поскольку в ней всегда выражаются цели и интересы определённых личностей.

Но у «маленьких людей» — «little people», как их назвал Пракаш Кумар, не было возможности не только выразить свои интересы в подобной концепции концентрации производительных сил, но не было даже возможности хотя бы осознать своё потенциально человеческое достоинство. Тогда какова их роль в этом процессе?

Снова и снова Холмс искал необходимый для классификации нового явления образ, пока из глубин памяти не всплыли знакомые кадры фильма «Матрица».

Ну, конечно же, в этом фильме всё человечество по отношению к машинной «матрице» представлено в качестве источника некоего специфического вида энергии, — что-то вроде батареек для её подзарядки. Если поразмыслить, то действительно по отношению к эгрегорам положение большинства аналогично — подпитывать их своей энергией, необходимой для осуществления целей хозяев и менеджеров эгрегоров. Через особую систему «подключек» каждый человек отдает эгрегорам свою энергию, и через те же «подключки» эгрегор и его менеджеры воздействуют на всех «подключённых», вследствие чего все они в большей или меньшей мере не располагают собой. «Подключками» для разных людей могут стать различные увлечения: от всевозможных наркотиков, начиная от почти общеупотребительных табака и алкоголя, чем Холмс грешил и сам, до поп-музыки. И, следовательно, в современных средствах массовой информации (телевидение, радио, газеты, журналы) есть всё необходимое (прежде всего реклама — прямая и скрытая) для воздействие на «подключенных».

То есть вся последовательность кошмарных образов в фильме, — вовсе не фантастика и не шизофренический бред, а визуализация на киноэкране вполне реального эгрегора, который ныне управляет Западной региональной цивилизацией. А здесь в Индии Холмс столкнулся с каким-то очень древним эгрегором, «батарейками» для подзарядки которого и служат эти сотни миллионов «маленьких людей». И в этом их миссия? — Похоже, что другой миссии для них организаторы кастовой системы не предусмотрели…

Отправляясь в аэропорт для местных авиалиний Бомбея, Холмс про себя отметил, что никто в Индии ему «пикники» не показывал и вопросов, подобных тем, что он обсуждал в Швейцарии и Испании, не поднимал. Зачем он летит в Путтапарти? Почему ему обязательно нужно поговорить с Саи Бабой? На все эти вопросы у него не было прямого ответа, кроме может того, который он в шутку (в шутку ли?) дал Харвею.

Самолёт уже взлетел, когда Холмс обратил внимание, что оба салона заполнены едва ли на одну треть. Пракаш Кумар объяснил, что самолётами в ашрам летают только состоятельные иностранцы, а большинство паломников добираются до Путтапарти поездом. Тем не менее, в Путтапарти есть аэропорт Саи Бабы с одной взлётной полосой, и строится ещё одна. Погода стояла ясная, на небе — ни облачка и через иллюминатор открывался прекрасный вид сначала на Индийский океан, а затем — и на равнинную часть страны. Маленький чистенький аэропорт был расположен среди холмов, покрытых яркой зеленью. На одном из них — толпа встречающих: автомобили, мотоколяски — весь набор услуг любого большого города Индии. Пракаш опытным взглядом выделил из толпы нужного сопровождающего, после чего избранный автомобиль впустили за ограду аэропорта для посадки пассажиров и погрузки багажа.

— Это почти единственная статья дохода местных таксистов. Дважды в неделю прибывают на самолёте паломники и двести — триста руппий (четыре — пять долларов) — приличный доход для любого почти при полной безработице 50-ти тысячного городка, — прокомментировал Пракаш.

Минут пятнадцать они катили по современной дороге мимо храмов, университета Саи Бабы и других культовых сооружений, после чего оказались у ворот ашрама. Дальше надо было идти пешком. Ашрам словно большой оазис располагался внутри многолюдного города с большим количеством лавок, грязных улочек, сточных канав и дешевых гостиниц. Ограждённый каменной стеной, он представлял собой разительный контраст шумному и пыльному городу с бурлящей разноголосой и разноцветной толпой. Холмса с Пракашем разместили в одном из гостиничных блоков, расположенных по периметру ашрама в западном секторе. Пришлось переодеться в купленную в местном магазине белую хлопчатую рубаху и штаны, после чего Холмс со своим сопровождающим стали неотличимы от других паломников, которых в ашраме было более пяти тысяч.

Можно сказать, что на небольшой территории ашрама в миниатюре был представлен почти весь мир. Делегации из разных стран в своём составе насчитывали от двух-трёх до десятка и более человек и к тому же их представители носили на шее отличительные знаки в виде галстука-косынки с признаками национального флага. Холмс обратил внимание, что стоимость проживания, питания, одежды были чисто символическими, что невольно наводило на мысль о явной убыточности всего заведения. Да, несомненно, здесь что-то «варилось» и не без участия очень богатых спонсоров.

Пракаш выяснил у администрации ашрама всё, что касалось ритуала встречи с Саи Бабой и предложил после ужина лечь пораньше спать, как вдруг в дверь их номера кто-то осторожно постучал. Холмс вопросительно посмотрел на своего соседа, но тот удивлённо пожал плечами, всем своим видом показывая, что никого не приглашал.

— Войдите, — отозвался Холмс.

Дверь открылась и в комнату вошёл молодой человек в белой одежде паломника и с папкой каких-то бумаг. На вид ему было не более тридцати лет. У него было смуглое лицо с чуть раскосыми чёрными глазами и обезоруживающе приветливая улыбка. Холмс почему-то решил, что если он и не местный житель, то, скорее всего, принадлежит к обслуживающему персоналу ашрама. Но что его привело сюда?

— Мистер Холмс, я прошу прощения, что пришёл без приглашения. О вашем прибытии я узнал от своего знакомого из администрации. Меня зовут Гриша, я из России и здесь уже почти три года. Я сопровождаю русские делегации в качестве переводчика, когда их приглашает Саи Баба. Год назад из Петербурга прибыли трое русских и Саи Баба принял их в первый же день, что бывает крайне редко. Он имел с ними часовую беседу и предложил её продолжить на следующий день, чего здесь, по крайней мере, за период моего пребывания, не было ни разу. На первую встречу я не попал, поскольку троих гостей из Петербурга сопровождал один из русских, с нетерпением ждавший их здесь почти три месяца. Но на первой же встрече Саи Баба выразил ему своё неудовольствие, что всех очень удивило, поскольку Саи Баба всегда и ко всем предельно доброжелателен. Поэтому на вторую встречу русские пригласили меня, и я был свидетелем их беседы с Саи Бабой. Там произошло, на мой взгляд, много необычного и интересного, хотя я понял это не сразу, а лишь после того, как мои соотечественники уже улетели в Бомбей.

Их появление в Путтапарти было спустя месяц после гибели атомной подводной лодки «Курск». На причины этой катастрофы и её последствия у

них была своя точка зрения и, видимо, они хотели проверить её у Саи Бабы. В качестве иллюстрации возможных вариантов развития событий в России и в мире они показали мне «пикники» из петербургской газеты «Час Пик» и сказали, что эти «ребусы» есть у вас и что вы ими занимаетесь, по крайней мере, с 1994 года. Два дня я провёл среди них и узнал так много нового для себя, что до сих пор нахожусь под впечатлением услышанного. Они не говорили, что вы здесь будете, но почему-то мне казалось, что это должно произойти непременно. А после того, как самлёты-«камкадзе» разрушили Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, честно признаюсь, я ждал вашего приезда. И когда в очередной сводке прибывших сегодня 10 октября я увидел ваше имя, мистер Холмс, я просто не мог не зайти к вам. И вот я здесь.

Сначала было видно, что гость немного волновался, но вскоре, увлёкшись впечатлениями прошлого, он стал говорить свободнее, и речь его свидетельствовала о хорошей школе английского языка и большой разговорной практике.

— Всё, что вы рассказали, Гриша, — я правильно произношу ваше имя? — начал Холмс.

Гость кивнул, выражая согласие, и Холмс продолжал.

— Очень интересно. Я действительно знаком с русскими «пикниками» и уже подумал, что в Индии о них разговора не будет. Но вы, Гриша, развеяли мои сомнения. И всё-таки, почему вы решили, что я обязательно должен приехать к Саи Бабе?

— Я, наверное, не смогу объяснить вам, мистер Холмс, определённо, на чём основаны были мои ожидания, но какие-то свои мысли на этот счёт я готов высказать. Однако, уже поздно, и вам надо отдохнуть, если вы собираетесь пройти завтра весь ритуал посещения храма Саи Бабы. Вы ведь, наверное, как и большинство из прибывших, хотели бы личной встречи с Саи Бабой?

— Да, конечно, но вот Пракаш говорит, что это маловероятно, поскольку Саи Баба сам выбирает, кого пригласить на беседу. Во-первых, мне интересно, почему все так стремятся лично побеседовать с ним. И, во-вторых, я хотел бы понять, что произошло с русскими, которых он дважды удостоил беседы?

— Если судить исходя из моего опыта, то большинство приезжает сюда, чтобы решить какие-то свои личные проблемы: избавиться от болезней, тяжёлых недугов, вообще изменить свою жизнь, от которой по-моему многие просто устают. Не могу говорить за других, но что касается меня, то я действительно изменил свою жизнь после встречи с Саи Бабой. У меня было много проблем, но вот уже третий год я живу в согласии с сами собой, а это не так уж мало для нашего сложного времени. Что касается взаимоотношений тех трёх русских и Саи Бабы, то я хотел бы поговорить об этом отдельно, лучше завтра, после вашей встречи со Свами.

— Кто этот Свами, Гриша?

— Это имя означает «учитель». Так я обращаюсь к Саи Баба, когда мне предоставляется возможность поговорить с ним.

— И вы считаете, что он пригласит нас на беседу?

— Это будет зависеть от вас, мистер Холмс. Когда я спросил одного из русских, почему он не сомневался, что встреча с Саи Бабой состоится, то в ответ услышал примерно следующее: «Надо понимать, как трудно быть богом, и уметь сочувствовать пожилому человеку в исполнении его тяжёлой миссии». Другими словами, если вы действительно хотите, чтобы

у Свами возникло желание поговорить с вами, то вы не должны поддаваться всеобщему ажиотажу поклонения, которое охватывает всех присутствующих в храме. Вы должны смотреть ему в глаза как человек человеку, и он обязательно вас услышит и может даже пригласит на беседу. Ну, подумайте сами, какой ему интерес говорить с восторженно экзальтированной публикой, все мысли которой известны заранее. Только не считайте, что так легко отрешиться от происходящего в храме. Я присутствовал на церемонии встречи со Свами наверное не одну сотню раз, но преодолеть то состояние, которое охватывает всех при появлении Саи Бабы мне и сейчас трудно. Это надо один раз увидеть, и тогда многое будет понятно. Вы будете сами по себе или уже вошли в определённую группу англичан?

— Мы Гриша будем сами по себе, и потому никаких косынок у нас не будет.

— И тем не менее, если вы хотите попасть на встречу вдвоём, вам всё-таки лучше приобрести в местном магазине по одинаковой косынке, иначе, в случае приглашения, на встречу пойдёт только один: савадалы, — это особая служба ашрама, — строго следят за соблюдением ритуала. Кстати, все магазины утром работают только для женщин, а вечером — для мужчин. Как вы уже убедились, столовая тоже — отдельно для мужчин, отдельно — для женщин. Отдыхайте, мистер Холмс, вам придётся встать завтра рано, задолго до восхода солнца, чтобы иметь шанс встретить взгляд Свами.

Некоторое время он стоял, размышляя — сказать или не сказать что-то и, наконец, словно решившись, смущенно произнёс:

— Не поймите меня превратно, мистер Холмс, но если вдруг у вас возникнет желание, чтобы я присутствовал на вашей встрече с Саи Бабой, вы мне кивните, когда он вас поднимет. Я буду рядом.

— Спасибо, Гриша, я обязательно воспользуюсь вашими советами и, если ваши планы не изменятся, то завтра мы обязательно встретимся.

Пракаш проводил русского переводчика и, вернувшись, предложил прогуляться перед сном по территории ашрама. Было около восьми вечера, а на небе снова непривычно яркие звёзды. Везде много паломников: мужчины, женщины и даже дети. Холмс с Пракашем прошли к храму, и по дороге его напарник рассказал про особый порядок, по которому жил этот город новой религии. Ещё в номере, который представлял собой одну комнату с двумя топчанами, двумя стульями и небольшим столиком, Холмс обратил внимание на отсутствие радио или телевизора. Пракаш объяснил, что в ашраме соблюдается особый режим тишины и поэтому нет ни радио, ни телевизора; даже громкие разговоры или споры меж собой пресекаются словно из земли возникающими савадалами. «Keep silence!» — «соблюдайте тишину» раздаётся за вашей спиной. Здесь запрещено употребление спиртного и курение табака, а в столовой — только вегетарианские блюда. Холмса поразила абсолютная чистота при таком огромном количестве посетителей. Это не удивительно, поскольку при входе в столовую или храм все снимают обувь.

В номере не было кондиционера. С жарой безуспешно боролся вентилятор, подвешенный под потолок в центре комнаты. Холмс принял душ и быстро провалился в сон. Его разбудил стук в дверь: это поднимали паломников к утреннему ритуалу. Было три часа утра. Храм находился в низине и представлял собой огромное слабо освещённое пятно. К нему со всех сторон белыми ручейками стекались вереницы паломников и

рассаживались строгими рядами на каменистой площадке. Примерно через час Холмс уже смог насчитать около тридцати рядов, в каждом из которых было около ста паломников. Значит только мужчин (женщины проходили подобную процедуру отдельно) уже насчитывалось от двух до двух с половиной тысяч. Началась жеребьёвка на предмет, какому ряду первым идти в храм. Холмс с Пракашем сидели где-то в середине шестого ряда, но у него вдруг возникла уверенность, что именно их ряду выпадет жребий первыми войти в храм. Весь в белом савадал с предметом, напоминающим шапку для жеребьёвки, медленно двигался перед рядами сидящих паломников. Возглавляющий ряд вставал, брал свой порядковый номер и садился на своё место. Все ждали, кому достанется номер первый. Вот поднялся высокий стройный негр, сидящий первым в их ряду, достал бумажку, посмотрел, и весь ряд молча стал подниматься.

— У нас появился шанс, — прошептал Пракаш Холмсу.

Они встали, подхватили джутовые подушки, которыми вчера предусмотрительно запасся Пракаш, сбросили в общую кучу сандалии и почти бегом двинулись к храму. У входа, как в аэропорту, они прошли «спецконтроль». Ни фотоаппаратов, ни видеокамер, не говоря уж о каких-то других посторонних предметах, проносить в храм не разрешалось. Огромное пространство храма было разделено на две половины — мужскую и женскую. Пол выстлан чёрным полированным мрамором, потолок украшен золотом по зеленому. Стен по сути не было; их заменяли массивные колонны на высоком постаменте. Передняя часть храма имела великолепно украшенный подиум с сооружением, напоминающим алтарь христианских церквей, и небольшое специальное помещение, где, видимо, Саи Баба принимал своих гостей.

Первые паломники добежали до дорожки, выложенной белым мрамором, и стали рассаживаться вдоль неё на принесённые подушки. Это был единственный предмет, который разрешалось пронести с собой в храм и, как скоро убедился Холмс, предмет самый необходимый. До выхода Саи Бабы оставалось более двух часов и просидеть на мраморном полу столько времени в непривычной позе европейцу было тяжело. Вереницы паломников входили в храм и бесшумно занимали свои места, а спустя полчаса обе половины храма уже были заполнены.

Небо на востоке светлело, защебетали птицы. Вокруг храма началось какое-то движение, что-то вроде крестного хода. Послышалось ритмичное пение с возгласами «Харе Кришна!», потом из пятитысячной гортани несколько раз вырвался дружный вздох — «О-о-у-у-м!» и где-то зазвонили невидимые колокола. Холмс про себя отметил исключительный порядок во всём. Небольшая группа савадалов обеспечивала его на всех этапах подготовки ритуала и в процессе его проведения. Вот они вынесли огромный рулон красный дорожки и начали его раскатывать, строго ориентируясь по краю белых мраморных плит, резким контрастом выделявшихся на чёрном мраморе храма. Наступили минуты томительной тишины и всеобщего напряжения. Холмс уже начал ощущать, как это напряжение, порождённое ожиданием чуда многотысячной толпой, парализует его сознание. Он вспомнил, о чём предупреждал Гриша, и попытался сбросить надвигающееся всеобщее состояние эйфории. С первыми лучами солнца на потолке храма вспыхнули яркие люстры, разом озарив всё многоцветье сочных красок Индии. Тихо заиграла завораживающая восточная музыка и, словно проснувшись от глубокого сна, громко запели птицы. Неожиданно храм как будто бы издал единый

вздох и все сидящие дружно повернулись вправо, словно пытаясь подняться. И когда напряжение в храме достигло своей высшей точки, там вдали, на самом краю уходящей за горизонт алой дорожки, в ярком свете восходящих лучей солнца появилась маленькая, почти прозрачная фигурка в оранжевом хитоне, над которой выделялась шапка чёрных волос. Фигурка медленно двигалась по красной дорожке, делая какие-то пассы левой рукой в сторону сидящих паломников, и толпа в белом, восторженно вздыхая, тянулась, покачивалась вслед за пассами руки, из которой, как потом заметил Холмс, что-то сыпалось на головы паломников.

— Это випхути, особая глина в виде порошка, — прошептал Пракаш, — считается, что она обладает лечащими свойствами.

И хотя Холмс еле расслышал, что сказал Кумар, савадал, стоящий спиной к дорожке и зорко вглядывающийся в напряженные лица паломников, сразу уловил неладное и сделал свирепое лицо. Саи Баба приближался к Холмсу и тот понял, почему так важно было попасть в первые ряды перед красной дорожкой: при всём своём божественном величии Саи Баба мог видеть глаза первых трёх, максимум пяти рядов. Это был человек лет семидесяти пяти с усталым смуглым крестьянским лицом и большими печальными чёрными глазами. В руках он держал пачки записок, которые по дороге ему совали паломники, а на его лице блуждала отсутствующая улыбка умиротворения. Иногда он чуть замедлял семенящий шаг и вглядывался в заинтересовавшее его лицо, но затем «слабым мановением руки» словно прощался с жаждавшим его взглядом и медленно двигался дальше. Вот он остановился перед Холмсом и на секунду — другую глаза их встретились.

— Кто такой? Что тебе здесь надо? — строго спросил взгляд, а лицо по-прежнему излучало умиротворение.

— Человек, хотелось бы поговорить, — не опуская глаз, без вызова, доброжелательно, но не заискивая, также молча, взглядом ответил Холмс.

Взгляд Саи Бабы ничего не сказал, а уплыл куда-то вперед и в сторону, после чего он той же семенящей походкой двинулся дальше.

— Значит не услышал, или не захотел говорить, — решил про себя Холмс, не отрывая взгляда от спины Саи Бабы.

А тот вдруг замедлил шаг, затем остановился и, медленно развернувшись, двинулся в обратную сторону. Остановился перед Холмсом, посмотрел и коротко спросил.

— Are you English? (Вы англичанин?)

— Yes (Да), — кивнул Холмс.

— How much[1]? (Сколько вас?)

— Two (двое).

— Go (Иди), — махнул рукой Саи Баба и двинулся дальше, продолжая свой обход.

Холмс с Пракашем встали и, аккуратно перешагнув дорожку (наступать на неё жестом запретил савадал), направились к подиуму, где уже сидели две женщины в ожидании аудиенции. Холмс, прежде чем сесть, какое-то время поискал глазами Гришу, но тот уже тихо выбирался из привилегированной толпы на подиуме.

— Значит и здесь есть своя иерархия, — отметил про себя Холмс.

Подошёл Гриша и присел рядом.

— Мистер Холмс, у вас всё получилось, как в прошлом году у русских. Тогда Свами тоже не сразу их пригласил. Посмотрим, что будет дальше.

[1] Правильнее было бы сказать «How many».

Церемония обхода завершилась, и Саи Баба пригласил ожидавших его за массивные дубовые двери, услужливо раскрытые перед ним савадалами. Помещение, в которое они вошли, было небольшое. В углу стояло тяжёлое кресло, обитое красным бархатом, напоминающее трон, слева от него — проход в другое помещение, закрытый тяжелой занавесью. Саи Баба достал белую салфетку из небольшого секретера, отёр пот с лица и сел в кресло. Женщины расположились справа, мужчины — слева от кресла на полу. Разговор сначала пошёл с женщинами. Это была обычная беседа о женской доле в жизни западного обывателя, её горестях и радостях. Каждой из присутствующих Саи Баба уделил несколько минут, расспросил о домашних делах и, как отец, дал напутствие по поводу того, чего делать не следует, чтобы жизнь протекала в покое и радости. При этом он иногда их журил, как сельский пастырь за неблаговидное поведение. Всё это напоминало католическую исповедь, но без внешних атрибутов, связанных с «церковными таинствами» этого ритуала. В конце беседы Саи Баба словно ушёл в себя. Холмс напряг всё своё внимание, почувствовав нечто необычное происходящее в комнате. Словами это трудно выразить, но «это необычное» буквально витало рядом, хотя ни увидеть, ни услышать «его» было невозможно. Неожиданно Саи Баба сделал широкий жест правой рукой и на ней появились золотая цепочка с изящным кулоном. Он надел её на шею впавшей в экстаз женщины, а глаза его внимательно изучали лицо другой женщины, сидящей рядом. На лице соседки было то, что обычно выражают лица женщин, увидевших недоступное украшение в наряде своей подруги. Саи Баба умел читать и более сложные мысли. У него явно не было намерений взращивать чувство зависти. Поэтому последовал второй жест правой рукой и на ней появилась ещё одна цепочка с драгоценным кулоном, благополучно перекочевавшая на шею ещё не созревшей завистницы. Из разговора Холмс понял, что одна женщина была из Канады, а другая — из Австралии, но разделённые огромным расстоянием, по своим страстям они были близнецами. Искренние слёзы умиления и радости, многочисленные благодарности счастливых обладательниц знаков внимания были приняты, и Саи Баба наконец-то обратился к мужчинам.

— Как тебя зовут? — строго спросил он Гришу.

— Гриша, — нисколько не смутившись ответил с улыбкой юноша.

— Кришна? — ещё строже спросил Саи Баба, а глаза его при этом смеялись.

— Нет, я русский и меня зовут Гриша, — словно продолжая какую-то игру, ответил переводчик.

— А зачем тогда ты здесь, если тут англичане, Кришна? Ты хочешь им переводить меня на русский? Не стоит, русские и без них всё хорошо понимают, — закончил он разговор с Гришей странной фразой и только после этого обратил внимание на Холмса и его спутника.

— Что тебя привело ко мне?

— Я хотел бы понять «пикники», — решил идти напрямую Холмс.

— А-а, пикники, это просто, — как о чём-то давно знакомом проговорил Саи Баба, — ты видел, как это делается, — кивнул он в сторону сидящих слева от него женщин и продолжал, сразу вдруг сделавшись серьёзным. — Даже если бы и захотел, я всё равно не смог бы тебе объяснить, как делаются «пикники». Всё это надо прочувствовать самому. А чем занимаешься ты? — и, не дожидаясь ответа, объяснил всем

присутствующим. — Он пытается понять, как делаются «пикники», когда сам их никогда не делал.

По лицам присутствующих можно было определить, что они совершенно не понимают, о чём идёт речь. Но разговор глазами и словами у Саи Бабы шёл на разных уровнях. Этот старый и мудрый человек знал много больше того, что мог рассказать своим посетителям. Холмс понимал, что словами он ему всё равно ничего не расскажет; оставалось внимательно читать то, что пока в каких-то смутных образах шло из глаз Саи Бабы. А глаза его, удивительно молодые и живые, одновременно читали посетителя и рассказывали. Но как трудно читать незнакомые, идущие из глубины веков образы; ещё труднее переводить эти образы на язык общеупотребительной лексики. Холмс вспомнил, что рассказывал ему в Испании Веров о понятиях, как единой системе образов и слов, но здесь и Веров был бессилен.

— А ты, — строго обратился Саи Баба к Пракашу, — зачем здесь? Ты не англичанин, но любишь всё английское. Нехорошо.

— Я помогаю мистеру Холмсу, — сложив молитвенно руки, ответил Кумар и лицо его из смуглого стало серым.

— Я знаю, кому и чем ты помогаешь, — снова улыбнулся Саи Баба, — но почему ты мало помогаешь своему брату?

— Он живёт в России и хорошо справляется со своими делами.

— У него есть ещё и дела, которые он не считает своими, но которые для России и Индии много значат. И ты должен помогать ему, но для этого ты сам должен понять то, что ещё не понял твой брат. А вот Кришна в этих делах уже что-то понимает. — И он заговорщицки подмигнул Грише. — Помоги мне, — обратился он к Пракашу, что было знаком особой милости.

Тот с молитвенно сложенными руками на коленях подполз к креслу. Саи Баба, опершись на его плечо, поднялся, давая тем самым понять, что аудиенция закончена. Все встали и направились к выходу. Огромное пространство храма было освещено утренним солнцем и … пустынно. Беседа продолжалась не более часа, а пятитысячная толпа успела разойтись, что сильно озадачило Холмса. Паломники шли к завтраку, и Холмс со своим сопровождением направился в столовую. После завтрака Гриша вызвался показать достопримечательности ашрама. Во время непродолжительной прогулки Холмс увидел музей всех религий и священное дерево, на котором по преданию Саи Баба ещё мальчиком творил для своих односельчан различные экзотические плоды. Было около десяти утра, но солнце жгло немилосердно, и Холмс попросил Гришу проводить его на местный «почтамт» позвонить в Лондон. Слышимость была отличной, и Ватсон сообщил, что готов к обсуждению «пикников». После телефонных переговоров Холмс предложил вернуться в гостиницу. Пракаш, сославшись на то, что ему необходимо решить вопрос с отъездом из Путтапарти, куда-то исчез, а Гриша пошёл за своей папкой с бумагами. Холмс в ожидании Гриши остановился у гостиничного блока с названием «NORD», корпус 4. Его взгляд упал на большое дерево у каменной стены, ограждавшей ашрам со всех сторон. В это время появился Гриша.

— Скажите пожалуйста, Гриша, а в каком блоке жили русские?

— Здесь, — указал Гриша на блок «NORD», корпус 4, — они любили прогуливаться в этом районе, и их очень забавляло семейство обезьян, живущее вот на этих деревьях. Хотите посмотреть?

Холмс приблизился к дереву, привлекшему его внимание, и действительно среди ветвей увидел хитрые мордочки молодых мартышек и их родителей.

— И давно они здесь живут?

— Давно, паломники их подкармливают и считают своими.

Холмс в сопровождении Гриши вернулся в свой номер и попросил подробнее рассказать о прошлогоднем посещении ашрама русскими.

— Всё началось точно так же, как было сегодня у вас, мистер Холмс. Но русские на первой встрече задали много вопросов Свами, а их группа, состоящая из пяти мужчин и шести женщин, не оставляла ощущения единого целого. Я уже говорил, что не был на их первой встрече, и знаю о ней только по рассказам. Свами почему-то не стал отвечать сразу, а перенёс встречу на следующий день. Причём пожелал говорить только с тремя вновь прибывшими из Петербурга. Остальные восемь жили в ожидании встречи уже несколько месяцев, но почему-то он не пожелал их видеть после первой встречи. Более того, он предупредил, что разговор будет без женщин и в присутствии хорошего переводчика. Таким образом, мне был дан знак, что моё присутствие на предстоящей беседе желательно, поскольку кроме меня других переводчиков с русского в ашраме не было.

— А почему, Гриша, Саи Баба назвал вас Кришной? — спросил Холмс.

— Это у него такая «игра», — улыбнувшись, ответил Гриша, — он каждый раз в присутствии новых гостей меня так называет.

— А вы как считаете, Саи Баба действительно творит из ничего те вещи, которые я видел своими глазами?

— Да, и он говорит, что так может делать каждый. Но, мне кажется, он понимает, что каждый не может. Вот это кольцо, — Гриша показал на правой руке золотое кольцо с крупным бриллиантом, — он подарил мне и я верю, что он его сотворил, хотя внешне всё это неотличимо от фокусничества. Один из русских объяснял это с позиций представления о вселенной, как процессе триединства материи, информации и меры.

— Расскажите об этом подробнее, Гриша. Мне кажется, что практика «творения» Саи Бабы имеет прямое отношение к разгадке «пикников».

— Я попробую, мистер Холмс, рассказать о том, что услышал от русских, хотя честно признаюсь это не просто пересказать даже по-русски, не говоря уж об английском. Русские считают Саи Бабу эгрегориальным лидером какого-то древнего индийского эгрегора, который на протяжении многих тысячелетий обеспечивал устойчивость толпо-«элитаризма» этой древней страны. Они полагают, что Свами владеет древними методами матричного управления, суть которых в формировании необходимых для управления процессами образов и придания им упорядоченности на всех взаимовложенных уровнях организации вселенной: от первочастиц вакуума до атомов и молекул. Если есть образы (информация) и им придана соответствующая мера (упорядоченность), то в зависимости от того, насколько эта образность соответствует упорядоченности — объективной мере — матрице Божьего предопределения, процесс может реализоваться. Они приехали посмотреть, во что могут выродиться за многие тысячелетия методы матричного управления, если понятийный аппарат не развивается, а всё происходит на уровне образов. Ведь понятия — это система, состоящая из образов и соответствующей им лексики. Вы, мистер Холмс, обратили внимание на бедность лексики Свами?

— Но ведь он разговаривал со мной и с русскими на английском. Если бы он говорил на своём родном языке…

— То…, извините, что прервал вас мистер Холмс, но ничего бы не изменилось. Другими словами, если бы он мог всё передать в определённой лексике, то таких Свами в Индии, или по крайней мере в Путтапарти, было бы много. Но Саи Баба, как и все его предыдущие воплощения, — один, и новый Саи Баба появится лишь после того, как уйдёт в мир иной этот. Свами говорит об этом сам. Поэтому всё, что увидели здесь русские, их удовлетворило, и они мне сказали, что нет смысла расспрашивать Саи Бабу о методах матричного управления, поскольку он может рассказать о них лишь в образах.

— И он им рассказал? И они поняли, что он рассказал?

— По крайней мере один из троих сказал, что понял.

— А вы, Гриша, смогли бы это пересказать?

— Это довольно сложно, но я попробую. Они считают, что жрецы древней Атлантиды информацию передавали друг другу непосредственно в образах в прямом биополевом обмене. С одной стороны, это ускоряло обмен большими объемами информации, а с другой стороны, влекло за собой пренебрежение к развитию культуры речи. Кроме того, по мнению русских, при таком отношении к телепатии и речи их психика была почти постоянно включена в те или иные эгрегоры. А это влекло за собой то обстоятельство, что они были очень сильно ограничены в способности моделировать возможные варианты развития событий. Другими словами, процессы, которыми они стремились управлять, во многих случаях развивались в темпе течения их воображения и, что самое опасное, — безальтернативно, то есть без оценки последствий и качества управления в смысле «хорошо», «плохо», «неопределённо».

— Как это может быть? — спросил Холмс.

— Я тоже долго не мог этого представить себе, — начал отвечать Гриша, — пока не вспомнил, как шёл как-то по гололеду (у вас в Англии, ведь, это тоже иногда бывает) и начал с опаской воображать, что скольжу и падаю. И прежде, чем я успел довообразить это до конца, я уже упал на лёд, едва не разбив себе затылок.

Так и в случае жрецов Атлантиды. По мнению русских, всё бы было ничего, но в такой безальтернативности, неотделимой в реальной жизни от процесса их воображения, выражалась их неправедная нравственность. И потому всё это, рано или поздно, должно было привести и привело к глобальной катастрофе, уничтожившей ту цивилизацию. Иными словами, знания и навыки, которыми они владели, для них были сродни спичкам или боевым патронам, с которыми иногда играют современные дети.

В нашей же цивилизации телепатия и властное над течением событий воображение — достояние не многих, но понятийный аппарат, возможность развития личностной культуры мышления и речи, — достояние всех. И хотя как средства упаковки информации они многократно уступают воображению и телепатии, но у них есть то достоинство, что они обособляют воображение одного человека от воображения других и от эгрегоров. А это способствует тому, чтобы люди учились моделировать многовариантность течения событий вне процесса воздействия алгоритмики эгрегоров и их воображения на течение событий в жизни; и чтобы, только осознанно выбрав наилучший с их точки зрения вариант, включались бы своим воображением в управление течением событий, дабы воплотить их в жизнь. Тем самым, по мнению русских, устраняется безальтернативность следования течения жизни за неправедным воображением, а люди, переосмысляя свою нравственность,

способствуют смещению цивилизации по матрице Божиего предопределения в сторону объективной праведности.

— Где-то я уже слышал подобные рассуждения, — произнёс вслух Холмс. — Ну, конечно же, в Испании от господина Верова. Вы случайно не знакомы с ним, Гриша?

— Нет, мистер Холмс, господина Верова я не знаю. Сегодня в России по истории Атлантиды издаётся много всякой литературы, и эта информация существует в различных источниках. Не в этом дело. Главное в другом: хотя понятийный аппарат в современной цивилизации и развит, и на основе его ведётся моделирование в различных областях науки, но вы нигде не найдёте описание понятия, как категория мышления. Что такое «понятие»? — не даёт представления ни одна из статей во множестве энциклопедий: в них много всяких заумных терминов, но всё это не поддаётся единообразному пониманию.

И в этом — огромная опасность для всей цивилизации. Если бы дело обстояло иначе, то ни атомного, ни водородного оружия библейская цивилизация не породила бы. Возможно, что не было бы и атомных электростанций, а человечество могло выйти на альтернативные источники электроэнергии. В современной России есть люди, которые осознали эту проблему, как самую большую угрозу человечеству и уже разрешили её. На упомянутом русскими сайте www.dotu.ru есть ряд работ, посвященных этой проблематике, но я назову только одну из них «Об имитационно-провокационной деятельности». В ней есть специальный раздел, который так и называется: «О понятиях, миропонимании, взаимопонимании».

Что касается беседы русских со Свами, то я могу рассказать лишь о своих наблюдениях за их диалогом. Это был очень интересный диалог, но не на словах, а во взглядах. То есть, разговор шёл как бы на двух уровнях: на первом, видимом, речь шла о самых обычных вещах. Двоим из них Свами довольно подробно рассказал об их жизни, всяких домашних делах, работе, их пристрастиях и, как потом они признались, всё соответствовало действительности. Но когда третий попросил рассказать о его жизни, Свами ответил, что для него это не важно, что ему надо заниматься тем делом, которым он занят всё своё время. Далее он сказал, что дело это очень важное, и просил двоих помогать в этом деле третьему. В завершении разговора он тоже обещал помогать третьему и обещал при этом быть всегда рядом. Иногда Свами на минуту замолкал и пристально смотрел в глаза третьему, который отвечал ему тем же. Когда мы уже вышли из храма, я спросил его, что могло означать их многозначительное молчание? И он ответил:

«Мы разговаривали не языком, а глазами. В зрительных образах можно передать информации во много раз больше чем словами, да и времени на это требуется значительно меньше. Любую картину в музее можно рассмотреть и запомнить в течение минуты, а попробуй пересказать её содержание, и часа не хватит. Я сгружал ему в образах то, что знал сам; он тоже кое-что передал на образном уровне. Но то, что он рассказал мне, мы и так давно знаем, а вот то, что мы ему привезли — для него совершенно ново. Это может изменить многое из того, что происходит сегодня в Индии и в мире, потому что Саи Баба, а вернее с помощью Саи Бабы здесь, в Путтапарти кто-то формирует новую всемирную религию, которая вобрала бы в себя всё лучшее, что есть в вероучениях других религий, но никогда не откажется от того худшего, что присуще им всем — от атеизма, который является непременным условием устойчивости толпо-«элитарного»

общества. Я убеждён, Гриша, что Саи Баба добрый человек и что он искренне хочет добра людям. Но он сам — узник этого ашрама, этого храма, и, главное, — того древнего эгрегора, с помощью которого обеспечивается устойчивость толпо-«элитаризма» индийского общества. Согласитесь, Гриша, что поддерживать восторженное состояние толпы каждый день в течение многих десятилетий — это действительно очень трудно. «Трудно быть богом», — так, помнится, назвал этот процесс тандем братьев-фантастов Стругацких. Но я бы к этому добавил: если не знаешь, кто и во имя каких целей назначил тебя изображать на земле бога».

Закончив свой рассказ, Гриша на какое-то время замолчал, словно раздумывая, продолжать дальше эту тему, или перейти к проблемам, затрагивающим непосредственно его жизнь в Индии.

— Я тогда сам был на переломе, то есть не мог окончательно решить: оставаться здесь, или уехать. Сначала гости из Петербурга звали меня вернуться в Россию, но потом, после того, как я поделился с ними своими впечатлениями о сути происходящего здесь, они посчитали, что мне лучше остаться в ашраме, поскольку, несмотря на всеобщее поклонение, с их точки зрения, Свами выглядит очень одиноким, и ему, возможно, скоро потребуется помощь близкого человека. Я действительно испытываю к Свами чувства более высокие, чем даже к своим родителям.

Гриша снова замолчал и смотрел на Холмса невидящими глазами, словно желая вызвать образ Саи Бабы.

— А что за вопросы задавали русские, на которые Саи Баба не захотел отвечать при женщинах?

— Они хотели спросить, кто истинный виновник гибели подводной лодки «Курск», потрясшей весь мир 12 августа 2000 г., так как им сказали, что Свами может это даже показать, создав что-то вроде виртуального телевизора. Но в процессе беседы они отказались от этой мысли. Может потому, что на их вопросы об устройстве мироздания, он ответил очень неопределённо. У них на этот счёт есть довольно стройная теория, которая, по их мнению, известна жрецам древней Индии и древнего Египта. Может, они пытались проверить свою теорию, но мне они объяснили, что даже если Саи Баба и знает о ней, то пересказать, да ещё и на чуждом ему английском языке, он всё равно не в состоянии. Возможно, что эта система передачи знаний таким образом и закрыта от вторжения к ней непричастных. Я лишь могу свидетельствовать о том, что к концу беседы интерес Свами к ним был много больше, чем у них к нему. Да, на прощанье Свами сказал, что русские помогут проснуться Индии и Индия пойдёт вслед за Россией.

— А что русские говорили по поводу «пикников»?

— Они объяснили мне, что проблема не в том, что на них нарисовано, а в нравственности тех, кто толкует картинки-символы «пикников». Постепенно до меня стало доходить, что в случае с гибелью подводной лодки «Курск», которая по их мнению была потоплена в результате торпедной атаки АПЛ США, их беспокоит даже не столько сам факт вероломства, сколько то, что чья-то безумная воля или бездумный автоматизм при исполнении должностных обязанностей поставили мир на грань ядерной войны. По их мнению, в современных условиях ни одна из стран мира, в том числе США, не имеют права на развязывание ядерной войны, которая означала бы гибель всей цивилизации. Поэтому у них было твёрдое убеждение, что Соединенные Штаты ждёт возмездие по масштабам превосходящее их воображение. И это возмездие каким-то

образом закодировано в третьем «пикнике». Естественно, когда я узнал о событиях «чёрного вторника» и о времени нападения на первую башню Всемирного Торгового Центра, то невольно вернулся к картинкам третьего «пикника». Кроме того, индийские аналитики одними из первых обратили внимание на символику числа 11, связанного с самолётами-камикадзе. А что можете сказать вы, мистер Холмс, по поводу катастроф в Нью-Йорке и Вашингтоне?

— Пока лишь то, что «пикники» странным образом преследуют меня по всему свету. Хотя, не хочу скрывать что, я действительно занимаюсь ими и собрал много интересного материала, который по моему мнению имеет к их разгадке самое непосредственное отношение.

Холмс кратко рассказал о встречах в Швейцарии, Испании и Египте, после чего перешёл к Индии.

— В прошлом году в начале октября пресса много писала о посещении Индии президентом России Путиным. Как вы думаете, он был здесь у Саи Бабы?

— Этого я вам точно сказать не могу, хотя по многим признакам — был. В Индии умеют обставить посещения таким образом, что никто и не заметит. В Бомбее он точно был, и русские делегации, которых в ашраме всегда много, а в то время их было, кажется, семь, с нетерпением ждали приезда своего президента. Во время второй аудиенции Свами давал русским свои оценки президентам Клинтону и Ельцину одним словом — bad (плохой). Когда его спросили о Путине, он ответил — very good (очень хороший). Поэтому, если у Путина было желание встретиться со Свами, то, по-моему, такая встреча могла состояться, хотя никакого официального сообщения об этом в индийской прессе не было. Но, мне кажется, что-то просочилось сквозь завесу секретности, поскольку месяца два спустя из России мне привезли видеокассету с «Куклами» на тему закрытого посещения Путиным ашрама Саи Бабы.

— А что такое «Куклы», Гриша?

— Это одна из популярных телевизионных программ в России, собирающая до ста миллионов телезрителей каждое воскресенье. В ней все первые лица государстваи другие известные политические деятели появляются в виде кукол, а сюжеты каждый раз берутся из русской или зарубежной классики.

По существу это правильно: государственные деятели — это «заводные куклы», запрограммированные официальным «Протоколом» и должностными обязанностями. Они перестают быть куклами только после того, как понимают это. Тогда человеческие отношения с простыми людьми, с другими политиками, журналистами становятся для них более значимыми, чем должностной этикет и иерархия. Только после этого на основе личностных человеческих отношений в сфере управления власть может служить всем людям. Как говорили русские, эпоха «Протокола» кончилась и началась эпоха общего человеческого дела, в котором личностные отношения более властны, чем должностные полномочия. А основой для этого является общее для разных людей единство эмоционального и смыслового строя души каждого.

— Что это значит, Гриша?

— Русские объяснили мне, что страны англоязычного мира находят общий язык ещё и потому, что их государственные деятели говорят на одном языке и подкрепляют передачу смысла речи образами, на основе которых и строится всякое взаимопонимание. Это как раз то, чему вы,

мистер Холмс, сами стали свидетелем во время короткой беседы с Саи Бабой. А в образной форме в прямом биополевом обмене при общении людей можно передать значительно больше информации, чем в лексике, поэтому так трудно всегда идут переговоры с переводчиками. И переводчик, и государственный деятель, имеющие разный статус в переговорах, — своеобразные личности, и потому в отношении любого объективного явления у каждого из них свои образы, не совпадающие с образами другого как по своему характеру, так и по их упорядоченности. И как бы ни старался переводчик точно перевести смысл сказанного, его образы будут отличны от образов его шефа: в иерархически организованном обществе это так, хотя бы потому, что переводчик не в праве думать так, как думает шеф, поскольку такой образ мыслей — посягательство на «узурпацию» должностных полномочий шефа.

Вот и получается нарушение единства эмоционального и смыслового строя переговоров по любой проблеме, так как любой переводчик с его своеобразием образных представлений, не совпадающих с представлениями его шефа, — третий лишний. Именно президент России Путин открывает новую эру во взаимоотношениях государственных деятелей, так как его знание английского и немецкого помогает обеспечить единство эмоционального и смыслового строя любых, самых сложных переговоров.

— А что, Гриша, разве раньше этим не пользовались в прошлом? Разве может это быть рубежом, разделяющим эпохи?

— Пользовались, но их цели всегда определялись их нравственностью. Вспомните, что сказала Тэтчер в 1984 году после первой встречи с Горбачевым: «Я посмотрела ему в глаза, и поняла, что с ним можно иметь дело». По-моему, это что-то вроде фразы пароля для всей западной «элиты», которую можно расшифровать примерно так: «Этот человек готов работать на нас». Согласитесь, мистер Холмс, что мера понимания Горби была намного ниже меры понимания «железной леди». То же касается и Ельцина. Один из советников Клинтона, предал огласке мнение Клинтона о нём: «Я предпочитаю иметь дело с пьяным Ельциным, нежели с любым из ста миллионов трезвых русских, любой из которых мог оказаться на его месте», — это не дословно, но общий смысл таков. Но в 2000 г. положение изменилось. Именно это и имел ввиду Саи Баба, когда давал оценку Путину — «very good».

Хотя, и Ельцину можно сказать спасибо за то, что он своими пьяными выходками ломал «Протокол», расчищая путь в новую эпоху. Ладно, вернёмся к «Куклам».

Не знаю, насколько точно, но в некоторых кругах по этой передаче до сих пор сверяют направление политического курса страны.

— А почему вы, Гриша, решили, что та программа была именно про посещение ашрама Саи Бабы?

— Легче было бы посмотреть видеокассету, но, во-первых, здесь как видите это невозможно, а во-вторых, мне её, к сожалению, не оставили, и поэтому я могу лишь пересказать кратко сюжет, после чего вы, мистер Холмс, сами сможете решить, насколько «Куклы» имеют отношение к посещению президентом ашрама Саи Бабы.

По сюжету Путин собирает своё ближайшее окружение: премьера Касьянова, руководителя администрации президента — Волошина, министра обороны — Сергея Иванова, который в прошлом году во время визита Путина в Индию занимал пост Председателя Совета Безопасности,

ещё какую-то незнакомую куклу и ставит задачу: «Мне надо в Шамбалу, всем одеться в национальные костюмы!» Все приходят в таких же белых одеждах, точно в таких же, как мы с вами, а премьер Касьянов — в русской национальной — сапоги, косоворотка. На вопрос Путина: «В чём дело?», — Касьянов отвечает, что не желает ходить в кальсонах. И действительно, белая рубаха и штаны, в которых все ходят в ашраме, очень напоминают послебанное одеяние русских мужиков. Таким образом, сначала из команды Путина вылетает премьер Касьянов, затем — руководитель администрации Волошин, который появляется пьяным. То есть, налицо два признака, по которым можно догадаться, что речь идёт о подготовке к посещению не мифической Шамбалы, а реального ашрама Саи Бабы, в котором все мужчины ходят в белых одеждах, и действует строгий запрет на курение и употребление спиртных напитков.

— Я это почувствовал на себе, — заметил Холмс, — но странное дело, мы здесь второй день, а курить не тянет, и я подумываю, не бросить ли мне совсем эту вредную привычку.

— Всё дело в общей атмосфере стремления к здоровью, которое здесь является своеобразным культом, — пояснил Гриша, — и если бы вы пробыли здесь месяц — другой, то бросили бы курить без особых усилий. Итак, в группе кандидатов на посещение ашрама, с учётом самого Путина, остались трое. Другими словами, появилась какая-то аналогия с приездом в сентябре троих русских, о которых я уже рассказывал. Дальше шли кадры, на которых команду Путина встречает кукла главного российского шута и председателя либерально-демократической партии (ЛДПР) Жириновского, изображающего заклинателя кобры. Кобра пытается укусить Путина, но его своим телом закрывает Сергей Иванов и умирает. Здесь я хотел бы обратить ваше внимание, мистер Холмс, на ассоциации, связанные с уже известной Концепцией Общественной Безопасности, аббревиатура которой КОБа. Но, как мне рассказали приезжавшие в прошлом году русские, какие-то деятели из ЛДПР, желая ограничить действие концепции территорией России, добавили к аббревиатуре КОБа букву «Р» и в результате получилась КОБРа. Сделано это было специально, чтобы отрицательный имидж Жириновского ассоциировался с концепцией. По-моему, авторы передачи, знают КОБу и таким образом выражают к ней своё отрицательное отношение. Но более того, из лёгкого юмористической сюжета также можно понять, что опекуны президента обеспокоены возможностью соприкосновения Путина с КОБой.

Далее по сюжету Путин и сопровождающая его кукла встречаются с Солженицыным, (думаю, что вам известно, какие надежды возлагались на него в прошлом на Западе), и они втроём участвуют в ритуале, который вы сегодня наблюдали в храме до выхода Саи Бабы, — кричат «О-о-у-у-м!», после чего Путин исчезает. Солженицын остаётся один и произносит знаковую фразу: «Надо же, я полгода сижу, а у него с первого раза получилось», после которой у нас здесь и сложилось впечатление, что кто-то из руководителей сценария знал о посещении Путиным ашрама Саи Бабы. Как вы уже убедились, с первого раза попасть на беседу к Свами можно лишь при соблюдении определённых условий, которые не так-то просто выдержать. Но ведь и я узнал о них только после двухлетнего пребывания в ашраме от представителей Концепции Общественной Безопасности. Кстати, те шесть женщин и двое мужчин, которых Свами не захотел видеть второй раз, тоже жили здесь в ожидании аудиенции почти полгода.

— А вы, Гриша, считаете, что Путин действительно знает о концепции? — задал вопрос Холмс.

— Мне лично трудно судить об этом, поскольку я давно не был в России, но у гостивших здесь русских есть мнение, что всё высшее руководство страны знакомо с материалами концепции. Вопрос в другом — в их отношении к ней. Бывая в различных странах мира, вы мистер Холмс смогли убедиться, что даже там о ней уже знают; да и вопросы она поднимает достаточно серьёзные. Я читал сопутствующую концепции литературу, один список которой составляет три десятка наименований; заглядываю и на сайт www.dotu.ru

— всё очень основательно и серьёзно, но… не вписывается в сложившиеся стереотипы восприятия окружающего мира, сформированные на основе библейской концепции. Опекуны Путина всех, кто понял новую концепцию и пытается проводить её в жизнь, промеж себя называют «мертвяками» — им не нравится литературно-эпическое название Концепции Общественной Безопасности — «Мёртвая вода». Однако, «вода мёртвая», а не «мертвая». По-русски на слух эти два слова «м**Ё**ртвая» и «м**Е**ртвая» хорошо различимы, в их написании они почти одно и то же, если над буквой «**Ё**» убрать две точки.

Гриша нарисовал буквы «ё» и «е» и, видя, что Холмс не совсем понимает, о чём идёт речь, пояснил.

— Уберите в английском рукописном тексте над рядом стоящими буквами «i» и «j» точки и вы прочитаете это сочетание как «y»[1], и тут тоже речь идёт о двух точках. Насколько мне известно, сегодня в России развернулась самая настоящая война за право оставить или убрать из русского алфавита букву «ё», и я долго не понимал причину ожесточения обеих сторон в этой «алфавитной войне», пока не поговорил с гостями из Петербурга. Так что слишком прямолинейная логика, которая, по-моему, проявилась в показе куклы председателя Совета Безопасности, «укушенной» коброй, в системе оповещения, противостоящей КОБе, означает одно: Сергей Иванов непригоден для дальнейшего использования в рамках библейской концепции. Если же анализировать материалы российской прессы и телевидения, то хорошо видно, какие тратятся деньги на любые глупости, лишь бы читатель и зритель ни о чём серьёзном не задумался. То есть по сути СМИ создают что-то вроде помехи, «белого шума», на фоне которого невозможно выделить «полезный сигнал», то есть информацию, необходимую для принятия единственно верного решения. Но это не от хорошей жизни, а именно потому, что сегодня в России очень трудно не заметить концепцию, альтернативную библейской, поскольку она — не плод воображения группы людей, осуществляющих общественную инициативу, а объективная потребность нового информационного состояния, в котором оказалось всё общество после 11 сентября 2001 года. И, тем не менее, противникам КОБы пока ничего другого делать не остаётся, как делать вид, что её не существует. Правда, долго это продолжаться не может: чем дольше средства массовой информации будут её замалчивать, тем выше «вода» будет подниматься, оказывая психологическое давление на «элиту». Ну а те, кого «элита» считает толпой, всё более будут убеждаться в порочности «элиты», непрестанно

[1] Подразумевается похожесть образов, порождаемых линиями в рукописи « **ij** » « **y** ».
Сочетание «ij» часто встречается в математических рукописях при индексировании элементов многомерных объектов, а «y» часто употребляется для обозначения переменных. Соответственно если Вы прочитываете «ij», то смысл один, а если — «y», то другой.

теряющей свой авторитет, что и заставит простых людей думать самостоятельно. В этом — главное условие превращения толпы в народ.

— Вы, Гриша, говорите об этом так убеждённо, что у меня невольно возникает вопрос, — не входите ли вы в эту самую «общественную инициативу», которая назвала себя Внутренний Предиктор СССР?

— Мне, конечно, льстит слышать такую оценку от вас, мистер Холмс, но это не так. А говорю об этом убеждённо лишь потому, что сам прошёл все стадии: от первоначального неприятия культуры, в которой родился и вырос, через переосмысления личностных стереотипов, сформированных этой культурой, до поисков альтернативы ей. Не скажу, что это было легко, поскольку я и здесь-то оказался в результате бессознательного поиска альтернативы библейской культуре. И на какое-то время я обрёл в ашраме душевный покой, но потом понял, что этот покой — покой зомби, и что в нём — ещё большая опасность, чем в той жизни, от которой я бежал из России.

— И в чём же вы видите опасность?

— В фашизме.

— Не понял, вы хотите сказать, что в Индии возможен фашизм?

— Всё зависит от того, что понимать под фашизмом. Сегодня вопрос об угрозе «фашизма», как правило, сводят, прежде всего, — к идеям национальной и расовой исключительности и нетерпимости, к реальным и мнимым посягательствам на права представителей национальных меньшинств и диаспор, а также к унаследованным от Италии и Германии «фашистским» символике и фразеологии. Однако, в ведической культуре Индии — более древней, чем древнеегипетская культура, давшая рождение библейской культуре, — имеются оба символа, сторонники которых обвиняются в фашизме в последние десятилетия: и звезда Давида (сионистский фашизм), и свастика (национал-социализм Германии и подражающие ему неонацисты разных стран).

Кроме того, словосочетание «маленькие люди» характерно для всех толпо-«элитарных» обществ как антипод другим словосочетаниям «лучшие люди», «знатные люди». Насколько я смог убедиться, кастовая система Индии никуда не исчезла, но, как и рабовладению в библейской цивилизации, ей были приданы благообразные формы. Вы, мистер Холмс, надеюсь, обратили внимание на почти трёхсотмиллионную часть населения Индии, которых здесь называют «маленькие люди»? Вы обратили внимание на то, что сами они ничего не требуют. В течение многих поколений им внушили, что так установлено Свыше, что им просто в этой жизни не повезло, но если они будут послушны, то в следующем воплощении им повезёт больше, и в следующей жизни они смогут оказаться в другой касте. Но ведь и другие, кто не входит в категорию «маленьких людей», тоже считают такое положение вещей нормальным. Интересно, что когда ваши предки пришли сюда, то они не смогли в английском языке найти аналога для именования «низшей касты» индийского общества, и стали называть их по-своему: «маленькие люди» — «little people», хотя в самом индийском обществе «высшие касты» звали их иначе: «несуществующие люди». Это — одно из выражений того, что кастовая система Индии, существующая де-факто на протяжении многих веков, — один из древнейших на Земле видов фашизма по сути.

— Честно признаюсь, Гриша, вывод для меня несколько неожиданный. Насколько мне известно, слово «фашизм», идёт от латинского слова «фасция», которая представляет собой просто пучок прутьев с воткнутым в

середину топориком, обвязанный ремнём. В древнем Риме фасции были сначала знаком царской власти, потом знаком власти высших государственных чиновников, так называемых «магистратов»; за магистратами фасции носили «ликторы» — служители, обеспечивавшие их непосредственную охрану. В современной истории «фашизм» как общественное явление обрёл известность, распространяясь из Италии. Он действительно родился там на основе протестных эмоций множества «маленьких людей», которые в обществе «свободы» личной инициативы оказались угнетёнными индивидуализмом больших и очень больших олигархов[1], злоупотреблявших разнородной властью по своему усмотрению. Поскольку такого рода протестное движение «маленьких людей» взращивалось в Италии, то претензии его тамошних идеологов на преемственность по отношению к былому величию и мощи Римской империи выразились в том, что древнеримская фасция была избрана ими как символ единения «маленьких людей» в деле защиты их жизни от угнетения «больших людей» — олигархов. Так фасция дала название «фашизм» изначально протестному против олигархии движению возглавляемых вождём «маленьких людей»[2]. Но в Индии я не вижу ни олигархов, ни вождей, но самое главное, — не вижу стремления к протестному объединению «маленьких людей» против невидимых или «несуществующих» олигархов.

— Точно такие же возражения, мистер Холмс, я поначалу высказал моим знакомым из Петербурга, когда они указали мне на индийский фашизм. Действительно, фашизм считается человеконенавистнической идеологией, но такой идеологии вы здесь не найдёте. Более того, все духовные практики, которых в Индии бесчисленное множество, внешне направлены на совершенствование человека. Но посмотрите на реальность, какие возможности у этих трёхсот миллионов стать человеками? Здесь растения и животных ценят выше, чем человека; здесь боготворят каждый кустик, каждое деревце; если прокладывают дорогу и на пути встречается дерево, — дорога обойдёт дерево, и никто не имеет права нанести ему вред, но также никто не замечает здесь «несуществующую» треть населения огромной и сказочно богатой страны. В Индии практически нет организованной преступности, которой заражён и Восток, и Запад, и Россия. Посмотрите на полицейских: разве они обвешаны бронежилетами и самым современным оружием? Одна палка или прут в руках, но… какой порядок! Запад может только позавидовать. А почему? — Потому что общество жёстко стратифицировано и в таком состоянии оно эволюционирует в течение многих тысячелетий. Что могут воровать эти несчастные «маленькие люди» друг у друга? — Кусок полиэтилена, булыжник для очага у сточной канавы? А переход из одной страты-касты в другую невозможен.

Фашизм действительно работает на объединение общества и стремится к обеспечению своей устойчивости в преемственности поколений. Но это объединение общества в систему, в которой могут быть отдельные

[1] Олигархия — в переводе с древнегреческого: «власть немногих»; сама такая группа, теми или иными средствами господствующая над обществом. Олигарх — субъект из состава олигархии.

[2] Из истории известно, что один из наиболее эффективных способов сохранить в толпо-«элитарном» обществе свою власть от посягательств — возглавить движение политических противников и увести его в сторону от изначально провозглашённых ими целей. Поэтому исторически реальный фашизм современной истории никогда не рождался без деятельного участия олигархов, хотя он всегда представлял себя как движение «маленьких людей», борющихся против притеснения их «сильными мира сего».

конфликты между членами впавшего в фашизм общества, а также конфликты между фашизмом в целом и некоторыми людьми обладает своеобразием. Принципы фашистского объедения толпо-«элитарного» общества в целостную систему направлены на то, чтобы исключить образование и возможность действия внутрисистемных факторов, способных подорвать устойчивость фашизма: размыть его изнутри в течение более или менее продолжительного времени либо мгновенно (по историческим меркам) обрушить его. Как мы видим, условий для образования и действия внутрисистемных факторов, способных подорвать устойчивость фашизма, в индийском обществе нет, потому что мы имеем дело с фашизмом законченным и рафинированным, очищенным от всяких идеологических форм, с фашизмом, как культурой и особой системой, препятствующей становлению человечности в обществе.

И здесь важно понять, что фашизм не возникает в результате переворотов, когда группа экстремистов захватывает государственную власть силой или приходит к власти в результате демократических выборов, после чего устанавливает «фашистскую диктатуру»; в фашизм тихо и незаметно при определённых, возможно, целенаправленно созданных обстоятельствах, впадает общество в целом. К сожалению, это так, мистер Холмс, потому что суть фашизма не в какой-либо идеологии, насилии, способах осуществления власти, а в активной поддержке толпой «маленьких людей» системы злоупотреблений властью «элитарной» олигархией, которая представляет неправедность как якобы истинную праведность», и на этой основе, извращая миропонимание людей, культивирует неправедность в обществе, препятствуя людям состояться в качестве человека.

Но при таком понимании сути фашизма вне зависимости от форм и способов его проявления, тот фашизм, который известен по историческому опыту нацистской Германии и который стал показательно-культовым образцом как у «неофашистов», так и у «антифашистов» в разных странах мира, предстаёт как карикатурный фашизм-уродец, искусственно и целенаправленно выращенный заведомо недееспособным для того, чтобы его ужасами привлечь к нему по возможности большее внимание и, тем самым, отвлечь внимание и силы общества от становления куда более дееспособного фашизма, если не беспросветного, то близкого к беспросветности глобального инферно.

— Интересно, — заметил Холмс, — второй раз за свою поездку я слышу это слово. На латыни оно означает что-то вроде ада, но вы русские вкладываете в него какой-то очень актуальный в жизни и совсем не богословско-мистический смысл.

— Достаточно хороший ответ на ваш вопрос даёт роман Ивана Антоновича Ефремова «Час быка». Я не знаю, есть ли перевод этого романа на английский язык, но вы должны знать, что в России почти тридцать лет на его основе формируется мировоззрение не одного поколения. Если и не большинства молодых людей, то, по крайней мере, — наиболее дееспособной части молодежи. В романе речь идёт о поэме Данте, который своим воображением создал мрачную картину многоступенчатого инферно и объяснил понятную прежде лишь оккультистам страшную суть наименования «инферно», — его безвыходность.

Поскольку понятие инферно лучше всего объясняет суть рафинированного фашизма, на истоки которого мы обратили внимание в нашей беседе, то я попробую кратко изложить отдельные положения того,

что очень точно сформулировал Иван Антонович Ефремов, — геолог, палеонтолог, биолог и историк одновременно. Во-первых, он считал, что пресловутый естественный отбор природы является самым ярким выражением инфернальности, при котором эволюция направляется только в одном главном направлении — наибольшей свободы, независимости от внешней среды. При этом происходит умножение недозрелого, гипертрофия однообразия, как песка в пустыне, нарушение уникальности и неповторимой драгоценности несчетным повторением. Поэтому, проходя триллионы превращений от безвестных морских тварей до мыслящего организма, животная жизнь миллиарды лет геологической истории находилась в инферно.

Во-вторых, он справедливо полагал, что человек, как существо мыслящее, попал в двойное инферно — и для тела, и для души. Ему сначала казалось, что он спасается от всех жизненных невзгод бегством в природу. Так создавались сказки о первобытном рае — биосферно-гармоничной, не знающей техники, цивилизации, в которую и сегодня мечтают вернуться наши «зеленые». Инферно для души — это первобытные инстинкты, плен, в котором индивид держит сам себя, думая, что сохраняет индивидуальность, а на самом деле останавливается в своём развитии либо на животном уровне, либо на уровне зомби или демона, закрывая тем самым себе пути в человечность. С развитием мощных государственных аппаратов власти и угнетения, с усилением национализма, с накрепко закрытыми границами, инферно стали создаваться и в обществе. Всякая несовершенная социальная система стремится к самоизоляции, ограждая в целях самосохранения свою структуру от контакта с другими системами. Естественно, что сохранить несовершенное могла только «элита» любого общества и для этого она, прежде всего, создавала сегрегацию под любыми предлогами — национальными, религиозными, чтобы превратить жизнь своего народа в замкнутый круг инферно, отделить его от остального мира. Поэтому инфернальность всегда была делом рук «элитарных» кланов. Иван Антонович предупреждал человечество не допустить мирового владычества олигархии — главного источника фашизма. Если такое случится, то над нашей планетой захлопнется гробовая крышка полной безысходности инфернального существования под пятой абсолютной власти, вооруженной всей мощью страшного оружия и не менее убийственной науки. И никто и ничто тогда не сможет помочь, поскольку невозможно будет покинуть тот замкнутый круг инфернальности, в котором только животные и их разновидности — зомби и демоны — будут появляться на свет в слепом инстинкте размножения и сохранения вида.

И в этом философско-политическом романе, мистер Холмс, есть место, где автор хотя и не упоминает Индию, но говорит о культуре, в которой люди с их сильными чувствами, памятью и умением понимать будущее уже осознали, что, как и все земные твари, они приговорены от рождения к смерти. И для них вопрос лишь в сроке исполнения и том количестве страдания, которое выпадает на их долю. И чем выше, чище, благороднее индивид, тем большая мера страдания будет ему отпущена «щедрой» природой и общественным бытием. А разве среди трёхсот миллионов «маленьких людей» Индии нет тех чистых и благородных, кого «щедрая» природа и «общественное бытие» уже навсегда одарила полной мерой страдания, которого ни они сами, ни окружающее их общество даже не замечают? И где выход из этого реального, а не литературного инферно?

— Извините, Гриша, но мне кажется, что вы сгущаете краски, когда речь идёт об Индии. Мне кажется, что «индийский фашизм» вам всё-таки привиделся.

— Это не так, мистер Холмс. Как русский человек, я всей душой полюбил Индию. И за три года пребывания здесь, я не всё время проводил в ашраме Саи Бабы. Вы жили два дня в Бомбее. Включали ли вы телевизор?

— Да, Гриша, я переключал программы: более 80-ти каналов и везде поют, играют индийские национальные инструменты, исполняют национальные танцы. Что в этом плохого, если оберегается национальная культура. Во многих странах Запада иногда трудно понять, где находишься — сплошной американский стандарт.

— Я тоже не в восторге от западной культуры, но она в какой-то мере всё-таки отражает реальную жизнь Запада. А по фильмам Индии невозможно узнать её реальную жизнь. Поэтому западная кинокритика даже придумала расхожую формулу оценки индийского кино: «Есть плохое кино, есть хорошее кино, а есть ещё индийское кино». Но по умолчанию — это самооценка Запада его неспособности понять истинное назначение индийского кино. А ведь только одна бомбейская киностудия в год выпускает более восьмисот фильмов — настоящий Болливуд, как здесь говорят.

— И в чём, по-вашему, Гриша, главное назначение индийского кино?

— По-моему, кино в Индии — это основа религии. Когда мы с вами говорили об отсутствии категории «понятие» в древней Атлантиде, мы не трогали вопросов религии и мировоззрения. Можно сказать, что источники культуры индийского кино — в древней Атлантиде, а современный Голливуд — лишь жалкий подражатель индийскому кино. Посмотрите на массовое американское кино — только видеоряд образов, ярких, запоминающихся и ни одной мысли, ни одного понятия, ни одного затрагивающего душу человека диалога. Спросите любого зрителя, вышедшего из кинозала после просмотра американского кино, о чём говорили его герои? Он посмотрит на вас, как на ненормального и скажет, что американские парни не говорят, а действуют. Тоже самое происходит и в индийском кино, но там более утончённые образы и больше красок, танцев и музыки, то есть, это — прекрасно разработанный язык образов. И не удивительно, что многие в Индии смотрят на янки, как на богатых обезьян. Индия в индийском кино — своеобразная реклама — завораживающе-красивая, музыкальная и пуритански любвеобильная. Но самое печальное то, что эта «кино-эрзац-жизнь» нравится многим, и не только в Индии. А теперь сопоставьте то, что вы видели в реальной жизни и в кино с тем, что писал об инферно Ефремов и тогда вы поймёте, почему мне не «привиделся индийский фашизм».

В это время в дверь постучали и в комнате появился Пракаш.

— Извините, мистер Холмс, что задержался. В Путтапарти из Бомбея всего два рейса в неделю — в среду и воскресенье, а вам необходимо тринадцатого октября быть в Лондоне. Я пытался выяснить варианты поездки по железной дороге, либо на автомобиле, но в администрации ашрама мне под большим секретом сообщили, что сегодня утром из Бомбея прибыл самолёт с какой-то делегацией, а в 16.00 он летит обратно. После предъявления реквизитов нашей фирмы, мне обещали взять нас на борт, если будет согласие руководства делегации. Только что я получил это согласие и сразу же заказал вам билет на рейс «Бомбей — Франкфурт-на-Майне — Лондон», вылетающий в два часа ночи тринадцатого октября.

Надеюсь, что всё сложится удачно, мистер Холмс, и в субботу утром вы уже будете в аэропорту Хитроу в Лондоне. И у нас ещё почти два часа до отъезда в аэропорт Саи Бабы.

— Спасибо, Пракаш, что всё складывается так удачно. А у вас действительно брат живёт в России?

— Да, мистер Холмс, он действительно живёт в России и занимается туристическим бизнесом. Мой старший брат давно перебрался в Швейцарию и успешно работает в области медицины. Отец мечтал, чтобы и средний брат жил и работал в Швейцарии, поскольку у него тоже медицинское образование. Но у нашей семьи был покровитель — учитель, который особенно любил моего среднего брата и настоятельно рекомендовал ему после окончания учёбы жить и работать в России.

— Это интересно, Пракаш, почему именно в России, когда жизнь в Швейцарии намного спокойней и богаче?

— Он говорил, что в следующем столетии все важные дела будут исходить из России и в Индии должны понимать, что там реально происходит.

— А ваш учитель когда-нибудь бывал сам в России?

— Нет, но он всегда очень хорошо отзывался об этой стране и говорил, что Россия укажет истинный путь Индии.

— А ваш брат давно живёт в России?

— Более десяти лет, у него там уже выросли дети, учатся в русской школе и, когда приезжают с родителями в отпуск, то, несмотря на индийскую внешность, по образу мыслей, поведению, привычкам они — русские.

— А что означает, Пракаш, по-вашему, быть русским?

— О, мистер Холмс, об этом мы много говорили с братом. Россия страна многонациональная, и он объехал многие её регионы. Понял, кто такие грузины, татары, армяне, узбеки и даже евреи, но часто жаловался учителю, когда тот ещё был в этом мире, что никак не может понять, кто такие русские. Учитель его успокаивал и обещал, что однажды он встретит в России человека и тот объяснит, кто такие русские. Но чтобы понять его объяснение, которое будет очень простым, брат должен хорошо знать русский язык. Учитель даже описал, как будет внешне выглядеть этот человек, и брат всё время искал его. И вот в прошлом году, когда брат приехал в отпуск, мы все обратили внимание на то, что он очень изменился. Мне трудно передать, в чём состояли эти изменения, поскольку они не касались его внешности. Это были внутренние перемены. В тот приезд он впервые сказал, что понял, кто такие русские. Мы все просили его рассказать, как это произошло, и действительно ли он встретил человека, о котором говорил учитель?

— Однажды, — начал он свой рассказ, — я ехал поездом «Москва — Петербург». Вместе со мной в купе оказался человек, внешне похожий на того, о котором меня предупреждал мой учитель. Мне очень хотелось с ним заговорить, чтобы проверить насколько верны данные мне предсказания, однако, я долго не знал, как начать разговор. Видимо, он это почувствовал и заговорил первым. Через какое-то время, когда наша беседа вошла в спокойное русло, я задал ему мучивший меня вопрос. Он улыбнулся и ответил, что всё очень просто, потому что хотя я и индиец, но понимаю по-русски. Он попросил меня внимательно вслушиваться в словосочетания, которые будет произносить. Я сосредоточился, а он стал чётко выговаривать словосочетания: армянский человек, французский человек,

татарский человек, американский человек, чеченский человек, еврейский человек и, наконец, сделав небольшую паузу, медленно произнёс — русский человек. После его слов мне вдруг действительно стало понятно, кто такие русские, о чём я и сказал своему спутнику. И что вы поняли, — спросил он. Русские, — ответил я, — это будущее название всего человечества. Видите, как всё просто, — сказал он и добавил, — об этом более ста лет назад пытался поведать миру Достоевский, но тогда его мало кто понял, поскольку не было развито понятие взаимовложенности явлений и процессов. Русский — объемлющее понятие ко всем нациям и потому сознание легко воспринимает понятия — русский американец, русский немец и даже русский китаец, но оно непременно встанет в тупик перед бессмысленным словосочетанием — американский русский, немецкий русский, китайский русский. Здесь дело не в численности той или иной нации, а в совершенно новом понятии, объемлющем все нации. И русский «национализм» так опасен не потому, что он реально существует, а потому что в перспективе он может объединить все нации на совершенно иных нравственных принципах, альтернативных тем, которые господствуют сегодня в библейской культуре.

— А что ещё рассказывал ваш брат о России? Что, по-вашему, имел в виду Саи Баба, когда говорил о необходимости помогать брату в делах России и Индии? — спросил Холмс.

— Речь шла о какой-то концепции, альтернативной Библии. Брат рассказал, что они со своим попутчиком проговорили об этом почти до утра. Тот русский оставил ему книги и обещал помощь в освоении новой концепции.

— И брат рассказывал вам об этой концепции?

— Да, он пытался, но тогда я не всё понял, поскольку брат говорил быстро и очень волновался. По-моему там речь шла о какой-то новой кредитно-финансовой системе, в которой не должно быть спекулятивного рынка ценных бумаг, не должно быть грабительского ссудного процента, с помощью которого все страны третьего мира, и Индия в том числе, попали в безнадёжную кабалу к Международному валютному фонду. Новая кредитно-финансовая система и, породившая её новая нравственность, сформируют и новую экономику, в которой в первую очередь будут удовлетворяться демографически-обусловленные потребности (пища, одежда, жилище, образование), а паразитные (предметы роскоши, все виды наркотиков, включая алкоголь и табак) — по остаточному принципу, на основе которого в современной цивилизации удовлетворяются демографически-обусловленные потребности.

Другими словами, произойдёт смена приоритетов, что и будет первым признаком становления новой концепции. Ещё он много говорил об информационной войне, которую Запад ведёт против России, и выражал уверенность, что, проиграв одно важное сражение, Россия войны не проиграла, а просто перевела противостояние на какие-то более высокие приоритеты средств управления. Он рассказывал о шести приоритетах информационного оружия, но я не могу их пересказать.

— Спасибо, Пракаш. Об этих шести приоритетах обобщенных средств управления я узнал из записки по книге Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска». Тот русский в поезде сказал вашему брату, что Россия проиграла Западу одно из сражений информационной войны, но саму войну не проиграла. Вы не могли бы уточнить, что он имел в виду? Я пытался разобраться в этом вопросе после ознакомления с двумя аналитическими

записками, переведенными на английский язык и размещенными на сайте, о котором здесь говорил Гриша. К сожалению, результат для России у меня получился неутешительный. Возможно, мне не хватает информации, но для мира в целом, вне зависимости от того, о каком приоритете обобщённых средств управления идёт речь, очень важно на каком языке приходит человеку информация. Вот мы здесь, представители трёх национальностей, но говорим друг с другом на английском языке. В этой поездке я общался с испанцами, египтянами, французами, русскими, немцами и везде язык общения — английский. Я согласен, что библейская концепция породила далеко не совершенные современные технологии, которые, тем не менее, распространяются по всему миру, и все страны мира стремятся, прежде всего, приобрести эти технологии, но всё их лексическое сопровождение — на английском языке. Всё программное обеспечение компьютеров, а следовательно — и международная сеть интернет — на английском языке. А русский язык, на котором разработана новая концепция, альтернативная библейской, — им владеют не более трёхсот миллионов. Как русские собираются решать проблему языка общения?

— Я готов помочь Пракашу в этом вопросе, если он не будет возражать, — вмешался в разговор Гриша.

— Да, разумеется. Не думаю, что и мой брат смог бы ответить на ваш вопрос мистер Холмс.

— Вы, мистер Холмс, совершенно правильно обратили внимание на технологии, — начал свои пояснения Гриша. — Но разработка любых технологий — удел наук, которые являются вторичными по отношению к наукам фундаментальным. А фундаментальные науки — в свою очередь, — вторичны по отношению к самой фундаментальной науке: философии. И не удивительно, что мы имеем современную технократическую цивилизацию, в основе которой лежит библейское мировоззрение, обслуживаемое современной западной философией. Так что весь понятийный и терминологический аппарат технократической библейской цивилизации — действительно выражен на английском языке, который есть симбиоз латыни и древнегреческого, на которых и писались первые экземпляры Библии. И если мы пойдём по этому пути, то подменим причину следствием. А где вы можете познакомиться с русским мировоззрением и русской философией? Все наши леонтьевы, соловьевы, бердяевы, федоровы и многие другие лишь пытались на русском языке критиковать или пересказывать западных философов. Получалось, что на языке цивилизации, имя которой объемлюще по отношению ко всем нациям мира, не существует миропонимания, выражающего в определённой лексике её мировоззрение. Насколько я понял, в конце второго тысячелетия, если счёт вести по христианскому летоисчислению, не могло не появиться и появилось русское миропонимание и русская философия, как фундамент грядущей новой цивилизации. Я не знаю, сколько это потребует времени, но несомненно одно — они обязательно породят и новую фундаментальную, и новую прикладную науку, потому что в новой философии впервые правильно ставится главный вопрос: «Для чего быть науке?» В западной философии, обслуживающей библейское мировоззрение, этот вопрос стоял иначе: «Какой быть науке?» В такой постановке вопроса о роли науки в обществе, вопрос о нравственности тех или иных технологий, просто не встаёт. И как только, мистер Холмс, где-то в западной прессе вместо вопроса «Как жить?», вы прочитаете вопрос «Для чего жить?», знайте — вода новой, альтернативной библейской концепции уже делает и на западе

своё дело. А поскольку новое мировоззрение и новая философия, его выражающая, существуют на русском языке, то некоторые новые понятия на английском языке просто не выразить, и потому придётся всем в мире осваивать язык грядущей глобальной цивилизации — русский. Этому также будет способствовать и новое информационное состояние, в которое с середины двадцатого столетия вошло всё общество.

Вы, мистер Холмс, должны со мной согласиться, что владей Вы русским языком, то на многие свои вопросы вы нашли бы ответы у себя дома за монитором компьютера на сайте www.dotu.ru, а не в продолжительной поездке, которая всё же во многом утомительна, хотя и интересна.

— Ваша версия грядущей цивилизации и роли русского языка в ней заслуживает внимания, но я хотел бы понять, в чём смысл нового информационного состояния, о котором слышу впервые.

— О новом информационном состоянии мы много беседовали в прошлом году с русскими. Речь тогда шла о процессе смены логики социального поведения общества в целом. Я не сразу всё понял, пока они не рассказали мне одну суфийскую притчу, которую я тогда записал и перевёл на английский, поскольку, на мой взгляд, она очень красноречиво иллюстрирует информационное состояние общества в начале третьего тысячелетия. Но я думаю, что вы сможете найти и оригинальный текст, поскольку её рассказчик — Идрис Шах — долгое время жил в Англии и писал на английском для западного читателя.

Рассказывая, он перебирал в папке бумаги, пока не нашёл нужную.

— Если вы позволите, то я вам её зачитаю.

— Да, Гриша, пожалуйста.

— Притча называется «Когда меняются воды» и, по моему мнению, она имеет прямое отношение к «Мёртвой воде» — такое название дали русские концепции, альтернативной библейской.

«Однажды Хидр[1], учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

— Наступит такой день, — сказал он, — когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, от которой люди будут сходить с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он собрал большой запас воды и спрятала его в надежном месте. Затем он стал поджидать, когда вода изменится.

В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в убежище, стал пить из своих запасов.

Когда он увидел из своего убежища, что реки возобновили свое течение, то спустился к сынам человеческим. Он обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, они не помнят ни то, что с ними произошло, ни то, о чем их предостерегали. Когда он попытался с ними заговорить, то понял, что они считают его сумасшедшим и проявляют к нему враждебность либо сострадание, но никак не понимание.

По началу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако в конце концов он решил пить отныне новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшие его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой. Он выпил новой воды и стал таким, как все. Тогда он совсем забыл о запасе иной воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом исцелился от своего безумия».

Гриша закончил чтение. Холмс и Пракаш молчали, погруженные в свои мысли.

[1] Хидр («Зеленый») — совершенный суфий, покровитель суфиев.

— Если вы не против, — прервал их размышления Гриша, — то я мог бы дать и соответствующий комментарий к этой притче.

— Разумеется, — сказал Холмс, — это интересно.

— Это — иносказание, — начал Гриша, — по мнению моих русских друзей — пережило века не случайно. Правда, в вымышленной сказочной реальности некоторые его иногда понимают, как «трансмутацию» природной воды, а не как некой иной «воды», свойственной обществу, которая по некоторым своим качествам в каком-то смысле аналогична воде в жизни планеты Земля в целом. Таким аналогом воды в жизни общества является культура — вся генетически ненаследуемая информация, передаваемая от поколения к поколению в их преемственности. Причем вещественные памятники и объекты культуры — выражение психической культуры (культуры мироощущения, культуры мышления, культуры осмысления происходящего), каждый этап развития которой предшествует каждому этапу развития вещественной культуры, выражающей психическую деятельность людей и господствующий в обществе строй психики.

Суфий древности мог иметь предвидение во «внелексических» субъективных образах о смене качества культуры, и потому имел некое представление в субъективно-образной форме о каждом из типов «вод». Но вряд ли бы его единообразно поняли современники, имевшие субъективно-образное представление только о том типе «воды» (культуры, нравственности и этики), в которой они жили сами, и вряд ли бы они передали это предсказание через века, попробуй он им рассказать всё прямо. Но сказка, как иносказание о чудесном неведомом и непонятном, пережила многие поколения.

Естественно, что с точки зрения человека живущего в одном типе культуры, внезапно оказаться в другом — качественно ином типе культуры — означает выглядеть в ней сумасшедшим и возможно вызвать к себе «враждебность» или сострадание. Само же общество, живущее иной культурой, с точки зрения внезапно в нём оказавшегося также будет выглядеть как психбольница на свободе. Его отношения с обществом войдут в лад, только после того, как он приобщится к новой культуре, и новая «вода» станет основой его «физиологии» в преобразившемся обществе.

— Очень интересная аналогия, Гриша, — заметил Холмс. — Вы, я вижу, неплохо подготовились к новому информационному состоянию, и новая вода стала для вас частью новой культуры.

— Да, мистер Холмс, но на это мне потребовался почти целый год. И скажу больше: это был самый трудный год в моей жизни, так как пришлось переосмыслить всё, что было таким привычным и удобным.

— И как после этого жизнь стала легче?

— Нет, легче не стало, может даже труднее, но намного интереснее, так как цели обрели устойчивость и определённость.

— А почему вы не возвращаетесь в Россию? Там, насколько я понял, теперь у вас есть единомышленники?

— Это для меня сейчас самый сложный вопрос. Да, я хотел бы вернуться в Россию, и никто не смог бы меня удержать здесь. Родители очень ждут. Но у меня появилось несвойственное мне ранее чувство долга, к которому никто меня, кроме моей совести не принуждает. Если бы эту миссию, которую я здесь выполняю, мне поручило государство, то я не смог бы сделать и десятой доли того, что делаю здесь по доброй воле. В России я

имел большие деньги и большие возможности в смысле жизненных благ, но не имел душевного равновесия. Три года назад я приехал сюда за тем, чтобы обрести здесь душевный покой, и, как мне показалось поначалу, обрёл его. Но потом со мной началось такое, что словами передать невозможно. Могу лишь провести некую аналогию. Бывало ли с вами такое, мистер Холмс: вы спите, видите прекрасный сон, иногда просыпаетесь, но с одной лишь мыслью — как снова вернуться в этот прекрасный сон. А когда вы не можете этого сделать, то в душе вашей поднимается раздражение. Если с вами такое случалось, то вы поймёте меня. И это моё состояние продолжалось до приезда русских из Петербурга. Да, я проснулся и увидел всё несовершенство окружающей меня жизни. Иногда я жалею о прекрасном сне, в котором пребывал почти два года; иногда во мне поднимается раздражение, но усилием воли я подавляю его и продолжаю делать своё новое дело. У меня появился круг новых друзей, а многие приезжающие сюда русские, возвращаются другими и, как они сами говорят, словно очнувшимися от глубокого сна. И я буду здесь до тех пор, пока не появится кто-то равный мне или лучше меня, способный давать людям пить новую воду. И мне безразлично, какой он будет национальности: тут я полностью согласен с братом Пракаша.

— Я искренне рад за вас, Гриша. И я благодарен вам за то, что вы мне пояснили многие вещи, но есть один вопрос в отношении России, который давно не даёт мне покоя.

— Не уверен, мистер Холмс, смогу ли я вам на него ответить, но ваш искренний интерес к России не вызывает у меня сомнений и потому я готов.

— Многое мне непонятно в истории России: почему так легко в этой стране берутся за всё новое, а потом с такой же лёгкостью это новое отбрасывают, как ненужное заблуждение? Не говорит ли это о легкомыслии русских?

— Удивительное дело, но этот вопрос долгое время волновал и меня. Я не мог его так четко сформулировать, как это сделали вы, но разговор на эту тему был с гостями из Петербурга, и я попробую пересказать их точку зрения на эту проблему. По их мнению, долгое время русская региональная цивилизация исполняла роль системы с положительными обратными связями по отношению к глобальной цивилизации, *конечно, если смотреть на процессы в ней с позиций миропонимания региональной цивилизации Запада*.

— Это что-то из области кибернетики?

— Нет, мистер Холмс, это из области достаточно общей теории управления. Согласно ей, когда в такую систему попадает сигнал (возмущение) с определённой частотой колебаний, то амплитуда колебаний системы нарастает, и она может даже разрушиться, если не избавится от привнесённого извне возмущения. Если этот же сигнал попадает в систему с отрицательными обратными связями, то амплитуда возмущений падает, система стабилизируется и входит в равновесное состояние.

— Не понимаю, какое может быть сходство у такой системы с Россией.

— Русская цивилизация — социальная система, а роль возмущающего сигнала, поступающего извне, может играть, например, пришедшее из Византии исторически сложившееся христианство, или марксизм, который не только был навязан русскому народу, но в какой-то мере, как и христианство, был поначалу принят определённой частью населения

России. А теперь представьте, что и то, и другое не согласуется с тем, что на Руси всегда называлось Божьим промыслом. Вот и получается, что Россия, как система с положительными обратными связями, такое «возмущение», поступившее извне, сначала принимает, потом доводит до абсурда и, в целях самосохранения, выбрасывает.

— И как долго это может продолжаться?

— До тех пор, пока Россия не начнет первой в глобальной цивилизации жить в согласии с Божьим промыслом. Такова её миссия.

— Ну, а как другие цивилизации, Запад, например?

— Если продолжать эту аналогию, — ещё раз обращу внимание: с позиций норм культуры Запада, — то Запад — система с отрицательными обратными связями, и она приспосабливается к тому управляющему сигналу — «возмущению», которое входит в противоречие с Божьим промыслом.

— И какой существует механизм приспособления к неправедному управляющему сигналу?

— А система разделения властей, благодаря которой законодательная, исполнительная и судебная власти изолированы друг от друга, и на этой основе благонамеренные чиновники в каждой из них пытаются пресечь и компенсировать злоупотребления других властей. Это отчасти позволяет уменьшать амплитуду возмущений, порождаемых неправедностью концептуальной власти, а миру всё это предстаёт, как пример стабильной системы.

— И что же в этом плохого, почему Россия не хочет воспользоваться приёмами, уже веками отлаженными на Западе?

— Пытается. В России после августа 1991 года тоже заговорили о разделении властей, но у каждой цивилизации — своя миссия, если речь идёт о Божьем промысле. Всё дело в праведности. В ней все проблемы Русской цивилизации. И потому никакое разделение властей в России невозможно. Более того, всякие попытки копировать в этом отношении Запад, будут только усугублять положение России. Русские издревле называли свою землю Святой Русью. А притязания обязывают точно так же, как и положение. А если кто-то считает, что ни притязания, ни положение его не обязывают, то они его убивают. Поэтому благоденствие в России возможно только, если в ней праведная концептуальная власть, праведная власть идеологическая, законодательная, исполнительная, судебная и… никакого разделения властей, а их взаимопроникновение и поддержка представителями каждой из них деятельности других.

Гриша сжал кулак и показал, что все виды власти должны в России работать, как единое целое, после чего закончил.

— Но если смотреть на невозможность в России осуществить разделение властей по западному образцу с позиций более свободного мировоззрения, нежели господствующее на Западе, то именно Россия является замыкателем отрицательных обратных связей всего человечества. Иначе говоря, то, что при региональном масштабе рассмотрения видится как разрушающие систему положительные обратные связи, в альтернативно объемлющем процессе, *т.е. в жизни глобальной цивилизации,* предстаёт как отрицательные обратные связи, не позволяющие человечеству в целом прийти к устойчивости неправедного мирового порядка. Такова миссия России. Не знаю, смог ли я ответить, на ваш вопрос, мистер Холмс, но меня такое объяснение удовлетворило.

— Да, в этом что-то есть, — задумчиво произнёс Холмс, и после небольшой паузы продолжал.

— Странная у меня получилась поездка. Вроде бы собрал много интересных фактов, но необходимо время, чтобы их осмыслить и привести в систему. Я понял, пожалуй, главное: русские действительно смотрят на мир как-то иначе и потому к решению многих проблем подходят совсем не так, как на Западе. Интересно и то, что во всех странах я получал копии петербургской газеты «Час пик», которая, насколько я понял, не является газетой федерального уровня. Чтобы это значило, Гриша?

— Этого, мистер Холмс, я вам объяснить не могу, но могу предложить ещё один «Час пик», который возможно вас заинтересует.

С этими словами Гриша достал из своей папки копию 4-й страницы газеты «Час пик» от 2-го июня 1999 года, № 21 (73) с большой статьёй на целую полосу. Холмса заинтересовала не сама статья, а фотоснимки или, скорее всего снимки-коллажи, в которых на панораму Петербурга была наложена панорама Нью-Йорка, а вернее той части Манхеттена, над которой ещё возвышались невредимые башни-близнецы.

— Гриша, переведите, пожалуйста, название статьи, — попросил Холмс.

— «О вреде и пользе мифологии», — перевёл Гриша.

— А фамилия автора?

— Жуков, Константин.

— Насколько я знаю историю второй мировой войны, маршал Жуков повернул войну в Сталинграде и взял Берлин?

— Да, мистер Холмс, Георгий Константинович Жуков, русский маршал, после того, как наши соотечественники оплевали Сталина, олицетворяет собой перелом во всём ходе войны: разгром гитлеровцев под Москвой, разгром немецких фашистов под Сталинградом, и как итог — он принял безоговорочную капитуляцию третьего рейха под Берлином в Потсдаме и он командовал парадом Победы. Всё это — правда, но далеко не вся правда. Есть силы, которым в России необходим посмертный культ мифологизированной таким образом личности маршала Жукова. Пока в этот и многие другие мифы люди верят, то им не осознать скрываемую за такого рода мифами более значимую правду о революциях в России об эпохе первой половины XX века в целом. А вот это уже не миф, а суровая реальность нашего времени.

— Странно, но о сути мифологии, её «вреде и пользе» мы много говорили с одним русским графом в Лихтенштейне две недели назад. Тогда речь шла о другой мировой войне — информационной. Потом под Мадридом я беседовал с русскими и испанцами об эгрегориальных и матричных войнах, идущих на земле со времён Атлантиды. В Египте я узнал о совершенно необычной стороне деятельности русского поэта Пушкина, которого некоторые в России считают наследником фараона Эхнатона и его последователя Моисея. И вот уже в Индии я узнаю о том, «как меняются воды». Если вы, Гриша, не возражаете, то я взял бы с собой копию газеты и текст притчи, с которой вы нас любезно ознакомили.

— Да, конечно, мистер Холмс, всё это я приготовил специально для вас. Сейчас как раз в ашраме время обеда. Давайте сходим в столовую, и вам уже пора собираться.

Они вышли из блока «WEST», где их разместили, и по дороге в столовую увидели небольшую группу паломников, стоящих под навесом от солнца.

— Чего они ждут? — спросил Холмс.

— Привезли свежие кокосовые орехи, если желаете, то перед обедом можно попробовать — прекрасно утоляет жажду.

Холмс согласился больше из любопытства. Они встали в очередь, и он мог наблюдать, как смуглый и босой индиец доставал из груды кокосов орех, одним точным ударом большого кривого ножа отсекал верхушку и подавал орех паломнику. Тот брал его двумя руками, вставлял в отверстие пластмассовую трубочку и медленно вытягивал содержимое. На вкус это была кисловатая, прохладная, чуть терпкая жидкость.

После вегетарианского обеда в столовой ашрама Холмс и Пракаш тепло простились с провожавшим их Гришей и на местном такси, напоминающем разбитый шарабан, покатили по знакомой дороге в аэропорт. В самолёте на 155 мест оказалось не более двух десятков пассажиров. По внешнему виду и манере разговора это были очень состоятельные американцы. Удивительное дело, но вели себя они очень сдержанно и производили впечатление членов какой-то секты. Холмс пристроился у иллюминатора и, занятый своими мыслями, смотрел на удаляющуюся взлётную полосу аэропорта и разбитую на правильные квадраты зелень холмов.

По возвращении в Бомбей он почти не выходил из номера. Пракаш звонил дважды, предлагая прогулку по Бомбею: на побережье, в музей Ганди, местный ашрам Саи Бабы, но Холмс каждый раз вежливо отказывался, ссылаясь на усталость и занятость. И он действительно был очень занят — весь день просидел за ноут-буком. Он старался восстановить по свежим впечатлениям все детали прошедших двух дней, поскольку точно знал: то, что сейчас видится мелким и незначительным, через неделю, месяц, год может оказаться чрезвычайно важным для расследования, в которое он втянулся. Коридорный портье несколько раз приносил кофе, чай, салат, бутерброды. Холмс всё съедал, не обращая внимания на вкусовые ощущения, которые в нем словно притупились. Вечернее солнце уже осветило верхушки пальм в круглом внутреннем дворе отеля, когда он остановился и перечитал рабочий файл, название которому ещё в Лондоне дал Ватсон — «Последний гамбит». Холмс был очень удивлён — неужели минуло чуть более суток? Он проверил себя: в среду в 14.00 они с Пракашем прибыли в Путтапарти, а в 16.00 Холмс уже сидел в самолёте, который держал курс на Бомбей. Он попросил портье по телефону разбудить его в 23.00 и приказал себе спать.

Пракаш привёз его в аэропорт, когда регистрация пассажиров уже заканчивалась. Ночной Бомбей провожал Холмса морем огней; внизу — Индийский океан, впереди — Европа, Франкфурт-на-Майне, Лондон. Закутавшись в тёплый шерстяной плед, Холмс постарался снова заснуть, и это, кажется, ему удалось. Небольшая стоянка во Франкфурте, где Холмс успел выпить чашку чая, а в 8.35 самолёт точно по расписанию приземлился в аэропорту Хитроу. Холмс посмотрел на часы, стрелки которых он перевёл на время по Гринвичу еще во Франкфурте, и подумал, что госпожа Гудзон уже заканчивает накрывать стол к завтраку. Была суббота, 13 октября 2001 года. Минуло ровно три недели, как он вылетел из этого аэропорта в Цюрих.

Часть IV. Снова Холмс и Ватсон.

Утро. Суббота. 13 октября. Лондон

Через час с небольшим Холмс был в гостиной, где заканчивал свой завтрак Ватсон, между тем как госпожа Гудзон в туго накрахмаленном белом переднике, пытаясь скрыть свою радость привычным ворчанием, хлопотала вокруг прибывшего из дальних странствий квартиранта.

— И кто это вас гоняет, мистер Холмс, по белу свету? Не сидится вам дома? Всю ночь просидеть в кресле самолёта. И чего ради?.. Нет, нет, это не по мне. Не люблю эти «Боинги», особенно теперь, когда они то и дело падают то на землю, то в воду.

— Вот я и хочу понять, госпожа Гудзон, почему они падают. А в самолёте тоже можно спать, если не мешают. У меня было два свободных кресла рядом, и я прекрасно отдохнул до Франкфурта.

Холмс действительно выглядел посвежевшим и оживленным.

— Ну, дорогой Ватсон, «пикники» действительно путешествуют по всему миру.

— Лучше расскажите, Холмс, о ваших приключениях. У меня сложилось впечатление, что за три недели вы облетели пол земного шара.

Холмс посмотрел в окно, за которым моросил привычный лондонский дождь, и на его лице появилась улыбка удовлетворения.

— Видно, что вы соскучились по нашим дождям и туманам, мистер Холмс? — спросила госпожа Гудзон.

— Я вдруг вспомнил, что когда спускался с трапа «Боинга» в Хитроу, у меня невольно вырвалась фраза: «Какой замечательно большой кондиционер на всю добрую старую Англию!».

Холмс быстро позавтракал, и мы расположились в его кабинете, куда госпожа Гудзон принесла кофе. Раскурив свою трубку, с какой-то прежде не свойственной ему внутренней настороженностью, Холмс приступил к рассказу.

— Первое приключение было в аэропорту Цюриха. Во время процедуры прохождения визового контроля я обратил внимание на пассажира с рейса, прибывшего из Франкфурта-на-Майне. Вернее даже не столько на самого пассажира, сколько на газету, которую он держал в руках.

Холмс выложил на стол довольно помятую газету. Это были «Известия» от 22 сентября № 175.

— Понимаю, Холмс, почему вы обратили на нее внимание.

— Совершенно верно, Ватсон, — номер газеты совпадал с номером рейса Боинга 767, протаранившего южную башню ВТЦ, ну и естественно — день выхода газеты — 22 сентября. Учтите, Ватсон, числовое сходство я отметил про себя машинально и, наверное, на этом всё бы и закончилось, если бы неизвестный мне пассажир не прошёл паспортный контроль на несколько минут раньше меня. Получив вещи, я уже спешил к выходу, где меня ждал Луи Ренье, представитель нашей фирмы в Швейцарии, как вдруг мой взгляд упал на кресло в зале ожидания, в котором лежала та самая небрежно брошенная газета, на которую несколько минут назад я случайно обратил внимание. Как вы полагаете, Ватсон, что я подумал?

— Скорее всего, что одна и та же вещь не может просто так дважды попадать на глаза в бессмысленной толчее аэропорта.

— Совершенно верно, Ватсон. И все-таки какое-то время я стоял перед газетой в положении буриданова осла: взять? — не взять? И возможно бы

не взял, если бы взгляд не выделил в правом верхнем углу первой страницы вот эту фотографию.

Холмс развернул газету, с первой страницы которой на меня глядела улыбающаяся русская теннисистка Анна Курникова.

— Дорогой Ватсон, что вам напоминает эта фотография?

— Ровным счетом, ничего. Ну… раскручивают очередную модель, а попадёт она в порно- или в «высокую моду» — дело десятое…

Точно такой же вопрос я задал встречавшему меня Луи Ренье, который в ответ только пожал плечами.

— Ну я могу к этому добавить, что к шахматам эта «девица» уж точно никакого отношения не имеет.

— Переведите, пожалуйста, Ватсон, надписи под фотографией, может они вам что-то подскажут?

— «Анна Курникова. Долгожданный ракурс». И чуть ниже название статьи: «Ничего личного» с кратким пояснением тематики — «Американский Playboy хочет снять русскую красавицу». Я понимаю, что вы имеете в виду, дорогой Холмс, но моя интуиция ничего не говорит мне о связи этой девицы с «пикниками».

— Ну а заголовок передовицы? Может он что-то подскажет вашей интуиции, Ватсон?

— «Сумерки свободы», «Американская трагедия может похоронить демократию», — медленно, как школьник, переводил я заголовки передовицы, продолжая вглядываться в фотографию симпатичной теннисистки и мысленно повторяя надписи под фотографией.

Нет, Холмс был прав, эта девица кого-то мне все-таки напоминала, но… среди моих знакомых женщин не было моделей для «Плэйбоя». А среди незнакомых… Этого не может быть! Меня снова охватило странное чувство, которое я испытал в баре отеля «Уолдорф» после беседы с Гальбой.

— По-моему, Холмс, я узнал её, это — Афродита Прекраснозадая.

— Как вы сказали, Ватсон? — переспросил Холмс. — Прекраснозадая? Но ведь у этой девицы спина, а не зад обнажена.

— Да, точно, — уже более уверенно, как на экзамене, продолжал я, — это Афродита Каллипига, что в переводе с греческого означает

«прекраснозадая». Её статуя стоит в Национальном музее Неаполя, а в далекие времена она особенно почиталась в Сиракузах. Снимок этой статуи, как и снимок Курниковой в «Известиях», — в правом верхнем углу «Пост исторического пикника». Там Афродита Прекраснозадая с плакатом «Свободной России — Свободную любовь», а здесь — «Сумерки свободы». Как это понимать, Холмс?

— Да, Ватсон, вижу — вы не плохо поработали с картинками русского ребуса. Но давайте все по порядку, а к этой газете мы еще вернемся, если найдём ответ на вопрос «Как это понимать?»

С этими словами Холмс раскрыл свой ноутбук, взял дискету и перегнал на неё какие-то файлы, после чего протянул дискету мне.

— На этой дискете есть файл, который, как мы с вами условились три недели назад, я назвал «Последний гамбит». Все мои встречи и беседы со множеством разных людей в Швейцарии, Лихтенштейне, Испании, Египте, Индии я, в меру своих возможностей, фиксировал на этом файле. Между прочим, это очень помогало мне осмыслить новую информацию, которая поступала иногда совершенно неожиданно. Надеюсь, Ватсон, что у вас тоже есть подобные записи, и я также готов с ними познакомиться. Давайте договоримся, что сегодня мы отдыхаем, обмениваемся общими впечатлениями и читаем файл «Последний гамбит», а завтра с утра приступаем к работе над «пикниками». Здесь также копии тех газет и различных записок, которые мне любезно предоставили мои собеседники. Но прежде, чем вы начнёте читать мои записи, Ватсон, я попросил бы вас ознакомиться вот с этой запиской, которую мне вручил в Каире один очень интересный человек. Запись беседы с ним на этой дискете. Мне кажется, что эта записка представляет особый интерес в свете той деятельности, которой мы оба занимаемся.

Я принёс свои записи Холмсу и оставил его отдыхать с дороги, а сам вернулся к себе и углубился в чтение записки из Египта. Она показалась мне настолько необычной и действительно значимой для нашей долгой совместной деятельности с Холмсом, что я решил привести её здесь полностью со всеми примечаниями и сносками неизвестных авторов из России.

О принципах тандемной деятельности

«Высшее жречество древнего Египта сочетало в организации своей деятельности принципы чёта и нечета. Во времена, предшествующие исходу евреев из Египта, оно состояло из десятки высших посвященных Севера и десятки высших посвященных Юга[1], а каждая из десяток возглавлялась одиннадцатым жрецом, её первоиерархом и руководителем.

То есть, каждый из руководителей десяток, в случае голосований в ней[2], по своему разумению, будучи наивысшим из посвященных, т.е. наиболее знающим в составе одиннадцати, поддерживал одно из двух мнений, между которыми могли поровну разделиться ему подчиненные жрецы десятки, знающие меньше чем он по условиям построения иерархии. Это обеспечивало неизбежное принятие определённого решения по каждому из вопросов каждой из команд в целом, на Севере и на Юге, вне зависимости от того, как разделилась во мнениях десятка, подчиненная своему первоиерарху.

[1] Египет времен фараонов считался состоящим из двух земель: Севера и Юга, объединенных под одной короной фараона. Обе десятки и руководители каждой из команд высшего жречества в совокупности в системе властных отношений Египта реально стояли иерархически выше фараона, хотя в обществе поддерживался культ личности фараона, а не жречества, и фараон обычно обладал достаточно высокой степенью посвящения.

[2] Если первоиерарх допускал такое, а не принимал решение единолично.

Но если обе команды работали вместе, то ситуация «голосований», в которой мнения разделялись 11 — «за», 11 — «против», не только не была однозначно исключена, но была статистически запрограммирована самими принципами построения системы, поскольку высшие посвященные первоиерархи, руководившие каждой из десяток были равноправны, а их мнения были равно авторитетны для всех прочих.

Если голоса даже не обеих команд в целом, а только их первоиерархов разделялись поровну между двумя взаимно исключающими друг друга мнениями в отношении одного и того же вопроса, то равноправие руководителей команд ставило их в положение, в котором они обязаны были вдвоем прийти к общему для них единому мнению.

Таким образом, высшая властная структура древнего Египта математически описывалась весьма своеобразной формулой:

$2 \times (1 + 10)$

Конечно, легко представить, что двое наивысших жрецов могли договориться между собой бросить жребий и принять то решение вопроса, которое выпадет по жребию. Такой подход к решению проблемы разрешения неопределённости в принятии решения (в случае распределения голосов поровну между двумя взаимно исключающими вариантами) понятен и приемлем для подавляющего большинства любителей «машин голосования». И построение многих из них на принципе нечетности числа участников голосований играет роль именно такого рода бросания жребия, поскольку мало кто заранее может предсказать, как именно распределятся голоса при синхронном голосовании группы, и на чьей стороне окажется единственный решающий голос.

Однако, хотя по высказанному предположению руководители десяток и могли договориться между собой бросить жребий, но это было бы с их стороны нарушением системообразующих принципов их рабочей структуры «$2 \times (1 + 10)$», которую они умышленно построили и поддерживали при смене поколений таковой, чтобы она статистически запрограммировано допускала возможность разделения голосов поровну между двумя взаимно исключающими друг друга мнениями по одному и тому же вопросу.

Иными словами, хотя первоиерархи, руководившие десятками высшего жречества, были явно не глупее нынешних демократизаторов и могли догадаться, что такого рода невозможность принятия определённого решения при равенстве числа голосов «за» и «против» легко снимается простым бросанием жребия, но сверх того они понимали и другое: лучше этого не делать. И именно того, что решение вопроса действительно лучше не отдавать на волю непостижимого случая, а в ряде обстоятельств и не доверять большинству голосов[1], не понимают наивные сторонники машин голосования; а также и сторонники монархии, заботящиеся об автоматически неизбежном принятии решения по любому вопросу преимуществом минимум в один голос при нечетном количестве участников голосующего «комитета».

Эта особенность построения рабочей жреческой структуры «$2 \times (1 + 10)$» подразумевает, что при несовпадении мнений двух равноправных первоиерархов по одному и тому же вопросу, они оба должны были стать участниками какого-то иного процесса выработки и принятия решения, исключающего осознанно непостижимую случайность выпадения жребия, а равно — единственного решающего голоса. Это — единственное разумное объяснение такому системно выраженному отвращению высшего жречества Египта к принятию решения на основе непостижимости случайного выпадения жребия, а равно и в результате непостижимости случайного перевеса в один голос.

И если рабочая структура «$2 \times (1 + 10)$» существовала в течение веков без склок между первоиерархами её ветвей и не была заменена структурой выражающей принцип нечетности, то это означает, что первоиерархи действительно умели обеспечить работоспособность

[1] В нём может выражаться господствующее в обществе заблуждение, следование которому общественно вредно тем более в кризисных ситуациях.

системы на основе принципа «ум — хорошо, а два — лучше»[1] и обосновано целесообразно выбрать из двух взаимно исключающих мнений наилучшее, либо выработать третье мнение, превосходящее два прежних несовместных.

Иными словами, они умело осуществляли *тандемный принцип* в своей интеллектуальной и в психической в целом деятельности, который от них[2] унаследовали и раввины Великой Синагоги древности, вызвавшие непонимание и удивление А.Ревиля своей приверженностью парности безо всяких к тому явно выраженных гомосексуальных причин, чем возможно бы объяснили всё фрейдисты.

Однако в обществе *почти всеобщей грамотности, нежелания и неумения думать*, в котором живем и мы, и читатели настоящей работы, одно из наиболее легких дел — написать, а равно и прочитать, слова «интеллектуальная деятельность на основе тандемного принципа». Практическое понимание их, а тем более осуществление в своей собственной жизни того, на что они указуют, гораздо труднее, чем прочтение или написание слов.

Первое, что может придти на ум читателю, это воспоминание о тандеме — велосипеде, на котором педали крутят два велосипедиста сразу и согласованно. Для тех, кто не только видел велосипед-тандем, но и ездил на нём не в одиночку, наверняка запомнилась легкость полета в сравнении с велосипедом для одного, возникающая за счет того, что сопротивление движению у тандема всего лишь несколько больше, чем у велосипеда для одного, а энерговооруженность примерно вдвое выше. Также наверняка памятно и то, что, если Ваш напарник в тандеме еле шевелит ногами, лишь бы ему только не отстать от темпа, с которым лично Вы крутите педали из всех сил, то Вам будет куда менее приятно, чем везти попутчика на велосипеде для одного.

Примерно также, как в велоспорте, обстоит дело с тандемным принципом в сфере интеллектуальной деятельности: если двое в тандеме нашли пути, чтобы обеспечить *сочетание*[3] своих личностных возможностей, то эффективность тандема превосходит возможности каждого из его участников, а преимущества тандемного принципа «ум — хорошо, а два — лучше» для тех, кто смог его осуществить, очевидны и неоспоримы; если же двое в попытке образовать тандем *не сочетаются*, то тому, чья личностная духовная культура более развита, одному придется волочь на себе через «полосу жизненных препятствий» и своего напарника, и все тандемные порождения, и это в некоторых ситуациях может оказаться выше его сил даже, если его *единоличностные* возможности и позволяют ему относительно легко пройти всю «полосу препятствий» в одиночку.

Однако, тандемному принципу интеллектуальной деятельности присуща и особенность: в отличие от велоспорта, где тандем, на который можно сесть и поехать, обгоняя велосипедистов-одиночек, заведомо зрим и осязаем, все благие тандемные эффекты при интеллектуальной деятельности возникают и проявляются только в случае сочетаемости его участников. Она может быть изначальной, и в этом случае тандем складывается «сам собой» без каких-либо целенаправленных усилий с их стороны, по какой причине может оставаться невидимым для их сознания, занятого другими проблемами, пребывая в области их бессознательной психической деятельности. Если же изначальной сочетаемости нет, а люди не догадываются о возможности достижения ими в деятельности тандемного эффекта, то они и не предпринимают целенаправленных усилий к тому, чтобы, изменив свое отношение к себе и окружающим, обеспечить свою сочетаемость в тандеме.

---

[1] По отношению к машине голосований это означает, что ум каждого из её участников — хорошо, а два ума её руководителей — лучше всякого из составляющих её индивидуальных умов.

[2] Через сопровождавшую Моисея периферию египетского жречества, внедрившегося в колено левитов.

[3] В данном случае слово очень точное: тандем это — первый «чёт» в натуральном ряду, образуемый двумя единицами-«нечетами», которые сочетаются между собой.

Это — две причины, по которым тандемный принцип «ум — хорошо, а два — лучше», остался вне рассмотрения разного рода психологических школ: если он осуществился, то о нем *нечего* и говорить, поскольку он — не цель, а средство достижения каких-то иных целей; если он не осуществился, то говорить просто *не о чем за отсутствием предмета разговора*. Мы же уделяем ему большое внимание потому, что он — цель ближняя, которая становится по её достижении средством осуществления иных более значимых целей.

Хотя ещё жречество Древнего Египта опиралось в своей деятельности на тандемный принцип, но методы обучения интеллектуальной деятельности на его основе были в системе посвящений Древнего Египта либо неявными (это более вероятно по нашему пониманию законов сохранения и распространения информации в обществе[1]); либо явные методы были достоянием исключительно наивысших посвященных (это, на наш взгляд менее вероятно, поскольку кто-нибудь оставил бы, если не прямые указания на него, то иносказательные, а таковые неизвестны).

В пользу высказанного в предыдущем абзаце говорят и те исторические обстоятельства, в которых Египет перестал быть Египтом и сошел «сам собой» с исторической сцены. Это свершилось в результате того, что стоявшая в течение столетий над фараоном и государственностью концептуально властная структура высшего жречества Египта «$2 \times (1 + 10)$», покинула Египет во времена Моисея вместе со служителями Амона, в период плена египетского внедрившимися в среду древних евреев. Как после этого увял Египет фараонов, в общем-то широко известно, хотя этот процесс увядания историки и не связывают с исчезновением жреческой рабочей структуры «$2 \times (1 + 10)$»[2].

[1] Довольно затруднительно рассказать о том, для чего нет в культуре «слов».

[2] Одна, даже возможно не глупая, но вседозволенно игравшая на половых инстинктах мужчин Клеопатра, чьё царствование завершилось самоубийством и присоединением Египта к Риму в качестве провинции, заменить эту структуру не смогла. Но Клеопатра — последняя из череды египетских монархов, правивших без охранительной опеки покинувшей Египет жреческой структуры. На её царствование только пришлось завершение процесса, начавшегося гораздо раньше, и которому она противостоять не могла потому, что это был длительный процесс, недоступный восприятию и пониманию сиюминутно похотливого ума царицы и её окружения.

Часть IV. Снова Холмс и Ватсон

В послесловии И.Кацнельсона к роману Б.Пруса «Фараон»[1] отмечается, что в египетской древности был исторически реальный верховный жрец Амона в Фивах Херихор, который занял египетский престол, устранив Рамзеса XII, исторически реального последнего фараона XX династии (что послужило Б.Прусу реальной основой для сюжета романа). В этот период Египет распался на две части, а в последствии стал добычей иноземцев, по мере того, как отсебятина и невежество «элиты» и жречества, деградирующего до уровня сиюминутно алчного знахарства, приводила к прогрессирующему падению качества управления, которое и завершилось спустя несколько столетий при Клеопатре окончательным крахом.

И.Кацнельсон, как и многие другие, не обращают внимания на то, что эти реальные события краха XX династии и воцарения верховного знахаря в качестве фараона имели место ПОСЛЕ ИСХОДА ЕВРЕЕВ из Египта,

[1] Этот роман, вышедший в свет в 1895 г. и многократно переиздававшийся в России после 1985 г., — одно из немногих художественных произведений, в котором процессы общественного самоуправления в государстве описаны в художественных образах в их связи с процессом самоуправления глобальной цивилизации. Особая значимость романа в том, что автор верно увидел и описал в этом процессе самоуправления толпо-«элитарного» общества функциональную нагрузку различных устойчивых при смене поколений общественных групп и должностных лиц в структурах государственной и негосударственной власти.

Если в романе выделить управленческую составляющую сюжета, освободив её от второстепенных фактов, придающих зрелищность и душещипательность повествованию, то следует обратить внимание на следующую систему отношений:

- крестьянство и ремесленники, т.е. производительно трудящиеся народные массы, вне сферы их профессионализма в общественном объединении труда — в полной зависимости от деятельности чиновничьего корпуса, олицетворяющего государственный аппарат на местах (сцена «живых картин» в храме);
- вся периферия чиновничества на местах и в отраслях (в армии), числено превосходя центральный аппарат - двор фараона - тем не менее, не способна поодиночке противостоять политике центра и также оказывается от неё в полной зависимости;
- ключевая сцена романа — эпизод народного возмущения, синхронизированного знахарством с солнечным затмением. Она показывает, что и центральный аппарат, во главе со своим номинальным главой фараоном, ограничен в дееспособности деятельностью иерархии египетского знахарства (обычно именуемого «жречеством»), поскольку административная «элита» не способна по своему мировоззрению отличить управленчески значимую информацию, от ерунды: для этого ей необходимы консультации знахарей, что позволяет знахарям манипулировать разными слоями общества при помощи дозирования консультаций;
- но оказывается, что и иерархия знахарей Египта, в свою очередь, не свободна в своих действиях, и признавая старшинство Вавилонской иерархии знахарей, вынуждена согласиться с её посланцем и кардинально изменить политику Египта. Это воспринимается благонамеренным фараоном, как вредительство и предательство, поскольку он не принадлежит к числу высших посвященных, которые будучи верны дисциплине иерархии, не в праве объяснить ему весь поток причинно-следственных обусловленностей в их консультативной, по отношению к государственному аппарату, деятельности.

То есть система отношений: *«надгосударственное знахарство - кланы знахарства в государстве - «элитарный» аппарат государственного управления - производительно трудящиеся народные массы»* — показана правильно по существу их возможностей и существу их деятельности в толпо-«элитарном» обществе.

Если проводить параллели с современностью, то изменилось только одно: знахарство внутригосударственное и знахарство глобальное — не действуют в обществе столь же открыто, как это было в Египте, и как это показано Б.Прусом в романе.

Знахарство замаскировалось под иные социальные группы, причем правящее в библейской цивилизации надгосударственное знахарство и его местная периферия — отождествились с «элитой» (отсюда и отождествление чиновника церкви К.П.Победоносцева, раздавленного нравственно и мировоззренчески Библией, с верховным жрецом, имевшее место в интеллигенции России при выходе в свет романа в начале царствования Николая II; дело в том что жречество отгораживалось культом от толпы, но само не было раздавлено авторитетом культа); а внутригосударственное знахарство, которое не продалось надгосударственному глобальному и не было раздавлено им мировоззренчески, из сферы управления жизнью общества и консультирования государственного аппарата было вытеснено в сферу «костоправства» и простонародной практической магии, хотя временами оно активизировалось и в политике через «орденские» структуры простонародья.

Наряду с этим, следует отметить, что и Б.Прус — продукт библейской цивилизации и также по каким-то, ему свойственным причинам, внёс лепту в охрану её стабильности. Это выразилось в отражении в романе еврейско-ростовщической темы.

известного по Библии. То есть после того, как Египет уже разродился глобальной доктриной рабовладения на основе ростовщической тирании еврейских кланов, подконтрольных наследникам иерархии египетского Амона (библейского в общем, и церковно-«православного» Аминя, Аменя, А.Меня, в частности).

После начала этой агрессии методом «культурного сотрудничества», глобальному знахарству, извратившему заповедями ростовщичества и расизма Откровение, переданное через Моисея, культура Египта как государственного образования стала мешать. В целях обеспечения принципа «концы в воду»[1], хозяевами иерархии в лице его высших посвященных был нарушен принцип выработки решения двумя параллельными и равноправными её ветвями «2 × (1 + 10)». Тем самым исторически реальному Херихору была предоставлена возможность стать единственным дееспособным первоиерархом той ступени знахарства, которую обошли стороной при посвящении в глобальные планы, дабы она, оставаясь в Египте, не путалась под ногами у претендентов на мировое господство.

Возможно, что, не понимая существа и эффективности *тандемного принципа выработки решения* и единоначалия при его осуществлении в жизни (это лежало на фараоне и иерархии чиновничества), будучи не посвященным в целесообразность построения *системы управления Египтом при смене поколений*, под властью которой Египет жил в течение нескольких тысячелетий, реальный Херихор — индивидуалист по своим нравственным идеалам и мировоззрению — сам устремился к единоличной высшей государственной власти и занял должность фараона. Это было ему позволено устремившейся к глобальной безраздельной внутрисоциальной власти жреческой *неформальной* системой «2 × (1 + 10)» потому, что она более не нуждалась в том, чтобы властные структуры Египта по своим возможностям превосходили властные структуры других государств. С точки зрения *неформальной* структуры «2 × (1 + 10)», ставшей надгосударственной и международной, все государства должны были уступать ей в эффективности властных структур, а их культуры должны были быть унифицированы и в этом смысле. Переход в Египте к монархии, в которой монарх в системе общественных иерархий выше служителей культа, по-прежнему именуемых «жречеством», и решал именно эту

Ростовщичество, по сюжету романа душившее Египет, «списано» на сошедших с исторической сцены финикийцев, отсутствующих в нашей современности как живая национальная культура.

Возлюбленная юного фараона, вступившего в конфликт с высшим жречеством, Сарра и её сын еврей-наследник египетского престола — невинные жертвы деспотизма иерархии знахарства. Нечто подобное имело место и в юности у Николая II: возлюбленная еврейка была, но третье отделение вмешалось своевременно, и до гражданского или церковного брака и наследника-еврея дело не дошло.

Злобному и деспотичному знахарству Египта в романе мимоходом противопоставлен Моисей, который характеризуется жрецом-персонажем как «жрец-отступник», нарушивший клановую дисциплину иерархии, вследствие чего Сарра на реке *распевает открыто* священную песню, в которой воспевается Единый Всевышний Бог. Это знание в Египте было уделом высших посвященных, сокрытым в храмах, и не подлежало пропаганде в народе, поскольку вело к уничтожению земной иерархии знахарства за ненадобностью в той культуре, к которой призвал Моисей.

Но, намекнув на эту правду, Б.Прус не процитировал внутрисоциальную доктрину Библии, согласно которой ростовщическое властвование над государствами и народами — не удел сошедших с исторической сцены финикийцев, а удел исторически реального и современного Б.Прусу и нам еврейства, чьи предки отвергли миссию просвещения всех народов истинной религии, предложенную им через Моисея, дабы защитить и их самих от деспотизма египетской иерархии, избравших еврейство в качестве орудия осуществления мирового господства.

Тем самым, вне зависимости от намерений Б.Пруса, эта доктрина ростовщического паразитизма *отождествилась по умолчанию* с учением Моисея, пророка Всевышнего Бога, к чему нет никаких религиозных и исторических причин. А сочувственное отношение читателя к безвинно погибшим Сарре и её сыну, также по умолчанию должно распространиться и на всю диаспору еврейства, осуществляющую эту доктрину ростовщической тирании на протяжении истории.

[1] А равно и начала истории нынешней библейской цивилизации — в воду Леты (реки забвения древнегреческой мифологии)

задачу. Это было потерей устойчивости системы общественного самоуправления древнеегипетского регионального толпо-«элитаризма», которая до того поддерживала жизнь египетской региональной цивилизации на протяжении более чем 2000 лет, выводя её даже из случавшихся военных и социальных катастроф (катастроф управления) без потери самобытности её культуры.

Так древнеегипетская жреческая система «2 × (1 + 10)» — благодаря тандемному принципу более совершенная и безошибочная в выработке решений чем «нечетные» системы — перестала довлеть над единовластием его царей и некоторое время существовала в скрытном состоянии в среде иудеев. Позднее она проявилась открыто своей верхушечной частью в лице двух высших раввинов, возглавлявших Великую Синагогу древности примерно с 230 г. до н.э. на протяжении всего исторического времени, пока Древняя Иудея, в свою очередь, не принуждена была ею же сыграть после первого пришествия Христа в древнеегипетскую «игру» «концы-начала — в воду Леты[1]».

Это в общем-то и всё, что можно выявить из общеизвестной истории о роли тандемного принципа в прошлом. Прежде, чем переходить к анализу его возможностей в современности и в перспективе, следует отметить, что психика представителей древнего жречества, действовавших на основе тандемного принципа, явно отличалась от психики другой части жречества, людей подобных Херихору, предпочитавших осуществлять управление на основе единоличностных возможностей; а кроме того, и психика остального населения, не принадлежавшего жреческим структурам, большей частью отличалась от психики высших иерархов[2].

Именно из-за особенностей в строе психики и самодисциплины свойственной высшему жречеству, освоившему тандемный принцип интеллектуальной деятельности, по отношению к нему неприменимы общепонятные для толпы прошлого и настоящего подходы подкупа и силового или иного шантажа оппонента при несогласии с его взглядами. И те, кто думает, что среди дееспособного высшего жречества подкуп одного первоиерарха другим либо шантаж были возможны, должны ответить себе на вопросы: чем могли подкупить друг друга люди, чье слово реально было более властно, чем слово фараона, воспитанные с детства так, чтобы им не быть невольниками инстинктов и страстей, даже если бурей дурных страстей увлечено почти всё подвластное им общество? какие могли возникнуть между ними личные склоки, если их *ограниченные* физиологические и культурно обусловленные (в силу воспитания) потребности гарантировано могли быть удовлетворены всею мощью египетского государства[3], не малой даже по понятиям нашей современности, тем более что склоки уничтожили бы жизнеспособность структуры «2 × (1 + 10)», которая обеспечивала их в жизни всем, делая их почти полностью независимыми от общества и его «мнения», которое они сами же во многом и формировали?

Но это означает, что, будучи основой для ликвидации и разрешения разного рода «недоразумений», тандемный принцип для его осуществления сам требует ясного разумения определенных вещей и волевого согласования с такого рода разумением поведения каждого из участников тандема.

---

[1] Лета в мифологии древних греков — река забвения, отделяющая царство мёртвых от жизни. При её пересечении умершие по их поверьям утрачивали память о жизни.

[2] Знания же, которыми обладали представители разных общественных групп, выраженные в той или иной терминологии и символике, — всего лишь «приданое» к строю психики. Поэтому возможность или невозможность осуществления тандемного принципа в интеллектуальной деятельности вовсе не в образовательных цензах различных социальных групп.

[3] Со времен древнего царства, т.е. с самого начала известной ныне истории цивилизации Египта, в Египте существовал «Дом жизни» — жреческая структура, образно говоря объединявшая в себе информационные возможности нынешних Академии наук СССР и властные возможности спецслужб. По первому требованию Дома жизни, хозяйственная система Египта обязана была обеспечить его всем заказанным в потребном количестве без каких-либо пререканий.

Прежде всего, необходимо понять и смириться с тем, что концепция единоличного «авторского права», «права на интеллектуальную собственность», которая на Западе рассматривается как одна из основ их цивилизации, препятствует осуществлению свободной интеллектуальной деятельности и совершенствованию духовной культуры в обществе как вообще, так и на основе тандемного принципа, в частности.

Тандемная интеллектуальная деятельность основывается во всех без исключения случаях на признании объективности факта самостоятельного бытия всех тандемных порождений и подчинении этому довлеющему над тандемом факту своего поведения каждым из его участников. То, что рождается в результате интеллектуальной деятельности на основе тандемного принципа, не является продуктом интеллектуальной деятельности кого-либо одного из участников тандема. И в продукте тандемной деятельности реально невозможно разграничить «авторские права» каждого из его участников на отдельные искусственно вычлененные составляющие *целостного продукта* тандемной деятельности[1].

Последнее обусловлено тем, что тандемный принцип в его осуществлении во многом подобен игре в домино в том смысле, что вклад одного участника в порождаемый ими продукт тандемной деятельности обусловлен предшествующим вкладом другого и, в свою очередь, предъявляет требования к последующим вложениям их обоих. Именно в силу этого все тандемные порождения и обладают самостоятельностью *бытия, при котором присутствуют участники тандема.* В тандеме ни один из его участников не обслуживает интеллектуальную деятельность другого[2].

Сказанное — ключи к осуществлению тандемного принципа в жизни, а не правила, придуманные для некой интеллектуальной «игры», которые возможно изменить по своему произволу, в результате чего получатся правила другой «игры», после чего возможно выбрать ту «игру», которая более соответствует нраву.

Каждый человек, будучи частью объективного мира, обладает только ему свойственными личностными особенностями, что получило название «субъективизм». В общественной жизни людей именно субъективизм исследователей, ученых, разработчиков является источником появления в культуре новых знаний и навыков. Но он же является и основным источником ошибок, проистекающих из разного рода ограниченности и

---

[1] Подобно тому, как это имело место в справках, требуемых ВНИИГПЭ о вкладе каждого из участников коллективной авторской заявки на изобретение. В составе документов заявки на изобретение была справка, из которой можно было узнать, что «Вася» предложил техническое решение; «Петя» разработал формулу изобретения; «Коля» провел поиск по архивам патентных служб и т.п. А вознаграждение за изобретение должно быть поделено между участниками в пропорции «x : y : z».

Этот юридический бред, с точки зрения юриста возможно выглядит красиво, и возможно, что действительно «Вася» непревзойденный разработчик, однако неспособный связать двух слов; «Петя» как разработчик — исчезающе малая величина, но непревзойденный крючкотвор, способный юридически безупречно обосновать, что колесо изобретено им и его приятелями; а «Коля» же может убедительно показать со ссылками на патентные архивы, что прототипом изобретенного ими колеса послужила обыкновенная всем известная шестигранная гайка.

Но чаще было так, что несколько человек, взаимно дополняя и поддерживали друг друга и в разработке, и в формулировке, и в патентном поиске (если таковой вообще проводился), а кроме того в заявку было вписано и несколько непричастных к самой работе паразитов, большей частью административных лиц, от которых зависело принятие решения о внедрении. И после того, как определился состав авторского коллектива, формальные требования справки об участии были удовлетворены кем-то одним, кто взял на себя делопроизводство при высылке материалов заявки во ВНИИГПЭ (аббревиатура, за которой скрывается Государственный институт патентной экспертизы, породивший и поддерживавший этот юридический маразм на протяжении десятилетий бытия СССР, подрывавший дееспособность советской науки и техники и плодивший в ней паразитов на руководящих должностях).

[2] В высшем жречестве Египта вся десятка обслуживала деятельность своего первоиерарха, но ни один из первоиерархов не обслуживал другого.

недостаточности субъекта. Если кто-либо высказывает мнение, не совпадающее с общепринятым, господствующим, то достаточно часто его упрекают словами: «А-а-а... Это *твое* мнение...» Однако, в подавляющем большинстве случаев упрекающие других подобным образом в том, что те имеют *свое* мнение, предпочитают не задумываться о содержании этого мнения и о том, насколько сообразно и соразмерно в нём выражено объективное течение событий жизни, а в чём конкретно субъективное мнение ошибочно и какие особенности психической деятельности высказавшего его человека нашли свое выражение в этих ошибках.

Если задаться именно этими вопросами, то всё уничтожающий скептицизм и нигилизм «А-а-а... Это твоё мнение» преобразится в одну из двух составляющих тандемного принципа. Если ответы на такого рода вопросы не будут отвергнуты носителем мнения «А пошёл ты... Кто ты такой, чтобы учить меня?!!», то он тем самым начнет свою часть тандемной деятельности, в результате чего его первоначальное мнение может измениться, но кроме того новому мнению будет сопутствовать и некое мнение о напарнике как о человеке и как о носителе определенных знаний и навыков.

Если напарник не отвергнет это мнение по вопросу и сопутствующее ему мнение о себе, и не прервёт обсуждение, то он может завершить первый такт тандемного действия порождением третьего мнения, в каких-то своих особенностях отличающегося от исходных мнений каждого из них по одному и тому же вопросу. Этому третьему мнению по рассматриваемому вопросу неизбежно будет сопутствовать необходимость изменить свои самооценки для каждого из участников тандема в отношении тех или иных своих личностных качеств, знаний и навыков. Если при этом затронуты достаточно серьезные вопросы, то возможны как крах личности, упорствующей в своей приверженности несообразным и несоразмерным Объективной реальности мнениям, так и её преображение.

Тандемные эффекты в интеллектуальной деятельности есть следствие того, что с точки зрения здравого смысла каждого из участников тандема субъективизм его напарника является особого рода «ножницами», срезающими с порождений тандемной деятельности ошибки, возникшие вследствие субъективизма каждого из них; по отношению же к личности человека субъективизм его напарника является кузнечным молотом, а тандемные порождения — наковальней. В результате такого рода взаимной «кузнечной» обработки от личности отслаивается довольно много всевозможной «шелухи» ошибочного субъективизма, нашедших выражение в его личном вкладе в продукт тандемной деятельности. Этот процесс тем более психологически болезненен и неприятен, чем более личность притязает на «интеллектуальную собственность» в отношении порождений тандемной деятельности и их составляющих и чем больше превозносится над окружающими в самомнении[1]. Когда начинается обработка личности в кузнице тандемных отношений, то с некоторых слетает так много шелухи, что от них мало что остается и некогда величавшаяся личность просто теряется в этой шелухе. И именно боязнь потерять лицо в такого рода обработке, свойственная эгоистичному индивидуализму, является главным препятствием, которое необходимо преодолеть, чтобы на практике убедиться, что «ум — хорошо, а два — лучше».

Из этого можно понять, что тандемный эффект тем более ярко выражен, чем более различен тот жизненный опыт, который запечатлен в душах участников тандема и чем более свободно и доброжелательно каждый из

[1] Анализ писаний В.И.Ульянова и Л.Д.Бронштейна (Троцкого) показывает, что если бы они смогли преодолеть их собственные вождистские амбиции и взаимные оскорбления, которыми они осыпали друг друга на протяжении более чем десяти лет, то на основе того, что написал каждый из них сам по себе, в тандемной деятельности они могли освободиться от ошибок, порожденных их субъективизмом, и вместе вывести коммунистическое движение в России и в Мире из прокрустова ложа сценария библейского проекта завоевания мирового господства методом культурного сотрудничества.

них относится к другому. И соответственно тандемный эффект исчезает в ситуациях, подобных басне И.А.Крылова «Кукушка и петух», когда «Кукушка» хвалит «Петуха» за то, что хвалит он «Кукушку». В среде же индивидуалистически мыслящей интеллигенции гораздо чаще приходится встречаться с тандемами, подобными птичьему, описанному И.А.Крыловым и самозабвенно занятому взаимным восхвалением; причем один и тот же «интеллектуал» может поочередно быть участником нескольких тандемов взаимного восхваления. Но если хотя бы один из участников взаимного восхваления перейдет к осуществлению принципов тандемной деятельности, то он рискует потерять своего напарника и хвалителя, которому «кузнечная обработка» его самомнения неприятна и оскорбительна.

Интеллектуальная деятельность в тандеме протекает как прямое общение людей, в котором происходит обмен субъективной информацией между ними. Этот обмен тем более эффективен, чем более сосредоточено внимание каждого на его напарнике. Такого рода информационный обмен может продолжаться без перерыва довольно долго; он может возобновляться после неоднократных перерывов, которые могут на многие годы прерывать обсуждение какой-то определённой проблематики. Длительная продолжительность такта тандемной деятельности и характер информационного обмена между людьми дает ответ на вопрос, почему «третий — лишний» и почему еще более избыточны четвертый и последующие умы.

В наиболее зримом виде информационный обмен между людьми протекает как беседа. Человек может говорить, обращаясь и к единственному *собеседнику*, и ко множеству *слушателей*. Но подавляющее большинство людей может отслеживать и анализировать течение мысли в повествовании только одного собеседника. Третий, пытающийся стать участником беседы, отвлекает на себя внимание слушателя, разрушая тем самым тандемный процесс. Это не значит, что во всех без исключения случаях третий должен быть удалён за пределы сферы беседы, но если он понимает тандемный принцип, то, присутствуя при тандемной деятельности других, он обязан сделать себя незримо прозрачным для них либо слиться с фоном окружающей обстановки. Но это только одно ограничение налагаемое на третьего тандемным принципом.

Другое обстоятельство проявляется несколько иным образом. Конечно, триумвират, как и всякий более многочисленный «комитет» вплоть до парламента или съезда, может работать в политандемном режиме, когда его участники попеременно образуют тандемы в разном составе. Но в подавляющем большинстве случаев это приведет только к замедлению работы «комитета» без существенного выигрыша в качестве выработанного им решения. Причина этого в том, что подавляющее большинство образуемых участниками «комитетов» тандемов, занятых какой-то определённой проблемой, окажется примерно одинаковой эффективности. Но с течением времени по отношению к каждой проблеме выявится несколько лидирующих в области этой проблематики тандемов, один из которых в состоянии заменить всю совокупность остальных[1]. Кроме того, во многочисленном «комитете» далеко не во всех сочетаниях их участников возможно быстрое образование работоспособных тандемов, что приведет к фракционным склокам, известным каждому парламенту, дополнительным потерям времени и снижению добротности выработанного «комитетом» решения.

Политандемный принцип эффективен при обработке спектра проблем, весь круг которых и глубина понимания выходят за пределы возможности одного человека. Это приводит еще к одной особенности тандемного принципа, которая обладает решающей значимостью именно в

[1] Разумно предположить, что первоиерарх каждой из древнеегипетской десятки работал с нею в политандемном режиме а каждый из её участников специализировался в какой-то определенной области деятельности.

Голосовались, если когда и голосовались, только общие вопросы. в которых так или иначе понимали все.

политандемном варианте при обработке спектра проблем: участник тандемного процесса не вправе лгать, потому что далеко не всё им высказанное возможно перепроверить другим участникам политандемного процесса, но высказанное им заведомо ложное мнение, будучи принято другим участником политандемного процесса в качестве истинного, может послужить основой для выработки глубоко ошибочного решения, весьма тяжкого по своим последствиям.

Если же рассматривать некий тематически определенный спектр множества проблем, то в политандемном принципе осуществим один из способов взаимодействия индивидуальной психики (и интеллекта, в частности) с коллективной психикой (и коллективным интеллектом), частью которой является индивид — участник тандема. По этой причине, тем, кому оголтелый эгоистичный индивидуализм не позволяет действовать на основе тандемного принципа, лучше помалкивать о соборности и коллективизме. Пока индивид не научится деятельности на основе тандемного принципа в его отношениях с другими людьми, вместо соборности вообще и соборности в Святом Духе в частности, он будет порождать более или менее ярко выраженную коллективную шизофрению; распространение заведомой лжи по отношению к коллективной психике является одним из способов её шизофренического дробления[1]. Выраженное на практике в тандемных порождениях освоение тандемного принципа деятельности — первый преодоленный рубеж, открывающий пути к соборной жизни индивидов».

* *
*

Дважды перечитав записку, я был поражён плотностью упаковки информации изложенной в ней. Кроме проблем взаимоотношений с Холмсом, никогда не затрагиваемых нами, материалы записки проливали свет на те вопросы управления в древнем Египте, на которые я вышел, занимаясь «пикниками». Но более того, записка коснулась и многих других проблем западной цивилизации: что такое современные демократические выборы и почему демократия, в том виде, как она представлена в обществе, не эффективна; особый взгляд на природу авторского права и т.д. Я подумал, что если она станет достоянием широкого круга читателей, то в процессе её обсуждения сама по себе она может породить новую культуру взаимоотношения людей меж собой, а также культуру отношений человека и общества. Я также понял, что сама записка является частью какой-то объемлющей её работы и что неплохо бы переговорить об этом с Холмсом. Всё оставшееся до ужина время я посвятил чтению файла «Последний гамбит», сопоставляя прочитанное с новыми картинками из различных номеров газеты «Час пик», газеты «Труд» и «Аргументы и Факты». Удивительно было даже не то, что русские «пикники» так широко известны в мире, а та необычная трактовка событий, с ними связанных, различными людьми в разных странах. Из записок Холмса мир вставал огромным и разнообразным, но тем более единым и целостным, чем представлялся мне ранее. Поражала также определённая синхронность наших расследований и ощущение чего-то незримого, но объективно существующего, предопределяющего эту деятельность, что в лексике уже получило название матрицы. Вставал и образ новой России, не просто загадочной и непредсказуемой страны, к чему мы все на Западе с некоторой опаской

[1] Именно по этой причине всякая ложь работника государственного либо частного предпринимателя или иного администратора — преступление с непредсказуемыми заранее последствиями, достойное, если не смертной казни, то безжалостного устранения его из сферы общественного управления в иную, где от его лжи будет зависеть минимальное количество людей.

привыкли, но особой, отличной от Запада и Востока цивилизации, в которой просматривались истоки и новой культуры третьего тысячелетия.

Включив 17-ти часовые новости, я в друг услышал о террористическом акте, совершенном в ночь с 12 на 13 октября в центре Мадрида. Судя по записям Холмса, ещё 3 октября Паоло Риего и Андрей Веров, анализируя странную карту столицы Испании с гаечным ключом, лежащую сейчас предо мной, обсуждали в Эль-Эскориале возможность такого теракта. Интересно, знает ли о случившемся Холмс? Я постучался в дверь его кабинета.

— Входите, Ватсон, я не сплю и внимательно изучаю ваши записи. Особый интерес представляет ваша беседа с Гальбой в баре «Уолдорф». Несомненно, вы встречались с самым настоящим современным троцкистом.

— Холмс, вы слышали последние известия?

— Что, ещё один самолёт упал на Нью-Йорк?

— Нет, судя по картинке с типом, который подкармливает «птичек» на берегу Чёрного моря, это ещё впереди. Только что сообщили о ночном взрыве на центральной площади Мадрида. Я как раз рассматривал копию странной карты с гаечным ключом в виде руки и читал ваш комментарий к ней. Что это? Так не бывает.

— Как видите, дружище Ватсон, — очень даже бывает. Это — матрица и матрица — везде! Не волнуйтесь, чувство, которое вы сейчас испытываете, я пережил четвёртого октября, на другой день после того, как мы в Эль-Эскориале обсуждали с Андреем Веровым и Паоло Риего календари за 1994 год. Как вы уже поняли из моих записей, хозяин квартиры, который видел, как и я, календари впервые, точнее всех предсказал день катастрофы русского лайнера. А насчёт броских слов о новых самолётах, падающих на Нью-Йорк, — надо поосторожней, дорогой Ватсон, если вы не хотите, чтобы они действительно упали: слова бывают властны над матрицами, если они оказываются вложенными по отношению к тем, кто работает на объемлющих матрицах. Завтра мы поговорим о матрицах подробней, в процессе разгадки русских «ребусов». Мне кажется, у нас собран материал, которого вполне хватает на то, чтобы высказать определённые суждения по всем трём «пикникам». А как вам, дружище Ватсон, записка «О тандемном принципе деятельности»?

— Самое странное в этом деле, Холмс, то, что я впервые задумался о принципах нашей с вами совместной деятельности в день вашего отъезда в Швейцарию. Никогда раньше мы эти вопросы не обсуждали, но после ознакомления с содержанием записки я почувствовал себя в роли велосипедиста, который вхолостую крутит педали.

— Не надо заниматься самоуничижением, дорогой Ватсон. Каждый из нас делает ту часть общей работы, к которой более всего предрасположен. Ваш подход к анализу «пикников» по-своему уникален. А вот что касается результатов тандемной деятельности, то они не принадлежит никому лично из двоих, а это для меня вывод не то, чтобы не приемлемый, но требующий и нового осмысления, выходящего за рамки привычных стереотипов культуры в которой мы живём. Если же говорить откровенно, то мне нечего возразить по существу против выдвинутой в записке концепции авторских прав. Пока же ясно одно: такие выводы никогда не могли быть сформулированы в среде западного истеблишмента и, следовательно, мы имеем дело с правосознанием новой культуры. Но, извините, Ватсон, я хотел бы дочитать до конца ваш анализ, а завтра мы

обсудим подробно оба варианта и, как мне кажется, выйдем на новый результат нашей тандемной деятельности.

На другой день, сразу же после завтрака, мы собрались в кабинете Холмса. На его рабочем столе в хронологической последовательности лежали три «пикника», а также календари из «Часа пик» и копии других газет, которые имели отношение к «пикникам». А я прихватил с собой томик повестей А.С.Пушкина.

— Что это у вас, Ватсон?

— Прежде, чем мы начнём обсуждение русских «пикников», я хотел бы, дорогой Холмс, зачитать вам одну фразу из Пушкина: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могу в физическом мире занимать одно и то же место».

— «Пиковая дама»?

— Совершенно верно, Холмс, — начало шестой главы. В процессе изучения аналитической записки по фильму «Матрица», а также после прочтения ваших записей у меня сложилось представление о глобальном противостоянии двух концепций управления: библейской и альтернативной ей Концепции Общественной Безопасности. И мне показалось, что Пушкин одной этой фразой еще в первой половине девятнадцатого века очень точно выразил противостояние двух альтернативных концепций управления. И если в этой фразе Пушкин обратил внимание на информационную и материальную составляющие концепций, то вся повесть по существу посвящена их мерной составляющей. Поэтому если говорить о матрицах-сценариях «пикников», то везде можно найти следы числовой меры «Пиковой дамы». Кстати, числовая мера самой «пиковой дамы» по картам «Таро» — 51. Достаточно взглянуть на календари в газете «Час пик» № 51 (200) от 29.12.93 г. и № 1 (201) от 5.01.94 г. и можно сразу же обнаружить в них числовую меру «пиковой дамы».

— Согласен, Ватсон, хотя в газете за 1993 год эта числовая мера выражена в самом её номере, а в газете за 1994 год — в дате её выхода, если опустить «0» между денем и месяцем. В своё время я также обратил внимание на числовую меру, сопровождающую «пикники» и её сходство с числовой мерой «Пиковой дамы». А когда в 1995 году мне попала в руки книга профессора Иллинойского Университета в Чикаго Лорейна Лейтона «Эзотерическая традиция в русской романтической литературе», в которой более половины содержания было посвящено нумерологии[1] этой удивительной повести Пушкина, я решил, что она-то и поможет раскрыть мне тайну русских «пикников». Ничего подобного, кроме общих рассуждений о связи литературы с тайными доктринами и кабалистикой я в ней не обнаружил. Более того, у меня сложилось впечатление, что Пушкин в «Пиковой даме» просто посмеялся над увлечением своих современников-масонов мистикой Калиостро, Сен-Жермена и Сведенборга. Не прошел мимо этих увлечений и знаменитый биограф моего прадеда Артур Конан-Дойль, который как вы знаете, Ватсон, под конец жизни увлёкся спиритизмом. Поэтому, чтобы не возвращаться в процессе анализа «пикников» к «Пиковой даме», давайте, Ватсон, обозначим числовую меру двух концепций, которая проявилась действительно в шестой главе повести.

Холмс взял лист бумаги, и нарисовал на нём следующую таблицу:

Игра в	Германн —	Чекалинский —

[1] Так в научном мире принято называть учение о числовой мере.

«фараон»	символ библейской концепции	символ КОБы
Первый этап «игры» — «Исторический пикник»:	налево — 3	направо — 9
Второй этап «игры» — «Оборонный пикник»:	налево — 7	направо — валет (2)
Третий этап «игры» — «Пост исторический пикник»:	налево — туз (11), но вместо туза у Германна[1] оказалась «пиковая дама», то есть — 3	направо — дама (3)
Итого:	13	14

— Итак, Ватсон, проследим за игрой в «фараон», как она описана в повести. Есть ряд обстоятельств, по которым можно определить, что матрица, формируемая Пушкиным через символику «Пиковой дамы», — объемлющая по отношению к матрицам-сценариям «пикников». В первый день игры Германн почему-то ставит на кон банковый билет на сумму 47 000. Чекалинский на это заметил, что «никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь ещё не ставил». Другими словами, Чекалинский предсказывает числовую меру выигрыша 2+7+5 = 14, а Германн ориентируется на 4+7 = 11.

— А какая же, Холмс, здесь связь с «Историческим пикником»?

— Давайте, Ватсон, посмотрим на первый «пикник». Я прочитал запись вашей беседы с Гальбой, где вас мучает вопрос: «Знает он про «пикники» или не знает?». Нет, Гальба про «пикники» ничего не знал, а рассказывал вам про августовский путч, проходивший в рамках матрицы «Исторического пикника». Сама матрица созрела, то есть наполнилась информацией и энергией значительно раньше, а художник, сформировавший из пяти картинок этот ребус, выполнил функцию принтера при компьютере, в информационной базе которого матрица первого «пикника» уже существовала. Почему распечатка матрицы «Исторического пикника» имени Артемиды появилась в газете «Час пик» № 25 (70) 24.06.91 г.? Были ли какие-то представления об этой матрице у главного редактора Натальи Чаплиной? Масонам всего мира хорошо известно, что 24 июня 1717 года легализовалось голубое — Иоанново масонство и, возможно, что Чаплина это сделала, подчиняясь масонской дисциплине, чтобы оповестить масонов о существующем плане-сценарии развала Советского Союза. Пока лишь мне удалось выяснить, что через месяц после августовского путча 17 сентября 1991 года на совещании редакторов центральных газет бывшего СССР, которое транслировали по первому каналу Центрального телевидения, Горбачёв — последний президент Советского Союза, сидел справа от редактора этой провинциальной, и я бы даже сказал — бульварной газеты. И более того, ей

[1] В частности, Грефа???

было дано право первой задать вопрос последнему президенту СССР и последнему генеральному секретарю ЦК КПСС.

— Знала ли она сама что-либо об этом сценарии?

— В этом я сильно сомневаюсь, как и сомневаюсь в способности членов редколлегии сформировать материалы газеты таким образом, чтобы на её обратной стороне оказался репертуар из шести фильмов, на которые вы, Ватсон, обратили внимание в своём расследовании.

— А как же тогда, Холмс, эти фильмы там оказались и к тому же дали столь точное определение каждому из пяти дней путча?

— Всё это, Ватсон, матричные проявления, в рамках которых тогда действовали, в той или иной мере все, принимавшие участие в путче. В этом смысле и действия *Чапли*-ной — тоже результат матричных проявлений объемлющей «пикники» матрицы «Пиковой дамы», поскольку, в первой главе повести есть упоминание персонажа по фамилии *Чапли*-цкий, над которым сжалилась графиня и дала ему тайну трёх карт. Тот, насколько я помню, в отличие от Германна, поставил не на 47, а на 50 тысяч и выиграл «три раза сряду», получив в сумме четыреста тысяч; рассчитался с долгом в триста тысяч и ещё остался в выигрыше.

— Таким образом, через числовую меру Пушкин показал, чего не хватало концепции, на основе которой действовала матрица «игры» Германна?

— Верно, Ватсон! 50 - 47 = 3. Это — как раз то, что в концепции, альтернативной библейской, получило название «триединства материи, информации и меры». И потому мне нечего добавить к рассказу Гальбы, расставившего в хронологическом порядке «камни» первого «пикника» так, чтобы «коварный никто» взгромоздил статую Зевса-Ельцина на вершину пирамиды власти. Однако, и эта кукла-статуя не могла выйти в своей деятельности за рамки пушкинской матрицы, выраженной в определённой символике «Пиковой дамы».

Холмс взял со стола томик повестей Пушкина, открыл нужную страницу и зачитал:

«Он был человек лет шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сединой; полное и свежее лицо изображало добродушие; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою»

— Согласитесь, Ватсон, что этот портрет Чекалинского, данный Пушкиным в начале шестой главы, сильно напоминает Ельцина, каким его показывали Западу в первые годы после путча. А теперь вот это место в конце шестой главы: «Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево — туз». Кого в этот момент напоминает Чекалинский?

— Главу ГКЧП, вице-президента СССР Янаева во время его выступления в составе ГКЧП по телевидению.

— Совершенно верно, Ватсон. Это и означает, что пушкинская матрица является объемлющей по отношению к действиям и Ельцина, и условно противостоящего ему ГКЧП. Ничего в этом нет удивительного: ведь все они — из одной управленческой «элиты», имевшей абривиатуру ЦК КПСС, которая (об этом мне рассказали в Испании) раскрывается, как — Центральный Комитет Капитулянтской Партии Самоликвидации Социализма. И в вашей беседе Гальба был прав: возможно, если не они сами то, их «кукловоды» просто договорились, кому править в новых условиях, а кому после короткого пребывания в тюрьме, идти на заслуженный отдых, предварительно обеспечив себе ореол «страдальцев за счастье народное», а «кукловодам» — возможность легитимного возвращения к сценарию политики «социализма» в будущем. Ведь,

согласитесь, если после победы Ельцина юристы обосновали незаконность ГКЧП, так при необходимости другая команда юристов не менее строго обоснует факт государственной измены Горбачева и его сподвижников и, соответственно, — правомочность и законность ГКЧП, чья вина при этом будет состоять только в том, что они не достигли успеха. Ведь после того, что мы оба знаем о концептуальной власти, мы должны исходить из того, что всякое законодательство — рубеж обороны, на котором одна концепция защищает себя от осуществления в том же самом обществе другой, принципиально несовместимой с нею концепции. В концептуально же не определившемся обществе, каким был СССР в последние годы своего существования, в одном законодательстве выражались взаимоисключающие друг друга концепции. Именно поэтому на его основе, определившись концептуально, можно юридически безупречно обосновать обвинительное заключение и против Горбачева, и против ГКЧП, и против Ельцина и команды реформаторов эпохи «Гайдара — Черномырдина». Правда и нам надо быть скромнее, памятуя о том, что говорим об этом мы только под давлением того факта, что Россия стала концептуально определяться. А это — явление глобальной значимости.

— А совпадение числовых мер «Исторического пикника» и «Пиковой дамы»?

— О! этого сколько угодно, Ватсон. Достаточно взглянуть на номер заказа этой газеты — № 9113. И к тому же, Ватсон, — пять картинок «Исторического пикника» содержат 9 пальм.

— Но я всё-таки не могу понять, Холмс, для чего были опубликованы эти картинки? Ведь даже сейчас по прошествии десяти лет их содержание не совсем ясно, а тогда за два месяца до путча, я более, чем уверен, — их почти никто не понял.

— Дорогой Ватсон, я уже говорил, что картинки «пикников» — овеществлённое выражение матрицы, которая успела сложиться к тому времени и в русле которой впоследствии протекали события в России. Соответственно, если какое-то событие имело место в реальности, то это означает, что оно фактически состоялось несколько ранее в мерной — матричной — составляющей Жизни тогда, когда в результате психической деятельности самих людей сформировалась соответствующая матрица-сценарий эгрегориальной алгоритмики, впоследствии приведшей к этому событию.

Если наступление некоего события не предопределено Богом как однозначно неизбежное, то его можно предотвратить, так или иначе развалив матрицу на не стыкующиеся между собой фрагменты, энергетически опустошив её, либо преобразовав матрицу-сценарий эгрегориальной алгоритмики, ведущей к нему, так чтобы результаты осуществления матрицы-сценария были хотя бы приемлемы, а ещё лучше — желанны. После того, как матрица-сценарий сформировалась, до того момента, как соответственно ей осуществятся какие-то события, проходит некоторое время, в течение которого матрица-сценарий энергетически наполняется, в неё вовлекаются участники, она синхронизируется с объемлющими уже осуществляющимися матрицами-сценариями и т.п. В течение этого времени на матрицу-сценарий и на процессы осуществления свойственных ей событий можно воздействовать, подчиняя их (матрицу и события) нравственно обусловленной целесообразности.

— Извините, Холмс, но этого нет в ваших записях.

— В моих записях, Ватсон, есть только то, что я понял на момент осмысления рассказанного мне. Но после бесед в разных странах происходило много других событий, и у меня было время подумать над ними и соотнести их с уже существующими у меня представлениями о них. При этом что-то получало подтверждение самой жизнью, а что-то требовало критического подхода и нового осмысления. Что касается картинок «пикников», то, как мне кажется, они играли роль синхронизаторов бессознательной коллективной деятельности многих участников событий. Плотность упаковки информации в символах и образах во много раз превышает плотность информации, передаваемой в лексике; тираж газеты — несколько сот тысяч; читатели газеты машинально просмотрели газету и картинки «пикника» запечатлелись на бессознательных уровнях их психики. Всякие образы, когда «всплывают» с бессознательных уровней психики на уровень сознания, требуют*, как хотя бы вот вы сейчас, Ватсон, от меня,* адекватной лексики, чтобы, соединившись со словом, они обрели смысловую нагрузку, то есть превратились в понятие. Люди гуляют, ездят по городу и перед их взором мелькают афиши кинофильмов, некоторые названия которых подходят, например, к картинкам «Исторического пикника». Происходит что-то вроде замыкания информационной (образной) составляющей триединства на её мерную (лексическую), и в результате люди совершают, как принято говорить у психологов, «немотивированные поступки», хотя на самом деле они — мотивированы в матрице вероятных событий, которую возможно сами энергетически и накачали. Такими примерно я вижу события августа 1991 года. При этом, обратите внимание, Ватсон, что если в первом «пикнике» основное место занимают картинки, перемежающие символику древнего Египта с символикой времён Советского Союза, а лексики — минимум, то в «Оборонном пикнике» всё наоборот: основное место занимает лексика, а картинок-символов — минимум и все картинки принадлежат эпохе СССР. Количество кинофильмов — по числу дней октябрьского путча 1993 года. И здесь ваш собеседник Гальба в основном раскрыл матрицу-сценарий второго «пикника». Он только не прокомментировал картинку в левом углу «пикника» с пушкой, слева от ствола которой стоит надпись «за бугром», а ещё чуть левее нарисован взрыв. Весь ребус может иметь прочтение — «За бугром будет взрыв». В лексике советского обывателя слова «за бугром» означают — «за границей». Другими словами, во втором «пикнике» на матричном уровне заложен алгоритм «черного вторника» Нью-Йорка, как самого большого «забугорного» символа. Хорошо ещё, что картинка не реализовалась в полной мере: на ней изображён «гриб» ядерного взрыва, а один из самолётов, как известно, не долетел до АЭС в Пенсильвании. И ещё: Гальба сказал, что второй путч пошёл не так, и в связи с этим процитировал «Неизвестного» из «Маскарада» Лермонтова.

Холмс порылся в своих бумагах на столе и, обнаружив то, что искал, продолжал.

— Почему Гальба привёл именно эту цитату, если в драме есть слова, более точно описывающие ситуацию, которая сложилась в России в сентябре — октябре 1993 года.

Холмс взял найденный листок и зачитал: «Я был вчера у вас с известием, что наш пикник расстроен». Это говорит князь во втором действии, а в финале он же по существу объявляет, что и по отношению к «Оборонному пикнику» матрица «Пиковой дамы» является объемлющей: «Молчит, не

слушает, ужели он рассудок потерял». И хотя эти слова относятся к Арбенину, но их с таким же успехом можно отнести и к Германну из «Пиковой дамы».

Холмс взял со стола лист с перечнем 13 кинофильмов на обратной стороне газетного листа с «Оборонным пикником» и, протянув его Ватсону, спросил:

— Как называется последний тринадцатый фильм этого перечня, Ватсон?

— «Деловая женщина».

— Так вот, Ватсон, занимаясь расследованием тайны «пикников», я вынужден был в своё время изучить символику «Карт Таро». Согласно этой символике: *«Дама пик» — женщина деятельная, деловая, вдова или женщина действующая самостоятельно.* Другими словами, матрица «Пиковой дамы» — объемлющая и по отношению к матрице-сценарию второго «пикника». В довершении ко всему в «Оборонном пикнике» упоминается речь Петра I перед Полтавской битвой. Что вы, Ватсон, думаете о содержании этой речи?

— Ровным счётом ничего, Холмс, потому, что не читал поэму «Полтава».

— Я тоже не читал, но вынужден был познакомиться с её переводом и узнал, что речь Петра перед битвой со шведами была предельно краткой: «За дело, с Богом!» — всего два слова, но для понимания управления на основе матриц эти два слова чрезвычайно важны. Я обратил внимание, что при прочтении аналитической записки по фильму «Матрица», вы Ватсон в понятии взаимовложенности матриц выделили предельную матрицу Божьего предопределения. Как вы уже убедились, в «пикниках» есть указание на взаимовложенность многих матриц, одна из которых и разрешилась катастрофой в Нью-Йорке и Вашингтоне. Этим матрицам в разное время придавалась различная лексическая определённость, то есть каждый, кто с ними сталкивался, в меру своего понимания общего хода вещей и по своей объективной нравственности озвучивал их по-своему: Гальба, и вы были тому свидетелем, — так; Лермонтов и Пушкин — иначе, но для всех них и для нас с вами в том числе, матрица Божьего предопределения или, как говорят русские, матрица Божьего промысла — объемлющая. Хотя, что я вам рассказываю о взаимовложенности матриц, когда вы и сами это почувствовали через текст «Песни о маршалах», в которой все упоминаемые города — Сантьяго, Сиракузы[1], Пиза, Тулуза — так или иначе информационно пересекаются в матрицах-сценариях всех трёх «пикников».

Обратите внимание, Ватсон, на то обстоятельство, что «Оборонный пикник» появился в газете за две недели до августовского путча 1991 года, и за два года до октябрьского путча 1993 года. Как вы думаете, что могло произойти за эти две недели на матричном уровне, если соотношение образной и лексической составляющих изменилось в пользу последней?

— Я уже думал над этим Холмс и пришёл к выводу, что матрица катастроф, которую, как мне кажется, очень хорошо описал граф на вилле «Аскания Нова», начала интенсивно перестраиваться, а те, кто это почувствовал и кому такая перестройка была не по нраву, отреагировали на изменение матрицы лексикой, то есть пытались её, грубо говоря, изнасиловать. Но они уже были не властны над ней.

— Всё, что вы сказали, Ватсон, — верно, но всё-таки: почему матрица катастроф начала перестраиваться именно в этот период времени?

[1] Сиракузы — это ещё и довольно крупный город в штате Нью-Йорк. К этому также стоит добавить, что при наборе в MS Word заглавных букв NY (в режиме cap-lock) шифром «Wingdings» получается такая символика: ✡✡.

— Этого я не знаю, Холмс. Могу лишь догадываться, что именно в этот период в информационном состоянии России произошло что-то очень важное.

— Совершенно верно, Ватсон. И в своём дальнейшем расследовании мы пойдём по второму, хронологическому приоритету. Именно в этот период, где-то в мае — июне 1991 года, в бывшем СССР была завершена в рукописи Концепция, альтернативная библейской концепции управления. Насколько мне удалось выяснить у людей, с которыми я встречался в Испании и Египте, у Концепции Общественной Безопасности ещё не было её современного названия — «Мёртвая вода», а в названии стояло что-то вроде рекомендательного «Как вам реорганизовать Бнай-Брит», обращённое к их оппонентам, правящим миром по библейской концепции. Видимо, авторский коллектив, давая такое название, надеялся на разрешение концептуального кризиса без катастроф и пытался говорить с заправилами библейской концепции в их терминологии. Название было первоначально дано по аналогии с работой Ленина «Как вам реорганизовать Рабкрин», однако, их оппоненты посчитали, что разработчики новой концепции всё ещё под концептуальной властью марксизма-троцкизма. Отсюда и направленность «Оборонного пикника» — троцкистская, а лексики в нём много потому, что вдохновители «Оборонного пикника» не были уверены, что их символика сработает правильно на бессознательных уровнях психики и дали пояснения к ней в определённой лексике в соответствии с их пониманием целей развития страны.

— И всё-таки, Холмс, мне непонятно, на чём основываются ваши представления об их неуверенности?

— Ну, они же не совсем дураки, понимали, что в Концепции Общественной Безопасности только название троцкистско-ленинское, а содержание — антитроцкистсткое. Другими словами, представители библейского знахарства решили «прокатиться» на новой концепции, что в результате вылилось в их личностную концептуальную неопределённость, но во взаимовложенности матриц Свыше всегда поддерживается та матрица, которая более всего соответствует матрице Божьего предопределения. Только после этого мне стало понятно, почему «Пост исторический пикник» появился 17 августа 1992 года в газете «Час пик» № 33 (130).

— Интересно, Холмс, почему действительно третий «пикник» появился через год?

— В Испании от Андрея Верова я также узнал, что приблизительно в это время готовилось первое издание Концепции Общественной Безопасности и после длительных обсуждений авторский коллектив принял решение дать ей русское эпическое название «Мёртвая вода» по одной из фраз послесловия к почти что безымянной работе. Возможно, это была их неосознанная реакция на упреждающую лексику «Оборонного пикника», третью часть которого, как вы видите, Ватсон, занимает сказка «Три сына», перепечатанная из библиотеки журнала «Огонёк» 1940 года. Я думаю, что авторам КОБы было непросто решиться дать такое для многих отпугивающее название — «Мёртвая вода». Куда проще было бы назвать — «Живая вода», но именно этого и добивались от них представители библейского знахарства в «Оборонном пикнике». Надеюсь, Ватсон, вы обратили внимание на мои записи бесед в Испании на эту тему?

— Да, Холмс, это место я прочитал несколько раз с особым вниманием, и мне стало более понятно название концепции. Действительно, в сказке «Три сына» нет упоминания «Мёртвой воды», но зато говорится о младшем брате, что он был «порезанный». То есть по умолчанию «братишки» оживляли обрубки, а если говорить о ситуации в СССР после августовского путча, то Россия после декабря 1991 года превратилась в «порезанного меньшого брата».

— Таким бы и хотел видеть Россию Запад после 1993 года. Но у авторского коллектива при выборе названия концепции была мощная поддержка на матричном уровне самого Пушкина, продолжившего в XIX веке русскую общенациональную традицию жизнеречения.

Холмс снова взял со стола листок с записями и зачитал Ватсону следующее:

«Вы получите мой «Современник»; желаю, чтобы он заслужил ваше одобрение. Будьте моим сотрудником непременно. (…) Ваши стихи — вода живая, наши — вода мёртвая; мы ею окатили «Современник»; опрысните его вашими кипучими каплями».

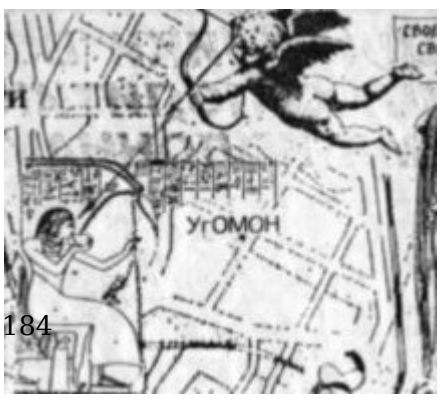
— Как вы думаете, Ватсон, кто и к кому так обращается?

— Судя по названию журнала, Пушкин обращается к кому-то из своих современников, поэтов.

— Верно, Ватсон, это из письма 1834 года Пушкина русскому поэту Николаю Михайловичу Языкову с просьбой принять участие в работе журнала «Современник». Нам здесь важна оценка, которую даёт Пушкин своим стихам и творчеству в целом — «вода мёртвая». Почему? Да потому, что Пушкин собирал в «Современнике» творческий потенциал России. И обратите внимание на последовательность: сначала свершается воздействие мёртвой воды, а только потом предлагается воздействовать живою водою. И как я выяснил, во всех русских сказках всегда так: одною живою водою не пользуются, а всегда сначала мёртвой. А вот мёртвой водой иногда пользуются и одной — дают всякой нечисти и та от неё слабеет и погибает.

Очень похоже, что Концепция Общественной Безопасности тоже собирает творческий потенциал народов для вывода из кризиса не только России, но и глобальной цивилизации в целом. Поэтому эпическое название КОБы — «Мёртвая вода» было предопределено задолго до её написания самим Пушкиным и, следовательно, игра в «фараон», которую знахари библейской концепции затеяли на матричном уровне с Внутренним Предиктором СССР в «Историческом пикнике» была проиграна ими ещё до того, как они её начали. Не помогло даже их обращение к авторитету «alma mater» — древнему Египту, которое просматривается в символике «Исторического пикника». Этим же авторитетом они пытались развалить матрицу альтернативной концепции и в «Пост историческом пикнике».

— Вы, Холмс, имеете в виду фигуру УгОМОНА над Пизанской башней в третьем «пикнике»?



— Да, Ватсон, эта фигура сидящего фараона символизирует матричные связи первого и третьего «пикников», но правее и выше УгОМОНа, над всеми картинками находится то ли Эрот, то ли Купидон, в любом случае — символ бога Любви. Но Бог истинный действительно есть Любовь, и потому хотели того, или нет, но представители библейского

знахарства на уровне символики третьего «пикника» признали, что во взаимовложенности всех матриц есть предельная матрица Божьего предопределения и что всё раньше или позже произойдёт в согласии с ней. И тем не менее, если попытаться перевести обращение Глобального Предиктора к Внутреннему Предиктору СССР с языка символов на язык определённой лексики, то будет примерно следующее: «Куда вы лезете? Разве вам не понятно, что вы пытаетесь противостоять авторитету концепции, на основе которой осуществляется устойчивое управление глобальной цивилизацией более четырёх тысяч лет? У нас есть суфизм, иудаизм, христианство, буддизм, ислам, масонство и бесчисленное множество различных открытых и тайных орденских структур — и всё в одном флаконе. А что вы можете этому противопоставить? Достаточно общую теорию управления?»

— Извините, Холмс, что прерываю вас, но от Гальбы в баре «Уолдорф» я уже слышал о «Достаточно общей теории управления». Он говорил о ней почему-то очень раздраженным тоном и я не стал расспрашивать о её содержании. Мне показалось, что из бесед с господином Веровым, которые не нашли отражения в ваших записях, вы поняли об этой теории что-то очень важное, раз привели её в качестве главного аргумента на символический вызов, сделанный Глобальным Предиктором?

— Я не читал, Ватсон, «Достаточно общей теории управления», но мне действительно кое-что удалось узнать о ней из разговора с господином Веровым. Русские называют её сокращенно — ДОТУ и эту аббревиатуру они поместили в название сайта www.dotu.ru.

По их мнению, она появилась, как ответ на новое информационное состояние, в котором после смены логики социального поведения оказалось всё общество. Раскол в обществе носит сегодня глобальный характер. Нет понимания не только между представителями науки и религии, но и между представителями различных прикладных и фундаментальных наук. Русские задались вопросом, почему такое оказалось возможным? — и пришли к очень простому выводу, который, кажется, лежит на поверхности: нет понятийного и терминологического аппарата в порядке обобщения частных отраслей знаний единого для всех них. Будь такой понятийный аппарат, то специалисты в одних областях знания легко понимали бы специалистов в других областях знания, просто соотнося с ним свои основные понятия и термины. И они постарались понять то общее, что свойственно людям, когда они сталкиваются в своей практической деятельности с любыми процессами, затрагивающими их жизнедеятельность. Это общее — возможность всякий процесс описать как процесс управления и стремление людей управлять процессами, значимыми для жизни каждого из них и жизни человечества.

Поэтому они посчитали, что понятийный и терминологический аппарат Достаточно общей теории управления наиболее приемлем для решения любых проблем, встающих перед человечеством: религиозных, социальных, технико-технологических, биологических, военных, экономических личностно психологических и других.

Так, например, с их точки зрения вся западная экономическая научная элита — сборище идиотов и аферистов просто потому, что они не знают, в чём именно метрологически состоятельно выражаются ошибки управления макроэкономическими системами и что должно входить в список гарантированно достижимых метрологически состоятельных целей управления макроэкономикой. Согласитесь, что всякая объективная наука

начинается с измерений, с которыми соотносятся её понятия и термины. Если этого нет, то это — не наука, а шарлатанство или первобытное «заклинание стихий». Ну а в наши дни — большей частью афоризм, прикрываемый школами «экономической мысли».

— Но извините, Холмс, в этом нет ничего нового и я читал много статей на эту тему в различных специальных журналах.

— Это так, Ватсон, но всё дело не в теориях управления, которых действительно написано бесчисленное множество применительно к различным сферам деятельности человека и общества, в том числе и к экономике. Дело в самой Достаточно общей теории управления и, прежде всего, — в изложении её содержания таким образом, чтобы ни при каких обстоятельствах никто не смог превратить её в мертвящую догму. Согласитесь, Ватсон, что эта задача далеко не так проста, как может показаться на первый взгляд. Другими словами, необходимо было в рамках этой теории создать такой понятийный и терминологический аппарат, с помощью которого специалист из смежных наук мог бы легко входить в любую фундаментальную и прикладную науку, и который бы объединил науку и религию, раз уж их предназначение служить благу человека.

— И как, по-вашему, Холмс, это удалось русским?

— Полагаю, Ватсон, что удалось, если даже мы с вами сегодня занимаемся по существу этой теорией. А в ней есть одно важное обстоятельство, связанное с обратимостью вектора целей и вектора ошибки и *переоценкой* соответственно избранному вектору целей отрицательных обратных связей в положительные и положительных в отрицательные. С мировоззренческих позиций ДОТУ можно понять, что любые противоречия и конфликты в обществе, неразрешимые в границах некоторой исторически сложившейся ограниченной концепции самоуправления общества, в русле более широкой и полной — объемлющей концепции управления — видятся иначе и могут быть *в ней безконфликтно* разрешены.

Некоторые возможности такого рода преодоления и разрешения конфликтов связаны со свойством обратимости в паре вектора целей и вектора ошибки[1] управления: то, что в одной концепции управления является вектором целей, в другой концепции управления может оказаться вектором ошибки при общем им обеим векторе состояния; и наоборот. Ну а сейчас вернёмся к третьему «пикнику».

— Да, Холмс, вопросами достаточно общей теории управления, видимо, придётся серьёзно заниматься в будущем, а сейчас у меня есть несколько вопросов по третьему «пикнику».

— Да, Ватсон, пожалуйста.

— Первое, мне непонятно назначение вот этого «утёнка с гитарой» справа от «Пизанской башни».

— Как мне кажется, Ватсон, таким символом представители библейского знахарства обозначили период идеалистического атеизма, который последовал за периодом материалистического атеизма…

[1] Методологическая основа КОБы — «Достаточно общая теория управления» (ДОТУ), — позволяет представить всякий вызвавший интерес процесс в качестве процесса управления (или самоуправления). В таком представлении оказываются взаимно связанными такие понятия, как: вектор целей управления — иерархически упорядоченная совокупность целей, которые желательно достичь; вектор состояния, структурно повторяющий вектор целей, но описывающий фактическое положение дел в процессе управления; вектор ошибки управления, представляющий собой своего рода «разность» вектора целей и вектора состояния.

— И который завершился операцией по ликвидации Троцкого, приверженного к материалистическому атеизму? — прервал я Холмса.

— Совершенно верно, Ватсон. И у операции было кодовое название «Утка», о чём, помнится, я делал пометки в своих записях.

— Извините, Холмс, наверное, я не придал ей значения, иначе мог бы и сам связать её с символикой третьего «пикника». Также не до конца ясен смысл пунктирной линии, идущей от «Белого дома» и возвращающейся к нему, хотя после чтения ваших записей я пришёл к выводу, что таким образом обозначился разворот матрицы-сценария, о котором мне ещё четвёртого октября намекнул Гальба.

— По всей видимости, это так и есть, Ватсон. Причём ваше исследование «Словаря античности» в отношении двух фигурных композиций — «Тесей с Минотавром» и «Тираноубийцы» — дополнило некоторые недостающие фрагменты алгоритма возврата матрицы катастроф в сторону её заказчиков. Первую же фигурную композицию на фоне пунктирной петли, которой и не могло быть в «Словаре античности», можно назвать «Русская борьба». Она была очень популярна в начале двадцатого века и борцы, как правило, встречи проводили в цирке. Отсюда композиции «Русская борьба» и «Тесей с Минотавром» — символы двух путчей в России — августовского 1991 года и октябрьского 1993 года, после которого действительно в постсоветском обществе пошёл «Обмен точек зрения», а вот «Очень революционные силы» — «Тираноубийцы» (террористы-камикадзе) достались Америке.

— А что может означать петля показанного на карте маршрута в месте расположения «Русской борьбы»?

— Вы, Ватсон, хотя и гребли в университеской восьмёрке, но далеки от морского дела, и потому эта петля не вызывает у вас никаких ассоциаций. А мне с детства интересен яхтинг, яхты и всё связанное с эстетикой и романтикой плавания под парусами. И эту петлю я могу прокомментировать следующим образом. При маневрировании парусника иногда так складываются обстоятельства, что поворот — «фордевинд», когда в одной из фаз поворота ветер дует с кормы, может представлять опасность, поскольку есть риск почти мгновенной переброски парусов и подвижных частей рангоута[1] с борта на борт, что может сопровождаться повреждениями яхты, травмами и гибелью зазевавшихся членов экипажа. В этом случае для поворота на необходимый курс вместо манёвра «поворот фордевинд» применяется поворот «оверштаг», когда в одной из фаз поворота ветер дует с носа вдоль корабля. При этом гик переносит паруса с борта на борт плавно, без резкого броска, что исключает риск травмировать или убить кого-либо из членов команды, повредить паруса, такелаж и рангоут. Такой поворот «оверштаг», совершаемый вместо поворота «фордевинд», получил на слэнге яхтсменов название «коровий оверштаг» — и за его внешнюю неуклюжесть, и за внутреннюю неслаженность команды, квалификация которой не позволяет совершить поворот «фордевинд».

Например, если яхте надо совершить поворот направо на девяносто градусов, то вместо быстрого поворота через «фордевинд», совершая

[1] Рангоут — мачты, бушприт, реи, гики. Реи и гики — подвижные части рангоута.

«коровий оверштаг», она повернёт налево, но на двести семьдесят градусов. При наблюдении за гонками яхт с вертолёта, вы увидите, что яхта, выполняя манёвр «коровий оверштаг», движется по петлеобразной траектории. Но если вы не знаете тонкостей управления яхтой в тяжелых погодных условиях или при неслаженной команде, то этот манёвр будет для вас непонятен. Похоже, что такого рода «коровий оверштаг» Россия и совершает: начали поворот, казалось бы «влево» — перестройка, демократизация, а по мере того, как поворот затягивается, у сторонников «левизны» в политике всё больше возникает вопросов на тему: «Россия, ты куда? — ничего не понимаем…»

Вот и русская газета «Комсомольская правда» от 18 октября 1990 года, почти за год до ГКЧП, изобразила нечто подобное и именно в этом — политическом смысле:

МЫ И ОНИ

Говорят, что уже зарегистрировано едва ли не полторы сотни рецептов спасения нашей экономики. Поэтому, когда в редакции появились народные депутаты СССР Л. СУХОВ и Н. ТЕРНЮК, мы поняли — они принесли еще один. Графически это выглядит так...

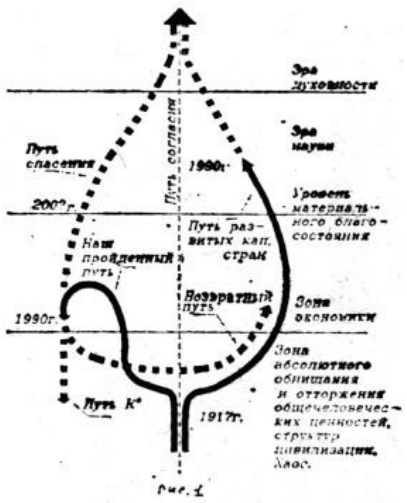


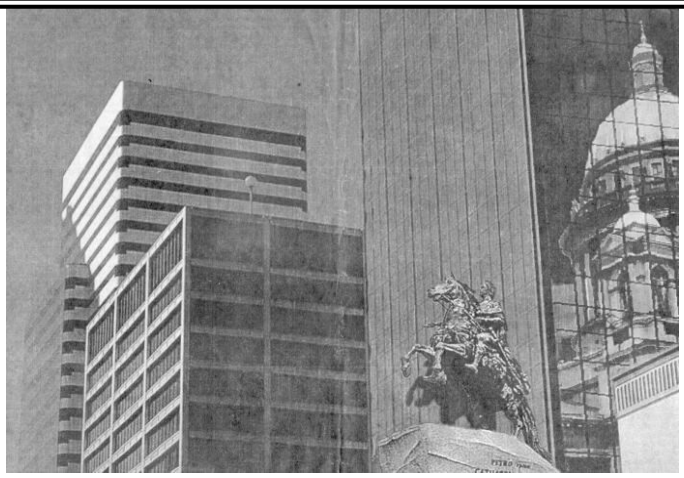
Рис. 1

Эта схема дает представление о дорогах, которыми шли после 1917 года мы и страны, традиционно называемые капиталистическими. Мы уходим круто влево и при помощи самых деспотических методов достигаем определенного уровня развития, после чего начинается спад. Если ничего не предпринимать и следовать путем «К» (путем консерваторов, или, как шутят некоторые, путем Кузьмичей), то мы неизбежно рухнем в пропасть хаоса. Если обойтись заимствованием наработок западной цивилизации, то падение экономики и уровня жизни так же неизбежно, но лишь на каком-то этапе, который надо еще прожить. «Путь спасения», предлагаемый нашими авторами, способен, по их мнению, вывести нас на уровень развитых государств, следуя в том же направлении, но другой дорогой. Как говорится, дай-то бы Бог...

Комментарий к предложенной Президентом программе перехода к рынку читайте на 2-й странице.

По сути, Ватсон, манёвр «коровий оверштаг» показан рядом с «Русской борьбой», и он связан с эффектом «обезьяньей лапы», символ которого мы видим среди картинок «Пост исторического пикника», и о котором вам рассказал Гальба в баре отеля «Уолдорф».

— А газета «Час пик» от 2 июня 1999 года № 21 (73) с фотографией-коллажом под статьёй «О вреде и пользе мифологии», которую вы Холмс привезли из Индии, показала, как шёл процесс перестройки матрицы катастроф, запущенный в отношении России, — в сторону США. Памятник основателю Петербурга императору Петру I — «Медный всадник» — на фоне небоскрёбов Нью-Йорка; Исаакиевский собор, отражающийся в стёклах одного из них — это выражение именно этой переадресации алгоритма течения матричных процессов в адрес США.



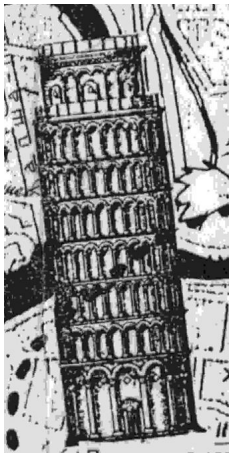
Интересна и связь иллюстраций-коллажей к статье «О вреде и пользе мифологии» с «пикниками». Вот смотрите в нижнем колонтитуле газеты под этой статьёй помещена панорама Петербурга, но на месте, где привычно виден купол Исаакиевского собора, возвышаются башни нью-йоркского Всемирного торгового центра:

На плане Петербурга в «Пост историческом пикнике» на этом же месте помещено изображение «индийского боевого слона», сопровождаемое надписью: «Места важнейших тусовок». Иными словами, наследники Директивы СНБ 20/1 от 18 августа 1948 года — дотусовались: не рой другому яму — сам в неё попадёшь…

— Совершенно верно, Ватсон, тем более, что номер газеты — 21 — «очко»[1], которое несколько раз и в различных модификациях фигурирует в картинке к календарю на 1994 год с тем типом, который кормит «птичек» на набережной. А сквозной порядковый номер — 73 говорит о том, что два этапа алгоритма матрицы уже завершены и на подходе заключительный — третий. Стоит напомнить, что Германн в «Пиковой даме» стремился получить в сумме — 21, а получил — 13. Ну и в довершении к сказанному, если посмотреть на карту Петербурга в зеркальном отображении, то мы будем иметь схематичную карту приблизительно напоминающую карту Нью-Йорка, только вместо устья реки Гудзон мы имеем Финский залив, почему-то названный Лебединым озером, и Неву, почему-то названную «рекой Москвы», наверное, по ассоциации с устойчивым клише «рука Москвы». Кроме того, не лишне вспомнить, что изначально Нью-Йорк был назван голландцами, его основателями, «Новым Амстердамом», но царь Пётр строил Санкт-Петербург, подражая архитектуре голландских приморских городов, а Санкт-Петербург в петровские времена иногда называли тоже «Новым Амстердамом».

[1] Правда, в некоторых системах счёта такое сочетание пальцев означает число «13» (овал — десятка + три пальца).

И потому всё свершилось в соответствии с матрицей катастроф, которую библейское знахарство бездумно накачивало энергией, но уже не по отношению к России, а по отношению к тем, кто разрабатывал людоедскую директиву СНБ США № 20/1 от 18 августа 1948 года. Обратите внимание, Ватсон, на номер директивы, который говорит о том, что на уровне числовой меры её разработчики в своих планах с самого начала были ограничены пушкинской матрицей «Пиковой дамы». Да, самолёты полетели в точно указанное в третьем «пикнике» время, но снесли не символы духовной и светской власти России, а две башни Всемирного Торгового Центра — символ библейской цивилизации. А дальше всё, как в фильмах Голливуда: спасатели в касках и респираторах, «склад пыли» и остовы разрушенных башен, напоминающих своим видом Пизанскую башню. Всё это, Ватсон, вы видите на картинках «Пост исторического пикника».



— А что может означать, Холмс, слово «след», написанное рукой ниже лозунга «Очень революционные силы»?

— На эту загадку, как мне кажется, вы сами ответили в своих записях оценкой событий, происшедших за четыре дня до катастрофы в Нью-Йорке, — 7 сентября. Тогда вы, Ватсон, действительно нащупали «иранский след», который возможно должен был предшествовать событиям «черного вторника». Ведь сегодня теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне воспринимаются шокированной мировой общественность как идеальные в смысле уровня организации и исполнения. При этом априори утверждается, что все задуманное было успешно реализовано. Разумеется, это не так, и свидетельством тому является четвёртый самолёт, упавший на кукурузное поле.

Вне всякого сомнения, существует некоторое не известное нам расхождение между сложным и изощренным планом террористической операции, с одной стороны, и тем, как он был осуществлен, — с другой. Вполне уместно предположить, (знаком чего является «гриб» в «оборонном пикнике»), что упавший (или сбитый) самолет направлялся к ядерному объекту. Об этом же говорит и заготовленное заранее заявление, сделанное якобы от имени «Японской красной армии», которое, в случае успешно проведенной операции, прямо увязывало бы этот несостоявшийся террористический акт с местью за американскую атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. И сейчас США и, возможно, еще половина земного шара боролись бы с результатами радиоактивного загрязнения…

Есть, наверное, еще какие-то нереализованные пункты давно задуманного и готовившегося, по оценкам специалистов, несколько лет террористического акта. В случае реализации этих пунктов всемирная

история могла бы пойти по иному пути. Для понимания сути произошедшего полезно было бы узнать о том, что не произошло. И тут нам, Ватсон, есть, о чём подумать.

В своих записях вы, прежде всего, обратили внимание на совпадение числовой меры дня, когда на Лондон не упал иранский самолет, — 7 , с числом пассажиров на борту — 430, а также предположили, что этот случай — несостоявшийся захват авиалайнера, который мог быть направлен на Лондон. Действительно исламские террористы, или те, кто стоял за ними, могли проработать такой вариант. Так, например, хорошо известно, что алжирские террористы ещё в 1994 г. хотели бросить аэробус на Париж, и тогда только активность французских спецслужб помогла предотвратить этот теракт. Также известно, что 6 лет назад, после ареста в Маниле некоего Абдул Мурада, который являлся участником известного террористического акта 1993 г. во Всемирном торговом центре Нью-Йорка, у него в компьютере был обнаружен проект захвата нескольких американских пассажирских самолетов для последующей атаки здания Центрального разведывательного управления и других американских объектов первостепенной важности.

А теперь попробуем, Ватсон, представить себе, что произошло бы, если бы этот террористический акт состоялся. Итак, 7 сентября иранский самолет падает, предположим, для определённости на Вестминстерское аббатство, снеся заодно и башню-символ доброй старой Англии — Биг Бен[1]. Даже если бы не последовало никаких заявлений об ответственности, исполнители теракта сразу были бы определены как иранцы (самолет, напомню, принадлежал компании «Иран эйр»). В это время, как теперь выясняется, некий иранец, сидящий в тюрьме в Германии, скандалит с администрацией, требуя, чтобы его связали с Белым домом. Он хочет предупредить о терактах в Нью-Йорке и Вашингтоне. Предположим, ему поставлена чёткая задача — в определенный день начать бузить по поводу якобы известных ему данных о заговоре против США, и даже, если он ничего не говорит об «иранском следе», то будучи иранцем — он уже сам часть «иранского следа».

Пока наши соотечественники разгребают завалы и считают убитых 7 сентября, 11 сентября происходят давно запланированные теракты в Нью-Йорке, в Вашингтоне и, возможно, в каком-то другом пункте США.

Предположение о том, что американцы в период с 7 по 11 сентября закрыли бы свое воздушное пространство и прекратили полеты на внутренних авиалиниях, я считаю необоснованным: реальные события 11 сентября показали, что США считали себя неуязвимыми и ждали опасности совсем с других сторон, но не с тех, с которых они пришли. И то, что происходит на протяжении многих лет в Европе, включая разрушительные террористические акты и военные действия, не только их не затрагивает, точнее, не затрагивало, но и они сами относились к этому, как не имеющему к ним никакого отношения. Даже в Директиве СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 года, о которой я упоминал, и в которой описывался комплекс мероприятий в политике США, направленных на разрушение СССР изнутри, они заявляли о том, что не берут на себя никакой моральной ответственности за бедствия в России в случае их возникновения.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в одном из самолетов террористы повязали головы не зелеными, а красными лентами (об этом

[1] По имени сэра Бенджамина Холла, руководившего созданием курантов.

сообщил кто-то из пассажиров по мобильному телефону). Красный — цвет, небезразличный для шиитов (и иранцы, и члены контролируемых ими экстремистских организаций — шииты); он символизирует кровь мучеников Хасана и Хусейна (второго и третьего из шиитских имамов). Правда, тот же цвет в равной мере значим и для всех троцкистов, в том числе и левых в арабских странах.

Теперь давайте представим себе реакцию Соединенных Штатов в условиях, когда четко просматривается мнимый «иранский след».

— Тут и думать нечего, — отреагировал я, — США мгновенно нанесли бы сокрушительный удар по Ирану как «государству-изгою». Помнится, что сразу после терактов 11 сентября Иран был назван в числе первых кандидатов на возмездие. Правда, спустя какое-то время американцы стали называть и другие страны.

— Это так, Ватсон, но, как вы понимаете, в случае сокрушительного и быстрого удара по Ирану, мир был бы свидетелем совсем другой истории человечества, которая уже, слава Богу, не состоится. И в этой несостоявшейся истории тоже можно выявить роль Афганистана, но отличную от той, которую мы сегодня имеем. Поскольку в создании талибов деятельное участие принимали Соединенные Штаты, Пакистан и Саудовская Аравия, то нельзя исключить, что они сразу же примкнули бы к США в уничтожении баз международного терроризма, источником которого был бы в этом случае назначен их враг — Иран.

Причина такого отношения к Ирану, после всего того, что вы и я узнали о троцкистах всех мастей, может быть названа одна. Исламская революция в Иране вступила в ту фазу, когда вопрос её дальнейшего развития может быть сформулирован так: изойдёт ли она на нет, в результате чего Иран станет походить на буржуазно-демократическую Турцию? победит ли в ней то крыло троцкистов, которое прикрывается мусульманским вероучением? либо иранское общество пробудит в себе те идеалы, которым учил Мухаммад, и начнёт развиваться, воплощая их в жизнь?

Поэтому и троцкисты, и буржуазные демократы не прочь приложить в Иране усилия к тому, чтобы разрешить силой эту неопределённость развития в свою пользу, злоупотребляя тем, что в самом Иране эти проблемы мало кто понимает. С этим же связаны многочисленные протесты США и стран Запада по вопросам сотрудничества Ирана и России.

Стань Иран жертвой акции возмездия, заодно досталось бы и Северному альянсу в Афганистане, поддерживаемому Ираном и Россией. Также стоит вспомнить, что за два дня до «тераката века» был смертельно ранен авторитетный лидер Северного альянса — Ахмад Шах Масуд, после чего можно было бы объявить движение «Талибан» единственно реальной силой, способной защитить стабильность в Афганистане и регионе в целом от «иранских террористов».

Так что, многое закрыто умолчаниями по поводу того, что не всё в начале сентября получилось, как замышлялось. И возможно, что всё произошло потому, что специфика совершения этой сложнейшей операции — в разрозненности действий её участников, которые не знали о задачах и даже о существовании других ветвей сценария и их исполнителей. То есть каждый знал и выполнял только свою часть работы, но при таком подходе к формированию сценария в целом остановить террористов после того, как что-то не сработало (предположим, не состоялся «иранский» теракт в Лондоне), не раскрывая всего сценария или его отдельных фрагментов,

было уже невозможно. Кто-то должен был убить Масуда, кто-то — дозвониться до Белого дома, кто-то — ударить по Всемирному торговому центру и так далее. Однако, неудавшаяся прокладка фальшивого «иранского следа» создала своего рода алиби Ирану.

США сделали паузу. И из-за того, что невозможно проложить несколько взаимоисключающих фальшивых следов (скажем, один след «иранский», другой след «бенладеновский»), в руки ФБР пошла (не могла не пойти), по-видимому, реальная фактура, свидетельствующая о том, что в организации теракта принимали участие какие-то иные, а не иранские и не афганские террористы. Эта фактура оказалась бы невостребованной, если бы США и Великобритания (и, вполне вероятно, все остальные члены НАТО) утюжили бы сегодня вместо Афганистана территорию Ирана «томагавками». Но это была бы — третья мировая война, которая не состоялась только потому, что неизвестный иранский офицер службы безопасности проявил бдительность и не пустил пассажиров в пилотскую кабину. Да, Ватсон, возможно когда-нибудь мир поставит ему памятник.

Наступила небольшая пауза, после которой Холмс предложил снова вернуться к газете «Известия», подобранной в аэропорту Цюриха.

— Взгляните, Ватсон, на номер газеты «Час пик», в котором опубликован «Пост исторический пикник».

— Номер 1992 года — 33.

— А порядковый от начала регистрации газеты?

— 130! Кажется, я понял, Холмс. Представители библейского знахарство попытались апеллировать к высшим степеням масонского посвящения — 33 и тут же попали в объемлющую матрицу «Пиковой дамы», да ещё в вариант Германна, у которого сумма очков по трём дням игры составила — 13.

— Да, Ватсон, на матричном уровне они были просто обречены на абсолютный проигрыш, несмотря на всю кабалистику третьего «пикника». Посмотрите на день выхода газеты — 17 августа и ещё раз вспомните «Заключение» к «Пиковой даме»

Холмс снова взял листок, на котором у него были сделаны выписки и зачитал: «Германн сошёл с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м нумере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: «Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!..»

— И всё-таки мне непонятно, Холмс, кто мог подобрать такую кабалистику чисел, при столкновении с которой у нормального человека возникает ощущение, что это…

— … либо проявление неисповедимого Божьего промысла, либо печать чьего-то беспримерного по дьявольской извращенности ума, — закончил фразу Холмс.

— Да, Холмс, я действительно говорил эти слова в первый день нашего обсуждения «пикников», хотя тогда они относились к числовой мистике, связанной с самолётами-камикадзе. Просто на этот раз я столкнулся с ней в процессе изучения «пикников» и не могу сказать, что она мне стала понятней.

— Но кроме этого, Ватсон, мы говорили ещё и о числовой мере, с которой нам предстоит разбираться. В мистике чисел, с которой мы столкнулись при расследовании событий в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября, а также в мистике чисел «пикников» есть нечто общее, что их объединяет и что можно назвать числовой мерой матриц. Как в истории числовой мерой является хронология, так и в матрицах есть своя числовая мера, которая по

своей информативности намного шире хронологической числовой меры. Именно числовая мера матриц воспринимается и представляется кабалистами и мистиками, как кабалистика и мистика чисел. Но никакой мистики нет для того, кто понимает природу явления. А кто воспринимает матрицы, как объективное явление, тот не только понимает роль числовой меры в природе матриц, но и учится использовать числовую меру в практических целях.

— Я был бы очень признателен вам, Холмс, если бы вы провели со мной что-то вроде практического занятия на тему «матрицы и их числовые меры».

— Дорогой, Ватсон, это, как вы назвали, практическое занятие мы с вами начали с первых же минут моего возвращения из Индии. Более того, я убедился, что вы к нему основательно подготовились.

— Что вы имеете в виду, Холмс?

— Вашу реакцию, дружище Ватсон, на русскую газету «Известия»

С этими словами Холмс взял со стола «Известия» № 175 (26013) за 22 сентября.

— Кроме фотографии Анны Курниковой, которая ракурсом действительно схожа с ракурсом Афродиты Каллипиги из третьего «пикника», я на досуге рассматривал другие фотографии из этой 12-ти страничной газеты и пришёл к выводу, что почти все они связаны с символикой всех «пикников». Я полагаю, что и в текстах статей, заголовков может открыться многое из того, что поможет нам разобраться в русском ребусе. Ну, а что касается числовой меры, то вы, Ватсон, сами её выделили, обратив внимание на совпадение номера газеты с номером рейса самолёта, таранившего северную башню ВТЦ. Но обратите внимание, Ватсон, на сквозной порядковый номер этой газеты; что вам бросается в глаза в нём?

— Число 13.

— Верно, Ватсон. А если к этому добавить, что сумма цифр числа 175 равна 13, то мы приходим к выводу, что коллектив редакции, версставший этот номер 22 сентября, то есть через 11 дней после катастрофы, бессознательно ретранслировал какую-то реакцию библейского эгрегора на перестройку матрицы «пикников», на которую вы обратили внимание. Но в то же время коллектив редакции находился под воздействием матрицы «Пиковой дамы» в той её части, в которой отражена деятельность Германна. Не забывайте, что 22 — число иерофантов. Но давайте, Ватсон, сначала посмотрим заголовки статей и «картинки» к ним. Ну, вот хотя бы эта фотография рыбака со спиннингом на третьей странице. Переведите, пожалуйста, Ватсон, заголовок статьи.

— «К чемпионату по ловле на спиннинг рыба сильно поумнела». Не совсем понимаю, Холмс, почему вас заинтересовала эта статья?

— Взгляните на третий «пикник», Ватсон, здесь в «Лебедином озере» — мёртвая рыба — символ конца библейской концепции. Полагаю, что эта статья — матричная реакция на этот символ. Переводите, Ватсон, дальше.

— Сначала небольшое предисловие:

«Вчера шестьдесят по большей части бородатых мужиков вышли на лодках в акваторию «Орловская воложка» в Саратовской области. У них одна цель: наловить как можно больше щук, жерехов, окуней — всего, что попадётся. Так начался чемпионат России по ловле рыбы на спиннинг. Спиннингисты считают себя настоящими эстетами — рыбаков на обычную удочку они обзывают «примитивами с палками».

Далее имя и фамилия автора: Антон Елин. Продолжать?

— Да, пожалуйста, Ватсон.

— «Хитрые спиннингисты оккупировали дом отдыха «Чайка» — тогда администраторша еще селила людей с огромными рюкзаками и мотками лески. Сейчас их номера завалены мухоблеснами, воблерами, непревзойденными по безобразности джеркбэйтами и поролоновыми мутантами типа кальмара и виброхвоста. Собрав в кучу все эти приманки, они проведут в лодках два дня по семь часов. Известный спиннингист Геннадий Филин отлично разбирается в виброхвостах и воблерах, но на чемпионат не попал: не пригласили.

— Я не любитель массовой истерической ловли, — сообщил он «Известиям», — так теряется весь кайф от процесса. А ведь спиннинг — это самая эстетическая рыбалка. Её шарм в том, что ты заранее нацеливаешься на крупную добычу. Появляется азарт, который правда рушится, когда идёт мелочь.

По мнению Филина, сейчас рыба стала умнее. Времена, когда можно было надёргать десяток килограммов «хвостов» на примитивную «палку» с «Невской» катушкой и леской-канатом, прошли. Рыба теперь клюёт только на такие извращения, как джеркбэйты, — такая приманка в виде изуродованной жизнью щуки. Вот многие профессионалы и коротают зимы у тесака, пытаясь самодельными приманками обмануть умную рыбу. Первого своего ерша Филин поймал, когда ему было три года. С тех пор, говорит, «чокнулся». Ловить рыбу зампредседателя правления ассоциации «Росохотрыболовсоюз» Александр Клушин, напротив, терпеть не может — но зато он придумал этот чемпионат. По его словам, ждут в «Воложке» щуку, жереха, окуней и даже судаков. После двух дней, проведенных спиннингистами в лодках, всю рыбу взвесят и на плащ победителя наденут медаль чемпиона России. Ходят слухи, что прошлогодний чемпион Вячеслав Голубев, который отправился в «Орловскую воложку», не в форме и в этом году уступит свой титул другому».

— Ну и что вы скажете, Ватсон, по поводу этой статьи?

— Странная какая-то статья, Холмс, вроде бы с двойным смыслом. Удивляет в ней то, что все фамилии рыбаков и места проведения мероприятия имеют в своей основе птичьи названия: Филин, Клушин, Голубев, Орловская, Чайка. Непонятно противопоставление спиннингистов «примитивам с палками» и особенно приманка в виде «изуродованной жизнью щуки».

— Что касается «птичьих названий», так ведь и мёртвая рыба в третьем «пикнике» тоже в озере с птичьим названием — «Лебединое».

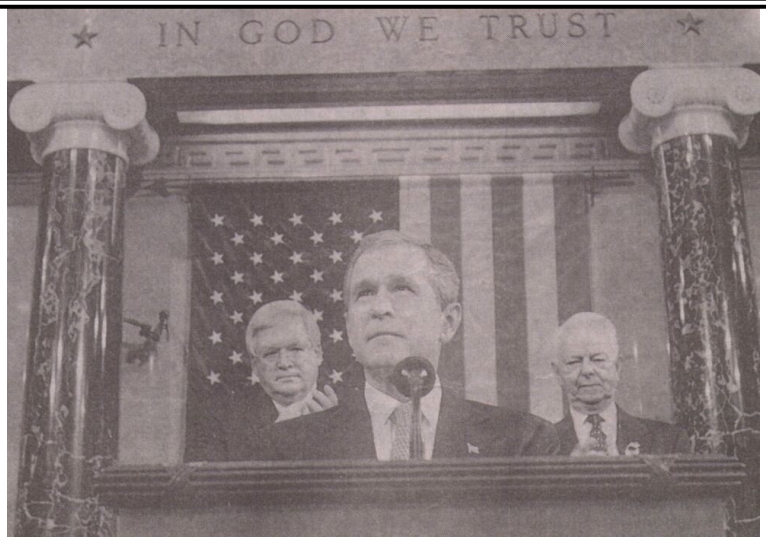
— Ну а теперь, Ватсон, переведите, пожалуйста, заголовок статьи слева. Под ней фотография известного на Западе русского кинорежиссера Кончаловского с каким-то странным типом.

— «Кончаловский снимает в «психушке». И чуть ниже: «Вчера режиссёр Андрей Кончаловский созвал пресс-конференцию на объекте съемок фильма «Дом дураков». Съемки проходят в одной из московских психиатрических клиник».

— А надпись под фотографией?

— «Андрей Кончаловский ведёт репортаж из сумасшедшего дома».

— Что ж, Ватсон, здесь всё ясно. У русских сумасшедшие дома называют «жёлтыми». В третьем «пикнике» тоже есть «Жёлтый дом», о котором мне рассказали в Испании, да и Гальба, кажется, просветил вас на этот счёт. Ну а теперь, Ватсон, — на шестую страницу: вот эта фотография с Бушем в конгрессе, где у него над головой изречение «IN GOD WE TRUST». Пожалуйста, переведите заголовок статьи и то, что под ним.



— «Безграничное правосудие» и ниже «Кто не с нами, тот против нас», — провозгласил президент Буш». Ещё ниже краткая аннотация статьи:

«Президент США Джордж Буш выступил перед полным составом конгресса с речью, которую можно отнести к категории ежегодных посланий «О положении в стране». Однако на этот раз она касалась положения и в Америке, и во всём мире. Буш сказал, что у зарубежных государств есть только два пути — «или быть с Америкой, или с террористами». Третьего не дано.»

Справа небольшая ремарка к статье:

«Первоначальное название предстоящей операции «Безграничное правосудие» может быть изменено на другое. Во время пресс-конференции министра обороны США Дональда Рамсфелда один из аккредитованных при Пентагоне репортёров сказал: некоторые американские учёные из числа мусульман протестуют против этого названия. Оппоненты настаивают, что оно не вполне соответствует истине, поскольку правосудие такого рода может вершить лишь Господь Бог (или Аллах). «Понимаю, понимаю», — ответил Рамсфелд. Это уже второй за последнюю неделю лингвистический конфликт, который разразился в Вашингтоне. До этого многие мусульмане категорически выступили против использования Бушем словосочетания «крестовый поход против терроризма», и помощники срочно убрали этот эпитет из президентского лексикона».

А надпись под фотографией говорит следующее: «По мнению конгрессменов, Джордж Буш произнёс свою лучшую речь за время президентства».

— А что там интересного, Ватсон, отмечает автор статьи в этой речи?

— Да вообще-то ничего особенного, кроме двух мест, на которые, по-моему, стоит обратить внимание. Первое: «Говоря о режиме талибов, Буш использовал выражения, которые никто из американских лидеров не употреблял со времен войны с фашизмом». И второе:

«Во время своей речи президент объявил о важном кадровом назначении. Он ввел в стране новую должность, которую можно назвать «министр национальной безопасности и обороны». Новому члену кабинета будет поручено курировать все вопросы, касающиеся преодоления угроз Америке извне. Им стал губернатор штата Пенсильвания, энергичный и весьма популярный в стране Том Ридж. Он будет координировать деятельность 40 федеральных агентств, а также соответствующих управлений штатов. Особенность этой должности в том, что для её утверждения не требуется ни утверждения сенатом, ни принятия специального закона».

Холмс внимательно меня выслушал и попросил перевести заголовок статьи и надпись к фотографии внизу страницы.

— «Генералы предложили Америке три базы» и подзаголовок: «Марксисты и мусульмане не хотят помогать «империалистам». Надпись под снимком: «Индийским солдатам к войне не привыкать».

— А по тексту статьи, Ватсон, есть что-нибудь интересное?

— Вроде бы ничего особенного: правительство Индии предлагает США свои базы для борьбы с террористами, а лидеры индийских мусульман протестуют против этого решения правительства. Вот только я нигде не нашёл ни слова об индийских марксистах, если конечно не считать марксистским «Индийский национальный конгресс», который, как индийские мусульмане — тоже против. Кстати, «Индийский национальный конгресс» недоволен образовательными программами в школах Индии: дескать, индуизм не предстаёт в них привлекательным. А по сути кастовая система Индии, не только одно из выражений индуизма, но и, как вы сами рассказали, — одно из выражений фашизма. Получается, что и наступление «индийского боевого слона» — очень старого «боевого слона» — из матрицы «Пост исторического пикника» Россия тоже отразила и теперь с ним дело будут иметь США.

— Да, Ватсон, очень похоже. И, видимо, ваш Гальба был прав, когда говорил о надвигающемся на Штаты интернационал-социализме и о формировании американского гестапо, которое по своим возможностям затмит сталинское НКВД и гитлеровское гестапо вместе взятые. Судя по названию должности «министр национальной безопасности и обороны», полномочия нового американского министра превосходят полномочия Генриха Гиммлера, который наряду с руководством СС был главой и уголовной полиции рейха. Ну а лозунг «Кто не с нами, тот против нас!» — известный во времена революции в России 1917 г. — это лозунг троцкистов, а не большевиков. Получается, что перманентная революция продолжается, но уже в новых условиях, а подзаголовок статьи о реакции различных кругов Индии на троцкистско-фашистское выступление Буша в конгрессе — «Марксисты и мусульмане не хотят помогать «империалистам»» носит на матричном уровне двоякий смысл: с одной стороны, как подтверждение того, что троцкизм уже использует ислам в своих интересах, а с другой, — как защита от возможных обвинений в активизации троцкизма и фашизма в Америке.

— Почему вы так решили, Холмс?

— Да потому, что слово «империалисты» в подзаголовке, как вы сами Ватсон видите, взято в кавычки, что позволяет при переходе к идеологическому смысловому ряду, которому соответствуют «мусульмане» и «марксисты», подразумевать под ними находящихся у власти в США буржуазных демократов. Ну а в целом получается, что наши опасения в отношении троцкизма, высказанные в день выхода этой газеты, уже имели определённую основу, а шестая страница по сути посвящена «Оборонному пикнику», если следовать его трактовке троцкистом Гальбой. Но тогда на этой странице должен быть знак, указующий на её связь со вторым «пикником». Поскольку мои возможности по части «картинок» исчерпаны, то вам, Ватсон, придется искать этот знак в других статьях этой страницы.

Я принялся вчитываться в текст остальных трёх статей шестой страницы. Холмс задымил своей трубкой и в который раз углубился в текст и картинки «Оборонного пикника».

— Кажется, я нашёл. Вот эта статья Георгия Степанова — «Взрыв, но не теракт». Я зачитаю, Холмс, краткую аннотацию к ней и вам всё станет ясно:

«Вчера в середине дня в городе Тулуза на юге Франции прогремел страшный силы взрыв. На воздух взлетел нефтехимический завод AZF, расположенный в индустриальной зоне 900-тысячного мегаполиса. По последним данным 15 человек погибли и около 200 получили ранения. Пятьдесят раненых находятся в тяжелом состоянии.»

Ну и ещё может быть в какой-то мере статья «Старый знакомый» Георгия Ильина, в которой говорится о том, что бывший член ЦК Эстонской компартии 72-летний Арнольд Рюйтель стал вторым в постсоветскую эпоху президентом Эстонии.

— Что ж, Ватсон, этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод о связи на матричном уровне шестой страницы с «Оборонным пикником», где Пиза с Тулузой упоминаются в «Песне о маршалах». Ну а марксисты-троцкисты в современной истории действительно «старые знакомые». Итак, следующая страница — 7. Что мы имеем здесь?

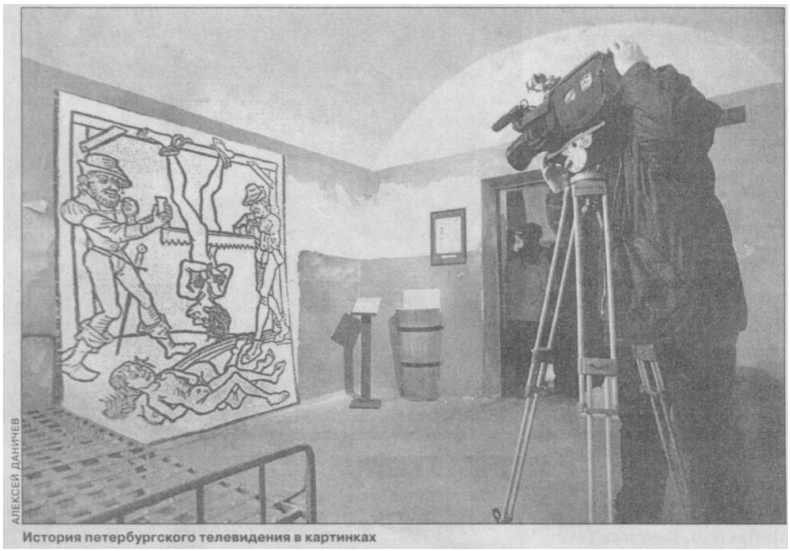
— «Современные истории».

— Что это значит, Ватсон?

— Это название седьмой страницы, и она вся посвящена истории судебного разбирательства тарана сухогрузом «Пётр Васёв» в Чёрном море 31 августа 1986 года пассажирского парохода «Адмирал Нахимов». «Адмирал Нахимов» ушел тогда на дно за восемь минут. Из 1243 человек, находившихся на борту 423 — погибло.

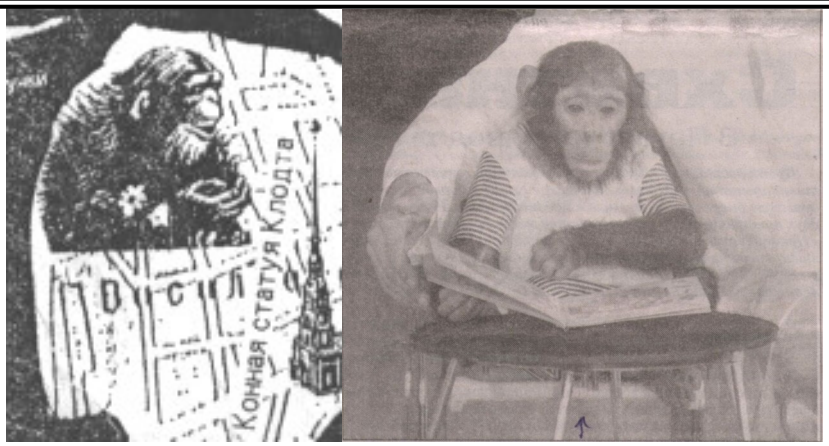
— Что у нас, Ватсон, на восьмой странице?

— Судя по заголовкам, Холмс, — ничего. А вот на девятой что-то интересное, я имею в виду вот эту картинку, где двое пилят подвешенного вверх ногами человека. Что-то мне это напоминает в ваших записях, Холмс?



— Да, Ватсон, на вилле «Аскания нова» шла речь о пророке Исаии, который был распилен деревянной пилой по приказу иудейского царя Манасии. Граф тогда напомнил эту историю в связи с днём «усекновения главы Иоанна Крестителя», который выпадает на 11 сентября. Получается, что на седьмой странице на матричном уровне даётся предупреждение о катастрофе проявленной в «Пост историческом пикнике», а на девятой — о дне самой катастрофы. Что ж, Ватсон, всё верно. Насколько я помню на десятой странице нас ждёт подтверждение, что мы имеем дело с матрицей-сценарием третьего «пикника».

С этими словами Холмс развернул десятую страницу, и я действительно увидел фотографию обезьяны из третьего «пикника».



— О чём, Ватсон, говорят заголовки статей, связанных с фотографией обезьяны?

— «Шимпанзе умеет читать», а ниже — подзаголовок — «А заслуженный фокусник не знает секрета своих фокусов». Под фотографией надпись «Дай почитать!», а ниже её в рубрике «Некстати» странное сообщение «Террорист не любил цирк». Перевести текст?

— Да, Ватсон, пожалуйста.

— «Сотрудники правоохранительных органов Петербурга задержали 63-летнего пенсионера, подозреваемого в заведомо ложном сообщении о бомбе, заложенной в цирке на Фонтанке. Напомним, что звонок о заложенной в цирке бомбе поступил в милицию 9 сентября. Прибывшие по тревоге сотрудники милиции оцепили здание и провели эвакуацию посетителей и артистов. В результате поисков была обнаружена картонная коробка с надписью «бомба», которая оказалась пустой. По факту анонимного сообщения о заминировании было возбуждено уголовное дело по статье о заведомо ложном сообщении об акте терроризма, предусматривающей лишение свободы на срок до трёх лет».

Ну и что по-вашему всё это означает, Холмс?

— Вы не помните, Ватсон, когда иранец из немецкой тюрьмы пытался предупредить Вашингтон о возможном теракте?

— Кажется он скандалил с администрацией тюрьмы именно 9 сентября.

— А кто у нас сегодня «главный фокусник», подверженный эффекту «обезьяньей лапы», в результате чего он и сам перестал понимать секреты своих фокусов?

— Если я правильно понимаю значение «цирка Шапито», то главный фокусник — Глобальный Предиктор — библейское знахарство.

— Но самая интересная, Ватсон, вот эта фотография на 11 странице, которая объясняет почему «главный фокусник» не знает и не понимает своих фокусов. Переведите, пожалуйста, текст под фотографией.

— «За мяч футболисты боролись не глядя: в белых футболках торпедовцы, в тёмных — британцы».

— Да, Ватсон, похоже, что и светлые «атоновцы» и тёмные «амоновцы» — заигрались. Из записки «О тандемном принципе деятельности», Ватсон, вы знаете, что 22 иерофанта, скрывшись в колене Левия, не могли исчезнуть из матриц бытия, по какой причине должны были как-то символически обозначиться. Как вы думаете, Ватсон, что может ассоциативно связывать игру в футбол и деятельность иерофантов?

— И те, и другие поделены на две группы по 11, а предметом их заботы является «круглый предмет». Разница только в том, что иерофанты, пока управление Египтом строилось на тандемном принципе, не боролись командами за безраздельное обладание им, а каждая из команд футболистов борется за него, дабы послать его в цель — мимо чужого

вратаря в ворота[1]. То есть сама игра в футбол символизирует раскол в египетской ветви глобальной коцнептуальной власти?

— Верно, Ватсон, а теперь взгляните на футбольный мяч над головой «слепых» футболистов. На его поверхности в грубо стилизованном виде обозначены западное и восточное полушария и разделяющий их Атлантический океан. И хотите — смейтесь, хотите — нет, но футболистов на снимке, попавшем в заинтересовавший нас номер газет, — точно 4: по числу предельно обобщающих категорий в составе амоновского набора: пространство, время, вещество, дух. А что означают заголовки слева и ниже фотографии?

— Слева — «Игра на ветру», а ниже — «Слава Кутузова». О чём, по-вашему, Холмс, говорят эти слова?

Холмс снова развернул «Оборонный пикник» и указал на картинку с солдатом в каске и надписью к ней «Куда дует ветер?», а затем на слова из текста «Песни о маршалах» — «Потомки Кутузова Пузо и Яго».

— Это указание на ассоциативную связь третьего «пикника» со вторым, и днями ГКЧП: Пуго — фамилия министра внутренних дел СССР в тот период, Язов — фамилия министра обороны СССР во времена ГКЧП. И, пожалуйста, Ватсон, давайте посмотрим последнюю, двенадцатую страницу этой газеты.

— Похоже, Холмс, что она возвращает нас к первому, «Историческому пикнику» и одновременно подводит своеобразный итог всем трём ребусам. Вот эта статья Юрия Богомолова в правой колонке под названием «Почувствуйте сходство». Я прочту сначала аннотацию:

[1] По каналу «РенTV» в ночь с 13 на 14 декабря 2001 года была показана видеозапись выступления Усамы бен Ладена. В ней он говорил, что ожидал, как после разлива авиационного топлива по этажам небоскрёбов, рухнут этажи, находящиеся выше зоны поражения самолётами. Но то, что рухнут ниже расположенные этажи, — по его словам — было для него неожиданностью. Когда он и его сподвижники увидели первые кадры прямого репортажа из Нью-Йорка о пожаре в первой из башен ВТЦ, он сказал, чтобы не торопились, и спустя 20 минут второй самолёт поразил вторую башню ВТЦ.

Но гораздо интереснее этих иносказательных признаний в организации теракта в Нью-Йорке было другое. Бен Ладен рассказал о сновидении, о котором ему примерно с год назад рассказал один из его сподвижников. Сподвижнику бен Ладена приснилось, что он в составе команды играет в футбол против США, и когда он бегает по полю, в голове у него странные мысли: «Кто мы: футболисты? или лётчики?».

Тогда бен Ладен не стал объяснять смысл этого сна, касающийся подготовки терактов 11 сентября 2001 года. Но остаётся открытым вопрос: «А понимает ли он сам скрытый смысл этого сна, связанный с футболом?»

«Пейзаж после нью-йоркской катастрофы стал почти эмблематичной картинкой: скошенный скелет здания на фоне небесной синевы — это вид с нижней точки. Верхний ракурс: обесцвеченные завалы бетона, железа и стекла, которые расчищают люди в ярко-оранжевых спецовках и бликующих красных касках. В какой-то момент пепелище стало трибуной. Когда на него поднялся президент Буш и обратился через мегафон к нации. Они (президент и народ) в ту историческую минуту были едины. Как мы когда-то. Когда Ельцин стоял на танке. По ту сторону океана людям всё понятно. Есть преступление, за которым должно последовать неотвратимое наказание. По эту сторону, в нашей стране, разгорелись дискуссии».

— Ну и о чём же, Ватсон, по ту сторону дискуссии?

— Главным образом, Холмс, они обсуждают вопрос «Почему такое случилось с Америкой?»

— И к каким выводам они приходят, Ватсон?

— Диапазон версий тот же, что и у нас, Холмс: от «Америка зажралась» до — «в мире слишком много демократии». Но в этом обсуждении, которое автор статьи почему-то назвал «Мозговым штурмом», более интересна, как мне показалось, оценка взглядов российских либералов. Если вы, Холмс, не возражаете, я переведу этот абзац полностью.

— Разумеется, Ватсон. Газета-то либеральная, прозападная, а самооценки всегда интересны.

— «Самый распространенный ответ — слишком много голодных и рабов. Социальное неравенство на Земле вопиет и классовый подход торжествует. И не только в головах левых. В головах уважаемых либералов он тоже занимает достойное место. Кажется, что человек умный, даже либерал, более того, западник, а приглядишься — перед тобой всего лишь марксист. На вопрос о Чечне ответит, что там народ борется за свою национальную независимость. На вопрос о терроризме скажет, что это следствие социального неравенства в мире».

— Да, Ватсон, это действительно интересный вывод о сущности современного либерализма в России, который совпадает с выводами Внутреннего Предиктора СССР: и либералы, стоящие сегодня у власти, и оппозиционные им марксисты, по сути своей — скрытые или потенциальные троцкисты, хотя автор статьи и не захотел называть вещи своими именами. Интересно, почему этого не понял ваш Гальба?

— Я думаю, Холмс, что Гальба принадлежит к открытым троцкистам, хотя, насколько я понял из материалов концепции, скрытых и открытых троцкистов объединяет психический троцкизм.

— И что он означает, Ватсон?

— Этот термин введён в обращение авторами КОБы по отношению к индивидам, отвергающим умолчаниями собственные оглашения. В христианской и исламской лексике ему соответствует понятие «одержимости» и похоже, Холмс, что Богомолов эту тему развивает дальше в разделе «Штука посильнее горьковской «Матери». Он комментирует реакцию палестинских матерей на самоубийство молодых арабов. Я, пожалуй, переведу этот абзац тоже полностью.

— Да, конечно, Ватсон. Тем более, как мне помнится, что-то про роман Горького «Мать» вам рассказывал Гальба?

— Совершенно верно, Холмс, итак:

«Там, на экране, с детьми плясала и пела немолодая женщина. Может быть, их мать. О ней вспомнилось, когда пошёл сюжет о шахидах. Не так поразили сами смертники из их числа, как мать одного из них. Её сын добровольно взорвался, унеся с собой несколько жизней. Она ни о чём не сожалела. Это было ладно. У нас есть литературная мать — Ниловна. Она тоже ни о чём не жалела. Она благословила единственного сына на

революционную, с риском для жизни — на борьбу за счастье всего человечества. Но представить себе, чтобы она просветлела, узнав о гибели Павла, довольно трудно. Чтобы она этому обрадовалась…

Палестинская мать просветлела, обрадовалась и говорит о том, что чувствует себя счастливой. Счастливая невеста. Их обеих поздравляют соседи с большой удачей в этой жизни. Это какое-то, с нашей точки зрения, иррациональное умонастроение. Назвать его бесчеловечностью вряд ли будет верно. Может быть это надчеловечность? Или: сверхчеловечность?»

— Да, Ватсон, ничего себе «сходство». Почувствовали. По сути этим вопросом Богомолов (сама по себе много говорящая фамилия) невольно объединил троцкизм и фашизм «сверхчеловеков». Я уже не говорю о том, что он раскрыл загадку первого кадра «Исторического пикника».

С этими словами Холмс развернул первый «пикник» и указал на приток «Ниловна» и на «Зевса верхом на броневике».

— Получается, Ватсон, что террористы-камикадзе арабского происхождения — троцкисты в исламе, были обозначены в матрице-сценарии «Исторического пикника» ещё в 1991 году. Да, уж тут прямо можно цитировать вашего Гальбу: «За что боролись, на то и напоролись». И в то же время я абсолютно уверен, что ни автор статьи, ни редакционный коллектив, ни ваш «открытый» троцкист Гальба не имели никакого представления о «пикниках», хотя почти вся газета «Известия» за 22 сентября посвящена этому русскому «ребусу», а Гальба действительно озвучил все три «пикника».

— Подождите, Холмс, — прервал рассуждения своего друга Ватсон, — здесь, кажется, есть связь и с оборотной стороной «Исторического пикника».

— В каком смысле, Ватсон?

— Вы помните, Холмс, о шести кинофильмах, прилагаемых к первому «пикнику»? Так вот здесь, — и я показал Холмсу на левую колонку двенадцатой страницы, — в разделе «Телекино в выходные» есть заголовок «Беспредел обнаженных богов», который открывает перечень шести фильмов: «Зависть богов», «Обнаженная маха», «Капли дождя на раскалённых скалах», «Побег из Нью-Йорка», «Траффик», «Беспредел» и к каждому прилагается краткое содержание. Перевести?

— Нет, Ватсон, не стоит. И так всё ясно. А я-то всё думал, почему у первого и второго «пикника» есть приложение из фильмов, а у третьего — нет. Оказывается есть, но появилось это приложение только после завершения матрицы-сценария. Да··· опоздали ребята, по хвостам бьют, утратили качество «предикции» — способности к предсказанию на основе предвидения? По сути на ассоциативном уровне через этот перечень кинофильмов обозначен алгоритм «Пост исторического пикника», но… после того, как матрица развернулась в сторону её хозяев — библейского знахарства. Отсюда и «Зависть богов» — библейское знахарство по сути своей — многобожники и идолопоклонники, претендующие войти в сонм богов Олимпа. Поэтому на «вершине» третьего «пикника» — древнегреческий бог любви Эрот. Но на самом деле их «бог», «бог» библейской цивилизации, которую они породили, — деньги. И потому между двумя зданиями-близнецами ВТЦ, насколько мне известно, находилась огромная литая и блестящая, словно из чистого золота, статуя «тельца». Вряд ли она сгорела и превратилась в пыль в результате взрывов и пожаров, скорее всего её присыпало обломками и, возможно, раздавило. «Обнаженная маха» ассоциируется с «Афродитой Прекраснозадой»; «Капли дождя…» — комментировать не буду, ибо это всё, что они могут

противопоставить новой концепции, имеющей эпическое русское название «Мёртвая вода»; «Побег из Нью-Йорка» наблюдал весь мир 11 сентября, а «Траффик» — это своеобразный символ западной цивилизации, обеспечивающий ей устойчивость толпо-«элитаризма» и ведущий её к «Беспределу», то есть к гибели.

— И всё-таки, Холмс, бен Ладен по вашему мнению причастен к разрушению башен-близнецов ВТЦ или нет?

— Видите ли, Ватсон, он конечно причастен, но не больше, чем Горбачев к развалу Советского Союза. Возможно. Можно сказать, что его реальная вина даже меньше, чем вина Горбачева. Но там и там, за спиной этих людей стоят очень могущественные силы. При выборе кандидатуры на образ врага, эти силы оценивают её амбициозность. Просто бен Ладен при всех своих миллиардах оказался более других пригоден на эту роль в силу своей амбициозности и демонического типа строя психики. Горбачев на обвинения в развале СССР, которые до сих пор звучат в его адрес, отвечает: «Это надо же было набраться мужества, чтобы начать рефформы··· Я до сих пор мог бы сидеть в кресле генсека»[1]. То есть понимайте: «Так сложились объективные обстоятельства, и всем своим тоталитарным прошлым, против которого Горбачёв якобы честно боролся, Советский Союз был приговорен к неизбежному расчленению».

В действительности же мужеством с его стороны было бы, увидев половину собственной головы, лежащую на столе перед одним из членов президиума, не изменить многонациональному народу СССР; не поддаться разрушительной эгрегориально-матричной алгоритмике по разрушению СССР в соответствии с Директивой СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 года, но найти и осуществить конструктивную альтернативу.

Это могло бы спасти и США от терактов 11 сентября: Афганистан стал опорной базой вахабитов и прибежищем террористов и наркобизнеса в последнее десятилетие XX века только вследствие того, что М.С.Горбачёв предал и СССР, и просоветски ориентированный режим Наджибулы.

И безо всякого привидевшегося М.С.Горбачеву мужества с его стороны, его истинная политическая роль объединила в себе и роль Иуды, и роль Понтия Пилата при распятии Христа, когда последний вместо того, чтобы принять единственно праведное в том случае решение и всею подвластной ему мощью осуществить его, — просто умыл руки, оставив будущей бездумной толпе образ врага рода человеческого.

[1] Эти слова М.С.Горбачева постоянно прокручивает радио «Свобода» в рекламе программы «Лидер отвечает журналистам».

В случае с Советским Союзом на роль врага был назначен ГКЧП с трясущимися руками. Но вы же помните, Ватсон, что вам рассказал Гальба про агитпункт и рекламную капанию: если один агитпункт социализма разрушен, то непременно должен быть разрушен и агитпункт капитализма, раз они решили, что «мы наш, мы новый мир построим». Но в деле разрушения «агитпунктов» прежнего мира, благодаря балансированию меж которыми можно было соблюдать равновесие, шаблон невозможен, иначе даже для бездумно взирающей на экран телевизора толпы всё может выплыть наружу. Для разрушения агитпункта капитализма нужен другой приём, и чтобы никаких ассоциативных связей с мифами древней Греции, поскольку библейское знахарство понимало, что номер в глобальном цирке Шапиро — «так сложились объективные обстоятельства», — на этот раз не пройдёт. Но «друг» Белого дома, всё-таки был нужен. Вы же знаете, Ватсон, что большое семейство Ладенов было «другом» Белого дома, а цирковой номер — это сам Усама бен Ладен «блудный сын»[1] богатого семейства — это тоже из раздела мифологии. И вот тут мы снова сталкиваемся с Рембрандтом и его потрясающим полотном «Возвращение блудного сына». Кроме того, что зачитал граф на вилле «Аскания нова» из газеты «Час пик» № 151 от 14 октября 1997 года по этому поводу, в этой газете я обнаружил одну странную фразу, которая и привела мои размышления к подобным выводам.

Холмс взял со стола газету с фотографией полотна изуродованной «Данаи» и, показав пальцем на отчёркнутый абзац, попросил перевести его.

Я начал перевод:

— «Современный мир полон жестокости и насилия. В конце XX века жертвами маньяков все чаще становятся произведения искусства. Рембрандт — чемпион по числу подобных преступлений. Именно его картины притягивают психов с особенной силой».

Слушая меня, Холмс что-то вспоминал (как он потом сказал, он вспоминал беседу с графом на вилле).

Я закончил чтение газетной выдержки и всем своим видом показывал, что готов выслушать дальнейшие объяснения Холмса.

— Не было ли, Ватсон, сообщения в прессе или на телевидении о нападении маньяка на картину Рембрандта

[1] переводе на русский — сын Ладена.

«Возвращение блудного сына»? — спросил Холмс. И не дожидаясь ответа на свой вопрос, продолжал:

— Нет, Ватсон, не ищите, такие вещи не повторяются, поскольку во всём, что касается методов воплощения матриц, шаблон исключен. Алгоритм мифа «блудного сына» не заблокирован и всё в Америке идёт по плану. Возможно там тоже, как и в СССР перед августовским путчем был какой-то сговор. Посмотрите с каким завидным упорством все мировые каналы ТВ с 11 сентября каждый день приучают толпу к образу врага — демонстрируют бороду и отрешенный всепрощающий взгляд Усамы бен Ладена. Ведь в этом взгляде нет ни ненависти, ни самолюбования, который мы могли наблюдать у Гитлера или Муссолини. Вам этот взгляд ничего не напоминает?

— А действительно, — вдруг подумал я, — этот взгляд или ракурс, в котором подаётся средствами массовой информации террорист № 1, мне почему-то знаком. Взгляд или ракурс? «Долгожданный ракурс», — вспомнил я надпись под фотографией Анны Курниковой.

Пока я вспоминал «долгожданный ракурс», Холмс достал с книжных стеллажей кабинета большой альбом издания с картинами Рембрандта и раскрыл его на странице — «Возвращение блудного сына». Я взглянул на лицо слепого старика, возложившего руки на плечи «блудного сына», и обомлел: если бы слепой старик смог раскрыть глаза, то это был бы вылитый Усама бен Ладен[1]. У меня мурашки пробежали по коже.

ПРИМЕЧАНИЕ: Рядом с фрагментом картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» помещена фотография Усамы бен Ладена. Если её отобразить зеркально по отношению к вертикальной оси, то получится изображение, достаточно близко повторяющее ракурс лица старика на картине.

— Если есть миф и его материальное воплощение, то должна иметь место и активизация его алгоритма и энергетическая накачка матрицы, — медленно выговорил Холмс.

— Что, снова покушение на шедевр Рембрандта?

— Нет, Ватсон, покушение психа на картину «Даная» — это блокировка алгоритма мифа, я говорю об энергетической подпитке матрицы. Это может быть какое-то массовое зрелище, типа того, что устраивали вожди ЦК КПСС в дни всенародных праздников, или… спектакль. Подождите, Ватсон, где-то я читал, что во времена великой депрессии в тридцатые годы Дягилев ставил балет «Блудный сын» на музыку Прокофьева. Там говорилось о том, что «Блудный сын» числит в исполнителях всех знаменитых танцовщиков XX века, поскольку это театр одного актера, то есть каждый исполнитель мог на полную катушку заявить в таком балете о своей индивидуальности. Так что, Ватсон, если вы где-то услышите

[1] Здесь Рембрандт и большинство искусствоведов-толкователей его творчества отошли от канона Нового завета: в притче о блудном сыне у Луки (гл. 15:11 — 32) старик зрячий.

сообщение о постановке «Блудного сына», знайте, — идёт энергетическая накачка эмоциями эстетствующей толпы новозаветного мифа «Блудный сын», вывеской на котором и служит бен Ладен.

— Что же это, Холмс,… делается? — больше про себя пробормотал я.

— Магия, Ватсон, социальная магия делается так и подобным образом. И все идёт, как надо заправилам культа. Вполне возможно, что видео кассету с бен Ладеном ещё несколько раз покажут толпе, где он будет произносить слова о своей причастности к терактам, а потом, когда страсти накалятся до предела, то покажут видео запись с его добровольным уходом в мир иной. Дальше всё просто: убрать бороду, отрешенный взгляд, сделать пластическую хирургию лица, возможности которой теперь крайне широки, и наш бен Ладен, совершив к 44 годам главное дело своей жизни, растворится в «новом мировом порядке», возможно даже допущенный к участию управления им.

Да, Ватсон, все эти картины, фильмы, спектакли — порождение библейской культуры и выражение её нравственного краха, свершившегося под благонамеренные речи о роли «десяти заповедей», «любви к ближнему» и тому подобное. А рассказ Гальбы в баре отеля «Уолдорф» и фотографии с текстами статей в газете «Известия» — прекрасная иллюстрация того, что «матрица везде». Люди, сами того не понимая, ретранслировали на неком живом языке символов матрицы-сценарии трёх «пикников», доказывая тем самым, что матрицы — такая же объективная реальность, как наше жилище, пища, предметы обихода. И матрицами надо учиться пользоваться во благо, а не во вред человека. Но для того, чтобы понять, что такое матрица, необходимо для начала стать человеком, то есть подняться над животным, зомби и демоническим строем психики, а это, как показывает вся история человечества, не так просто.

— И всё-таки, Холмс, кем бы ни были художники, создавшие «пикники», их психическое здоровье по-моему явно находилось в серьезной опасности. Всё это просто невероятно! Какой же им смысл… самим… писать об этом с такой откровенностью?

— Совершенно справедливое замечание, Ватсон, — ответил мне Холмс, — и я вначале подумал о том же самом. И тут же понял — а почему бы и нет? Особенно если учесть, что они часто пишут то, чего даже не понимают, поскольку по типу строя психики в большинстве своём относятся к зомби или самоутверждающимся демонам? Какой процент наших соотечественников способен к столь скрупулезному, строго логическому анализу политических событий на протяжении десятилетий? Да и есть ли у обремененных бытовыми проблемами, живущих в долг и под проценты, оглушенных все нарастающим агрессивным потоком информации людей, время, необходимое для того, чтобы остановиться и задуматься над тем, что происходит вокруг? Это действительно игра без правил, но и почти без риска, Ватсон, с точки зрения её заправил, забывших о пределах Божиего попущения.

— Но ведь всегда может найтись кто-то, способный разоблачить эти игры, написать о них, вывести подлинных преступников на чистую *воду*! Зачем же давать ему лишние козыри?

— Пустое занятие, мой друг. Такого «писателя» попросту объявят параноиком или сумасшедшим, и ничего он не добьется, кроме хлопот на свою голову. Вы представляете себе, какое количество бездельников и паразитов на нашей планете добывают себе хлеб насущный только тем, что повсеместно: на телевидении и радио, в прессе и в гостевых Интернета, на

конференциях и круглых столах, международных форумах и симпозиумах, с трибуны и прямо на улице, — называют белое — черным, правду — ложью, доброе — злым, палача — жертвой и наоборот. Поверьте, Ватсон, проделывают они это исступленно, убежденно и даже артистически, во всевозможных комбинациях и тональностях, подделываясь под любые идеологические течения и направленности, где только существует опасность чего-то свежего, чистого, еще не втоптанного в грязь. И все это по той простой причине, что они потомственные мастера-иллюзионисты, имитаторы и мистификаторы, и этим зарабатывают себе на жизнь, и не мыслят себе другого способа существования, не хотят и не могут жить иначе, как паразитируя на труде других людей. Это колоссальная культурная, психологическая, религиозная, наконец, мировоззренческая проблема, а некоторые даже полагают, что и биологическая. Но вы, кажется, собирались задать еще какой-то вопрос?

— После ваших слов, мой дорогой друг, уж и не знаю, имеет ли смысл спрашивать о таких пустяках?

— Ну почему же, вы ведь сами недавно говорили, Ватсон, что только знания дают свободу. Искренне буду рад помочь вам, чем смогу.

— В таком случае, прошу вас объяснить мне, Холмс, значение слов *box cutters,* ведь нелепо было бы думать, что предполагаемые террористы и в самом деле могли быть вооружены подобными необычными предметами.

— Браво, мой друг, от вас не ускользнула и эта деталь! С такими великолепными аналитическими задатками вы могли бы стать превосходным сыщиком!..

В этот момент в дверь постучали, и на пороге появилась наша квартирная хозяйка добрейшая госпожа Гудзон. Едва войдя в гостиную, она обратилась ко мне с упреком:

— Как же вам не совестно, мистер Ватсон, вы совсем замучили нашего дорогого Холмса! Уже скоро обедать, а вы все сидите в этой ужасной духоте и говорите, и говорите, и не видно этому конца.

— Признаюсь, виноват, госпожа Гудзон, но тема была столь захватывающей, что я совсем позабыл о времени. Мы обсуждали с Холмсом нападение террористов на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года.

— Что за чепуха! Когда это было? Вы хоть помните, какое сегодня число? Подумаешь, одни спекулянты повалили какие-то две стальные этажерки и принесли в жертву других спекулянтов, чтобы сделать себе на этом какой-то гешефт: стоит ли из-за этого портить себе жизнь и пропускать утреннюю прогулку?

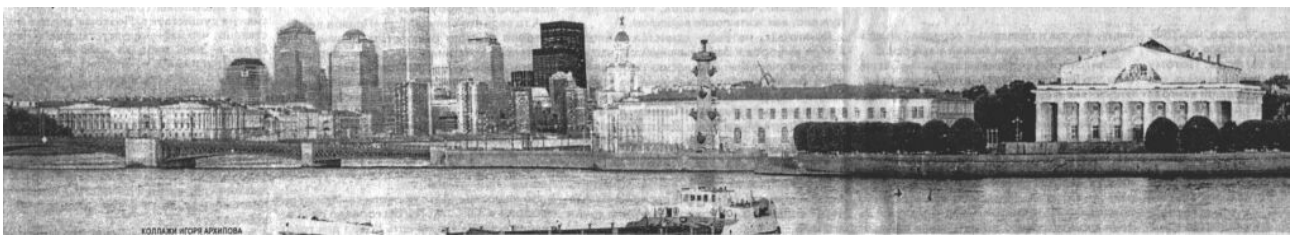
Мы в изумлении посмотрели с Холмсом друг на друга и расхохотались... Если оставить в стороне детали, то по большому счёту старая женщина была права.

— Кстати, Ватсон, а какое действительно сегодня число?

— 14 октября, если я не ошибаюсь, Холмс. Мы начали расследовать «пикники» 22 сентября и сегодня 22-й день нашего нового дела…

— И 33-й день после 11 сентября, — подхватил Холмс, — но судя по дню месяца мы действуем в ритмике благоприятной пушкинской матрицы «Пиковой дамы», — после чего раздался его громкий смех. Всё, Ватсон, соберите два файла в один общий, добавьте, что посчитаете нужным, и отправьте дискету в Россию Пчеловоду по указанному здесь адресу. Может и мы сможем оказаться в чём-то полезны становлению в мире новой концепции.

А теперь, пойдёмте, погуляем. Жизнь прекрасна и она удивительно продолжается!..



Вот какие «накладки» бывают в делах…